

БУТОВСКИЙ ПОЛИГОН

1938г. 28го декабря. Мне не
подписавшему: Зам. Нач. Упр НК.
М.В. Майор Милуши Семенов
М.В.Х.О. УНКВД МО Мейсенай со
Безопасности Торг и майор Ци.

составили на основании
его дела и
лично присутствии
Генерального Комиссара
Всесоюзного
Судебного
Суда
1938г. приговор
расстреляли
по следствию:

1. Андерс Яна Яковлевича
2. Барбар Яна Яковлевича
3. Бонина Мария Яковлевича
4. Берг Семенов Яковлевича
5. Бергер Яна Яковлевича
6. Билибин Яна Яковлевича
7. Бондар Яна Яковлевича
8. Терман Иван Яковлевича
9. Фредман Яковлевича
10. Гусев Яковлевича
11. Егза Яковлевича
12. Зубова Яковлевича
13. Казан Яковлевича
14. Кривой Яковлевича

19. Левинсон Яковлевича
20. Меллер Яковлевича
21. Мухоморов Яковлевича
22. Мухоморов Яковлевича
23. Мухоморов Яковлевича

24. Мухоморов Яковлевича
25. Мухоморов Яковлевича
26. Мухоморов Яковлевича
27. Мухоморов Яковлевича
28. Мухоморов Яковлевича
29. Мухоморов Яковлевича
30. Мухоморов Яковлевича
31. Мухоморов Яковлевича
32. Мухоморов Яковлевича
33. Мухоморов Яковлевича
34. Мухоморов Яковлевича
35. Мухоморов Яковлевича
36. Мухоморов Яковлевича
37. Мухоморов Яковлевича
38. Мухоморов Яковлевича
39. Мухоморов Яковлевича
40. Мухоморов Яковлевича
41. Мухоморов Яковлевича
42. Мухоморов Яковлевича
43. Мухоморов Яковлевича
44. Мухоморов Яковлевича

45. Мухоморов Яковлевича
46. Мухоморов Яковлевича
47. Мухоморов Яковлевича
48. Мухоморов Яковлевича
49. Мухоморов Яковлевича
50. Мухоморов Яковлевича
51. Мухоморов Яковлевича
52. Мухоморов Яковлевича
53. Мухоморов Яковлевича
54. Мухоморов Яковлевича
55. Мухоморов Яковлевича
56. Мухоморов Яковлевича
57. Мухоморов Яковлевича
58. Мухоморов Яковлевича
59. Мухоморов Яковлевича
60. Мухоморов Яковлевича
61. Мухоморов Яковлевича
62. Мухоморов Яковлевича
63. Мухоморов Яковлевича
64. Мухоморов Яковлевича
65. Мухоморов Яковлевича
66. Мухоморов Яковлевича
67. Мухоморов Яковлевича
68. Мухоморов Яковлевича
69. Мухоморов Яковлевича
70. Мухоморов Яковлевича
71. Мухоморов Яковлевича
72. Мухоморов Яковлевича
73. Мухоморов Яковлевича
74. Мухоморов Яковлевича
75. Мухоморов Яковлевича
76. Мухоморов Яковлевича
77. Мухоморов Яковлевича
78. Мухоморов Яковлевича
79. Мухоморов Яковлевича
80. Мухоморов Яковлевича

БУТОВСКИЙ ПОЛИГОН

КНИГА ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИИ

БУТОВСКИЙ ПОЛИГОН

В родном краю

**Документы,
свидетельства,
судьбы...**

ПОСТОЯННАЯ МЕЖВЕДОМСТВЕННАЯ
КОМИССИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ПРАВ
РЕАБИЛИТИРОВАННЫХ
ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Москва
2004

УДК 323.28-058.6(47+57) «193/195» (470-25-823)
ББК 63.3 (2)6-4
Б93

БУТОВСКИЙ ПОЛИГОН. 1937–1938 гг. Книга Памяти жертв
политических репрессий. Выпуск 8. – М.: Издательство
«Альзо», 2004 – 400 с., илл.
ISBN 5-93547-007-1
Издание выходит с 1997 г.

Средства на издание книги выделены
Комитетом общественных связей города Москвы

Редакционный совет:

Шанцев В. П. (председатель), вице-мэр Москвы, председатель Постоянной межведомственной комиссии Правительства Москвы по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий; *Васильева Т. А.* (председатель), председатель Комитета общественных связей города Москвы, заместитель председателя Постоянной межведомственной комиссии Правительства Москвы по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий; *Блинов Ю. П.*, заместитель начальника Мосгорархива; *Дунаева В. О.*, председатель региональной общественной организации жертв политических репрессий «Московский Мемориал»; *Каледа К. Г.*, священник, настоятель храма святых Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове; *Мироненко С. В.*, директор Государственного архива РФ; *Полищук В. А.*, начальник службы регистрации и архивных фондов УФСБ РФ по г. Москве и Московской области; *Степанян Э. В.*, советник Управления координации исполнения социальной политики; *Христофоров В. С.*, начальник Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России.

Редакционная коллегия: Головкова Л. А. (председатель), Любимова К. Ф. (редактор),
Громова Л. И., Никитина А. С.

© Комитет общественных связей
города Москвы, издание, 2004
© Издательство **АЛГО**, 2004
© Головкова Л., составление,
подготовка текста, оформление, 2004

Вступление

На Старо-Варшавском шоссе, на границе Москвы и Московской области есть съезд с основной трассы. Развилка дорог в этом месте отмечена Крестом-голубцом. Вблизи него растет старый дуб — патриарх здешних лесов, которому, по мнению специалистов, не менее трехсот лет. Пожалуй, это единственный живой свидетель событий, о которых рассказ впереди.

Дорога идет краем дубовой рощи. Рядом с жилыми районами Южного Бутова расположился этот оазис — тихий лесной уголок Подмосковья. Кажется, самой природой он предназначен для уединенных прогулок и размышлений. Но вот деревья рedeют, лес кончается, вдали — высокий деревянный забор с протянутой поверх него колючей проволокой. Слышится благовест, сзывающий богомольцев на молитву, отдаленное пение церковного хора. Дорога, как положено, приводит к храму — особенному, посвященному Святым Новомученикам и Исповедникам Российским в Бутове.

Бутовский полигон — место массовых расстрелов и захоронений 1930—1950-х гг. Жертвами полигона стали более 20 тысяч человек. Это только те, что известны по документам. На самом деле их может быть в несколько раз больше. Время летит, дети расстрелянных на полигоне один за другим уходят из жизни. Многим так и не довелось узнать, где место кончины и захоронения их родителей. Теперь уже не дети, а внуки и правнуки разыскивают в списках убиенных своих дедов и прадедов. И находят их.

«Памяти деда, Ивана Петровича, певчего, расстрелянного 21 октября 1937 г.», надписывает свое стихотворение о Бутове автор, пожелавший остаться неизвестным.

Бутовский полигон —
Сердце пронзает он.
Рвется душа на части.
Это цена несчастья...

Бутовский полигон —
Сколько таишь имен?
Все они скрыты во рву.
Я вам одно назову.

Дед бы мой жил, Иван,
Если б не злой наган.
Лица нечеловечьи,
Чем помешал им певчий?

Бутовский полигон —
Мученикам поклон.
Горькие внуков слезы
И запоздалые розы...

Двенадцать лет прошло с тех пор, как открылись ворота Бутовского полигона, тогда же началась работа по составлению Книги Памяти. Какой огромный труд проделан за это время! Сколько людей самоотверженно и бескорыстно трудились над составлением биографических справок для Книги Памяти, над бесчисленными проверками, распечатками! Трудно выразить в обыденных словах благодарность всем тем, кто помогали в работе над Книгой. Безотказная помощь оказывалась на всех этапах самыми различными организациями: Государственным архивом Российской Федерации, архивами ФСБ и УФСБ по Москве и Московской области, архивом ГУВД МО. Какого труда, например, стоило отыскать последние 110 архивно-следственных дел, разлетевшихся по региональным архивам — вплоть до Приморского края! На их поиски ушел целый год. Каждый, кто внес хотя бы малую лепту в общий труд, поймет, что слова нашей признательности, самой горячей благодарности относятся и лично к нему.

В первой части книги дается историческое описание Бутова, начиная с первого упоминания о нем в XVI веке. Рассказывается о владельцах имения, находившегося на территории будущего Бутовского полигона, — людей известных в русской истории, а заканчивается повествование нынешним временем, событиями и заботами современной жизни.

«Черной дырой, поглотившей солнце», стали в истории края годы массовых убийств на полигоне. Конечно, многое нам не известно и, должно быть, уже никогда не станет известным, но и того, что мы узнали за последние годы, достаточно, чтобы в смятении спрашивать себя: «Почему, почему это все произошло с нами? Какие причины привели к таким неслыханным преступлениям? Где гарантии, что это не повторится?»

Значительная часть повествования посвящена безвинным жертвам Бутова: людям простым — хлебопашцам, рабочим, служащим, и людям выдающимся — ученым, военачальникам, инженерам, первым русским летчикам, художникам, спортсменам. Ими должна была бы гордиться страна. Но их жизни были злодейски и хладнокровно прерваны на Бутовском полигоне...

Во второй части книги рассматривается несколько отдельных тем, имеющих особое значение для Бутова. Это — ведение уголовно-следственных дел в 1937—1938 гг., затем — рассказ о Дмитляге НКВД, представляющем как бы страну в стране. Две статьи посвящены латышам и немцам — многочисленным жертвам Бутова. Статья «Даниловские колокола» заставляет сердце сжиматься от боли. Ведь речь в ней идет о детях, вырванных из дома, из семьи, — сиротах, чьи папы и мамы расстреляны в Бутове, «Коммунарке» или отправлены в лагеря. Завершает книгу рассказ о священномученике, возглавляющем сонм бутовских святых, — митрополите Серафиме (Чичагове).

В заключение мы хотели бы поблагодарить тех, без чьей помощи было бы невозможно издание Книги Памяти «Бутовский полигон». Восемь выпусков Книги изданы на средства Правительства Москвы. Неизменная помощь и поддержка оказывалась в этом деле Постоянной межведомственной комиссией Правительства Москвы по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий.

От редакционной коллегии

Часть первая

В РОДНОМ КРАЮ

*Бездна бездну призывает
во гласе хлябий Т воих...*

Псалом 41

В РОДНОМ КРАЮ

Тропа в старинном
парке имени
Дрожжино,
впоследствии Бутово
(современная
фотография)

Первые владельцы имения

Деревня Бутово, давшая название железнодорожной станции и дачному поселку, возникшему во второй половине XIX века, стояла к югу от Москвы на восемнадцатой версте старого Варшавского тракта. Он был проложен в 1845 г., а в 1869 г. почти параллельно тракту построили железную дорогу.

Название Бутово происходит от слова «бут» — мелкого строительного камня, который, согласно архивным документам XVII века, издавна добывался в здешних краях. Мастера, добывавшие камень в местных каменоломнях, должны были, и основали вдоль дороги на Серпухов маленькую

* Свято-Екатерининская пустынь основана в 1658 г. по повелению царя Алексея Михайловича на месте явления ему св. великомученицы Екатерины. Пустынь находилась в одной версте от имения Суханово, принадлежавшего кн. Волконскому.

деревеньку Бутово. В конце XVII века в Бутове было всего три двора¹. Ко времени строительства Южной (ныне Московско-Курской) железной дороги в деревне Бутово насчитывалось уже восемь крестьянских дворов. Те же восемь дворов числились и в начале XX века. Деревенские жители, кроме земледелия, занимались еще извозом, доставляя пассажиров, прибывших по железной дороге, в имения, расположенные в округе, и в Свято-Екатерининскую пустынь*.

Паровик из Москвы до «полустанции Бутово» шел около полутора часов. Станция представляла собой деревянное строение с резными карнизами, замененное в 1903 г. на двухэтажное каменное здание. На первом этаже помещался зал ожидания для пассажиров, касса и буфет. На втором — жил с семьей начальник станции, находясь таким образом неотлучно при вверенном ему участке. Здесь же размещалось почтовое отделение, которое также было тогда в подчинении начальника станции.

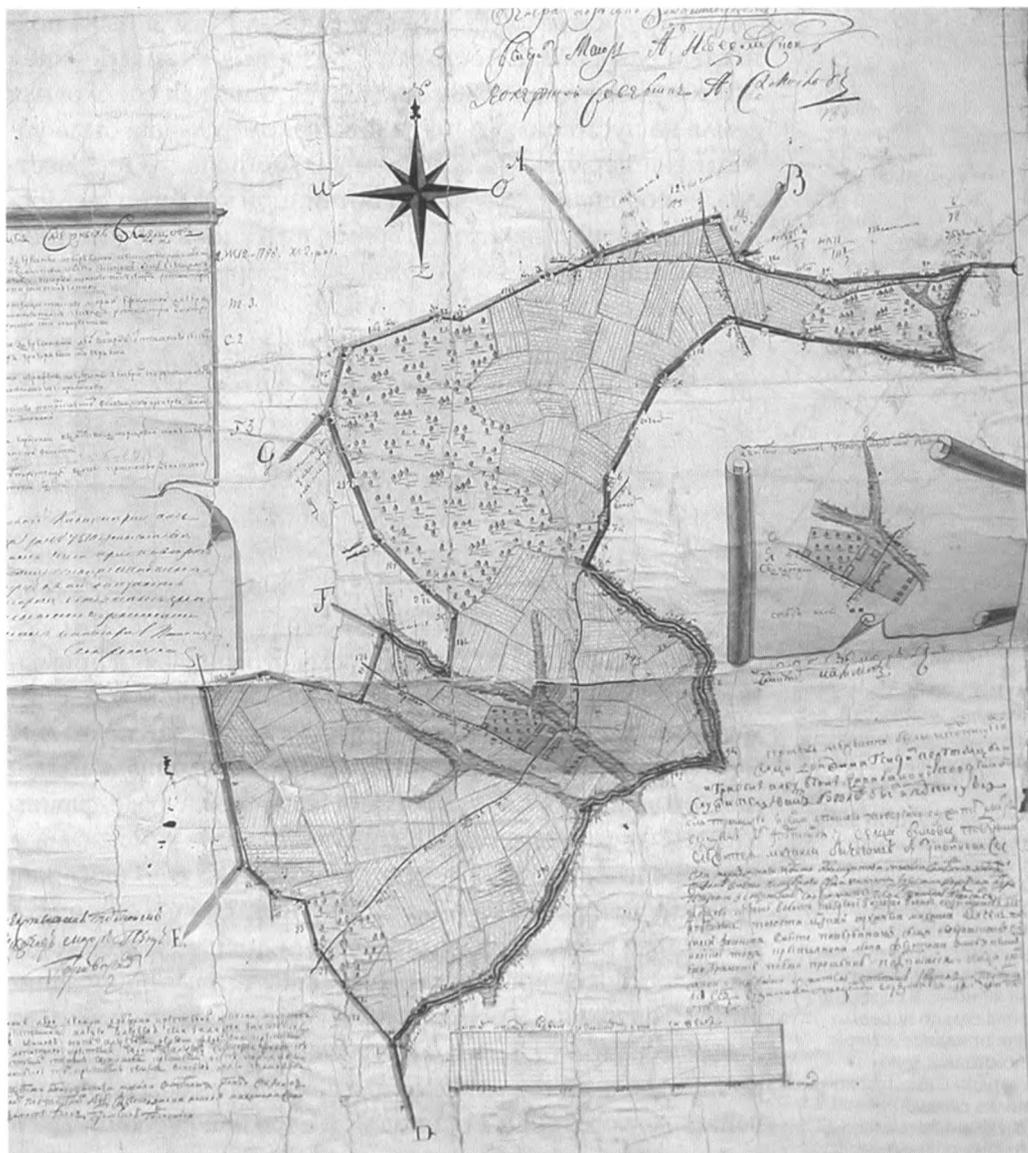
В окрестностях Бутова в конце XIX — начале XX века находились имения известных людей: князя П. Д. Волконского, графа С. Д. Шереметева, сына покровительницы и друга П. И. Чайковского Н. К. фон Мекк, владельца аптек В. К. Феррейна, А. М. Каткова, А. Ф. Абельс, производителя лучших в России сыров Н. И. Бландова и других**.

От «полустанции Бутово» проселочная дорога вела через лес к имению Дрожжино, которое последние его хозяйева переименовали в Бутово.

История села Дрожжино восходит ко временам великого князя Василия III, к началу XVI века, когда Андрей Дрожжин вместе с Андреем Вяземским и Михаилом Глинским перешли из Литовско-Польского королевства на службу московского князя. Новый служилый князь был пожалован земельным наделом и деревней с крестьянами. Первоначально деревню называли по имени ее нового владельца — Дрожжино, а после строительства церкви во имя свв. бессребреников Космы и Дамиана стали называть «Космодамианское, Дрожжино тож». Церковь стояла на погосте на высоком левом берегу речки Изводни (или Гвоздни, ныне Гвоздянки).

Следующим владельцем сельца, уже при государе Иване Грозном, стал земский боярин Федор Михайлович Дрожжин. Его владение Космодамианское упоминается

** Имение Н. К. фон Мекк Плещеево находилось в десяти верстах от ст. Бутово; имение А. Ф. Абельс Елисаветино располагалось на месте теперешнего химзавода — в двух верстах от станции, имение Н. И. Бландова было в четырех верстах, А. М. Каткова и В. К. Феррейна — также в четырех верстах от станции Бутово.

как вотчинный двор. Он же, Федор Михайлович, стал первой жертвой в истории здешних мест — в 1568 г. был казнен опричниками.

Карта владения
«Космодамианское,
Дрожжино тож»
1773-1774 гг.

О здешней церкви существует местная легенда. Из поколения в поколение местными жителями передавалось, что церковь, находившаяся за деревней, ушла в землю и что «до Отечественной войны можно было видеть довольно обширное углубление на том месте. Теперь там поле, все сравнялось...».

* Местный житель и сельский поэт В. Ермолов так объясняет легенду об исчезновении церкви: «В данной местности под верхним слоем земли толщиной в четыре-пять метров залегают песок-пльвун, уходящий в глубину на тридцать и более метров. В овраге, идущем параллельно деревне, бьют родники, образуя бездонные бочаги. М. б. причина провала церкви именно в этих особенностях почвы».

(Из материалов историка и краеведа Г. В. Еремينا)

** К началу XVIII века сельцо Дрожжино с семьюдесятью душами крепостных крестьян принадлежало Сергею Любимовичу Домнину, получившему его «по приданству за женой». В середине века сельцо перешло как приданое дочери Домнина к лейб-гвардии Семеновского полка сержанту Василию Алексеевичу Алябеву. Вторым владельцем дрожжинских дворов и земель (и соседней Щербинки) тогда же стал лейб-гвардии Конного полка поручик князь Николай Алексеевич Шаховской; им был выстроен в Дрожжине господский деревянный дом. После князя Шаховского имение перешло к его сестре и ее детям.

В пору «смутного времени» здешняя земля была полностью разорена, и место это в Дозорных книгах церковью Московского уезда 1688 г. числилось лишь как «церковная земля на пустоши». «А когда и по какому случаю была упразднена церковь во имя Космы и Дамиана, то неизвестно», — сообщают документы Вотчинной коллегии по Москве². Но прошло некоторое время, и во вновь отстроенной и населенной «деревне Дрожжино», расположенной тогда по обеим сторонам речки Изводни, на месте церкви была поставлена часовня, которая постоянно поновлялась и сохранялась до недавних лет (в советское время в ней жила семья)*.

На протяжении всего XVIII века владельцы сельца Дрожжино часто сменяли друг друга**. В 1773 г. «сельцом Дрожжино» в восемнадцать дворов владела «генерал-поручика Леонтия Михайловича Карабанова супруга ево» Аграфена Алексеевна (урожденная кн. Шаховская), «общее с поручицей Олябьевой». Господская часть усадьбы, состоявшая из большого двора с тремя строениями и примыкавшего к ним сада, принадлежала Н. В. Алябьевой, а земельные владения и сельцо Дрожжино были поделены между нею и генеральшей Карабановой. Площадь владения, входившего тогда в состав Никитского уезда, равнялась 318 десятинам. До нас дошло описание Дрожжина и его окрестностей 1773 г. при владелице Н. В. Алябьевой: «...лежит при речке Гвоздне по течению ее на правой стороне. Оная речка против того селца в самых мелких местах в летнее жаркое время глубиною бывает с поларшина, шириной в сажень. Госпожи Алябьевой деревянный дом. Земля серая, ис посеянного на ней хлеба лутче родится рожь, овес, а пшеница, ячмень и сенные покосы посредственно. Лес березовой, осиновой и еловой к строению годной, во отрубе в четыре и пять вершков, вышиною от четырех и до шести сажен. В нем звери волки, лисицы и зайцы. Птицы тетеревы, куропатки, дрозды и скворцы. Крестьяне состоят на изделье. Земли на помещиц пашут по шестидесяти десятинам, а промышляют хлебопашеством, к чему они радетельны, землю всю запахивают. Женщины сверх полевой работы прядут лен, посконь и шерсть, ткнут полотна и крестьянские сукна для своего употребления»³.

В 1789 г. имение было отдано под залог и выкуплено грузинским царевичем Баграмом Георгиевичем, сыном

последнего грузинского царя Георгия VIII⁴. В начале десятих годов XIX века владение переходит к действительному статскому советнику Алексею Ивановичу Арсеньеву и двум его дочерям: Александре и Марии. В 1812 г., вероятно, после изгнания французов Арсеньев строит новый господский дом⁵. Он ставит его на левой стороне речки Гвоздянки, на высоком холме, называвшемся по имени владельца и строителя дома — «Алексеева гора». Впервые господская усадьба отделяется от крестьянского селения. Впоследствии именно здесь, на левом берегу речки и жили владельцы имения*. В 1887 г. Дрожжино было продано с публичных торгов елабужскому купцу С. П. Петрову, а через два года имение приобрели новые владельцы — супруги Соловьевы.

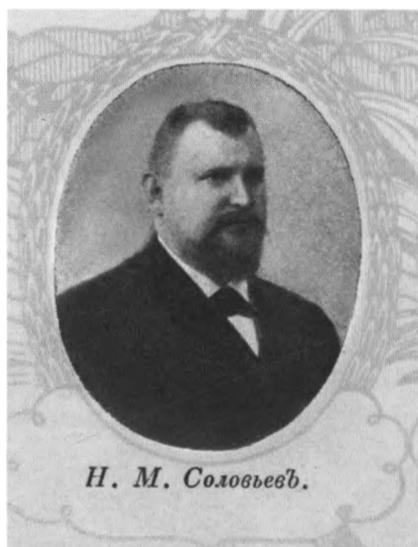
Соловьевы

В 1890 г. купеческий сын, купец 1-й гильдии и потомственный почетный гражданин Николай Макарович Соловьев и его жена Александра Николаевна решением Подольского уездного суда были введены во владение сельцом «Дрожженным, Космодамианским тож». Они занялись устройством имения, оставили в неприкосновенности старую барскую «дачу» с садом и поставили новый одноэтажный барский дом.

окрестности
дер. Дрожжино. Запруда
и плотина (современная)
Фотография)

* В первой трети XIX века Дрожжино перешло к княгине Марии Семеновне Урусовой (урожд. Пустошкиной), затем — к ее мужу князю Александру Петровичу Урусову. С середины века владельцами сельца Дрожжино были Мельгуновы. После них сельцом владели Пустошкин и его наследники, с 1880 г. — Владимир Михайлович Сериков.

Н. М. Соловьев,
владелец имения
Дрожжино, основатель
конного завода
(фотография
из альбома,
посвященного 75-летию
Императорского
Московского общества
поощрения рысистого
коннозаводства)

Супруги владели здешней землей в равных долях по 110 десятин. За год до этого в 1889 г. Н. М. Соловьевым был основан на здешних землях конный завод. Новый коннозаводчик выводит преимущественно рысаков орловской породы, отличающихся нарядной наружностью, красивым и резвым ходом — идеальным для движения лошади в экипаже (основном в те времена виде транспорта). Наряду с чистопородными рысаками, Соловьев выводит еще так называемых «метисов» — помесь орловского с американским рысаком. Конный завод Н. М. Соловьева был достаточно крупным и состоял из многих построек и сооружений. В разные годы завод насчитывал от 80 до 150 лошадей.

Кроме разведения и продажи рысистых «экипажных» лошадей, Н. М. Соловьев, как и многие коннозаводчики тех лет, выращивает лошадей для соревнований на ипподромах. Уже в 1893 г. Николай Макарович является действительным членом Императорского Московского общества поощрения рысистого коннозаводства. Его фотография помещена в альбоме, выпущенном в честь 75-летия общества. С 1894 г. он — член аналогичного Санкт-Петербургского общества. В специальных календарях, где содержатся отчеты о разыгранных призах, имя Н. М. Соловьева постоянно значится в середине обширного списка по количеству выигрышей. Часть рысаков, не проявивших себя на ипподромных испытаниях, Н. М. Соловьев продает от 500 до 2000 рублей за голову, в год — 17—18 голов⁶.

Под свое имение Соловьевы неоднократно брали в Московском Земельном банке денежные ссуды. Застраховано оно было в Северном страховом обществе на сумму в 62 100 рублей, хотя сами владельцы оценивали его в 100 тысяч рублей. По причине этих расхождений усадьбу обследовал агент банка, который представил оценочную опись; из нее следовало, что «вся земля — 220 десятин, заключается в двух участках: первый участок — большой усадебный, а второй меньше, расположен к югу от первого, сама усадьба, площадью семь десятин, находится в южной части на ровном месте», где, кроме пруда и старого парка, имеются фруктовый сад и огороды.

Жизнь Соловьевых была весьма драматична. На имении их числилось более 50 тысяч рублей долга. Несмотря на это, они постоянно брали в долг ссуды в Земельном банке, рискуя окончательно потерять собственность. Жили Соловьевы в Нижнем Новгороде, посылая время от времени отчаянные письма в Москву. В 1906 г. имение Дрожжи-

Указатель
2-й Всероссийской
аукционной выставки
лошадей 1900 г.
(В указателе
перечислены лошади
Н. М. Соловьева
и А. Н. Соловьевой,
выставленные
на продажу)

* Здание страхового общества «Россия» на Лубянской площади, как известно, заняло впоследствии ведомство внутренних дел.

но по каким-то причинам было переписано на жену Николая Макаровича — Александру Николаевну. В 1908 г. владелица перевела страхование усадьбы в страховое общество «Россия»*. Чтобы уменьшить долг, Александра Николаевна продала часть леса и землю под два дачных участка. Начиная с 1909 и до 1914 г. А. Н. Соловьева живет под постоянной угрозой потери имения. За эти пять лет она получила десять уведомлений о немедленной продаже имения в случае неуплаты долга⁷.

Никто из старожиллов уже не помнит, где стоял главный господский дом, деревянный, оштукатуренный, на каменном фундаменте. Но очевидно, что дом, считавшийся «зимним», как и подобало в барских усадьбах, выходил задним фасадом к липовому парку, сохранившемуся до наших дней. Двухэтажный «летний» дом также был деревянный, украшенный по всему периметру деревянной резьбой**. Кроме этих зданий в имении насчитывалось еще много других построек: одноэтажное здание конторы, дома для служащих и рабочих. Проблемой в усадьбе была питьевая вода, но со временем здесь вырыли артезианский колодец, и вода оказалась прекрасная.

Тенистый, немного сумрачный липовый парк за главным господским домом, постепенно понижаясь, спускался к пруду, образованному в результате запруды речки Гвоздянки. Пруд постоянно чистили, и в нем водилась рыба, что шла к господскому столу: крупные зеркальные карпы, щуки. На пруду были сооружены купальня и причал для лодочек; к нему вела, круто спускаясь, узкая, не более полутора метров шириной тополиная аллея. Плакучие ивы зелеными шатрами нависали над водной гладью, украшенной тут и там речными лилиями и кувшинками. Необыкновенно пышная растительность с цветами чуть ли не в человеческий рост стеной стояла вдоль тропы, обтекающей пруд. На берегу пруда, спускаясь по склону почти к самой воде, располагалось старое сельское кладбище. На этой же стороне оврага в конце XIX века находились выселки или хутор; там имелось крестьянское хозяйство, состоящее из двух изб, сада и огорода.

На противоположном высоком берегу пруда виднелись дома деревни Дрожжино, в которой на 1910 г. насчитывалось всего четырнадцать крестьянских дворов. В глубоком и широком овраге, по дну которого протекала речушка

** «Дача» стояла на территории будущего полигона, левее мемориального камня в направлении с севера на юг.

Пруд у дер. Дрожжино
(современная
фотография)

Гвоздянка, в числе многочисленных ключей находился источник, который в народе почитался святым. По сохранившемуся преданию ключ с исцеляющей водой забил здесь когда-то во время сильной грозы от удара молнии*.

Рассказы старожилов позволяют нам в общих чертах представить облик владельца имения. Сами" старожилы, конечно, не могут его помнить, но, очевидно, слышали о нем от своих родителей, бабушек и дедушек.

Николай Макарович Соловьев был невысокого роста, плотного телосложения, приятной наружности. Характер имел мягкий и веселый. Со своими рабочими и крестьянами ладил, был щедр, славился хлебосольством и гостеприимством, умело вел большое хозяйство. Конный завод Николай Макарович содержал в идеальном порядке. Выступления соловьевских лошадей на бегах неоднократно отмечались в специальных календарях и журналах по конному спорту. Кажется, жить бы и жить купеческому сыну, потомственному почетному гражданину Н. М. Соловьеву, хозяйствовать в имении, выращивать чистопородных скакунов. Но... враг рода человеческого подкарауливает беспечные души. Как рассказывают местные жители, сгубил Николая Макаровича извечный и сугубый враг мягкосердечного русского человека — чрезмерное винопитие. К тому же с годами на свое несчастье пристрастился Николай Макарович к картежной игре. Скорее всего, именно в этом и была причина постоянных долгов Соловьевых. Все больше времени Николай Макарович проводил за игорным

* В конце 1940-х гг. по приказу местных властей была выстроена плотина, в результате чего святой источник оказался на дне водоема.

* Документы, подтверждающие рассказы старожилов о Н. М. Соловьеве, пока не обнаружены.

столом. Но картежное счастье начало ему изменять. И вот однажды он проигрался отчаянно, что называется, в пух и прах. Желая во что бы то ни стало отыграться, он поставил на карту свой прекрасный конный завод и... в одночасье потерял его*.

С конца 1911 г. новым обладателем конного завода стал Иван Иванович Зимин — представитель известного рода купцов-промышленников. Дальнейшая судьба Николая Макаровича Соловьева, как рассказывают старожилы, была более чем печальна. Он продолжал пить, играть, спустил все до нитки, познакомился с нищетой, с московскими ночлежками и, наконец, умер в Москве, в подвале какого-то нежилого дома.

В 1914 г. умерла хозяйка имения Александра Николаевна Соловьева, которая последние годы жизни провела в Бутове. Владелицей по духовному завещанию родительницы стала ее дочь, Екатерина Николаевна (в замужестве Шадрина). В августе 1915 г. она за 100 тысяч вместе со всеми повисшими на имении долгами продала его И. И. Зимину. Но к тому времени Зимины уже жили здесь более трех лет, вероятно, купив или взяв в аренду один или оба дома. Конный завод процветал и приносил немалый доход. И. И. Зимин не был новичком в коннозаводческом деле. С 1904 г. он был владельцем конного завода во Владимирской губернии, где содержалось около 50 орловских рысаков.

Вступив во владение усадьбой, Иван Иванович Зимин уступил деревню Дрожжино соседу, помещику Н. О. Сушкину, своему приятелю и, кажется, дальнему родственнику, чье имение находилось на Щербинке**, в нескольких верстах от усадьбы Ивана Ивановича. Постепенно название Дрожжино исчезает из разговоров владельцев усадьбы. Новые хозяева называют теперь свою усадьбу по названию железнодорожной станции — Бутово.

Зимины. Жизнь в имении. «ДО» и «ПОСЛЕ»

Владелец имения Иван Иванович Зимин был одним из пяти братьев многочисленного рода Зиминых. Зимины происходили из крепостных крестьян помещиков Рюминых, из деревни Зуево Богородского уезда Московской губернии. Прадед Зиминых, Семен Григорьевич Зимин, начал на дому семейное текстильное дело. Его сын Никита

** Самые ранние упоминания о дер. Щербинка содержатся в переписке русских князей в XIV веке. Но владельцы деревни известны лишь с XVII века.

Семенович сумел выкупиться у барина, вышел в люди и нажил капитал, а в 1864 г. построил в родной деревне первую прядильно-ткацкую фабрику. Сын Никиты Семеновича Иван Никитич еще при жизни отца и, верно, к большой гордости того, в 1884 г. стал основателем «Товарищества Зуевской мануфактуры И. Н. Зимины» и приобрел в Москве несколько домов в районе Таганки и Рогожской Ямской слободы, где традиционно селились старообрядцы. Каждое поколение Зиминых развивало и совершенствовало семейное текстильное дело. Все Зимины стали потомственными почетными гражданами, вошли в 1-ю купеческую гильдию. Иван Никитич перестроил в г. Зуеве старую фабрику*. Кроме того, в 12 километрах от Зуева в небольшом селении Дрезна он поставил еще одну фабрику, основав вокруг нее целый фабричный городок** — с образцовыми жилыми домами для рабочих и служащих, больницей, богадельней, детским садом, столовыми, магазинами и пр. Фабрика в Дрезне, из уважения к родителю, была Иваном Никитичем спроектирована в виде букв «НЗ» (Никита Зимин), видимых, очевидно, только с неба. Продолжателями дела Ивана Никитича стали его сыновья: Леонтий, Григорий, Иван, Сергей и Александр***. Возглавил дело старший сын Ивана Никитича Леонтий Иванович. В Москве и других городах России Зимины имели магазины, где торговали мануфактурой.

Зимины были старообрядцами-беспоповцами фелдосеевского толка. Старообрядческая церковь на Преображенском кладбище в Москве в значительной степени содержалась на их средства. Там же находился и некрополь Зиминых — два больших участка. После смерти Леонтия Ивановича в 1913 г. Иван Иванович Зимин возглавил Совет директоров, куда входили братья, а также всеми любимая и почитаемая их матушка Евдокия Савватеевна Зимины**** — мать восьмерых детей. (В семействе кроме пяти сыновей было еще три дочери.)

Как и все русское купечество, Зимины занимались широкой благотворительностью, имелись среди них и выдающиеся меценаты. Сергей Иванович Зимин хоть и окончил, по желанию отца, коммерческое училище, но не чувствовал расположения к семейному бизнесу. Он не мог преодолеть своей любви к музыке и, имея неплохой голос, поступил в консерваторию. Получив свою долю наследства, он

* Городок Зуев, расположенный на левом берегу реки Клязьмы, после строительства моста соединился с большим селением Ореховым, расположенным на противоположном берегу реки; с 1917 г. город стал называться Орехово-Зуевым.

** Общая площадь владения, занимаемая «Т-м Зиминых» под фабрику в Дрезне, была велика — свыше 960 десятин.

*** Пятеро братьев Зиминых — это Леонтий Иванович (1849—1913), Григорий Иванович (1854—1918) (он и жена его, Людмила Виколовна, урожд. Морозова, построили в Москве старообрядческий храм в Токмаковой пер., у Курской вокзала), Иван Иванович (1875—1922), Сергей Иванович (1876—1942); младший брат этой ветви Зиминых — Александр Иванович (1878—1924).

**** Евдокия Савватеевна Зимины, урожд. Козьмина (1845—1926).

Леонтий Иванович
Зимин, старший
из братьев,
возглавивший Совет
директоров
«Т-ва Зиминых»

в 1904 г. стал владельцем и антрепренером московской частной оперы. Не сразу братья смирились с подобным применением зиминских капиталов и даже собирались одно время учинить опеку над семейным любителем оперы. Лишь мать поддерживала сына в его увлечении музыкой и театром. Ныне без частной оперы С. И. Зимина невозможно представить себе культурную жизнь Москвы начала XX века*.

В театре С. И. Зимина в качестве администратора какое-то время подвизался его племянник Иван Леонтьевич Зимин. У родителей его родилось двадцать детей, выжило четырнадцать — семеро сыновей и столько же дочерей. В отличие от братьев, Иван Леонтьевич не интересовался семейным текстильным делом. Гораздо больше его увлекали бега, на которые он ездил с любимым дядюшкой Иваном Ивановичем. А тут еще, на свою беду, Иван Леонтьевич увлекся актрисой Магдалиной Дальской**. Старообрядческая, строгих правил семья Зиминых отвернулась от «Ивашки», как называли Зимины Ивана Леонтьевича в семейном кругу. У Дальской было двое сыновей, родившихся вне брака, — Борис и Алексей. Иван Леонтьевич, женившись, усыновил мальчиков и дал им свою фамилию. Но брак оказался, как и следовало ожидать, неудачным. Дальская почти не занималась воспитанием детей, постоянно гастролировала, вела легкомысленный образ жизни, что и привело к разрыву. Она уехала, бросив на Ивана Леонтьевича своих мальчиков. Гастролируя по всей стране, она писала от-

* Сведения о семье Зиминых предоставлены В. М. Зиминной.

** Актриса Магдалина (по другим источникам — Маргарита) Дальская была сестрой известного актера Мамонта Дальского, дававшего уроки сценического мастерства самому Ф. И. Шалапину.

Иван Леонтьевич Зимин,
управляющий именем,
один из сыновей
Леонтия Ивановича

чаянные письма, постоянно требуя денег. В конце концов она разорила Ивана Леонтьевича, он стал несостоятельным должником. Сама же она умерла в Чите в долговой тюрьме. В это трудное для Ивана Леонтьевича время помогали ему только два его дядьки — Иван Иванович и Сергей Иванович.

Прошло года два. В театре у дядюшки Иван Леонтьевич познакомился с молодой певицей, только что поступившей в труппу, — Софьей Ивановной Друзякиной. Впервые он увидел ее в коридоре театра. Большие темные глаза, смуглый, точно у цыганки, цвет лица, весь облик молодой милой женщины покорили сердце Ивана Леонтьевича. Сам он также не остался незамеченным ею. Эту первую встречу, происшедшую 3 октября 1910 г., Софья Ивановна подробно описала в своем дневничке, который она аккуратно вела с 1912 по 1922 г.* Роман развивался бурно и неудержимо. Ради Ивана Леонтьевича Софья Ивановна разошлась с мужем, который более десяти лет был ей самым преданным другом и помощником в ее певческой карьере. Еще до развода она переехала к Ивану Леонтьевичу на Башиловку.

* Дневник
С. И. Друзякиной
1912—1922 гг. был
любезно предоставлен
автору ее внучкой,
С. А. Михальченко.

София-Мargarита
Менцель (в замужестве
Друзякина).
Киев (фотография
сделана до 1898 г.)

«Счастье на Башиловке», — пишет она о первых двух годах совместной жизни с Иваном Леонтьевичем Зиминым.

Иван Леонтьевич хоть и выполнял исправно обязанности театрального администратора, но театр не любил. И когда другой его дядюшка Иван Иванович Зимин предложил ему место управляющего в своем имении и на конном заводе, Иван Леонтьевич с радостью согласился. Вместе с мальчиками, Софьей Ивановной, ее матерью, приемным сыном Игорем и прислугой, состоящей из тринадцати человек, Иван Леонтьевич переехал в имение дядюшки, где поселился в так называемой «летней» деревянной даче*.

Более двадцати лет Иван Леонтьевич безвыездно прожил в Бутове, отлучаясь в Москву лишь по делам службы. Он стал прекрасным управляющим, отлично вел хозяйство дядюшки. Конный завод для Ивана Леонтьевича, который был страстным лошадиником, стал и работой, и увлечением. Жители окрестных деревень, постоянно видя Ивана Леонтьевича в имении, были уверены, что хозяином здесь был именно он, а дядюшка его, Иван Иванович, только приезжал иногда погостить к своему племяннику.

Софья Ивановна Друзякина, жена Ивана Леонтьевича Зиминого, была известной певицей. Она родилась в 1880 г. в Киеве в немецкой семье. Ее отец, Иоганн Менцель, владел большим пивоваренным заводом. Семья жила в собственном особняке в центре города. Но пожар, полностью уничтоживший производство, лишил семью прежнего благосостояния. Менцель продал дом и переехал с семьей в не-

* Деревянная дача
Зиминых сгорела
в послевоенные годы.
Фотографий
ее не сохранилось.

Слева – С. И. Друзякина со своим первым мужем, Даниилом Даниловичем (Даней) Друзякиным, 1898 г. Справа – С. И. Друзякина в роли Луизы из оперы С. И. Зимина «Луиза»

большую квартиру к неким Гавриловым. Именно они уговорили Менцеля отдать Соню (Софию-Маргариту), обладавшую хорошими вокальными данными, учиться пению. С трудом отец Сони находил средства, чтобы оплачивать уроки дочери. Большую помощь в получении образования юной певице оказал ее преданный друг, поклонник, а вскоре и муж — офицер царской армии Даниил Данилович Друзякин, Даня, как его все называли. Он не был богат, зато он устраивал концерты певицы и в своем полку, и в других, а вырученные за концерты деньги шли на обучение. Благодаря поддержке Д. Д. Друзякина, Софья Ивановна смогла блестяще окончить в Киеве частное музыкальное училище Н. Тутковского. Она занималась в классе известной в свое время певицы и педагога А. А. Сантагано-Горчаковой. Позже Софья Ивановна совершенствовала свое мастерство в Италии. Оперную карьеру она начала в 1900 г. в Одессе. Уже через год она успешно пела в трех спектаклях вместе с великим Ф. И. Шаляпиным*.

По мнению современников, певица С. И. Друзякина «обладала исключительной музыкальностью и драматическим талантом». Ее лирико-драматическое сопрано красивого тембра и широкого диапазона звучало на сценах лучших оперных театров Киева, Харькова, Москвы, Петербурга. Она не раз еще пела с Ф. Шаляпиным. Ее партнерами были Н. Фигнер, гастролировавшие в России М. Баттистини, М. Гальвани и другие знаменитости. Ей приходилось много разъезжать с гастрольями по провинции. Муж

* В спектаклях с участием Ф. И. Шаляпина С. И. Друзякина пела партии: Ольги в «Русалке» А. Даргомыжского, Антонида в опере М. Глинки «Жизнь за Царя», Ксении в «Борисе Годунове» М. Мусоргского. Она блистала в ролях Лизы в «Пиковой даме» П. Чайковского, Недды в «Паяцах» Р. Леонкавалло, Шарлотты в «Вертере» Ж. Массне, Аиды и Кармен в операх Дж. Верди и Ж. Бизе и др. Но лучшей ролью С. И. Друзякиной, по мнению москвичей, была партия Татьяны из оперы Чайковского «Евгений Онегин».

С. И. Друзякина
 в роли Татьяны из оперы
 П. И. Чайковского
 «Евгений Онегин».
 В свое время
 С. И. Друзякина
 считалась лучшей
 в Москве
 исполнительницей
 этой роли

Софьи Ивановны нередко брал отпуск, чтобы сопровождать ее во время поездок по стране и за рубежом. Сезон 1907/1908 г. С. И. Друзякина пела на сцене Императорского Большого театра в Москве. Тогда в опере «Вертер» Ж. Массне ее партнером был Л. В. Собинов. В следующем сезоне ее восторженно принимали в Тифлисе, особенно привлекало всех ее пленительное исполнение партии Тамары в опере Н. Рубинштейна «Демон»*. Но недружелюбная, исполненная зависти обстановка казенных театров, в отличие от частных антреприз, заставляла ее искать для себя новых возможностей⁸.

* В Московском театральном музее им. А. А. Бахрушина есть архив С. И. Друзякиной, в котором имеется множество ее фотографий в оперных ролях и грампластинки с записями ее голоса.

В 1910 г. тридцатилетнюю Софью Ивановну пригласили на несколько спектаклей в миланский театр «Ла Скала»; она также получила приглашение на гастроли в Америку. На весь 1910 г. ею был заключен контракт с Сицилийским оперным театром. В то же время она, по предложению Зимины, пробуетеся в его антрепризу. Ее принимают в труппу, и она сразу же становится ведущей солисткой театра. Знакомство с Иваном Леонтьевичем переворачивает всю ее жизнь. Она бросает мужа, нарушает все договоренности, разрывает контракты, платит неустойку — все приносится в жертву новой любви. Весной 1912 г. вместе с Иваном Леонтьевичем, детьми и прислугой она переезжает в имение Зиминых Бутово, где живет теперь с весны и до поздней осени. Ее пребывание с семьей прерывают лишь гастроли и поездки в театр — на репетиции и спектакли.

В этом райском лесном уголке Софье Ивановне предстояло пережить немало скорбей. Но 1912—1914 гг. были счастливейшими годами в жизни последних обитателей бутовского имения. Дневник Софьи Ивановны простодушно и доверительно рассказывает сначала о счастье любви и близости с любимым человеком, потом о счастье ожидания ребенка и будущем материнстве. Дело в том, что трое детей, которых воспитывали Иван Леонтьевич и Софья Ивановна, не были родными ни тому, ни другому. Супруги Друзякины не имели собственных детей. Но однажды на пороге своего дома они нашли подкидыша и усыновили его. Они назвали младенца Игорем. Софья Ивановна очень привязалась к мальчику. И все же, как и любая женщина, она мечтала о собственном ребенке от любимого человека. Оба мальчика Ивана Леонтьевича, как уже говорилось, также не были его родными сыновьями.

В эти годы к счастливым хозяевам с удовольствием приезжали многочисленные гости: родственники, друзья, певцы, певицы. Тут и там звучала музыка. Для развлечения гостей с соседней Щербинки, где у помещика Сушкина* был зверинец, привозили разных экзотических животных: обезьян, ланей, маленьких пони. А однажды, по рассказам старожилов деревни Дрожжино, с Щербинки привели даже живого слона, который, к изумлению местных жителей, разгуливал по липовому парку Зиминых. На круглой поляне в глубине парка по воскресеньям играл оркестр и танцевали дрессированные карликовые лошадки, укра-

* Потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии, Николай Осипович Сушкин родился в начале 1840-х гг., происходил из тульских купцов. Владельцем Щербинки он стал в 1880-х гг., где построил рядом со старинной деревянной усадьбой Горки. Жил он постоянно в Москве на Якиманке, торговал лесом на берегу Москвы-реки, содержал гостиницу. Поместье Горки на Щербинке было национализировано в 1918 г. (Из материалов Г. В. Еремينا)

* Ценнейшими воспоминаниями о жизни Зиминых в имении Бутово поделилась бывшая местная жительница Софья Ефимовна Лазуткина. Дом, где жила крестьянская семья Лазуткиных, находился по соседству с имением, место это называлось Дрожжинские выселки.

шенные разноцветными шелковыми лентами и цветами. Устраивались концерты, самодеятельные спектакли, актерами в которых были домочадцы, соседи и гости. Приезжала погостить в Бутово старая подруга и поклонница таланта Софьи Ивановны — Нина Ульрих, имевшая труппу лилипутов. Она любила своих маленьких артистов как собственных детей, хоть иногда в сердцах и раздавала им подзатыльники. Они тоже, конечно, участвовали в домашних спектаклях.

Недавно еще были живы местные жители, помнившие обитателей имения и весь уклад усадьбы*.

Главный барский дом, принадлежавший Ивану Ивановичу, поражал всех своей красотой. Высокие лепные потолки, красивые люстры, изящная мебель, наборные полы в комнатах, натертые до блеска. Дом отапливался изразцовыми «голландскими печами», а «дача», в которой жили Иван Леонтьевич с Софьей Ивановной — каминами, что создавало особую уютную обстановку в их комнатах. Впоследствии рядом с «дачей» выстроили дополнительную избу-кухню, которая соединялась с домом крытым переходом. По переходу господам носили еду. Своих поваров было три-четыре человека. Когда же съезжалось много гостей, нанимали поваров из московских ресторанов. Лакеев было четыре человека, горничных — человек пять-шесть. Горничные поражали местных жителей своей опрятностью и нарядностью. Поверх длинных платьев они носили белые кружевные передники и кружевные белые наколки на волосах. Порядок в имении был идеальный, парк вычищен, дорожки в парке и около господских домов посыпаны ярко-желтым песком. К дому-даче вела небольшая аллея из голубых елей. Под окнами были высажены цветы: розы, тюльпаны и бело-розовые маргаритки. За домом начинался сад, который тянулся до самого леса. В глубине сада стоял домик садовника. У него было шестеро детей и небольшое собственное хозяйство. Кроме того, на территории «дачи» находилась старая оранжерея, выстроенная, вероятно, еще Соловьевыми. По ночам усадьбу обходил сторож с собаками и, стуча в колотушку, отпугивал воров и диких зверей. За лесными угодьями следил лесник. Его дом стоял за лесом у дороги, ведущей от станции Бутово к Екатерининской пустыни и имению светлейшего князя П. Д. Волконского.

Местным крестьянам не раз приходилось бывать в барских покоях. Как испокон века было заведено, деревенские люди приходили к хозяевам по большим церковным праздникам с поздравлениями, а те одаривали их золотыми монетками. Иван Леонтьевич доставал монетки из маленького замшевого мешочка, который всегда носил у пояса. Под Рождество крестьянские ребятишки ходили по домам славить Христа и в первую очередь заходили в барский дом. Там их угощали и вручали каждому по целковому. Кроме того, для детей округа устраивался Рождественский бал—с музыкой, танцами под рояль и подарками. Приглашались все: и дети господ соседей, и деревенские ребятишки.

Те немногие, кто еще живы и помнят барскую усадьбу, ныне глубокие старики. Со слезами умиления вспоминают они огромную душистую елку, стоявшую посреди белого зала и сверкавшую огнями от пола до потолка. Летом крестьянские дети приносили барину с барыней букеты полевых цветов, лесные ягоды в корзинках, грибы и тоже получали денежку за труды*.

Запомнились местным жителям и другие посещения барского дома. Патриархальность нравов в имении сохранялась до последних дней. Все ходили смотреть на барские покупки, например, на «каменную» ванну, установленную посреди просторной туалетной комнаты. Другой новинкой, вызвавшей вполне объяснимое любопытство, был

* Грибов тогда было видимо-невидимо, особенно в урочище Пьяниха неподалеку от Дрожжино. Грибы собирали, сушили и возами отправляли в Москву.

Контора усадьбы Зиминых. Постройка 1913 г. Впоследствии — комендатура НКВД (фотография 1997 г.)

Дом для наемных рабочих. Постройка 1910-х гг., не сохранилась (фотография 1997 г.)

телефон. Деревенские также бегали поглядеть на диковинку и даже сами звонили хозяину, когда тот находился в Москве, придумывая для этого разные предлоги.

Крестьяне на какие-то особые перемены в своей жизни по старинной привычке спрашивали разрешения у барина — в нашем случае, у Ивана Леонтьевича. Он всегда принимал живое участие в судьбе крестьян и своих работников. Иногда помогал им и без всякого повода, без каких-либо просьб с их стороны. Встретит на дороге отца семейства, остановит, расспросит, как хозяйство, как семья, как дети, а на прощанье одарит деньгами, скажет: «Это тебе на деток» и, не дожидаясь благодарности, поскорее уйдет.

На станцию Бутово, находившуюся в километре от имения, летом ездили в коляске на резиновых шинах или в пролетке, а зимой — в легких саночках; от летящего снега колени прикрывали ковром. Позже Зимины одни из первых в округе приобрели автомобиль. Деревенским ребятам иногда удавалось упросить Ивана Леонтьевича, чтобы он прокатил их до станции. То-то была радость! Ребята с веселыми криками набивались в открытый кузов, а Иван Леонтьевич сажал кого-нибудь из мальчишек к себе на колени, и тот «рулил». Большой редкостью в жилых домах Подмосковья было тогда электричество. Иван Леонтьевич при первой же возможности электрифицировал конюшни, а потом уже провел электричество в своем и дядюшкином доме.

По мнению местных жителей, Иван Леонтьевич был «симпатичный, но строгий». Высокий, худощавый, быстрый в движениях, он успевал везде. Его видели то верхом,

объезжающим уголья, то в пролетке, то в автомобиле. Больше всего времени он проводил на конном заводе. Все в усадьбе говорило о его любви к лошадям. Перед воротами конюшни посреди цветника был установлен памятник: на высоком постаменте красовалась отлитая из чугуна конская голова. Такой чести удостоился неоднократный победитель соревнований в Москве и Санкт-Петербурге, а позже — жеребец-производитель по кличке Антоний*. В кабинете Ивана Леонтьевича висели картины и рисунки с изображением лошадей; те же сюжеты имелись на столовой посуде. Даже чернильный прибор на рабочем столе Ивана Леонтьевича посвящен был его любимцам: откидывающиеся крышки чернильниц были сделаны в виде конских голов.

На лесной поляне к северу от усадьбы находилось кладбище лошадей, площадью примерно 50 на 50 метров. Для самых выдающихся лошадей полагалось рыть глубокие могилы, чтобы хоронить лошадей стоя.

В свободное время Иван Леонтьевич любил поиграть в кегли или в крокет на специально устроенных площадках перед домом — с гостями или с Софьей Ивановной. Сама Софья Ивановна в молодости увлекалась несколькими видами спорта: плаванием, теннисом, ездой на велосипеде; во время гастролей в Крыму с удовольствием принимала участие в далеких верховых прогулках.

Утро Софьи Ивановны в Бутове начиналось с разучивания новых оперных партий за роялем. Далеко по округе разносился ее, как писали современники, «совершенно пленительный, бархатный, сочный голос»**. После легкого завтрака Софья Ивановна одна или со своей матерью, Мартой Людвиговной, подолгу гуляла в саду, ведя перед собой на голубых лентах четырех маленьких белых собачек, которых она обожала. Летом дамы были одеты во все белое, укрывались от солнца под белыми кружевными зонтиками. Мать с дочерью разговаривали исключительно по-немецки (Марта Людвиговна плохо знала русский), во всех остальных случаях Софья Ивановна изъяснялась по-французски.

Софья Ивановна с трепетом ждала рождения ребенка. 3 июня 1914 г. у нее родилась дочь Люба, Любовь. Но еще до рождения Любы в семье начались нескончаемые сложности, которые преодолевались только благодаря беспре-

* Жеребец по кличке Антоний был широко известен среди любителей и знатоков конного спорта. Это был метис (помесь русского с американским рысаком) гнедой масти. Неоднократный победитель соревнований, он дал большое потомство, от него пошла новая линия русского рысака. Отец его, Альвин-молодой, был с Еланского конного завода (Саратовская губ.). Дети Антония — Брысь, Абрек, Аир, Алимонт, Артист, Ратмира, внуки — Степь Широкая, Летучий Голландец и многие другие неоднократно побеждали в соревнованиях.

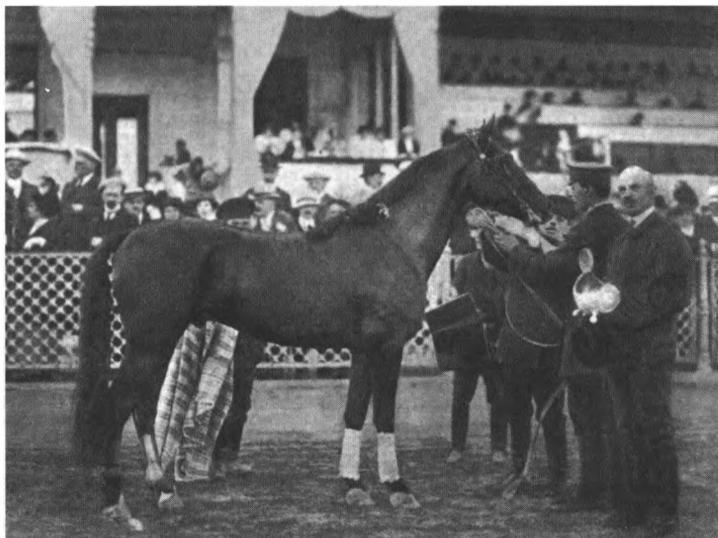
** У любителей музыки сохранились пластинки с записями певицы С. И. Друзякиной, представляющие ныне исключительную редкость.

дельному терпению и любви Софьи Ивановны. Ребенок был крещен лишь спустя четыре месяца после рождения, а о венчании травмированный первым своим браком родитель долгое время и слышать не хотел. Иван Леонтьевич с Софьей Ивановной обвенчались лишь в 1915 г., причем Софья Ивановна, чистокровная немка, по требованию Ивана Леонтьевича приняла не только православие, но даже и старообрядчество.

Жену управляющего прислуга и простые деревенские люди искренне жалели, хоть она, конечно, и не догадывалась об этом. В имении укрыться было негде. Вся жизнь семьи протекала на людях. Лакей Прохор, горничные Матреша и Аннушка, особенно близкие хозяевам, переживали вместе с ними все семейные неурядицы. Ивана Леонтьевича с некоторых пор будто подменили. Дома он стал бывать мало, пропадал на бегах, целые ночи проводил в компании игроков, нередко проигрывая крупные суммы. Он часто бывал теперь резок, несправедлив по отношению к Софье Ивановне, ревновал ее к сцене, требовал, чтобы она бросила театр. Она не уступала, они ссорились. Музыка теперь редко звучала в имении. Из-за постоянных насмешек Ивана Леонтьевича Софья Ивановна перестала заниматься в Бутове. Нередко ее видели заплаканной. Но, поплавав, Софья Ивановна снова и снова все прощала своему «дорогому, золотому, любимому Ванечке». Она любила его бесконечно и хотела только одного: жить с ним в мире и спокойствии. Но театр она тоже любила и не могла его бросить.

Лучшей прогулкой для Ивана Леонтьевича была прогулка по конюшням. Чтобы сделать приятное близкому человеку, Софья Ивановна иногда отправлялась с ним. Брали детей с собой — Игоря и маленькую Любу. Несмотря на протесты Софьи Ивановны, Иван Леонтьевич сажал малютку верхом на коня Плутика. Добрейший старый Плутик стоял под маленькой наездницей, как вкопанный, или же, понукаемый умелой рукой хозяина, делал несколько осторожных кругов по двору.

При заводе был устроен ипподром, где происходила дрессировка и выездка лошадей и куда на торги съезжались покупатели и знатоки конного спорта. На ипподроме проходили показательные выступления, имелись зрительские трибуны и две вышки для судей. За конным двором, у задних его ворот находился деревянный круглый манеж

Московский ипподром.
Награждение жеребца
Антония, выигравшего
приз в честь князя
Л. Д. Вяземского.
В центре (в картузе)
И. Л. Зимин

под шатровой крышей, амбары и сенные сараи. Конный двор, украшенный красивыми въездными воротами, имел вид небольшой крепости, в стороны от него расходились конюшни.

За лошадьми ухаживали, как за детьми, к каждой особо ценной лошади было приставлено по несколько работников. В стороне от конюшен стоял коровник на двадцать коров. Сельские жители, как никто, знали цену коровам-кормилицам, называли их ласково — «коровки». Крестьянским ребятишкам вменялось в обязанность прибегать сюда и специальными гребнями расчесывать хвосты и шерсть животных, которая от такого ухода даже завивалась кудрями. Рядом с коровником находился птичник, где, кроме обычной птицы, разводили еще индюков. Имелись в хозяйстве козы. Детей поили только козьим молоком, считая его более полезным. Хлеб в имении никогда не покупали и не привозили из Москвы. Пекли свой. Особенным спросом у всех пользовались сдобные булочки.

Иван Леонтьевич был настоящим русским хлебосолом, умел и любил попотчевать своих гостей. Гордостью хозяйина имения была еще псарня — с несколькими десятками русских гончих. Зимой в Бутово приезжали любители охоты: травили зайца в здешних лесах, охотились на лисицу.

Для постоянных и сезонных рабочих в имении были построены добротные деревянные дома. Свои работники — конюхи, наездники — имели по собственной комнате, а

сезонные (их бывало иногда до ста человек — из Рязанской, Владимирской, Тверской губерний) жили в общих комнатах. В отдельном доме была оборудована кухня, где кухарка готовила еду для рабочих, а неподалеку под навесом находилась столовая для них. Специально для рабочих была выстроена баня, имелась прачечная. Выстиранное белье в длинных узких корзинах носили полоскать на пруд, а гладили деревянными скалками или тяжелыми угольными утюгами. Летом вставали в 3 часа. Рабочий день продолжался по 13—14 часов с перерывом на обед с 12 до 15 часов.

В хозяйстве усадьбы имелись погреба со льдом, который сохранялся до конца лета, каретный сарай, каменная кузница и многое другое, необходимое для хозяйства...

В овраге, отделяющем крестьянскую деревню Дрожжино от господской усадьбы, находилось тогда два глубоких бочага. Один из бочагов почему-то называли «Марья»

Реклама о бегах в журнале «Коннозаводство и спорт». (Из лошадей И. И. Зимины записан жеребец Будимир)

№ 1830 КОННОЗАВОДСТВО И СПОРТЪ.

13-го і ю л я Б Ъ Г А.

Императорскій призъ 19200 руб.

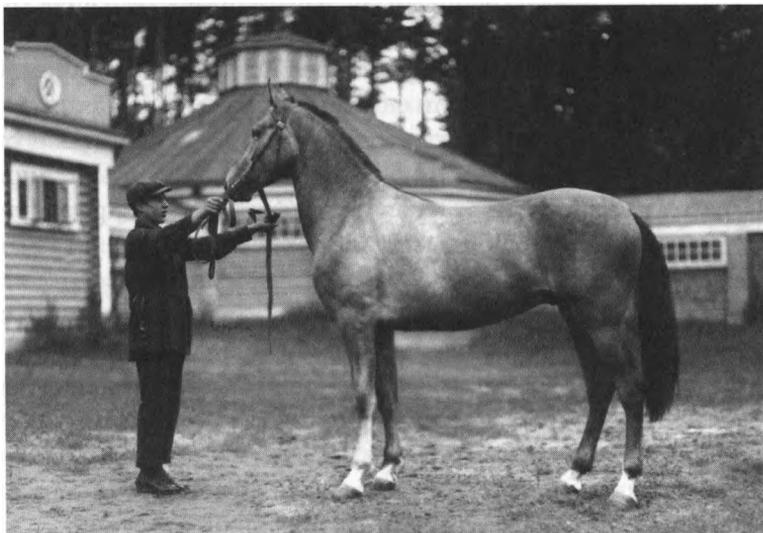
Дист. 4 вер. Записаны:
Будимиръ Н. И. Зимины, Бравый „Т. Е. А.“, Гранатный Н. С. Кашкина, Лунатикъ Н. П. Башвинова.

Призъ 5000 руб. въ честь гр. Г. И. Рибоьера. Дист. 1 вер. ЗАПИСАНЫ: Діана, Дочка-Чистаго, Леха, Милая, Муравушка, Телемачна, Холодноватая, Щага и Японочка.

Начало въ 1 час. 10 мин.

Слѣдующіе бѣга 17-го іюля.

Жеребец Бродяга. На заднем плане — деревянный крытый манеж (фотография из картотеки музея коневодства в Москве)

Ивановна», а другой — «Дарья Ивановна». Деревенская молодежь купалась здесь вечерами, после окончания дневных работ — на закате или после заката. Приходили из Городяихи, Ново-Никольского*, Бутова. После купания сидели на берегу, пели песни. По праздникам на горке в деревне Дрожжино устанавливали качели, обвивали их лентами, украшали цветами. Не умолкала гармонь. Горка пестрела разноцветными платьями и рубашками как цветочный луг. Молодежь танцевала, пела, играла в какие-то свои игры. А зимой по деревням, в очередь, устраивали девишники, плели кружева, угощались сладостями, которые покупали вскладчину.

Настоящий владелец усадьбы, Иван Иванович, дачную жизнь не любил. Жена его также бывала здесь изредка и только в летние месяцы. Держалась она отчужденно. Воспоминаний о ней среди местных жителей не сохранилось. Но лето 1914 г. она проводила в бутовском имении по соседству с семьей Ивана Леонтьевича. Кончилось это тем, что Иван Леонтьевич без памяти влюбился в дядюшкину жену — мать пятерых почти взрослых детей. Слезы в имении полились рекой. Сцены ревности, ссоры, проклятья, метания туда-сюда, коленопреклоненные мольбы о прощении сменяли друг друга у всех на глазах.

Женой Ивана Ивановича Зимина была Александра Ивановна Дерожинская-Зимина (в девичестве Бутикова), которая являлась обладательницей немалого собственного капитала. Говорили, что она имела какое-то особенное влияние на мужчин; таких, как она, в старину называли «роковыми женщинами». Иван Иванович был ее третьим мужем. Девичья фамилия Бутикова — не настоящая фамилия Александры Ивановны. Она была дочерью какого-то мелкого управляющего, умершего вскоре после ее рождения. Бездетный купец Бутиков приютил осиротевшую девочку и, дав ей свое имя, воспитал как собственную дочь. Позаботился Бутиков и о том, чтобы приискать приемной дочери подходящую партию. Первым мужем А. И. Бутиковой был представитель богатейшей купеческой семьи — Павел Павлович Рябушинский. Александра Ивановна родила от него двух детей, но затем развелась с ним, чтобы выйти замуж за другого. Вторым мужем Александры Ивановны был блестящий царский офицер, адъютант великого князя Николая Николаевича Владимировича Дерожинский**. От него

* Селения Городяиха, Ново-Никольское и Старо-Никольское располагались вдоль Старо-Варшавского тракта. В Ново-Никольском напротив съезда с шоссе находился трактир, в котором любили останавливаться ямщики, следующие в южном направлении. Рядом с трактиром стоял двухэтажный дом Горбачевых; на первом этаже которого был магазин, где бойко торговали бакалеей, продавая продукты за наличные и в долг — «до получки». У Горбачевых имелась также собственная бойня. До революции в деревне Ново-Никольское находилась квартира урядника и земское четырехклассное училище. В селе Старо-Никольское располагалось двухклассное училище.

** В. Дерожинский (Дерюжинский), лишенный советской властью всяких средств к существованию, умер в начале 1920-х гг. в крайней нищете. Его могила находится на территории некрополя Зиминых на Преображенском кладбище.

* В доме Дерожинских ныне помещается австралийское посольство. По счастливой случайности уникальная усадьба не была разграблена после октябрьского переворота. Сотрудники посольства понимали художественную ценность здания, интерьеров, мебели и предметов быта, в нем находящихся. Они не только сохранили их в полной неприкосновенности, но и издали альбом-путеводитель по особняку.

Александра Ивановна также имела двух детей. Дерожинские жили в Москве. Александра Ивановна была владелицей одного из красивейших московских особняков в Штатном (ныне Кропоткинском) переулке*. Особняк был построен в 1901 г. по проекту Ф. О. Шехтеля — гения русского модерна. Вся городская усадьба — дом, флигеля, ограда, интерьеры и предметы быта — от фантастических каминов, шкафов, светильников, замков, дверных ручек до обыкновенной посуды — все было выдержано в едином стиле и представляло собой уникальные произведения искусства.

Но семейная жизнь Дерожинских также оказалась непрочной. Вскоре Александра Ивановна развелась со своим мужем, чтобы в третий раз выйти замуж — на этот раз за Ивана Ивановича Зимина. Супруги поселились в Москве. В браке с Зиминим у Александры Ивановны родился пятый ребенок — Сергей...

Конечно, Ивану Ивановичу и в голову не могло прийти, что чары его жены окажут такое сокрушительное действие на его родного племянника, к которому он сам был очень привязан. Неизвестно, чем бы кончилось летнее увлечение Ивана Леонтьевича, но начавшаяся в августе 1-я мировая война поневоле всех и вся примирила. И хозяин имения, и его племянник-управляющий (вместе со всеми своими четырьмя братьями) в сентябре 1914 г. ушли на фронт.

Сыновья Я. И. Зимина. Слева направо — Иван, Владимир, Николай; (сидят); Александр и Василий (стоят). Перед отправкой на фронт. Сентябрь, 1914 г.

Иван Леонтьевич
Зимин в госпитале
после ранения,
1915 г.

На войне Иван Леонтьевич, будучи от природы человеком храбрым и решительным, проявил себя с наилучшей стороны. 6 декабря 1914 г. где-то близ местечка Рудзиско прапорщик И. Л. Зимин первым ринулся во вражеский окоп, поведя за собой свою роту, чем способствовал успеху важной военной операции. При этом было взято в плен десять офицеров и «174 нижних чина вражеской армии». За этот геройский поступок Иван Леонтьевич был награжден Георгиевским крестом IV степени, причем награду он получал из рук самого государя. Кроме того, ему, единственному из Зиминых, было пожаловано дворянство. Но все это происходило потом. А тогда, в бою, Иван Леонтьевич был тяжело ранен и долго лежал в госпитале. Дядюшка его, Иван Иванович, также был ранен, но легко. В 1915 г. оба демобилизовались и вернулись домой. В госпитале Ивану Леонтьевичу в качестве обезболивающего постоянно кололи морфий. Это считалось тогда в порядке вещей. Вернувшись в Бутово, он еще долго лечился. Но это ранение и особенно лечение после него печально сказались на здоровье и даже на самой судьбе Ивана Леонтьевича; он не мог оправиться от этого до конца жизни.

В 1916 г. в имении случился пожар*. Горел дом Ивана Леонтьевича. Пожар начался ночью, тушили его всем ми-

* Все спали, когда начался пожар. Сначала стала тлеть, а затем загорелась стена около каминной трубы. По телефону вызвали пожарную команду. Звонили в било, установленное при дороге, созывая со всей округи работников и крестьян.

ром. К счастью, никто при этом не пострадал. После пожара дом был несколько перестроен. Второй этаж заменили небольшим уютным мезонином.

1917 г. никак не отразился в дневничке жены управляющего, известной оперной певицы Софьи Ивановны Друзякиной. Можно подумать, что катастрофические перемены, происшедшие в стране, не коснулись этого тихого уголка Подмосковья. Уехав подальше от революционной «страшной» Москвы 1917—1918 гг., она наслаждается сельской жизнью. «За свои 37 лет, — пишет она в дневнике, — я впервые встречаю весну в деревне». Из окна комнаты Софьи Ивановны был виден скворечник, и они вместе с Любой подолгу стояли у окна, наблюдая мирную жизнь птиц и любуясь весенним цветением. Время от времени Софье Ивановне приходилось все же уезжать на гастроли, чтобы заработать немного денег. Концертная и театральная жизнь в тревожные дни 1917—1918 гг., как ни странно, не только не прекратилась, но, кажется, была даже более насыщенной, чем в прежние годы. Вернувшись как-то с гастролей из Нижнего Новгорода, Софья Ивановна пишет в своем дневничке (от 16 апреля 1918 г.): «Дома, слава Богу... Люба... Ваня... Бутово, милое, родное и все дорогое, опять я дома...».

И. Я. Зимин
и С. И. Друзякина
с детьми. Слева —
Алексей, в центре —
Игорь и маленькая
Люба, 1915 г.

Иван Леонтьевич
Зимин с царскими
наградами, 1915 г.

Дочь Ивана Леонтьевича и Софьи Ивановны, Люба, вспоминает о бутовском доме, где прошли ее детские годы.

«Я как сейчас вижу этот небольшой деревянный, удивительно уютный домик с крыльцом-фонарем, длинным коридором, по бокам которого шли комнаты, такие знакомые, такие родные... Первой комнатой по левую руку была спальня — большая, просторная, светлая, обставленная мебелью из красного дерева. Большая двухспальная кровать, тоже из красного дерева, занимала чуть ли не половину комнаты, сбоку помещалась еще кушетка. В глубине в углу стоял большой иконостас со старообрядческими иконами. Когда мы приезжали в Бутово с мамой, мы спали с ней на этой двухспальной кровати, а папа на кушетке. Когда потом я бывала здесь без мамы, то спала с папой на этой кровати. Перед сном он всегда быстро бормотал молитву на ночь, а потом говорил мне: “Ну, спи, Христосики с тобой”. Или: “Прости меня, Христа ради”... И потом еще долго курил, так и засыпал с папиросой в руках, часто прожигая чудесное шелковое красное одеяло из гагачьего пуха, стеганное монашками в каком-то монастыре.

Следующей комнатой был папин кабинет. Мне особенно запомнились в этой комнате огромные олени рога, ви-

севшие над дверью. Из кабинета дверь вела в ванную комнату. Фаянсовый расписной умывальник казался мне сказочно красивым. А столик, стоявший тут же!.. Чего-чего только на нем не было! Ножницы всех размеров, гребенки, флакончики с какими-то таинственными жидкостями... Напротив спальни была столовая с большим раздвижным столом и кроватью у стены — для приезжающих. Здесь обычно спала бабушка, когда она жила с нами в Бутове⁹. Несколько небольших комнат в доме занимала прислуга. Крутая деревянная лестница вела наверх — в комнаты старших детей.

Несмотря на кажущееся затишье, были все основания опасаться мародерства, разграбления имущества и конного завода в Бутове. Есть сведения, что И. А. Зимин вскоре после переворота 1917 г. пришел в местный волисполком и попытался объяснить новому начальству, что бесценные чистопородные лошади являются достоянием государства и завод нуждается в охране. Зимин был направлен к начальнику местной милиции за помощью и, видимо, получил ее: после революции конный завод действовал, как и прежде, хоть и перешел в собственность государства. Но в 1918 г.

Лист из дневника
Софьи Ивановны
Друзякиной
(от 16–22 апреля
1918 г.)

16²⁰/₄ 1918
 Боже, слава Богу... Люба... Ваня... Бутово
 мне... родное... все... до... от... в... дома...
 Петруша Даня и Перекоп... Ваня, посыл... Агашу и Марю...
 Сергей... Ваня приглашен... в... Франц... на 5...
 Был... бы... если... бы... "Судебный" 3 раза... кол...
 одна... на... Сергей... Алексей... в... театре...
 ...исход... 200 р. за... на... 400.
 Не... скажет... Ваня... возмущенный...
 отговаривает... а... в... сумраке...
 в...
 20¹⁰... Сирена... в...
 мамаша... была... весело... настроен
 не...
 21¹⁰... Подарил 500 р. и... сафьян...
 такие... и...
 24¹⁰... 200 р. в... красн

И. Л. Зимин
с женой и дочерью
Любой, 1916 г.

имение Ивана Ивановича Зими́на, как и все имения в округе, было национализировано. Еще ранее были национализированы и конфискованы зиминские фабрики. Иван Леонтьевич же, никогда не имевший личной собственности, а являвшийся лишь управляющим у своего дяди, был оставлен в Бутове фактически на той же должности, что и прежде, — в качестве управляющего конным заводом.

Он состоял теперь на государственной службе в МОЗО (Московском земельном отделе). Новая жизнь его, по-видимому, не испугала. Он даже не прочь стать комиссаром(?!). (Об этом мы читаем в дневнике Софьи Ивановны от 26 апреля 1918 г.) К счастью, Бог миловал. Новые власти решительно отказали Ивану Леонтьевичу, указав на его неподходящее происхождение. После 1917 г. некоторые из Зиминых были высланы, многие бедствовали, даже голодали. Брат Ивана Леонтьевича Алексей Леонтьевич, например, торговал папиросами и спичками на улицах Москвы, чтобы не умереть с голоду.

Больше всего революционные перемены потрясли мать Ивана Леонтьевича—Марию Васильевну Зимину. Первый удар судьбы поразил ее еще в 1913 г., когда она потеряла любимого мужа, отца своих двадцати детей, рядом с которым всю жизнь чувствовала себя как за каменной стеной. Второй удар испытала она, когда в 1917 г., вернувшись из имения, нашла двери своего московского особняка опеча-

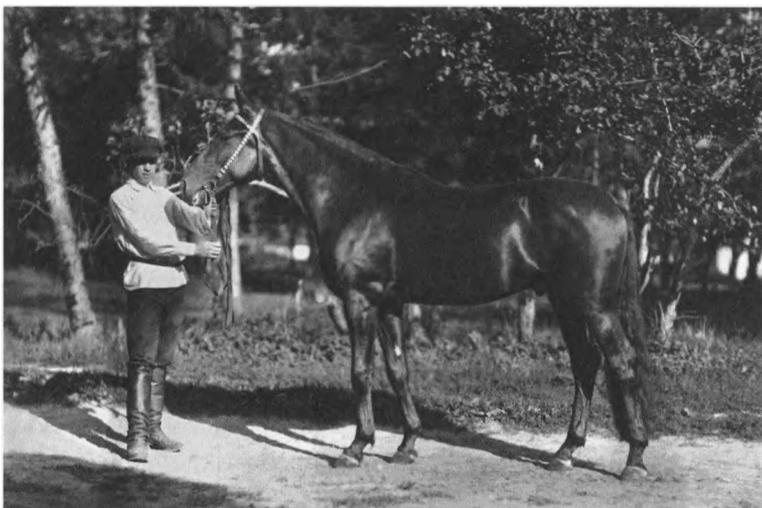
* Старожилам было известно, что в бывших зиминских конюшнях стоял конь С. М. Буденного, который во время гражданской войны вынес своего всадника из боя, но был ранен и сильно хромал. По просьбе Буденного заслуженного боевого коня отправили сюда на почетное содержание — вместо неизменной в подобных случаях бойни.

танными. У входа стоял красноармеец с винтовкой, который не пустил ее в дом. Что-то сдвинулось в психике Марии Васильевны. Она заболела и попала в больницу для душевнобольных. Ее пытались лечить, но ничто не помогало. Дома она жить не могла. Пришлось ее отдать в богадельню при старообрядческой Преображенской молельне. Там она спустя несколько лет умерла...

В архивах пока не найдены документы, уточняющие, когда именно Бутовская земля перешла во владение ОПТУ. Может быть, это произошло с первых дней существования советской власти, а может быть, в начале 1930-х гг. Время от времени из Москвы приезжал уполномоченный, забирал понравившихся ему лошадей. Должно быть, у Ивана Леонтьевича сердце кровью обливалось, когда он расставался со своими питомцами, тем более что предназначались они теперь не для мирных соревнований, а для ненавистой ему гражданской войны, а впоследствии для войск ОГПУ. Кроме того, по требованию местных властей породистых лошадей завода в горячую пору использовали в транспортных целях*.

Надо сказать, что никто из Зиминых не сочувствовал советской власти. Все они страстно ждали возвращения старого режима. В разговорах друг с другом они разделяли все события и даже саму жизнь на «ДО» и «ПОСЛЕ», т. е. на то, что было до 1917 г., и то, что было после него. (Все хорошее, разумеется, относили к тому, что было «ДО», все плохое — к тому, что стало «ПОСЛЕ» означенной даты.)

Объездчик конного завода И. И. Зимина с жеребцом Аиром — сыном знаменитого Антония (фотография из картотеки музея коневодства в Москве)

Иван Леонтьевич хоть и находился на государственной службе, с новой властью не примирился до конца своих дней. Но он любил лошадей, может быть, не без корыстных целей стремился сохранить хозяйство завода, уважительно относился к рабочим, добросовестно выполнявшим свои обязанности. Они отвечали ему тем же, особенно те, что работали с ним на конном заводе еще до 1917 г. В Бутове он продолжал оставаться настоящим хозяином, хоть и не числился таковым.

А семейная жизнь Ивана Леонтьевича и Софьи Ивановны все не налаживалась. Они то разъезжались, то съезжались, то снова разъезжались. По желанию Ивана Леонтьевича в 1919 г. был оформлен развод с Софьей Ивановной. Он снова сошелся с женой дядюшки. «Роман А. И. и Ивашки в полном разгаре», — записывает брат Ивана Ивановича Сергей Иванович Зимин в своем дневнике. Где в это время находится Иван Иванович, трудно сказать, похоже, по примеру прошлых лет, опять на театре военных действий. Сергей Иванович пишет о нем: «...Ваня сильно ранен, прислал письмо, где описывает рану. Оказывается, перебито легкое и пять ребер. Грустит, что никого нет около»¹⁰.

А вскоре посыпались беда за бедой. Пасынок Ивана Леонтьевича Алексей, живший вместе с отчимом в Бутове и помогавший ему в работе на конном заводе, был призван в армию и там застрелился по неизвестным причинам. Другой сын, Борис, эмигрировал. В 1919 г. случилось несчастье с приемным сыном Софьи Ивановны — шестнадцатилетним Игорем, умным, талантливым мальчиком, обожавшим свою приемную мать. Сбегая в училище с лестницы, он упал и ударился головой о каменные ступени. Проболев два дня, Игорь умер. Вместе с матерью и дочерью Любочкой Софья Ивановна переехала в Москву на Башиловку, сняв прежний особнячок, где когда-то начиналась ее жизнь с Иваном Леонтьевичем. Несмотря на все горести, неуемная творческая энергия Софьи Ивановны требовала выхода. Она поставила дома оперу в исполнении детей «Война грибов». Декорации и костюмы делали сами, музыку, похоже, сочиняли тоже сами. Немногочисленные зрители из друзей и знакомых были в восторге.

Но жизнь продолжала оставаться беспокойной. Какие-то люди время от времени приходили в дом, грозили высе-

Юбилейный
значок ГИТИС
1878-1928 гг.

лением. Софья Ивановна с детьми переехала на Садовую-Кудринскую. Она вложила немалые деньги, чтобы отремонтировать выделенный ей особнячок. Как только ремонт дома закончился, его отобрали под районный комитет партии. В начале зимы 1921 г. семье выдали ордер на другую квартиру. Шестикомнатная квартира на Ленинке, которую предложили певице Друзякиной, стояла разоренная, с выбитыми окнами, выломанными дверями*. Пришлось опять все начинать с нуля. Три дома около Храма Христа Спасителя, в одном из которых поселилась Софья Ивановна с семьей, до революции принадлежали княгине Куракиной. От былой роскоши в доме оставался лишь плафон над лестничным пролетом, где изображались парящие в синем небе ласточки. Все очень радовались им, пока спустя несколько лет их не закрasila бездушная рука маляра.

В том же 1921 г. осенью умер от тифа где-то в больнице под Ростовом-на-Дону верный друг Софьи Ивановны — ее первый муж Даниил Даниилович Друзякин. Даже после развода и нового ее замужества он продолжал постоянно навещать Софью Ивановну и помогал, чем мог. Вот и теперь он отправился на Дон раздобывать продукты для семьи Софьи Ивановны.

Несчастья продолжали сыпаться одно за другим. Проболев всего три дня, 18 июня 1922 г. тоже от тифа умер бывший хозяин Бутовского имения Иван Иванович Зимин. Перед его кончиной жена его Бутикова-Дерожинская-Зимина была рядом с ним. Они примирились. Ивана Ивановича похоронили в некрополе Зиминых на Преображенском кладбище. На похоронах было много народу. Все искренне горевали. На девятый день после кончины брата Сергей Иванович писал об умершем в своем дневнике: «Все любили его. Он объединял, заботился обо всех, упуская свое. Чудный человек. Светлый ум, страшная энергия и трудоспособность и сердце кристальное — вот что все мы потеряли»...¹¹

Дальнейшая судьба Софьи Ивановны Друзякиной показала ее далеко не слабый характер и истинную приверженность любимому делу. Начиная с 1920-го и до 1924 г. Софья Ивановна продолжала работать в театре С. И. Зимина, который с 1918 г. назывался театром Московского Совета рабочих депутатов, а в годы нэпа — Первой свободной оперой С. И. Зимина. Кроме сценической деятель-

* В течение нескольких лет здесь было рабочее общежитие, после чего квартира превратилась в нежилое помещение.

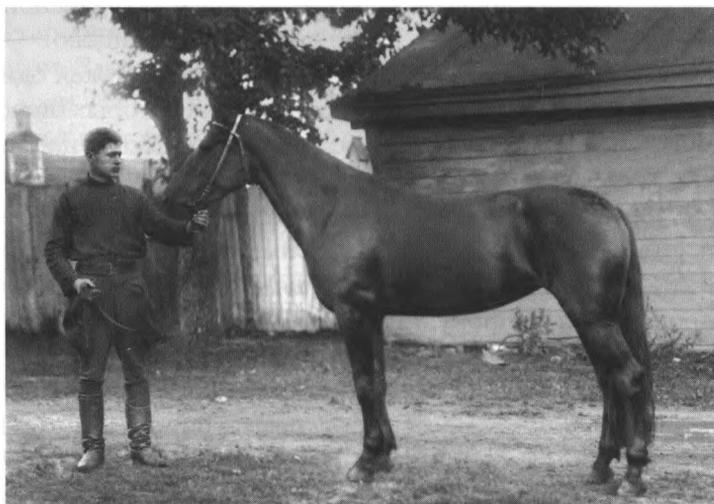
ности, она занялась (и очень успешно!) преподаванием. Она работала в Музыкально-драматическом институте ЦЕТЕТИС (позднее ГИТИС) и музыкальном техникуме им. А. Скрябина*.

В квартиру на Ленивке несколько раз приходили «дамы в кожаных куртках с наганами» и требовали уплотниться. В конце концов квартиру, конечно, «уплотнили», но Софье Ивановне как известной певице все же оставили две лучшие комнаты. В одной из них стоял рояль. Софья Ивановна занималась тут со своими студентами.

А Иван Леонтьевич продолжал жить и работать в Бутове. В голодную Москву он привозил своим родственникам Зиминым кое-какие продукты: молоко, овощи, фрукты, птицу. Однажды в день рождения Сергея Ивановича, любившего покушать, а теперь не имевшего денег даже на то, чтобы подлатать свой единственный костюм, он привез поросенка. Навещал Иван Леонтьевич и Софью Ивановну с дочерью Любочкой, которую очень любил. Иногда он брал Любу в гости к кому-нибудь из Зиминых или увозил ее в Бутово, чтобы ребенок подышал свежим воздухом. А однажды Иван Леонтьевич повез семилетнюю Любу на бега и предложил сделать ставку на какую-нибудь лошадь. Любочка выбрала, и эта лошадь выиграла, пришла первой. Они получили кучу денег. Неизвестно, кто больше радовался, отец или дочь.

В 1921 г., несмотря на очень трудное время, началось некоторое оживление конного спорта. А в 1922 г. после окон-

* Музыкальный техникум им. А. Скрябина был создан в 1919—1920 гг. на основе бывшей частной музыкальной школы Селиванова. Техникум находился на углу Б. Никитской (позже ул. Герцена) и Никитского бульвара. В 1927 г. в техникуме обучалось около 700 учащихся. В начале 1930-х гг. Скрябинское учебное заведение вошло в состав техникума им. братьев Рубинштейн, позже техникум был преобразован в государственное училище при Московской консерватории (Мерзляковское).

Дочь Антония Брысь, победительница приза Дерби в 1922 г. (фотография из картотеки музея коневодства в Москве)

* Дерби — приз, о котором мечтает любой коннозаводчик и наездник. В России в нем участвуют только четырехлетки, в Европе — трехлетки. Четырехлетняя кобыла Зиминых Брысь была потомством от знаменитого жеребца Антония и кобылы Баронессы-Роджерс // *«Коневодство и коннозаводство»*, 1930. № 2. С. 82.

**В 1939 г. приз Дерби выиграл внук Антония Летучий Голландец.

чания гражданской войны состоялись первые крупные бега на Московском ипподроме. В них приняли участие лошади бывшего зиминского конезавода. Четырехлетняя кобыла Зиминых Брысь выиграла почетный Большой Всесоюзный приз четырехлеток, прежде называвшийся призом ДЕРБИ*. В журнале «Коневодство и коннозаводство» кобыла Зиминых Брысь названа «первой красной дербисткой»**.

В 1922 г. четыре хозяйства — бывшие усадьбы Щербинка, Быковка, Саарбеково и само зиминское хозяйство с конным заводом — были объединены в сельхоз «Зиминское».

В том же году Иван Леонтьевич устроил Софью Ивановну с Любой на лето в Саарбеково. Имение потомственного почетного гражданина Моисея Семеновича Саарбека было, конечно, уже конфисковано в пользу государства. Находилось бывшее имение в семи верстах от Щербинки.

«Это было совершенно райское, изумительное место, где нам посчастливилось прожить пять летних сезонов подряд, — вспоминая свои детские годы, пишет Любовь Ивановна, дочь Ивана Леонтьевича и Софьи Ивановны. — Подмосковные места вообще прекрасны, и я не променяю их ни на Юг, ни на Украину, но такого чудесного места, как Саарбеково, мне и под Москвой никогда больше не приходилось встречать. Конечно, много зависело и от тех условий, которые мог предоставить нам тогда отец... Всегда, когда мы приезжали поездом на станцию Щербинка, за нами высылались лошади, которые везли нас по чудесной дороге через леса и поля, мимо деревни Ордынцево*** — в имение Саарбеково. Чаще всего за нами выезжал один и тот же кучер, на тех же лошадях, одну из которых он почему-то звал Володя, и всегда во время пути весело покрикивал: “Володя, ми-и-илый!”»...

«За Ордынцевом начиналось огромное поле, где во ржи тут и там синели васильки, а за этим полем после небольшого перелеска начиналась длинная липовая аллея, которая приводила на широкую лужайку, окруженную кустами сирени. В центре ее стоял большой деревянный двухэтажный дом с тремя террасами внизу и тремя балконами наверху. Это и был дом-усадьба Саарбековых. С противоположной стороны дом выходил на такую же просторную поляну, усеянную маргаритками; поляну окружали вековые агро-

*** Ордынцево, или Ордынцы — одно из древнейших селений Московии, известное еще с XIII века. Через него пролегла старинная дорога Ростовка, ведущая из Москвы в Золотую Орду. (Свяц. Николай Киселев. *Дорога Ростовецкая* // «Московский журнал». *История государства Российского*. 2004. № 1. С. 42—45)

Дом в бывшем имении
Саарбеково, где
проводила летние
месяцы С. И. Друзякина
вместе с детьми,
друзьями и учениками
(фотография середины
1920-х гг.)

мные кедр, на которых к осени поспевают настоящие кедровые орешки, и сосны, а дальше шел парк, в котором величавые ели и сосны переходили в березовую аллею, ведущую дальше через большой луг к реке Пахре. С третьей стороны дома густо увитая диким виноградом терраса выходила на спортивную площадку, обрамленную огромными старыми липами и заканчивающуюся таинственным оврагом. Здесь всегда было полутемно и прохладно, водились ужи. На спортивной лужайке мы играли в городки. А крутом были леса, поля, заброшенные ягодные плантации... Отец предоставил нам верхний этаж дома... Комнат было так много, что мы, свободно разместившись в них, могли еще приглашать на все лето друзей и знакомых»¹².

На первом этаже дома жили служащие МОЗО. Там же помещалась комната Ивана Леонтьевича, в которой он останавливался, когда приезжал сюда по делам службы. В Саарбекове находилось тогда одно из хозяйств Бутовского конного завода. Здесь отдельно от взрослых лошадей в небольшой конюшне содержались отнятые от мамок чуть подросшие жеребята.

Софья Ивановна со всеми своими домочадцами приезжала в Саарбеково ранней весной, а уезжала в Москву (в свою коммуналку на Ленинке) поздней осенью. Сюда в Саарбеково съезжались многочисленные ученики Софьи Ивановны, которые в это трудное для всех время жили очень бедно, на маленькую стипендию, а зачастую и без всякой стипендии. Мать Софьи Ивановны Марта Людвиговна, прекрасная кулинарка, между занятиями подкармливала вечно голодную, но веселую молодежь. Студенты жили здесь по несколько дней, места всем хватало, занимались, пели, собирали все вместе грибы и ягоды, которых тогда было «великое множество в этих почти нехоженных местах».

Рядом с домом находился большой фруктовый сад, позади него пасека. Жил при ней и старик-пасечник, постоянно приносивший дачникам мед. По другую сторону бывшего барского дома располагались хозяйственные службы, конюшни, за которыми слева шла дорога полем к деревне Ордынцево и дальше — к станции Щербинка, а справа тропа спускалась в огромный овраг.

«В глубине этого оврага был большой луг, пойма, выгон, куда выгоняли пастись скот и где были загоны для жеребят». Через этот овраг дачники Саарбекова ходили в соседний совхоз — бывшее имение молокозаводчика Бландова. Туда отправлялись за молоком на скотный двор, оставшийся от прежних владельцев. В небольшом бывшем барском деревянном доме тогда никто уже не жил, но в одной из комнат оставалась библиотека, в которой было много интересных книг, старых, без переплетов, часто без начала и конца. За бывшим имением Бландова в самой деревне были устроены огромные «гигантские шаги». Детвора из Саарбекова любила кататься на этих «гигантских шагах».

Одно время в Саарбекове гостила растерявшая во время гражданской войны своих артистов-лилипуптов Нина Ульрих. Иван Леонтьевич потом взял ее к себе на конный завод. Какое-то время она работала у него счетоводом и жила в маленькой комнатке рядом с рабочей комнатой бухгалтеров*. Контора их помещалась теперь в жилом доме Ивана Леонтьевича по соседству с его столовой. Здесь же находилась и кухня, рядом с которой жили кухарка и горничная Аннушка. Иван Леонтьевич старался пристроить на конный завод тех из бывшей зиминской прислуги,

* Случалось бывать Любе в Бутове и зимой. В 1927 г. ее отправили сюда для поправки здоровья после скарлатины. Она целыми днями гуляла, дышала морозным воздухом, с удовольствием валялась в снегу. А вечерами они с тетей Ниной отправлялись к местным знакомым в гости, где под грампластинки тетя Нина отплясывала па д'эспань и краковяк.

В семейном кругу.
С. И. Друзякина
за пасьянсом. Справа
от Софьи Ивановны
ее мать — Марта
Людвиговна Менцель

кто остался в Бутове и был теперь не у дел: бывшую Любину няню Лушу, Прохора, его жену Анну, других. Прохор работал конюхом, а Анна стряпала и стирала на рабочих.

При конном заводе существовал клуб для рабочих. По просьбе Ивана Леонтьевича Софья Ивановна со своими учениками-певцами ставила в клубе одноактные оперы: «Паяцы» Дж. Леонкавалло, где Софья Ивановна исполняла партию Недды, «Сельскую честь» П. Масканы, в которой она пела Сантуццу. Во втором отделении, расположившись «табором» на сцене, студенты во главе с Софьей Ивановной с удовольствием пели цыганские романсы. Эти концерты-представления собирали много народу и проходили с огромным успехом. После спектакля Иван Леонтьевич устраивал для исполнителей обильный ужин.

Возможно, соседство профессиональных артистов повлияло на то, что местными сельскими жителями в начале 1920-х гг. был создан свой народный театр. Сохранилась фотография, где самодеятельные артисты сняты в ролях после спектакля «Ванька-ключник».

Год за годом Друзякины с ранней весны — снова в Сарбекове. Любовь Ивановна вспоминает: «Папа очень заботился о нас, когда мы там жили. Он всячески старался сделать нам все хорошее, что только мог, по-видимому, хотел загладить прошлое, чувствовал свою вину перед семьей. По его распоряжению перед домом разбили огромную

Люба Зиминая
на крыльце
дома-дачи, 1920 г.

клумбу и засадили цветами. Из соседних совхозов присылали нам целые решета с ягодами для еды и варенья...» «Отец очень часто приезжал к нам... Он жил по-прежнему в Бутове, где было главное поле его деятельности — конный завод». В осенние дождливые дни и особенно вечера, когда рано темнело, бывало очень тоскливо. И вдруг за окнами раздавалось цоканье копыт вдоль по липовой аллее. «Я как сейчас слышу этот звук, — пишет Любовь Ивановна, — очень радостный для нас с бабушкой — это приезжал папа. В дождь, в любую погоду, поздно вечером он являлся к нам, и все как-то оживлялось в доме. Он ездил всегда в маленьком тарантасике, запряженном одной лошастью, сам всегда правил, а любимый его кучер рыжий Яков только сидел рядом и потом распрягали запрягал лошадь»... «Папа часто привозил нам что-нибудь вкусненькое, у нас раздували самовар, и мы усаживались пить чай»...

Любе было одиннадцать лет, когда она увлеклась театром. В Саарбекове в комнате Ивана Леонтьевича на первом этаже стояло пианино. Его выдвигали на террасу, увитую диким виноградом, и начинался концерт или театральное представление. Находилось, кому исполнять роли, кому петь, кому аккомпанировать, находились и благодарные зрители.

Иван Леонтьевич хотел привить маленькой Любе любовь к лошадям. Он часто забирал ее из Саарбекова в Бутово, водил по конюшням, показывал лошадей на пробежках,

а в Саарбекове разрешал выводить какого-нибудь жеребенка на водопой. У Любы был даже свой собственный любимый жеребенок — очень красивый, серый в яблоках.

Аннушка, бывшая горничная Зиминых, часто приходила из Бутова в Саарбеково, чтобы поболтать с Софьей Ивановной, «вспомнить старое доброе время».

Навсегда запомнились маленькой Любе окрестности Бутова и Саарбекова, мир полей, лесов, «бесконечно дорогой, русский, такой близкий сердцу...». В 1995 г., уже на семьдесят первом году жизни она вспоминала: «...Какое блаженство было ходить огромным полем по дороге в Ордынцево, как приятно шлепать босиком по дорожной мягкой теплой пыли и собирать во ржи букеты васильков. А красавица Пахра с ее зелеными берегами и песчаным дном, такая всегда прохладная в самые жаркие дни... И раздолье, раздолье и свобода!..»

Как бы продолжением постоянного музицирования в Саарбекове явились концерты Софьи Ивановны в Малом зале Московской консерватории, которые она давала совместно с учениками. Эти концерты со временем стали значительным явлением в музыкальной жизни Москвы, особенно в 1927—1928 гг., когда в исполнении С. И. Друзякиной и ее учеников звучали редко исполняемые вокальные произведения И. Брамса, Р. Штрауса, некоторых советских композиторов. С 1928 г. Софья Ивановна стала преподавать в Московской консерватории. В 1930 г. она уже — декан, профессор. Она отдала консерватории восемнадцать лет жизни. Ею воспитано более шестидесяти учеников, многие из которых с успехом выступали на лучших оперных и концертных сценах. В числе ее учениц — знаменитая Наталья Рождественская, ставшая впоследствии ее первой помощницей и ассистенткой.

Иван Леонтьевич, несмотря на ненавистную ему советскую власть, продолжал все силы отдавать любимой работе. Он старался сохранить хозяйство на должном уровне, писал статьи в журналы по коневодству. Конный завод «Зиминское», переименованный в 1924 г. в конезавод им. Л. Б. Каменева¹³, был в десятке лучших в стране. В годовом отчете о рысистых испытаниях за сезон 1927/1928 г. количество выступлений лошадей с конезавода им. Л. Б. Каменева (с 1928 г. уже переименован в 3-й Московский ко-

С. И. Друзякина.
На обороте
фотографии надпись:
«Личность и звание
Софии-Мargarиты
Ивановны Зиминой,
по сцене Друзякиной,
удостоверяю. Пристав
(подпись)»

* До передачи дома Москвина конезаводу в 1926 г. в нем помещался детский дом им. А. М. Коллонтай. После его ликвидации детей поселили частично в детском доме им. III Коминтерна, частично — в общежитиях г. Подольска.

** УИК — уездный исполнительный комитет.

несовхоз) было 300, первых призов — 74. В 1930 г. здесь имелось 120 голов лошадей (включая молодняк). В числе резвейших рысаков страны 1929—1930-х гг. названы шесть лошадей 3-го конесовхоза. Все они — потомство знаменитого Антония¹⁴.

Но далеко не все обстояло благополучно. Незаметно, исподволь происходили в хозяйстве серьезные разрушения. В 1926 г. был передан в распоряжение Госконезавода совхоз «Москвино», находящийся близ станции Бутово. Бывший барский дом Москвина предоставили под жилье рабочим конезавода, а уже через год, несмотря на все хлопоты и усилия, его отобрали под начальную школу и школу крестьянской молодежи*. В 1927 г. И. Л. Зимин делал обстоятельный доклад на президиуме Сухановского УИК**. Он критиковал начальство и рабочих совхозов за полный развал работы, говорил, что совхозы, входящие в хозяйство конезавода — бывшие имения «Захарьино, Саарбек, Сушкина и Бландова с каждым годом разрушаются и используются меньше, чем наполовину»¹⁵.

Жизнь менялась на глазах. В бутовских домах и флигелях появились чужие, а главное, малоприятные и крайне неаккуратные люди. От былого порядка и идеальной чистоты не осталось и следа. Иван Леонтьевич смотрел вокруг и глазам своим не верил, как быстро все приходило в упадок. Все жили будто одним сегодняшним днем, никому ничего не было жалко: ни вещей, ни животных, ни тем более людей.

В 1930 г. произошли большие перемены в сельском хозяйстве, как и вообще на селе. Раскулачивание, высылки стали повсеместным явлением. Политизация всех сфер деятельности коснулась даже конного спорта. Дошла очередь и до Ивана Леонтьевича. Его обвинили в том, что он «не утвердился на позициях социалистического хозяйствования». Была назначена ревизия, обнаружены крупные нарушения в отчетности. Ивана Леонтьевича сняли с ответственной работы и перевели на рядовую должность в МОЗО. Ставшего ненужным, Ивана Леонтьевича тут же выселили из Бутова. Дом, где он жил, подвергся запоздалой «национализации» и «экспроприации». В марте 1930 г. решением президиума Ленинского РИК*** дом Ивана Леонтьевича «со всеми надворными постройками был изъят» «у бывшего помещика Зимина». В один миг перечеркнули и про-

*** рик — районный исполнительный комитет.

шлые заслуги Ивана Леонтьевича перед отечественным коневодством, и концерты, которые он устраивал для рабочих, и то, что он никогда не являлся собственником*.

После увольнения Ивана Леонтьевича конный завод был расформирован. Некоторых лошадей отдали на Первый московский конный завод (с. Успенское под Звенигородом), рекордсменов же и ценных производителей, детей и внуков Антония, вернули Еланскому конному заводу, откуда родом был сам Антоний. На Еланском конном заводе была продолжена племенная работа, потомки Антония выделены в отдельную племенную линию, несколько выдающихся жеребцов продолжили его род**. А на территории Бутовского конезавода устроили так называемое «трендепо», где производилась объездка «ремонтных» лошадей для кавалерийских частей Красной Армии и обучение красноармейцев.

Иван Леонтьевич переехал в Москву. От Московского земельного отдела, где он работал, ему дали комнатку в коммуналке на Нижней Масловке. Он поселился там вместе с Аннушкой, Анной Степановой, бывшей горничной Зиминых. Она всегда была очень привязана к зиминской семье, особенно к Ивану Леонтьевичу, буквально сдувала с него пылинки, все прощала ему, ходила за ним, как за больным ребенком. (А он действительно был давно и тяжело болен.) Аннушка никогда не имела своей семьи. После революции она осталась в Бутове, работала при конном заводе кладовщицей, а фактически являлась хозяйкой всего большого бутовского дома. Ее усилиями соблюдался тот идеальный порядок, который так любил Иван Леонтьевич и без которого он просто не мог жить.

Дочь Ивана Леонтьевича Люба вспоминает, как они с мамой ездили к отцу в день его рождения (17 сентября 1931 г. Ивану Леонтьевичу исполнилось 50 лет). Его комната на Нижней Масловке произвела на них самое гнетущее впечатление. На всем был отпечаток ужасающей бедности. Потолок подпирался сваями, которые перегораживали и без того тесную темную комнату. Утешением служил лишь маленький садик под окном, за которым ухаживала Анна Степановна.

Иван Леонтьевич продолжал работать в МОЗО. Его зависимость от морфия становилась все больше. А тут нагрянула новая беда. Была ли на самом деле совершена боль-

* На том же президиуме РИК было предложено передать дом Зимина со всей обстановкой даже не в коммунальное пользование, в каком он, откровенно говоря, уже находился, а в личное — некоему инженеру Шеблыкину.

** «В государственной племенной книге русских рысистых кобыл за 1989 г. четыре относятся к линии Антония». (Т. Минкевич. «История одного конного завода». Рукопись)

* Разрешение на свидание было получено только потому, что И. Л. Зими́на арестовали не по 58-й ст. УК РСФСР. Арестованным по политической статье свиданий не предоставлялось.

шая растрата или, зная слабость Ивана Леонтьевича, сослуживцы сумели свалить на больного человека свои темные делишки, теперь не узнать. Спасаясь от ареста, Иван Леонтьевич вдруг исчез. Три дня его не было. Бог знает, где он скитался и на что надеялся. Затем его, совершенно больного и измученного, привезли к дому на извозчике. Почти сразу же после этого Ивана Леонтьевича арестовали. Около года он провел в Бутырской тюрьме, вернее, в тюремной больнице. Он очень тосковал и просил, чтоб его дочери, Любе, позволили навестить его, и разрешение, как ни странно, было получено*. Любовь Ивановна вспоминала потом, как она, робея, прошла на территорию тюрьмы, как за ней захлопнулась железная калитка в воротах, и ей показалось, что она отсюда уже никогда не выйдет. В палате, где находился отец, лежало много больных. Со всех сторон смотрели на Любу тоскливые глаза заключенных. Отец, постаревший, похудевший, очень обрадовался дочери. Ей было до слез его жалко, но все здесь пугало ее, и хотелось только одного: поскорее убежать и оказаться на свободе.

Через год дело было как-то улажено. Деньги (большую по тем временам сумму в 4,5 тысячи рублей) достали Анна Степановна и Софья Ивановна Друзякина. После освобождения Иван Леонтьевич некоторое время работал ре-визором, ездил в какие-то далекие командировки по конезаводам, а потом уже не мог — здоровье не позволяло. Болезнь его прогрессировала. Жили они с Анной Степановной впроголодь, продавали вещи. В последний год жизни Иван Леонтьевич, говорят, даже просил милостыню**. Анна Степановна могла бы спокойно уехать к родным в деревню, но она не бросила своего бывшего барина, осталась с ним до последнего его часа. В семье Зиминых ее считали святым человеком. Да так оно по сути дела и было.

Время от времени Люба одна или с матерью навещала отца. Привозила только еду, никогда — деньги. Эти посещения были очень тяжелы и для нее, и для Софьи Ивановны. Встречались они с Иваном Леонтьевичем еще на Преображенском кладбище, когда хоронили кого-нибудь из Зиминых.

Об одной из последних встреч с отцом Любовь Ивановна писала: «Стоял снежный февраль. Отец нетвердой походкой пошел по узкой тропке между сугробами. Высокий, худой, почти беззубый, в синей старомодной поддевке на

** Сам Иван Леонтьевич, правда, не признавался, что с ним такое случалось.

Башня и жилой корпус
Бутырской тюрьмы
(фотография 1920-х гг.)

лисьем меху, с развевающейся по ветру седой бородой. Совсем старый! А ведь было ему всего 56 лет»*.

Прошло две недели после этого. 12 марта 1935 г. позволила Анна Степановна и сказала, что Иван Леонтьевич умирает и просит Любу приехать. Любовь Ивановна приехала, села рядом с отцом. Он обрадовался, взял ее руку, прижал к груди, потом как-будто задремал. Очнувшись, громко спросил: «А что, Любочка уже уехала?» Это были последние его слова. Анна Степановна поехала за священником, а когда вернулась, все было кончено.

— Он умер, умер, — вся в слезах, закричала Люба вошедшей Анне Степановне.

Та перекрестилась и сказала спокойно:

— Ну, слава Богу!..

Возница на дрогах вез гроб с телом бедного Ивана Леонтьевича. Анна Степановна с Любой отправились следом на трамвае. На ночь гроб поставили в молельне на Преображенском кладбище. Несмотря на март месяц, в день похорон был такой мороз, что священник по дороге укрывал голову женским платком. На кладбище съехались все Зимины. Деньги на похороны дала Софья Ивановна, но самой ее не было, она не смогла приехать.

Анна Степановна очень тосковала по покойнику. Она не захотела жить здесь без него и уехала к себе в деревню. Ненадолго пережила она своего бывшего барина. Она умерла в 1936 г. — через год после его кончины...

Спустя год или два после смерти Ивана Леонтьевича Люба с Софьей Ивановной решили съездить в Саарбеково, где недавно еще все они были счастливы. От станции

* Из неопубликованных воспоминаний дочери И. Л. Зимина Л. И. Друзякиной.

Щербинка женщины пошли пешком. Те семь верст, которые они раньше проезжали на присланных за ними лошадях, показались им бесконечными. К тому же они чуть не заблудились. Но вот, наконец, деревня Ордынцево, лесок, липовая аллея и дом в Саарбекове.

«Но Боже мой, — пишет в своих воспоминаниях Любовь Ивановна, — в какое все пришло запустение! Многие окна были выбиты, заколочены фанерой, кусты сирени поломаны, и везде вокруг дома, в парке, в аллеях все было испоганено, загажено...». Женщины в ужасе поспешили покинуть эти места. На обратном пути в Ордынях им встретилась старушка, она вынесла им кринку холодного молока «с ледничка» и рассказала, что в бывшем Саарбековском имении в течение нескольких последних лет находился то ли детский дом, то ли колония малолеток.

Старушка помнила Ивана Леонтьевича.

— Да, вот он был настоящий хозяин, — сказала она. — А эти-то, нынешние, разве они хозяева?!

Но жизнь продолжалась. Софья Ивановна преподавала в Московской консерватории и благополучно пережила 1937—1938 гг. Слава Богу, она не знала и не могла даже представить себе, что происходило в эти страшные годы в ее «родном, милом Бутове».

В годы войны немецкое происхождение Софьи Ивановны чуть не сгубило ее. Чистая случайность, что ее не арестовали. А после войны она уже не работала в самой консерватории, а только в студиях, где воспитывались национальные певческие кадры: татарские, узбекские, башкирские и проч. Потом и оттуда по каким-то причинам пришлось уйти.

В последние годы жизни Софья Ивановна вела уроки в самодельной вокальной студии при Академии наук, вкладывая в эту не столь уж престижную работу весь свой талант и любовь к искусству. В личной жизни она была утешена еще многими увлечениями и привязанностями, вырастила дочь, ставшую профессиональной актрисой, порадовалась внучке*.

Умерла Софья Ивановна 3 октября 1953 г.

Ее похоронили на Введенском кладбище в Москве.

Так сложилась и так закончилась жизнь последних обитателей имения Бутово...

* Дочь Ивана Леонтьевича и Софьи Ивановны, Любовь Ивановна Друзякина, стала драматической актрисой. Она играла в Областном драматическом театре, затем в театре-студии «Гармония» у режиссера, педагога и воспитателя театральной молодежи М. Ю. Романенко-Кушковского. Внучка Софьи Ивановны, Светлана Алексеевна Михальченко, стала киносценаристом, доцентом ВГИК.

Бутовский полигон.

1934-1936

В 1934 г. «трендепо», что было оборудовано на месте бутовского конесовхоза, ликвидировали*. Сто сорок рабочих, обслуживавших хозяйство, выселили. Для них был выстроен барачный поселок «Чудный», более известный в народе под названием «Подсобное хозяйство». Поселок хоть и находился рядом с бывшим имением Суханово, переданным Союзу архитекторов под дом отдыха**, но предназначен он был вовсе не для обслуживания архитекторов, а для нужд ОГПУ-НКВД. Теперь и поселок «Подсобное хозяйство», и бывшая Екатерининская пустынь, и Бутово со всеми прилегающими землями и хозяйствами, и громадный совхоз «Коммунарка» — все отошло ведомству госбезопасности. Дачи наркомов НКВД, исправительно-трудовые и детские колонии, тюрьмы, а вскоре и какие-то неведомые литературные спецобъекты заполонили Ленинский район Подмосковья.

В Бутове в конюшнях бывшего имения Зиминых к этому времени оставалось восемнадцать лошадей. Они, как это выяснится впоследствии, предназначались для хозяйственных и охранных целей новых владельцев.

За четыре года до этого в стенах бывшего Екатерининского монастыря, находившегося в шести километрах от Бутова, поместили колонию подростков, в просторечии именуемую «Гумзой»***. При этом более 160 монахинь, включая престарелых, были тогда выставлены на улицу. Через некоторое время к подросткам присоединили и взрослых уголовников с небольшими сроками заключения. Правда, в число «уголовников» попали тогда и осужденные по политической 58-й статье УК РСФСР; это были в основном потомки мелких собственников, зажиточных крестьян, казаков.

9 марта 1934 г. на десяти подводах в Бутово вслед за малолетками привезли взрослых заключенных. Малолеток расселили по нескольким бывшим имениям, в том числе в бывшем имении Саарбеково. Взрослых заключенных поместили сначала в пустом двухэтажном доме около железнодорожной станции Бутово, где их продержали в холоде, без еды, питья и без выхода на opravку три дня. Затем их перевезли в бывшие конюшни Зиминых, наскоро приспособленные под тюремные помещения. Среди заключен-

* В 1929 г. гужевой транспорт, включая кавалерийские части РККА и РКМ, составляли 96%, в 1933 — 67%.
В 1934 г. в связи с планированием второй пятилетки был взят курс на полную механизацию и максимальное сокращение численности лошадей (Т. Минкевич. История одного конного завода. Рукопись)

** После национализации в имении князей Волконских был оборудован сначала Музей дворянского быта, потом волисполком, затем во дворце разместилась школа-колония для несовершеннолетних правонарушителей. В 1935 г., когда имение было передано под дом отдыха Союзу архитекторов, в опустевшем и изгаженном дворце не осталось ни одного стула, и приемной комиссии пришлось заседать на подоконниках.

*** ГУМЗ — Главное управление мест заключения МВД.

ных оказался сын донского казака Георгий Агафангелович Соколов. Будучи потомственным крестьянином, он отметил про себя прекрасное устройство зиминских конюшен: их расположение, обогрев, водные стоки. Но заключенные пробыли здесь недолго. Вскоре их перебросили в соседнюю Щербинку, где в бывшем имении Сушкина также была оборудована тюрьма. Первомайская исправительно-трудовая колония, обосновавшаяся при станции Бутово, была довольно многочисленна и размещалась в округе отдельными лагпунктами на большом пространстве. Заключенные были заняты в сельском хозяйстве. К принудительным работам на полях НКВД привлекалось тогда и местное свободное население — на один-два дня в неделю. Начальником Бутовской сельскохозяйственной НТК был украинец Радчевской, старшим агрономом — Я. Н. Трофименко. Старый николаевский офицер, Трофименко был тоже украинец, родом с Полтавщины. «Золотой человек, — говорил о нем заключенный Георгий Агафангелович, — говорун, веселый такой и никогда никого не обижал».

В тюрьме в Щербинке собрались лучшие специалисты по различным сельскохозяйственным культурам. Соседями Георгия Агафангеловича по камере были три человека: один из них — специалист по клубнике, другие два — по картофелю и капусте. Сам Георгий Агафангелович был опытным пасечником. По требованию лагерного начальства он вывез из бывшей Екатерининской пустыни 160 семей монастырских пчел и поместил их в лесу на пасеке, неподалеку от того самого Саарбекова, где отдыхало в

Георгий Агафангелович, пасечник, бывший заключенный ИТЛ в Щербинке (фотография 1994 г.)

1920-х гг. семейство Зиминых. Георгий Агафангелович ежедневно ходил за семь километров к себе на пасеку, весь день проводил там без надзора — в благословенном одиночестве, а к вечерней поверке возвращался на Щербинку. Мед предназначался высшему начальству НКВД. «Ежова кормил», — с недоброй усмешкой говорил Георгий Агафангелович. Иногда он отправлялся в Бутово, где оформлял документы на вывоз продукции из зоны. Машины, груженные капустой, картофелем, ящиками со всевозможными фруктами и ягодами, направлялись в Москву по адресу: Дзержинская площадь, дом 2. Георгий Агафангелович сам дважды сопровождал грузовики, следовавшие из Бутова в Москву, и разгружал их на Лубянке.

— Заезжали мы на машине прямо на Лубянку, а там...

— Что там, Георгий Агафангелович?

— Атам...

— Да что же такое ?

— Там...

— Ну же?

— ВСЕ!.. — выдыхал он шепотом.

Бедный Георгий Агафангелович так и не нашел слов, чтобы рассказать о том, что же он все-таки увидел в недрах Большого дома на Лубянке.

Оформлял он документы на выезд из зоны в одноэтажном деревянном домике — бывшей конторе Зиминых. Теперь здесь располагалась лагерная администрация. Освобожден пасечник был в 1935 г. Что было дальше в Бутове, он уже не знал...*

* Георгий Агафангелович после отбытия срока еще 12 лет проработал в совхозе Гольяновском, а потом купил домик в г. Троицке. О своих злключениях в 1930-х гг. он рассказал незадолго до смерти. Умер он в 90-летнем возрасте в 1995 г.

Внутренняя тюрьма в Москве, пл. Дзержинского, д. 2. Переходы и дворы, которыми везли заключенных в Лубянскую тюрьму

* Боброво — одна из старинных деревень округа. Сведения о ней появляются с конца XV века. Первым владельцем ее был Д. В. Бобр, основатель рода Бобровых, постельничий великого князя Ивана III. (Из материалов Г. В. Еремина)

А дальше было вот что. Дороги и тропинки, по которым местные жители с детства ходили в соседние деревни, по грибы да по ягоды, перегородили колючей проволокой. Появились два поста со шлагбаумами и часовые при них: один — на съезде со Старо-Варшавского шоссе в районе деревни Городяхи, другой — в глубине леса, напротив деревянного здания бывшей конторы (вскоре — комендатуры НКВД). Огороженная колючей проволокой площадь составила около двух квадратных километров. Она распространялась к западу от бывшей усадьбы до Старо-Варшавского шоссе, к югу — до деревни Дрожжино и речки Гвоздянки, к востоку — до безымянного ручья и вдоль него на север через лес — к Расторгуевскому шоссе. Со временем со стороны деревни Боброво* был устроен еще один пост.

Вскоре жителям ближайших деревень стало известно, что на огороженной территории будет устроен стрелковый полигон. Что ж, полигон так полигон. Никто не удивился. Это теперь мы знаем, что так подготавливали местных жителей к тому, что по соседству с ними будут происходить массовые казни. Быть может, поначалу на Бутовском полигоне действительно производились стрельбы, для чего туда доставлялись небольшие подразделения НКВД. А может быть, Это и были уже первые отдельные расстрелы 1935—1936 гг. Сами чекисты говорят, что ни настоящих учебных стрельб, ни испытаний стрелкового или другого какого-либо оружия на полигоне не производилось. Не было там ни войсковых частей, ни казарм, необходимых в подобных случаях. Однако территория эта охранялась, и кроме сотрудников НКВД там никто не бывал. Лишь две одичалые лошади, брошенные после закрытия конного завода на произвол судьбы, время от времени подходили к колючей проволоке и подолгу смотрели за оградой. Спустя какое-то время они пропали.

Как-то Бутово посетил бывший управляющий имением Иван Леонтьевич Зимин. Бутовский полигон уже огородили тогда колючей проволокой. Попасть на территорию усадьбы было нельзя. Один из старожилов деревни Дрожжино вспоминает, как он встретился с Иваном Леонтьевичем у плотины.

«Что сделали с именем!» — сокрушенно сказал он И. Л. Зимину. Оба поглядели в сторону бывшего барского дома. На самом видном месте там теперь красовалась

вышка для охраны, цветники были вытоптаны, по ветру летали обрывки грязной бумаги. Зимин ничего не ответил. Оба покачали головами и, тяжело вздохнув, разошлись в разные стороны.

Первые расправы и массовые операции

Конечно, начало страшным, необъяснимым с человеческой точки зрения событиям на Бутовском полигоне и в других подобных местах было положено задолго до 1930-х гг. Как известно, террор стал обыденным методом партийной борьбы задолго до Октябрьской революции. Но он все-таки был вне закона и не являлся государственной политикой. Открытые массовые расправы с неугодными режиму людьми начались в первые же дни после октябрьского переворота. С объявлением «красного террора» в сентябре 1918 г. и предоставлением революционным трибуналам «ничем не ограниченного права в определении меры репрессии» в апреле 1919-го, других подобных же документов¹⁶ Москва и Подмосковье покрылись сплошной сетью узилищ, застенков и местами массовых казней.

Нет нужды напоминать, как проводилось (или вовсе не проводилось) в те годы следствие. Но все же стоит процитировать напутственные слова виднейшего чекиста, одного из заместителей председателя ВЧК М. Лациса, обращенные к работникам следствия и дознания: «Не ищите на следствии материалов и документов того, что обвиняемый действовал делом или словом против Советов. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания или образования... Эти вопросы и должны определять судьбу обвиняемого»¹⁷. Сказанные в начале 1920-х гг. слова оставались актуальными и во все последующие годы советской власти.

Расстрелы бывших царских офицеров, дворян, священников и других «контрреволюционных элементов» в 1918—1919 гг. происходили в Кремле, в московских парках, на Ходынке, в Хамовнических казармах*, на всех почти городских кладбищах, в подвалах тюрем, монастырей, превращенных в тюрьмы, в храмах (следы этих расправ обнаружались в последние годы при восстановительных и реставрационных работах). Считались «расстрельными» московские монастыри: Спасо-Андрониковский, Иванов-

* В 1918—1919 гг. на здании Хамовнических казарм в Москве время от времени появлялась крупная надпись: «Здесь идут расстрелы».

Слева – помещения
ОГПУ-НКВД.
Варсонофьевский
пер., д. 5–7.
Справа – дом 7–9
по тому же переулку.
В глубине двора – так
называемый
«гараж расстрелов»
(фотография начала
1990-х гг.)

ский и Новоспасский. Последний был обращен в застенок еще в начале января 1918 г., причем одним из первых его узников стал сам настоятель монастыря епископ Серафим (Г олубятников) *.

К 1920 г. в районе московских улиц — Большая и Малая Лубянка, Кузнецкий мост, Рождественка, Варсонофьевский, Хользунов, Большой и Малый Кисельные переулки — образовался целый лабиринт зданий, принадлежавших ВЧК-ГПУ, где отдельные службы имели свои тюрьмы и места, оборудованные для казни и вывоза тел. В Варсонофьевском переулке, например, в доме 7—9 находилась автобаза № 1 ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Здесь в подвалах были устроены обитые жестью помещения для расстрелов и морг. Уже в 1918 г. это место москвичи называли «гараж расстрелов»**. По улице Б. Лубянка, дом 9, помещались казармы батальона ВЧК, в доме 11 — Всероссийская чрезвычайка с тюрьмой при ней (это здание москвичи прозвали «Кораблем смерти»); далее, в доме 14, находилась Московская чрезвычайка, в доме 18 — Московский революционный трибунал и рядом — знаменитая Губчека. В Мал. Кисельном переулке в угловом доме размещались казармы МЧК, в доме 8 — тюремный подотдел МЧК. На углу Б. Лубянки и Варсонофьевского переулка также располагались спецслужбы, о назначении которых стало что-то известно лишь в 1990-х гг.¹⁸

В 1921—1928 гг. (в отдельных случаях — до начала 1930-х гг.) захоронения жертв советского режима производились в самом центре Москвы на территории Яузской больницы***, подведомственной ГПУ-ОГПУ, с 1926 г. по

* Документов о расстрелах в монастыре нет. Но есть доказательства захоронений за монастырской стеной (со стороны Москвы-реки). Останки расстрелянных были обнаружены при земляных работах в 1990 г.

** В мае 1946 г. подземные помещения под гаражом автобазы № 1 по приказу НКВД были «засыпаны строительным мусором на высоту 2,5 м». (ГА РФ. Ф. Р-9423 сч. Оп. 27. Д. 65)

*** Яузская больница находится на Верхне-Радищевской ул. в р-не Таганки.

1936 г. — на Ваганьковском кладбище, с 1935 г. по 1953 г. частично захоронения, частично кремация расстрелянных осуществлялись в московском крематории на Донском кладбище. В сопроводительных документах имелись списки расстрелянных для комендантов кладбищ, которые в числе многих других коммунальных служб входили тогда в систему НКВД СССР. Захоронения, по сведениям и. о. коменданта АХУ НКВД А. В. Садовского, в 1936—1937 гг. производились на всех московских кладбищах, кроме Даниловского и Преображенского*.

В конце 1936 — начале 1937 г. в результате непрерывных политических процессов и многочисленных так называемых «чисток», проводившихся по всей стране и особенно в Москве и Московской области, было вынесено большое число смертных приговоров. Кладбищенское хозяйство Москвы с таким потоком захоронений уже не могло справиться. Тогда, вероятно, и возникла идея об оборудовании спецобъектов в ближайшем Подмоскovie**. Было намечено три таких места: Бутовский полигон на 18-м километре Старо-Варшавского шоссе, бывшая дача Ягоды на землях совхоза НКВД «Коммунарка», расположенная на 24-м километре Старо-Калужского шоссе, и Люберецкие мелиоративные поля (последняя территория не была использована, а оставалась как резерв). Есть подозрение, что имеются другие, известные лишь местным жителям захоронения в этом же Ленинском районе. Это, например, бывшая дача Енукидзе Мещерино***, расположенная в нескольких километрах от музейного комплекса «Горки Ленинские», Тюрязевский (Терязевский) лес на землях совхоза «Коммунарка», захоронения расстрелянных офицеров 1939—1941 гг. в Щербинке, безвестное захоронение вблизи Остафьевских лагерей НКВД****.

Небывалые по масштабу расстрелы 1937—1938 гг. были, как известно, следствием решения Политбюро ВКП(б) от 2 июля 1937 г. о проведении широкомасштабной операции по репрессированию целых групп населения. Во исполнение этого решения вышел «знаменитый» оперативный приказ № 00447 от 30 июля 1937 г. за подписью Ежова по «репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Под «другими антисоветскими элементами» подразумевались: «члены антисоветских партий, бывшие белые, жандармы, чиновники

* Документально подтверждены захоронения только на Ваганьковском и Донском кладбищах, а также на территории Яузской больницы.

** Места массовых расстрелов и захоронений были оборудованы под Ленинградом, где было расстреляно за те же годы около 47 тыс. человек, и вблизи множества других городов. Известны около ста подобных мест. Но это, вероятно, лишь малая часть мест массовых расстрелов и захоронений в нашей стране.

*** Енукидзе Абель Сафронович, секретарь Президиума ВЦИК-ЦИК (расстрелян 30.10.1937 г.), получил в свое пользование бывшее имение русского помещика и прекрасного художника-пейзажиста Н. В. Мещерина.

**** Местные жители называют местом расстрелов и захоронений 1937—1938 гг. еще дачу известного чекиста, корпусного комиссара Артузова (Фраучи) Артура Христиановича (пос. Верхнее Отрадное Одинцовского р-на). Но мы вправе лишь констатировать эти сведения, не утверждая их. Последнее слово за документами.

царской России, каратели, бандиты, бандоспособники... ре-эмигранты», а также «сектантские активисты, церковники и прочие, содержащиеся в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях».

«Антисоветские элементы» разбивались на две категории: к первой категории относились «все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов», которые подлежали «немедленному аресту и по рассмотрении их дел на тройках — РАССТРЕЛУ»; ко второй категории были отнесены «менее активные, но все же враждебные элементы»; они подлежали аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет... Согласно представленным начальниками краевых и областных управлений НКВД учетным данным, из Центра был спущен план по двум категориям репрессированных. По Москве и Московской области этот первоначальный план составлял 5 тысяч человек по первой категории и 30 тысяч — по второй.

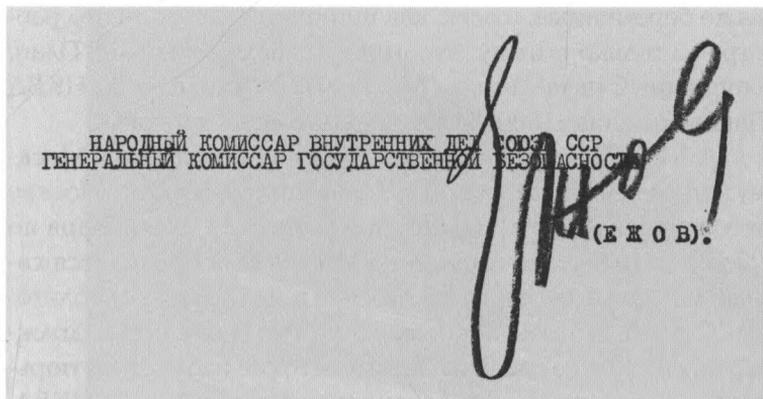
«Если во время этой операции будет расстреляна лишняя тысяча людей — беды в этом особой нет», — писал Ежов в разъяснениях к приказу¹⁹.

За несколько дней до приказа № 00447 вышел приказ об аресте в пятидневный срок германских подданных, «немецких шпионов... осевших в совучреждениях» по всей территории страны. Затем последовал аналогичный приказ от 11 августа о «фашистско-повстанческой, шпионско-диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР». Следующими категориями, подлежащими истреблению, были объявлены латыши, затем — работники КВЖД (Китайской Восточной ж. д.)*, обвиненные вкуче со всеми своими родственниками в шпионаже в пользу Японии²⁰.

Осенью и зимой 1937 г. арестовывали и расстреливали преимущественно крестьян-единоличников, мелких служащих и людей «из бывших» — бывших дворян, царских офицеров, людей, занимавших при старом режиме ответственные государственные должности. В октябре — начале декабря 1937 г. было расстреляно множество священнослужителей, в том числе и архиереев.

Большинство смертных приговоров, приводившихся в исполнение на Бутовском полигоне, выносились тройками НКВД. В Москве к началу массовых операций их было целых три: центральная — под председательством замести-

* Китайская Восточная железная дорога (КВЖД) была построена царской Россией в 1897—1903 гг. В 1935 г. руководство СССР продало ее властям марионеточного государства Маньчжоу-Го. С 1945 г. эта железная дорога находилась в совместном пользовании СССР и Китая. В 1952 г. советское правительство безвозмездно передало права на пользование КВЖД (КЧЖД) правительству КНР.

теля наркома НКВД Л. М. Заковского²¹, московская — под председательством С. Ф. Реденса²² (после его ареста — Г. М. Якубовича²³) и милицеская — под председательством М. И. Семенова²⁴, по его ведомству шли разные бродяги, попрошайки, жулики, нарушители паспортного режима, которым при случае приписывалась 58-я статья. Вторым внесудебным органом, по постановлению которого производились расстрелы в Бутове, была Комиссия НКВД и Прокурора СССР, т. е. двойка, состоявшая из наркома Н. И. Ежова²⁵ и прокурора А. Я. Вышинского²⁶. (Тех, кто лежит в «Коммунарке», приговаривала к расстрелу в основном Военная коллегия Верховного Суда СССР.)

Как проводилась кампания по изъятию «националов», видно из допросов арестованного заместителя начальника Управления НКВД по Москве и Московской области и одновременно руководителя Управления Рабоче-крестьянской милиции М. И. Семенова: «...Во время проведения массовых операций 1937—1938 гг. по изъятию поляков, латышей, немцев и др. национальностей, — показывал он на допросе, — аресты производились без наличия компрометирующих материалов»²⁷.

Обвинением служила не только национальность, но и место рождения человека, например, Бессарабия, Польша или Лифляндия, входившие, как известно, до революции в состав Российской империи. Жертвы выискивались в отделе кадров на предприятиях и по домоуправлениям — по спискам жильцов. Подследственный А. О. Постель, бывший сотрудник НКВД²⁸, показывал: «Арестовывали и расстреливали целыми семьями, в числе которых шли совершенно неграмотные женщины, несовершеннолетние и

Слева — подпись наркома НКВД под приказом. Вверху — Н. И. Ежов, комиссар 1-го ранга, нарком госбезопасности. Расстрелян в Москве 06.02.1940 г. Внизу — А. Я. Вышинский, Прокурор СССР

Л. М. Заковский,
зам. наркома НКВД СССР.
Расстрелян 29.08.1938 г.

даже беременные, и всех, как шпионов подвели под расстрел... только потому, что они — “националы”»²⁹... План, спущенный начальником Московского управления НКВД Заковским, был 1000—1200 «националов» в месяц.

Л. М. Заковский после перевода из Ленинграда в Москву занимал пост начальника Управления НКВД по Москве и Московской области всего два месяца — с 20 января по 28 марта 1938 г. Но именно на эти месяцы приходятся самые массовые расстрелы в Москве и на Бутовском полигоне. С пребыванием Заковского на начальственных должностях в Москве связаны были жестокие избиения в тюрьмах, подведомственных Московскому управлению НКВД, особенно в Таганской тюрьме. Конечно, пытки и избиения применялись и до и после Заковского, но не всегда начальство само подавало пример подчиненным.

«Во время допроса в Таганской тюрьме, — показывал оперуполномоченный 11-го отделения УГБ НКВД МО Н. И. Казарцев, — ко мне в следственную комнату внезапно вошли зам. наркома Заковский и зам. начальника Управления НКВД Якубович. Обвиняемый в это время стоял у стены. Заковский подошел ко мне с площадной бранью, крикнул на меня: “Что ты его агитируешь?” — и, ударив подследственного ногой в живот, сказал: “Вот так допрашивать, а не уговаривать его”. Якубович добавил: “Покажи ему азбуку коммунизма”. И они ушли»³⁰.

«Установка Заковского “бить морды при первом допросе”, брать короткие показания на пару страниц об участии в организации и о новых людях и личные примеры его в Таганской тюрьме, как нужно допрашивать, вызывали массовое, почти поголовное избиение арестованных и вынужденные клеветнические показания их не только на себя, но и на своих знакомых, близких сослуживцев и даже родственников, а также на лиц, которых они никогда не знали»*.

Следователи действовали в соответствии со следующим указанием Ежова: «С этой публикой не церемоньтесь, их дела будут рассматриваться “альбомным порядком”».

О том, как выносились решения по окончании следствия, рассказывает участник событий, человек, отвечавший вместе с Семеновым за исполнение приговоров на Бутовском полигоне, И. Д. Берг³¹: «Все дела... Семеновым пропускались без всяких претензий, по 400—450 дел в тройку,

* Из показаний нач. 3-го отдела УНКВД по МО А. О. Постеля.

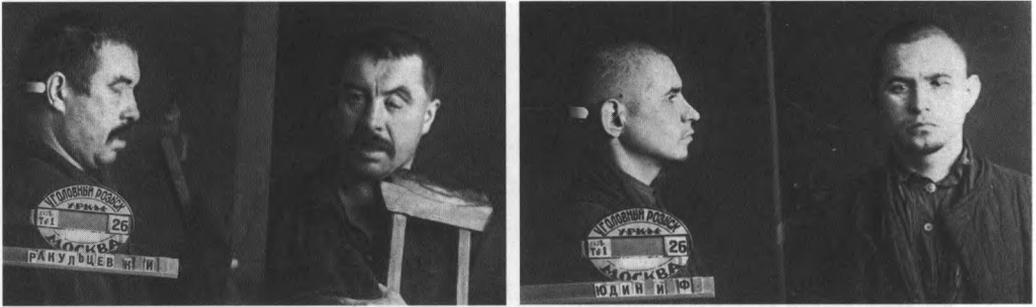

причем дела рассматривались по два дела в минуту. Надо сказать, что в быстроте разбора дел Семенов соревновался с Якубовичем... После заседания Семенов всегда заходил к Якубовичу в кабинет и гордился тем, что он в тот же срок, что и Якубович, разобрал на 50 дел больше последнего, и оба смеялись над тем, как они быстро, не просматривая дел судят обвиняемых...»³².

Точно так же рассматривались дела и на милицейской тройке, которую возглавлял тот же Семенов. В Городском управлении милиции были специально выделены пять докладчиков, «которые по 100—120 дел докладывали за раз». (Все они по ходатайству начальника Городского управления милиции Панова и Семенова были награждены в 1938 г. орденами Красной Звезды, конкретно — «за умение докладывать на тройке».)

В разгар акции по «националам» началась беспрецедентная расправа над инвалидами. На февраль 1938 г. в тюрьмах Москвы и области скопилось более 830 инвалидов. Такое положение, по мнению сотрудников отдела мест заключения, «создавало крайне неблагоприятные условия для размещения прибывающих подследственных». В числе инвалидов были глухие, слепые, без одной или без двух конечностей люди, сердечники, язвенники, туберкулезники

Таганская тюрьма в Москве, где находилась под следствием большая часть приговоренных к расстрелу по Москве и Московской области (фотография конца 1950-х гг.)

Инвалиды, расстрелянные по приказу Заковского. Слева – К. И. Ракульцев (инвалид без ноги и одного глаза). Справа – И. ф. Юдин (глухонемой, обвинен в антисоветской агитации). Расстреляны 28.02.1938 г. и захоронены в Бутове (тюремные фотографии)

* Сам Заковский был арестован в апреле 1938 г. На суде он сказал: «Прошу учесть, что мною на следствии было оклеветано очень много честных людей... В отношении себя мне говорить нечего, т. к. я свою судьбу хорошо знаю». (Бережков В. И. *Питерские прокураторы. Руководители ВЧК-МГБ. 1918—1954. Русско-Балтийский информационный центр. БЛИЦ. СПб., 1998*)

** Сретенская милициская тюрьма для уголовников располагалась в помещении бывшей полицейской Сретенской части и соседних зданиях в р-не Спасских (ныне Колобовских) переулков.

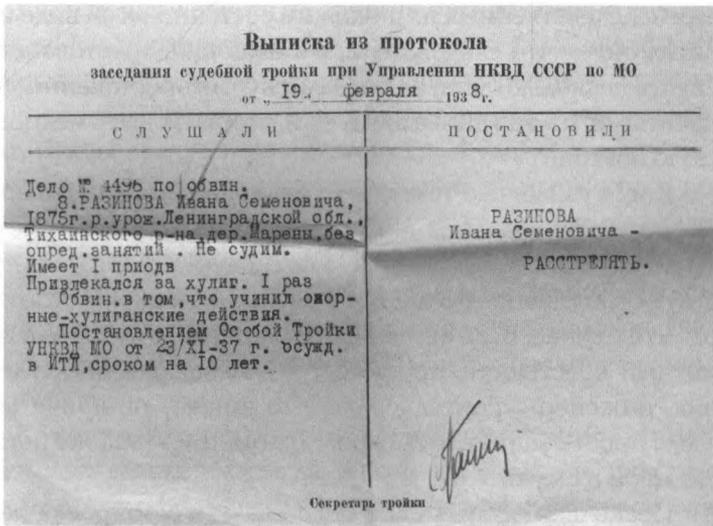
и проч. Уже осужденные на 3—5, иногда до 10 лет лагерей, они находились в тюрьмах, так как ГУЛАГ не давал нарядов на их отправку в лагерь.

Проблему с инвалидами решили просто.

«Заковский по этому поводу вызывал меня, — рассказывал на допросе Семенов, — ив присутствии Якубовича заявил, что надо будет пересмотреть дела по всем осужденным инвалидам на тройке и их пострелять»³³. При этом Заковский добавил, что он «в Ленинграде весь такой контингент пострелял и возиться с ним нечего...»*.

Фактически, не способных к физическому труду инвалидов расстреливали только за то, что их отказывались содержать в тюрьмах и принимать в лагерь. Основанием для постановки дела на тройку служила лишь медицинская справка об инвалидности. Причем нередко случалось так, что человек, признанный при аресте здоровым, к концу следствия почему-то «оказывался» полным инвалидом. Некоторые медицинские справки поражают своим цинизмом. Например, медкомиссия Сретенской тюрьмы** арестованному И. С. Разинову, 62 лет, ранее несудимому, поставила диагноз: «Старческая изношенность». Задержанный за переход улицы Горького в непопозволенном месте и препирательствах с милицией по этому поводу, Разинов получил сначала грозное предписание: «выселение из Москвы и Московской области». Затем тройкой УНКВД за то же самое он, не выходя из тюрьмы, был осужден на 10 лет лагерей. А после вышеуказанного «медосвидетельствования» его уже приговорили к высшей мере наказания и расстреляли.

В составленных для рассмотрения на тройках документах медицинские диагнозы были впоследствии вымараны. Случайно сохранилась копия лишь одного экземпляра протокола № 401, в котором было указано, кто имел какую ин-

важность и чем был болен. Приговор к расстрелу настаивал и тех инвалидов, что уже отбывали наказание в лагерях. Есть сведения, что в феврале—марте 1938 г. было расстреляно по тюрьмам и лагерям Москвы и Московской области 1160 инвалидов...³⁴

Первым помощником Семенова по истреблению инвалидов стал начальник 8-го отдела Московского НКВД С. Я. Гагарин. По указанию Семенова он собирал медицинские справки на инвалидов-заключенных. Гагарин был секретарем тройки НКВД; его подпись стоит на десятках тысяч постановлений троек и под выписками из актов о приведении в исполнение приговоров*. Лишь в редких случаях его заменял некто Монахов.

Конечно, инвалидов за людей не считали. Но не щадили и своих. Пожалуй, со своими бывшими сотрудниками обращались даже с большей жестокостью, чем с другими последственными. Так, на допросе забили до смерти заместителя начальника 3-го отдела Московского управления А. Д. Ракитина, отрицавшего свою вину на протяжении всего расследования. В его деле имеется справка: «...На допросе 17 марта 1939 г. при избиении Ракитин получил перелом девяти ребер и другие травмы. Во время допроса умер от паралича сердца»³⁵. Смертным боем били и самого Ежова, больше всего боявшегося физической боли и просившего избавить его от лишних мучений...³⁶

Тюремный врач А. А. Софронов вспоминал, как он «колдовал на допросах сердечные средства, чтобы вывести изби-

Слева — выписка из протокола тройки при УНКВД СССР по МО. Приговор о ВМН. Подпись секретаря тройки С. Я. Гагарина. Справа — С. Я. Гагарин на Первомайской демонстрации (фотография 1950-х гг.)

* С. Я. Гагарин благополучно пережил 1930—1950-е гг., затем работал нач. спецотдела во ВНИИ буровой техники. Он умер в конце 1960-х или начале 1970-х гг.

тых подследственных из шокового состояния». «Я видел, — писал он, — что следователи, избивающие арестованных, спустя несколько дней оказывались сами арестованными и избитыми, и меня вызывали к ним, чтобы оказать медицинскую помощь...»³⁷.

Когда узнаешь о том, как мучили чекисты или милиционеры своих недавних коллег, кажется, что виновных настигло законное возмездие. Но не следует поддаваться чувству обыкновенного мщения, тем более что все обстоит гораздо сложнее. Ведь остальные убиенные — будь то неграмотный крестьянин, профессор МГУ, священник, художник, инженер-строитель — те, что никому не причинили зла, а просто занимались своим делом, точно так же погибли, как и их мучители.

Несколько особых слов надо сказать о допросах женщин. Об этом обычно не упоминают. Те, что были расстреляны, не имели возможности пожаловаться на своих мучителей. Но и те, что оказались в лагерях и остались живы, по большей части умалчивали о некоторых фактах, имевших место при получении от них необходимой информации. И все-таки сведения о преступном насилии над женщинами, находящимися во время допросов в полной власти следователей, дошли до нас через прошедшие десятилетия. Об этом стало известно из жалоб, посланных некоторыми из потерпевших в органы НКВД-МТБ из мест заключения (письма-жалобы оказались затем подшитыми к их следственным делам). Например, в письме, poslanном в 1939 г. на имя председателя комиссии особого контроля при НКВД СССР, Анна Петровна Мячина пишет, что над ней, 49-летней монахиней, с детства жившей в монастыре, «применив физическую силу», надругались на допросе. Следователь продолжал истязать ее и на дальнейших допросах. Несмотря на это, монахиня Анна отказывалась ставить подпись под ложными показаниями. «Тогда, — пишет она в своем письме-жалобе, — угрожая отдать меня, для издевательства над моей женской честью, нескольким мужчинам, следователь Иванов добился моей подписи под вымышленным обвинением против меня и нужных ему лиц»*.

Сердце сжимается, когда видишь в следственном деле некоторые наглядные следы того, как проводилось в те годы дознание. Подписи обвиняемых на листах некоторых следственных дел красноречивее любых рассказов. Рос-

* Монахиня Анна (Мячина) была осуждена за участие «в контрреволюционной церковно-монархической организации» на 10 лет лагерей. Письмо послано из лагеря Вожаель Усть-Вымских ИТЛ НКВД. После получения жалобы дело было 03. II. 1939 г. пересмотрено, решение тройки оставлено в силе — ввиду того, что подследственная Мячина «созналась пусть даже в ложных показаниях» и поставила свою подпись. О насилии — ни слова. (Архив УФСБ по Тамбовской обл. Д. Р-5377. Т. 3. Л. 165об.—166, 169, 206об.—207)

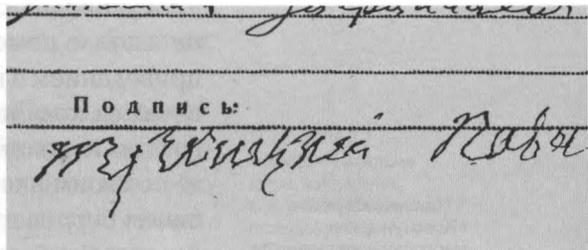
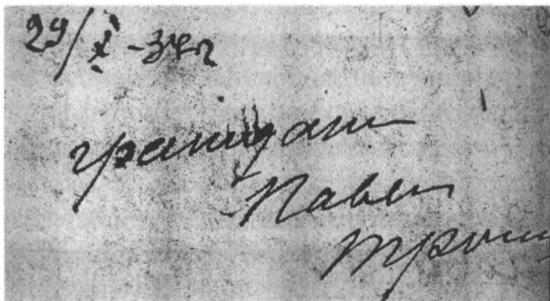
пись при ночном аресте на обороте ордера обычно ясная и четкая. Но проходит час-полтора, может быть, несколько часов первого допроса. И вот подпись уже неузнаваема. Арестованный почти не в состоянии писать, рука его дрожит, буквы скачут и разъезжаются. А когда человек уже сломлен и со временем начинает давать вымышленные показания на самого себя и на других, его почерк выравнивается и как-будто возвращается к первоначальному. Но это значит, что надежды больше нет, любое сопротивление бесполезно. Жизнь — и своя, и чужая — безразлична, бессмысленна. Пусть лучше смерть, лишь бы поскорее кончилось это страдание.

Конечно, так откровенно подпись обвиняемого рассказывает далеко не всегда. К тому же большинство ордеров на арест оформлялись задним числом. Кроме «стойек», «конвейеров» по 15—20 суток подряд, всяческих измывательств над несчастной плотью обвиняемого у следствия было в запасе множество других способов «убеждения». Главным из них был обман. Следователь требовал подписи обвиняемого, не зачитывая ему показаний или читая их выборочно. Часто следователь подсовывал обвиняемому свои собственные измышления, основанные на показаниях сексотов и «штатных» свидетелей — с тем, чтобы повернуть следствие в нужную сторону. Иногда устраивались целые инсценировки с «потусторонними голосами», приказывающими подчиниться следователю. Такое применялось чаще всего в отношении верующих, доведенных пытками почти до умопомешательства и все-таки не дающих необходимых показаний. В каких-то случаях подписи просто грубо подделывались. О такой практике рассказывали сами следователи, когда спустя двадцать с лишним лет дела невинно осужденных пересматривались на предмет реабилитации.

М. П. Фриновский,
зам. наркома НКВД СССР
и начальник ГУГБ
НКВД СССР. Расстрелян
в Москве 04.02.1940 г.

Подписи арестованного
священника Павла
Троицкого при аресте
29.10.1937 г. и в ту же
ночь после допроса

С. Ф. Реденс, комиссар
госбезопасности
1-го ранга.
Расстрелян в Москве
12.02.1940 г.

Всю широкомасштабную операцию по репрессированию предлагалось провести за четыре месяца (потом она еще дважды продлевалась). Общее руководство по ее проведению было возложено на зам. наркома НКВД СССР и начальника ГУГБ НКВД СССР комкора М. П. Фриновского — большого любителя шахмат и альпинизма³⁸.

Поток приговоренных к высшей мере наказания по Москве и Московской области хлынул в Бутово и «Коммунарку». Массовые расстрелы и захоронения на Бутовском полигоне начались 8 августа 1937 г. В тот день были расстреляны первые 91 человек...*

ПОЛИГОН СМЕРТИ

Путь из московских тюрем в Бутово для приговоренных к расстрелу начинался с подписи комиссара госбезопасности 1-го ранга С. Ф. Реденса. Журналист А. А. Мильчаков, чей отец был лично знаком с комиссаром, рассказывал, что к Реденсу иной раз приезжали со списками приговоренных к ВМН даже на дом, и он за стаканом чая распределял людей по зонам и утверждал очередность расстрелов.

Больше всего приговоренных к расстрелу поставляла на Бутовский полигон Таганская тюрьма, в меньшей степени — Бутырская и Сретенская. Арестованных в Московской области и прошедших все муки ада в каких-нибудь местных отделениях милиции или районных УНКВД везли в Москву; здесь их фотографировали «в фас и профиль», оформляли документы и отправляли в Бутово. Некоторых по каким-то причинам не успевали доставить в срок, по этому поводу имеется внутриведомственная переписка. Иных не смогли привезти по причине болезни (с одной стороны, расстреливали беспомощных инвалидов, с другой — почему-то требовалось, чтобы приговоренный был перед расстрелом совершенно здоров).

Руководил созданием зоны, «зачисткой» тюрем, когда не хватало помещений, доставкой заключенных на зону и приведением в исполнение приговоров М. И. Семенов. Отвечал за хозяйственную часть и снабжение оперативной группы исполнителей всем необходимым И. Д. Берг. Вместе со своим начальником и, так сказать, «своим» Якубовичем Берг часто приезжал в Бутово. На следствии Берг говорил: «Якубович использовал меня как “своего” в момент операции по приведению приговоров на осужденных»³⁹.

* На спецобъекте «Коммунарка» массовые захоронения расстрелянных начались с 02.09.1937 г.

Короче, Берг принимал непосредственное участие в расстрелах. Его подпись наравне с подписью Семенова стоит под всеми актами о приведении в исполнение решения о ВМН*.

Частенько посещало Бутово и высокое начальство: комендант Центрального аппарата НКВД, впоследствии генерал Блохин, генерал Косов (о последнем ничего не известно).

Генерал В. М. Блохин — один из немногих ответственных сотрудников НКВД, уцелевших в 1930—1950-е гг. А ведь это был человек, без участия которого не обходилась ни одна кровавая операция в те годы, будь то Катынь, Харьков или Медное под Тверью (где, кроме русских, было расстреляно в общей сложности около 15 тысяч польских офицеров), Бутовский полигон или «Коммунарка». Ныне уже не секрет, что В. М. Блохин принимал личное участие в расстрелах, хотя по своему положению и не обязан был это делать. Выполняя свою нелегкую работу, он, как мясник на бойне, облачался в резиновый коричневый фартук, краги и резиновые сапоги. В 15 лет пастух, в 20 — каменщик, он затем получил два высших образования. Причем в архитектурно-строительный институт он поступил уже в 36-летнем возрасте. Учась в институте, он продолжал исполнять свои обязанности при комендатуре ОПТУ. Его молоденькие однокурсники и представить себе не могли, какого рода «работу» выполнял их великовозрастный товарищ за стенами родного вуза. Прошло несколько лет после окончания института, и Блохин стал своим человеком на Бутовском полигоне. Он постоянно бывал здесь. Машины с телами расстрелянных (в том числе с телами расстрелянных студентов и преподавателей архитектурного института), прибывающие из московских тюрем, по его распоряжению направлялись в Бутово или в «Коммунарку». Низовые сотрудники НКВД были единодушны в своем отношении к Блохину; они любили его за простоту обращения, веселый нрав и всегдашнюю готовность помочь в бытовых нуждах...⁴⁰

Местные жители поначалу на выстрелы, раздававшиеся со стороны Бутовского полигона, не обращали особого внимания. Полигон есть полигон. Но постепенно какие-то страшные подозрения стали закрадываться в души людей. Прохожих, возвращавшихся домой с ночного поезда, обгоняли «воронки», крытые автозаки. Машины ехали с ре-

Генерал В. М. Блохин.
В 1937-1938 гг. -
капитан, комендант
АХУ НКВД СССР

* ВМН — высшая мера наказания, т. е. расстрел (часто используемая аббревиатура в следственных делах 1930—1950-х гг.).

* Случаи изнасилования перед казнью известны. Международная судебно-медицинская комиссия из представителей одиннадцати стран с участием общественности осматривала останки расстрелянных в Виннице. В одном из трех захоронений 1937—1938 гг. были обнаружены останки 49 женщин молодого возраста, которые были изнасилованы перед расстрелом. (Новак Л. Г. *Лоза. Фрагменты из будущей книги / У «30 октября». 1999. № 2)*

вом по разбитой лесной дороге. Их было иногда две-три, иногда — до десяти. Бывало, доносились со стороны леса какие-то странные голоса, отдаленные крики. Иной раз приходилось слышать изумленному прохожему пение Интернационала, обрываемое звуками выстрелов. Приглушенный женский голос умолял кого-то: «Не надо... Не трогайте меня, у меня дети...»*. Но такой страх поселился в людях, живших в этих краях, что они не смели говорить о своих догадках даже друг другу. Да и теперь рассказы местных жителей о том времени чрезвычайно скупы. Разве что сообщит кто-нибудь шепотом, под большим секретом, что видел издали, как вели куда-то по снегу цепочку полурасдетых людей. Ребятишкам, спешащим на занятия в школу, родители запрещали ходить мимо полигона, говоря, что «там скверное место».

Машины, крытые автозаки, доставлявшие осужденных на полигон, в народе упорно называли «душегубками». Ходили слухи, что людей травили в автозаках, выводя трубу с выхлопными газами внутрь фургона, где находились осужденные. По поводу этих «душегубок» в свое время было много разговоров. Мнение старшего поколения работников НКВД по этому вопросу неоднозначно. Часть из них утверждает, что этого не было, «потому что этого не могло быть никогда», другие же считают, что такое вполне возможно. В 1938 г. бывший начальник АХО УНКВД по Московской области подследственный Берг обвинялся как изобретатель «душегубок».

Берг и Семенов

Господь попускает «гордым людям греха и беззакония» истреблять друг друга, чтобы они не сделали «учителями нечестия» для последующих поколений...

Игумен Серафим ⁴¹

Исайя Давыдович Берг родился в Москве в 1905 г. Имел низшее образование. Начиная рабочую жизнь слесарем в кузнице. Служил добровольцем в Красной Армии, правда, не на полях гражданской войны, а в Москве, при хозяйкоманде, затем год работал ломовым извозчиком у частного лица. Была и одна светлая страница в биографии Берга. По рекомендации брата, Лазаря Давыдовича, игравшего в военном

оркестре Николаевского, он также поступил в оркестр при Высшей партийной школе ОГПУ, где проработал целый год. «У меня было тогда желание учиться музыке, — признавался Берг на допросе. — Но музыканта из меня не вышло»*. В 1926 г. И. Д. Берг окончил курс ВПШ ОГПУ, и его направили на турецкую границу в Батумский погранотряд. В течение трех лет он был инструктором по применению розыскных собак, потом переехал в Москву и служил в той же должности в школе-питомнике служебного собаководства на станции Клязьма. В конце 1930 г. он — штатный «резидент» на фабрике «Буревестник», в 1931—1932 гг. — секретный сотрудник ОГПУ на предприятии «Оргметалл». С 1932 г. начинается его настоящая деятельность в органах. Сначала он — помощник оперуполномоченного Щелковского райотдела ОГПУ, а с 1935 г. — оперуполномоченный Кунцевского райотдела УНКВД по МО — одного из самых скандальных в Московской области, прославившегося тем, что там попиралась даже видимость закона.

В Кунцевском райотделе Берг прошел «хорошую» школу по части фальсификации следственных дел и избийний арестованных. В его следственном деле упоминаются также «кунцевские оргии на конспиративной квартире». С сентября 1936 г. он уже начальник райотдела УНКВД г. Вереи. За попытку изнасилования арестованной (совместно с начальником милиции того же района) Бергу дали 20 суток карцера, но он их не отсидел, а был переведен на другую должность и не с понижением, а с повышением. Его взял к себе в качестве помощника секретаря могущественный С. Ф. Реденс. С октября 1937 г. по рекомендации Реденса Берг стал начальником АХО УНКВД по МО и с этих пор начал работать на Бутовском полигоне, сначала по хозяйственной части, а через месяц и в группе по приведению приговоров в исполнение. Он имел звание старшего лейтенанта, конечно, был членом партии, награжден за свои заслуги значком «Почетный чекист»**.

У него была любящая жена и две дочки, которым в 1937 г. было пять и десять лет. Семья жила в трехкомнатной квартире на Солянке, в доме 1. Но с семьей Берг бывал мало. В последние перед арестом одиннадцать месяцев у него была преимущественно ночная работа.

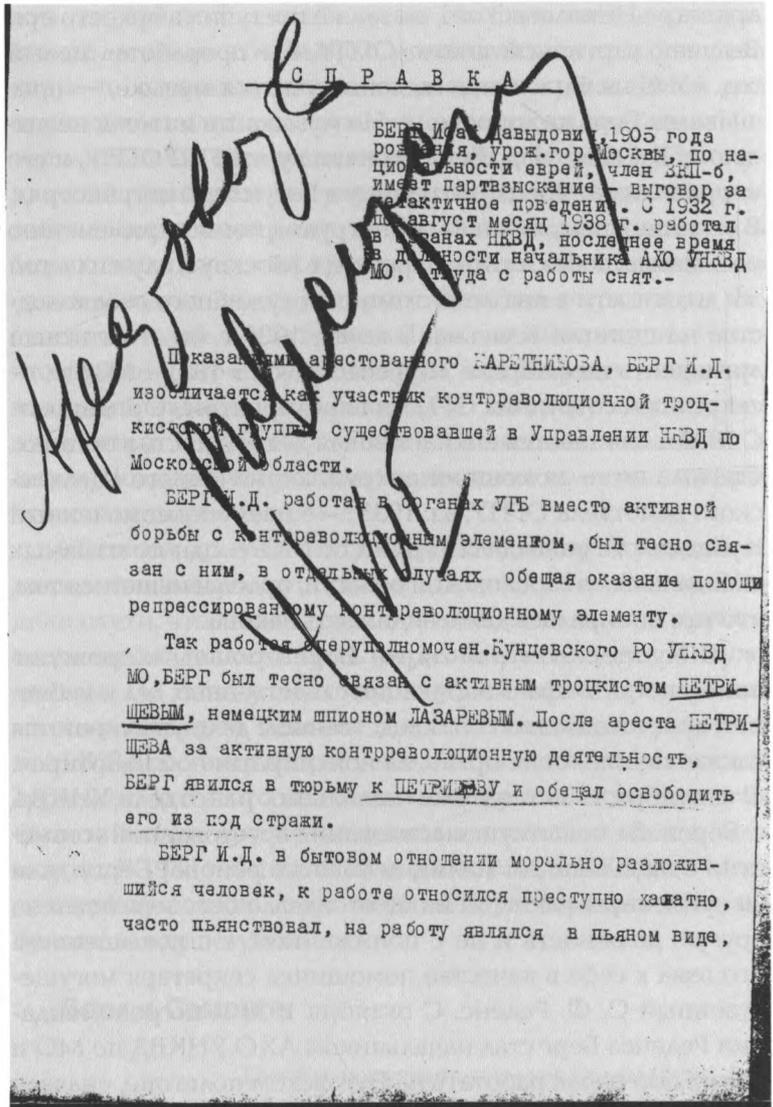
И. Д. Берг работал на полигоне с декабря 1937 по август 1938 г. — вплоть до своего ареста. Он бы работал и дальше,

* Другой брат Берга, Яков, работал шофером отдела мест заключений (ОМЗ) УНКВД МО. В нетрезвом состоянии совершил аварию и на два года попал в Дмитлаг; правда, был досрочно освобожден и продолжил работу в органах.

** В Управлении НКВД Берг познакомился еще с одним способом арестов. Он рассказывал на одном из допросов: «Аресты нередко производились на основе телефонных разговоров. ЛАВРЕНТЬЕВ вызывает ЯКУБОВИЧА и говорит: “ЯКУБОВИЧ, я считаю, что такого-то (называет фамилию) надо арестовать”. ЯКУБОВИЧ немедленно нажимает кнопки, и этот человек арестовывается». (ГА РФ. Ф. 10035. Он. 1. Д. II-67528. Л. 19)

И. Д. Берг, начальник
АХО УНКВД МО.
Расстрелян в Москве
07.03.1939 г. (фотография
с партбилета)

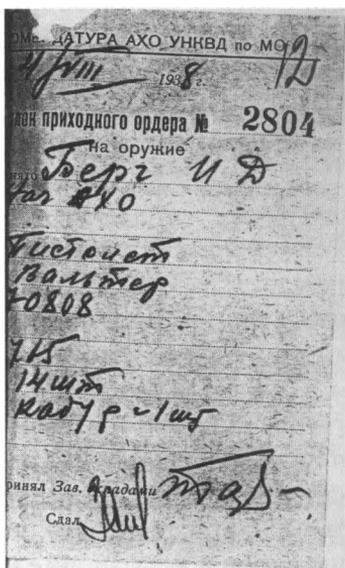
Справка на арест Берга
с подписью начальника
9-го отдела НКВД СССР
Тительмана

если бы не зарвался. 3 августа 1938 г. к 3 часам дня его вызвали в партком Управления для объяснений по поводу безобразной пьянки и непристойного поведения в доме сослуживца (пожаловалась теща того). Из руководства в Управлении присутствовали начальник УНКВД по МО Цесарский, секретарь парткома Овчинников⁴² и еще двое. Берг униженно просил прощения, клялся, что такое больше не повторится. Тем не менее у него отобрали служебное удостоверение и его много потрудившийся «Вальтер» с четырнадцатью зарядами. После соответствующего внуше-

ния за «непартийный поступок» Берг еще долго сидел рядом в секретариате. В кабинете начальства решали, как наказать провинившегося сослуживца. Берг всерьез опасался, что его могут исключить из партии. Но все оказалось гораздо хуже. Из Управления он уже не вышел. Спустя какое-то время сотрудники НКВД Шигалев и Овчинников (о них речь пойдет ниже) препроводили Берга в комнату приема арестованных...

Арест для «почетного чекиста» Берга был полной неожиданностью. Первый допрос состоялся в тот же день к ночи. Допрашивать его вместе с начальником 9-го отдела НКВД, следователем Тительманом пришли еще шестеро теперь уже бывших его сослуживцев. По окончании «допроса» эти шестеро ушли, а утомившийся Тительман лег на диван и спокойно уснул. Оставшись один, Берг, по его признанию, «хотел выбраться из окна четвертого этажа, но, вспомнив о своей семье, отказался от этого». Арестовали Берга в начале августа 1938 г., но до декабря его допрашивали без протоколов, т. к. он не признавался, что является участником контрреволюционной организации, существующей в Управлении НКВД по МО. В начале зимы за него принялись как следует. Его поставили «на конвейер». Допросы продолжались почти без перерыва с 13 по 29 декабря 1938 г. Вскоре Тительмана самого арестовали и теперь требовали у Берга уже показаний на то, как именно Титель-

Слева – ордер на изъятие личного оружия. Справа – Таганская тюрьма, где содержались под следствием сотрудники НКВД Берг и Семенов (фотография конца 1950-х гг.)

* Следователь Сафронов приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 04.02.1940 г.

** Что касается Бутова, то расстрелы производились на полигоне далеко не каждый день. Может быть, Берг «работал» еще в других, пока неизвестных нам местах; но скорее всего это просто преувеличение сотрудника НКВД, старавшегося отвести вину от себя и переложить ее на начальство.

Остатки ограды вокруг барака на Бутовском полигоне (фотография конца 1990-х гг.)

ман его допрашивал, и Берг «признавался», что Тительман хотел «смягчить» его, Берга, «вражескую работу в органах» и склонял к признанию вины лишь в бытовых преступлениях. После ареста Тительмана дело Берга вел следователь Пущин, затем Сафронов и другие. По свидетельству следователя Харитонова, Сафронов избивал Берга резиновой дубинкой, которую обычно носил в портфеле вместе с бумагами и завтраком*.

Среди прочих обвинений обсуждался вопрос и о машинах-«душегубках». Вот что говорил следователь Н. П. Харитонов, принимавший участие в допросах Берга в декабре 1938 г. (в 1956 г. он проходил как свидетель при пересмотре дела Берга)⁴³.

«**Вопрос:** ...Что Вы можете показать о ведении следствия по делу БЕРГА?»

Ответ: В части причастности БЕРГА к контрреволюционной заговорщической организации у меня были сомнения. Но в то же время из материалов дела на БЕРГА, из разговоров, которые ходили среди работников УНКВД МО и из признаний самого БЕРГА у меня сложилось мнение, что он являлся одним из организаторов и практических исполнителей грубейших нарушений социалистической законности в период его работы в должности начальника АХО УНКВД МО. БЕРГ являлся тогда начальником оперативной группы по приведению в исполнение решений тройки УНКВД МО. С его участием были созданы автомашины, так называемые душегубки. В этих автомашинах перевозили арестованных, приговоренных к расстрелу, и по пути следования к месту исполнения приговоров они отравливались газом... Мне думается, что БЕРГ сам это признавал на следствии.

Вопрос: Сказанное вами о душегубках в материалах его следственного дела не отражено. Чем это Вы можете объяснить?

Ответ: Насколько мне помнится, в протоколах допроса БЕРГА факты нарушения социалистической законности с его стороны были отражены, были зафиксированы и его показания об удушении приговоренных к расстрелу газом. БЕРГОМ и его оперативной группой ежедневно приводилось в исполнение по несколько сот приговоров**. Мне помнится, что на одном из допросов БЕРГ признавал, что он организовывал приведение приговоров в исполнение с

применением автомашины (душегубки), объясняя это тем, что он выполнял указание руководства УНКВД МО и что без этого невозможно было исполнить столь большое количество расстрелов, к которым арестованные приговаривались тремя тройками одновременно. Из рассказов на допросах БЕРГА и из разговоров, которые ходили среди сотрудников УНКВД МО, было известно, что процедура приведения приговоров, организованная БЕРГОМ, носила омерзительный характер: приговоренных к расстрелу арестованных раздевали догола, связывали, затыкали рот и бросали в машину. Имущество арестованных под руководством БЕРГА расхищалось...»⁴⁴.

В 1956 г. при пересмотре дела и первой попытке реабилитации Берга его признания о «душегубках» из дела пропали.

«Вопрос: Почему показания БЕРГА о практиковавшейся им процедуре исполнения приговоров по осужденным к расстрелу не были приобщены к делу?»

Из показаний свидетеля,
сотрудника НКВД
Ф. Я. Чеснокова
от 06.08.1956 г.
(из следственного дела
И. Д. Берга)

Вопрос: Какие нарушения социалистической законности допущены Вами при исполнении приговоров в отношении осужденных к высшей мере наказания?

Ответ: Мне лично приходилось вести осужденных, доставляемых к месту расстрела в машине ДАББС. Я был свидетелем этих нарушений социалистической законности и не знаю, мне известно еще то, что были сделаны специальные автомашины для доставки осужденных к месту расстрела осужденных. Эти машины были оборудованы специальными защитными кожухами, при помощи которых можно было накачать газ в кузов машины. Это было сделано для

Ответ: ...По поводу направления следствия по делу БЕРГА я беседовал тогда с начальником УНКВД МО ЖУРАВЛЕВЫМ⁴⁵ и высказывал ему предложения о том, чтобы задокументировать преступную деятельность БЕРГА. ЖУРАВЛЕВ тогда сказал, что в деле БЕРГА надо решить главный вопрос — добиться показаний от него о контрреволюционном заговоре, а потом уже можно будет выяснить другую его преступную работу. Следствие по делу направлял и руководил им Сафронов. Почему не было произведено расследования преступной деятельности БЕРГА — мне неизвестно. Заявление БЕРГА (о том, что он готов дать «чистосердечное признание». — *Авт.*) в материалах дела имелось. Кем и при каких обстоятельствах оно было получено, а потом изъято из материалов дела, мне неизвестно».

Свидетельские показания в отношении Берга были противоречивы.

Свидетель Виктор⁴⁶, работавший под руководством Берга на Бутовском полигоне, показывал:

«При приведении приговоров в исполнение я выполнял службу по охране территории, где производились расстрелы, и занимался уборкой расстрелянных. Расстрел производился специальной группой. Из этой группы я помню ШИНИНА Сергея Александровича, ЧЕСНОКОВА Федора

Первый снег на земле

Бутовского полигона Яковлевича и ИЛЬИНА Илью. Берг возглавлял эту группу.

Осужденных доставляли к месту исполнения в машинах по 40—50 человек, некоторые из них доставлялись в майках и трусах. Ежедневно, а иногда через день расстреливалось по 200—300, а иногда и по 400 человек. Кто раздевал арестованных, я не знаю. Других нарушений я не замечал»⁴⁷.

Исполнитель по приведению приговоров в исполнение Чесноков⁴⁸ говорил, что Берг обеспечивал хозяйственные нужды оперативной группы, исполнявшей приговоры (питание и вещевое довольствие), — и только.

«Примерно раз в неделю он приезжал на территорию, где производились расстрелы, осматривал хозяйство, помещение столовой и общежития. Что еще он там делал, я не знаю».

На вопрос следователя о «душегубках» Чесноков ответил, что он знал о специальных автомашинах для доставки к месту расстрела осужденных. «Эти машины были оборудованы заглушками, при помощи которых можно было пускать газ в кузов. Это было сделано для обеспечения безопасности при доставке осужденных к месту расстрела, т. е. на случай возникновения бунта в машине. Применялось ли это средство для усмирения осужденных, мне не известно»⁴⁹. Чесноков также не знал, какое отношение имел к этим машинам Берг.

Еще один исполнитель, Шинин⁵⁰, рассказывал: «В период 1936—1937 гг. мне пришлось работать в специальной зоне, где приводились в исполнение приговора. Я исполнял обязанности начальника охраны этой зоны. В ряде случаев сам участвовал в исполнении приговоров. В отношении Берга могу сказать, что он посещал нашу зону часто, я его видел вместе с Семеновым, очевидно, он был в курсе всех событий у нас... В чем заключались обязанности Берга в нашей зоне, я не знаю... В отношении порядка приведения приговоров о ВМН в исполнение могу сказать, что нарушений каких-либо при этом не допускалось. Приговоренные расстреливались часто в присутствии врача и прокурора» и... «так, как это требовалось по закону», «других способов истребления не было». «Мы не могли знать, насколько обоснованно люди осуждались, ибо это не входило в нашу компетенцию. Но злоупотреблений и нарушений закона о порядке исполнения приговора мы не допускали. Во всяком случае, я об этом не знаю»⁵¹. (Существенная оговорка. — *Авт.*)

Поздняя осень в Бутове

М. И. Семенов,
помощник начальника
УНКВД по МО
и начальник УРКМ,
председатель
милицейской тройки.
Расстрелян в Москве
07.03.1939 г. (тюремная
фотография)

И. о. коменданта АХО НКВД по МО А. В. Садовский также отрицал наличие «душегубок» в период его работы на Бутовском полигоне, т. е. с января до конца октября 1937 г. (Так что вопрос о «душегубках» хоть и обсуждался в 1956 и 1962 гг., но остался недоказанным; свидетели, являвшиеся в данном деле людьми заинтересованными, высказывали по этому поводу взаимоисключающие версии.)

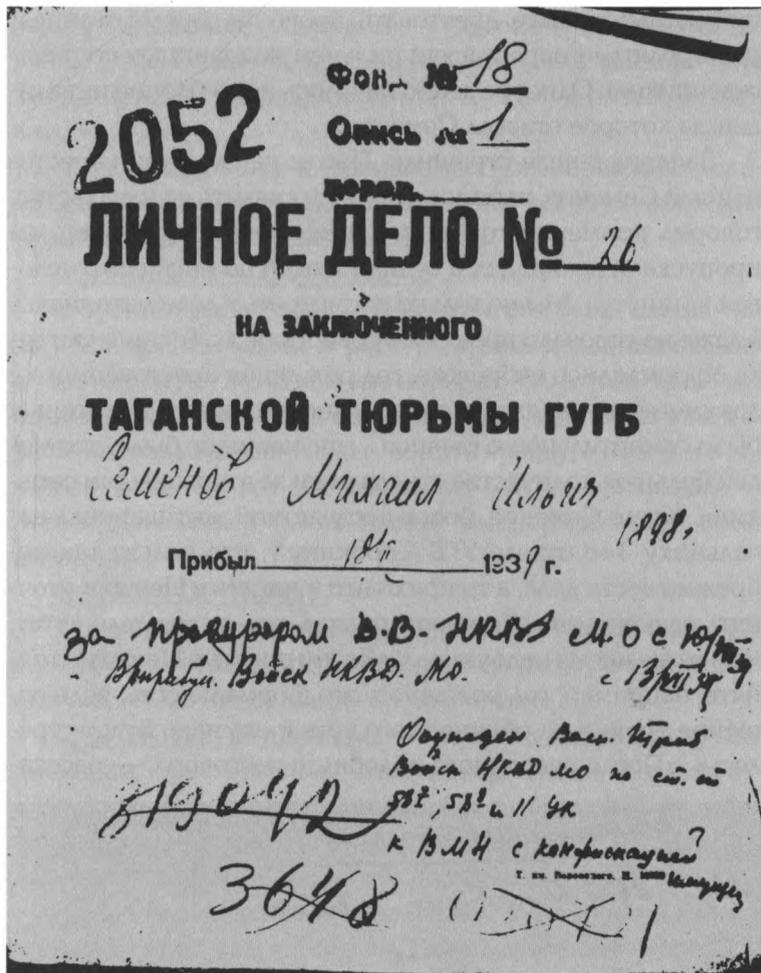
И все же коллеги пытались вытащить Берга из неприятной истории. Один раз его «минут тридцать» допрашивал сотрудник Центра. «Седой, в штатском, с полевой сумкой», он не угрожал, не бил подсудимого. Сам Берг позднее говорил: «Он (человек в штатском. — *Авт.*) после допроса сказал, что я не политический преступник, а вор, и предложил давать показания о хищениях, а не писать общих сведений на Якубовича, Радзивиловского⁵² и др., их так достаточно».

После этого допроса Бергу разрешены были передачи и свидание с женой. Дело могло повернуться так, что его сослали бы за воровство и «моральное разложение» куда-нибудь года на три — по линии 3-го отдела ГУЛАГ а, например, хоть надзирателем в лагерь. Но его обвинили в подготовке вооруженного восстания и участии в контрреволюционном заговоре в рядах Московского управления НКВД. Берг признал себя виновным, и хоть на суде он отрекся от своих показаний, данных вследствие длительных избиений, Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к высшей мере наказания с конфискацией имущества.

7 марта 1939 г. Берга расстреляли.

За месяц до расстрела Берга арестовали его непосредственного начальника — майора госбезопасности М. И. Семенова, с которым Берг самым тесным образом был связан по работе на Бутовском полигоне.

Михаил Ильич Семенов, уроженец Москвы 1898 г., происходил из семьи мелкого торговца. Он имел низшее образование, был членом партии с 1918 г. Жил он, как и все чекисты, в самом центре Москвы в угловом доме 2 на Страстном бульваре, был женат вторым браком на купеческой дочке; а в первый раз — страшно сказать — он женился на дворянке и «скрывал это от ВКП(б) и органов НКВД». К тому же, как выяснилось при аресте, он утаил еще, что «родные братья у обоих (так в оригинале) жен расстреляны как участники к/р организации»⁵³.

Обложка уголовно-следственного дела М. И. Семенова

Перед тем, как Семенов был назначен помощником начальника УНКВД МО по милиции и начальником УРКМ, он потрудился в Дмитлаге. За работу на строительстве канала Москва-Волга его наградили орденом Красного Знамени. Спустя некоторое время он был награжден еще орденом Красной Звезды. Будучи председателем особой (милицейской) тройки, Семенов полностью выполнял все предписания и директивы, спущенные сверху. Это ему была переслана комкором Фриновским секретная шифротелеграмма комиссара госбезопасности Заковского о дополнительном лимите на расстрел четырех тысяч человек: «Работу тройки продлите до 15 марта с. г. По окончании операции сообщите итоговой запиской результаты»⁵⁴. Сей документ датирован 1 февраля 1938 г. (т. е. за полтора месяца

А. П. Радзивиловский,
зам. начальника УНКВД
по МО. Расстрелян
в Москве 24.01.1940 г.
(тюремная фотография)

предлагалось найти, арестовать, провести расследование и расстрелять четыре тысячи ни в чем неповинных соотечественников). Одновременно началось истребление инвалидов, за которое отвечал Семенов.

Запарка пошла страшная. Потом на следствии арестованный Семенов, пытаясь всю вину свалить на начальство, говорил примерно то же, что и Берг: «За один вечер мы пропускали до 500 дел и судили людей по несколько человек в минуту... Мы не только посмотреть в деле материалы, а даже не успевали прочитать повестки». «...Технически дела оформлялись небрежно, год рождения арестованного с документами не сходился, подданство тоже у некоторых было сомнительное, а главное... мне наглядно было, что людей большое количество стреляли ни за что и целыми семьями». Когда Семенов, боясь последствий, выговаривал начальнику 3-го отдела УТБ Сорокину⁵⁵, что нельзя так небрежно вести дела, а то приходится писать в Центр и уточнять разночтения, Сорокин отвечал, что он это дело учтет, но в то же время недоумевал: «Зачем писать в Центр и уточнять, например, год рождения, это формальность, ведь решение тройки на обвиняемого есть и его надо будет стрелять». «После очередного подобного разговора, — расска-

Акт о дополнительном
расстреле трех человек
с подписями Семенова
и Берга

Решение тройки к. а. к. 4/1137

1937. 22-го декабря — расстреляны три
следующих соотечественника:

1. Миллер Викентий Александрович
2. Бурдиков Сергей Александрович
3. Купч. он же Миллер Михаил
Сергеевич.

Примечание: тут дана работа с
тут ватмана из кучидания Заседания
трусси к. м. УТБД по л. с. 4/1137
Зам. И. П. Утманов по
Миллер, Миллер Александр
на 22-го декабря 1937
Миллер Сергей Сергеевич к. а. к.

звал Семенов на следствии, — Сорокин “вскипел” и заявил: “Тебе, Семенов, хорошо известно, что, как и почему это делается, и ты знаешь, что так нужно, и нечего психовать”».

Следующая встреча обвиняемых Семенова и Сорокина была уже в тюрьме на очной ставке, которую проводил упоминаемый выше Сафронов.

«СЕМЕНОВ — СОРОКИНУ:

Сорокин: Дела-то на этот контингент были явная “липа”. Мы арестовывали и расстреливали целые семьи как шпионов... и неужели нам кто поверит, что в этой семье все шпионы, ведь это ни в какие ворота не лезет, а ты еще хочешь оправдываться! Надо говорить правду, что все это делалось (кажется, вот-вот прозвучит оно, слово правды. — *Авт.*)... делалось в целях нашей заговорщической организации.

Вопрос СОРОКИНУ:

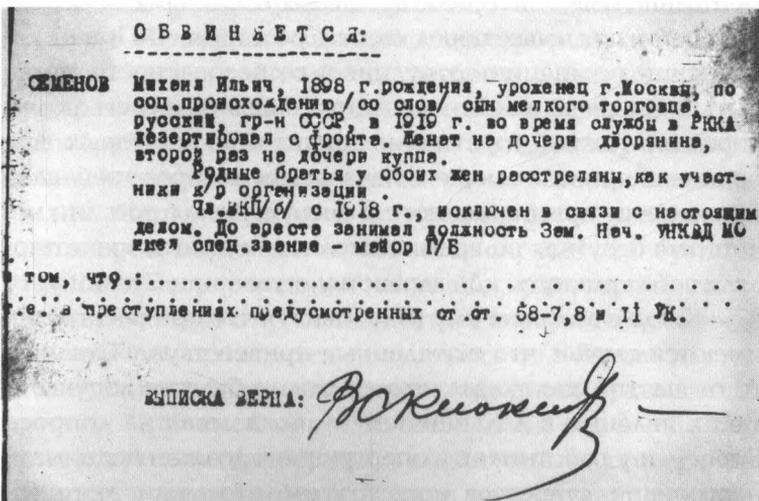
Отвечайте на заявление СЕМЕНОВА, так это было или снова будете утверждать, что в аресте и расстреле невиновных людей Вы виновным себя не считаете?

СОРОКИН: Да, признаю, что за время операции по “националам” арестовывались невиновные люди, которых судили на тройке и расстреливали. Все это делалось (и снова тот же, очевидно, следовательский рефрен! — *Авт.*)... в целях нашей к/р заговорщической организации».

Точно такие же диалоги на очных ставках происходили между Семеновым и Бергом. Подследственные содержа-

И. Г. Сорокин, начальник 3-го отдела УГБ УНКВД по МО. Расстрелян в Москве 13.08.1939 г.

Обвинение из следственного дела на М. И. Семенова

В. Е. Цесарский,
начальник УНКВД по МО
с мая по сентябрь 1938 г.
Расстрелян в Москве
22.01.1940 г.

лись в Таганской тюрьме. Для проведения допросов и очных ставок арестованных чекистов возили и в другие московские тюрьмы.

Семенов работал на полигоне с августа 1937 по июль 1938 г. А затем начальник Управления почему-то предложил ему передать свои функции другому. «Руководство операцией по приведению приговоров в исполнение, — рассказывал Семенов на допросе, — я, по распоряжению ЦЕСАРСКОГО, сдал ОВЧИННИКОВУ. Сначала я постепенно вводил его в курс дела, а потом, когда он освоился, я все сдал ему и коменданту ШИГАЛЕВУ».

Одним из следователей, допрашивавших Семенова, был все тот же Сафронов. Он избивал его, вероятно, той же дубинкой, что и Берга. В обвинении, предъявленном Семенову, говорилось о том, что тот «имел задание от к/р организации обеспечить оружием к/р организацию в момент восстания». Местом, где хранилось оружие, в деле называется «полигон в 25 км от Москвы». Почти наверняка имелся в виду Бутовский полигон, где Семенов работал до дня ареста.

Семенов не был реабилитирован. А вот дело Берга, по заявлению его родственников, дважды пересматривалось. В первый раз в 1956 г. он не был реабилитирован, но в 1962 г. его реабилитировали.

За последние годы мы узнали некоторые подробности, связанные с приведением приговоров в исполнение. Документально известно о необъяснимых избиениях осужденных, производимых перед самым расстрелом. Причиной избиений, по мнению сотрудников госбезопасности, могла быть, во-первых, «нейтрализация» большой массы людей перед ничтожной горсткой исполнителей, во-вторых, выполнение приказа высшего начальства, которое требовало молчания от приговоренного к смерти. Дело в том, что некоторые безумцы во время исполнения приговора позволяли себе крикнуть: «Да здравствует товарищ Сталин!»

«Когда я доложил ему (Якубовичу), что при расстрелах имеются случаи, что осужденные приветствуют Сталина, то он на это мне сказал, что я должен буду не допускать таких явлений в дальнейшем, — показывал на допросе Берг, — и у работников в опергруппе я должен поднимать настроение, стараться показать им, что люди, которых

они стреляют, — враги...» Приказано было добиться, чтобы «враги народа» в момент осуществления высшей революционной справедливости своими приветствиями «не маразли имя вождя». Наконец, избиения перед самым расстрелом носили еще и какой-то личный заказной характер. Берия⁵⁶, например, поручал заплечных дел мастерам Родосу и Эсаулову зверски избивать перед расстрелом некоторых известных политических деятелей⁵⁷.

Расстрелы и «расстрельщики»

Рубить головы всего легче, а иметь идею всего труднее.

Ф. М. Достоевский

О том, как совершались казни на Бутовском полигоне, рассказал в начале 1990-х гг. и. о. коменданта АХО Московского управления НКВД капитан А. В. Садовский. Он отвечал за приведение в исполнение приговоров по Москве и Московской области, в том числе на Бутовском полигоне, с января по октябрь 1937 г.

Людей, приговоренных к расстрелу, привозили в Бутово, не сообщая, зачем и куда их везут. Делалось это умышленно, во избежание лишних осложнений. Автозаки, в которые помещалось до пятидесяти человек, подъезжали к полигону со стороны леса примерно в 1—2 часа ночи. Деревянного забора тогда не было. Зона была огорожена колючей проволокой. Там, где останавливались машины, находились вышка для охраны и прожектора, закрепленные на деревьях. Неподалеку виднелись два строения: небольшой каменный дом и длиннейший, метров восьмидесяти в длину деревянный барак. Людей заводили в барак якобы для «санобработки». Непосредственно перед расстрелом объявляли решение, сверяли данные. Делалось это очень тщательно. Наряду с актами на приведение в исполнение приговоров, в документах имеются справки, требующие уточнения места рождения или имени приговоренного.

И все же при той поспешности, с которой велось тогда следствие, не приходится удивляться, что в Бутово для исполнения приговора могли привезти одного брата вместо другого. Причиной приостановки казни могло еще служить отсутствие фотографии, по которой удостоверялась личность приговоренного. Во всех этих случаях исполне-

И. В. Сталин
(фотография 1937 г.)

Я. П. Берия, комиссар госбезопасности 1-го ранга, нарком внутренних дел СССР. Расстрелян в Москве 23.12.1953 г.
(фотография 1938 г.)

Справка к акту
от 20.08.1938 г.
о разночтениях
в фамилии
приговоренного
Я. Г. Думинь

Справка
к акту от 20 августа 1938 г. 41/4

Не приведет приговор в исполнение
в отношении осужденного Думинь
Я. Г. т.к. в предписании указано
гумань, осужденный надвигает, что его
фамилия "Думинь"
правильность проверять по делу.

Н-к 2 исправительной колонии
Искренн. Чебел. И. К. Думинь

07.08

ние приговора откладывалось, людей возвращали назад в тюрьму*. Эта скрупулезность на месте казни иногда действовала в интересах людей, но случаи отмены высшей меры были крайне редки; обычно после выяснения недоразумения человек повторно доставлялся на полигон для расстрела. Бывало, несмотря на все проверки, ошибались: расстреливали по ошибке тех, что осуждены были к заключению в лагере, а не на смертную казнь, и наоборот. В этом последнем случае еще была возможность исправления ошибки, в первом, естественно — нет. А бывало и так: числящийся расстрелянным человек в 1950-х гг. вдруг объявлялся и писал собственноручное прошение о своей реабилитации. Это значит, что кто-то в 1937—1938 гг. по ошибке или умышленно был расстрелян вместо него.

Процедура переключки перед казнью, сверки с фотографиями и отсеивания людей в Бутове, в отношении которых возникали какие-либо вопросы и недоумения, продолжалась порой в течение многих часов. Как рассказывал и. о. коменданта, исполнители приговоров в это время находились совершенно изолированно в каменном домике, стоявшем неподалеку. К сверке документов они никакого отношения не имели. У них были другие задачи, и они ожидали своего часа.

Приговоренных выводили по одному из помещения барака. Тут появлялись исполнители, которые принимали их и вели — каждый свою жертву — в глубину полигона в направлении рва. Стреляли на краю рва в затылок, почти в

* Есть данные, что тюремный барак временного содержания находился здесь же в спецзоне.

26

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА
 Особого совещания при Народном комиссаре внутренних дел СССР
 от 27 июля 1938 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
Дело № 1787/МО - о ДЖЕЙКУН-Феликсе Алексееви- че, 1898г.р., б.чл.ВКПб. [Stamp: ВНЕШНИЙ ОТДЕЛ НКВД СССР, 28 июля 1938 г., КОПИЯ] Отв. секретарь, Особого совещания	ДЖЕЙКУН Феликса Алексееви- ча - за к.-р. агитацию - заключить в исправтрудлагерь сроком на ПЯТЬ лет, считая срок с 27/П-38г. Дело сдать в архив. Постановление. Особ. комиссии по некорр. элементу после исполнения приговора Акан 16/11/38 Шаймуров

г. Воронежского, № 13015

«Ошибочное»
 постановление тройки
 по поводу уже
 расстрелянного
 Ф. А. Джейкуна.
 Расстрелян 14.06.1938 г.
 и захоронен в Бутово

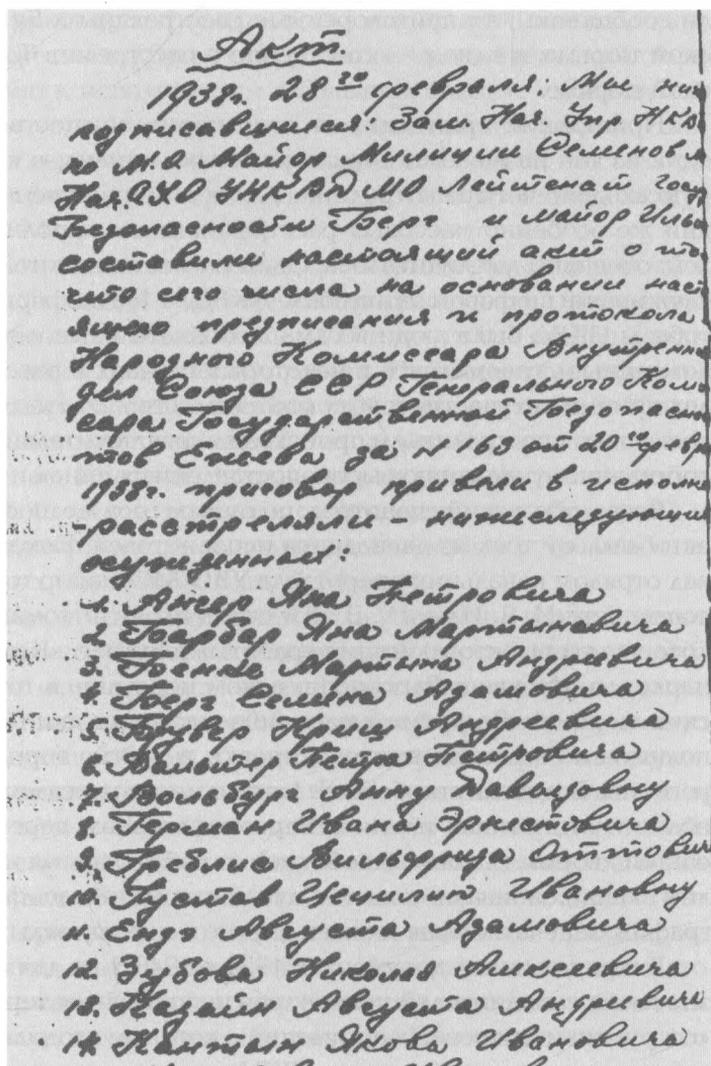
упор. Тела казненных сбрасывали в ров, устилая ими дно глубокой траншеи. «Уборкой» тел занимались специально выделенные для этого сотрудники НКВД.

За день редко расстреливали меньше 100 человек. Бывало и 300, и 400, и свыше 500. Например, 8 декабря 1937 г. было расстреляно 474 человека, а 17 и 28 февраля 1938 г. — соответственно 502 и 562 человека*. Исполнители пользовались личным оружием, чаще всего приобретенным на гражданской войне; обычно это был пистолет системы «наган», который они считали самым точным, удобным и безотказным. При расстрелах полагалось присутствие врача и прокурора, но, как мы знаем из показаний самих исполнителей, соблюдалось это далеко не всегда. В дни расстрелов всем исполнителям и охране выставлялось ведро водки, из которого можно было черпать сколько угодно. (Да и как выполнять подобную работу, не оглушая себя спиртным?!) В сторонке стояла еще емкость с одеколоном. По окончании расстрелов ополаскивались одеколоном, т. к. от исполнителей за версту несло кровью и порохом. По их собственному признанию, от них «даже собаки шарахались»⁵⁸.

В комендатуре исполнители заполняли бумаги от руки, в конце акта о приведении приговоров в исполнение ставили свои подписи. После всех необходимых формальностей полагался обед, после чего исполнителей, обычно мертвецки пьяных, увозили в Москву. К вечеру на месте казни по-

* У исследователей имеются большие сомнения по поводу того, что число расстрелянных по актам соответствует истине. Возможно, как и в Ленинграде, где это подтверждено документально, людей расстреливали в течение нескольких дней, а оформляли потом одним числом (сведения гл. редактора Книги памяти «Ленинградский и мартиролог» А. Я. Разумова).

- 25/1-1 ✓ РОЖКОВА Ивана Афанасьевича, 1880 г. р., 1876 г. р., ур. МО, Вере́йского р-на, дер. Самородки.
- 25/1-2 ✓ ЗОРИНА Алексея Кузьмича, он-же БУРОЛИЧЕВ Петр Никитович, 1916 г. р., ур. г. Москвы.
- 25/1-3 ✓ ФЕДОРОВА Николая Васильевича, 1918 г. р., ур. г. Москвы.
- 25/1-4 ✓ ГОЛИКОВА Василия Матвеевича, 1910-1911 г. р., ур. МО, Касимовского р-на, с. Рудицкое.
- 25/1-5 ✓ КУЗНЕЦОВА Сергея Петровича, ур. г. Москвы, 1913-1916-1922 г. р.
- 25/1-6 ✓ ПАНОВА Ивана Васильевича, 1911 г. р., ур. г. Москвы, он-же Тамбовской губ., Лебе́дянского р-на, д. Густой Верх.
- 25/1-7 ✓ САВЕЛЬЕВА Павла Порфиловича, 1902 г. р., ур. г. Москвы, он-же б. Моск. губ., Бронницкого у., д. Боярново.
- 25/1-8 ✓ СЕРЕБРЯКОВА Павла Ивановича, 1902 г. р., ур. г. Ленинграда, он-же б. Ярославск. губ., Романо-Борисоглебского уезда, д. Мурастки-Мураедки.
- 25/1-9 ✓ МОРОЗ Василия Павловича 1875 г. р., ур. БССР, Речинского р-на, д. Засилье.
- 25/1-10 ✓ СОКОЛОВА Петра Степановича, 1916 г. р., ур. г. Москвы.
- 25/1-11 ✓ НОЧЕВКИНА-НАЧЕВКИНА Михаила Федоровича, 1918 г. р., ур. г. Москвы.
- 25/1-12 ✓ КУЛАКОВА Сергея Константиновича, он-же АНДРЕЕВ-КУЛАКОВ Василий Михайлович, 1904 г. р., ур. Рязанск. губ., Пронского уезда, дер. Новые Бровки, он-же Старожиловского р-на, Старые Бобровки.
- 25/1-13 ✓ БИКОВУ Анну Ивановну, 1885 г. р., ур. г. Ленинграда, она-же Калужск. губ., Мещевского уезда, дер. Ермошини-Чермошино.
- 25/1-14 ✓ ТИТОВА Вячеслава Семеновича, 1916 г. р., ур. г. Москвы, он-же бывш. Владимирск. об. губ. и уезда, дер. Сергеево.
- 25/1-15 ✓ ГАЙЛЕВИЧ Фердинанда Павловича, 1890 г. р., ур. г. Ленинграда он-же Ковенской губ., гор. Шавли.
- 25/1-16 ✓ МИНИНА-МИНЕНКОВА Петра Ефремовича, 1910 г. р., ур. г. Москвы.
- 25/1-17 ✓ КУЛИКОВА Николая Ивановича, 1916 г. р., ур. Моск. обл., Михайловск. р-на, дер. Студенец.
- 25/1-18 ✓ СЕРОВА Василия Тимофеевича, 1917 г. р., ур. Сталинградской обл., Дубовского р-на, дер. Песковое.
- 25/1-19 ✓ СНЯТКОВА Николая Андреевича, он-же БАЙДУКОВ Василий Борисович, он-же ГАЙДУН Залман Борисович, 1902 г. р., ур. г. Витебска, он-же Моск. обл., дер. Сущево и Талдомск. р-на.
- 25/1-20 ✓ НАЗАРОВА-ПЕТРОВА Николая Степановича, 1903 г. р., ур. г. Александрова, он-же КУЦЕПОВ-ОСИПОВ, он-же НАЗАРОВ Николай Семенович, он-же ОБУХОВ Семен Андреевич.
- 25/1-21 ✓ ИВАНОВА Марка Владимировича, 1910 г. р., ур. г. Москвы.
- 25/1-22 ✓ СИЛАЕВА Николая Ивановича, 1907 г. р., ур. г. Москвы, он-же Московск. обл., Звенигородск. р-на, бывш. Перхушковской вол. с. Акулово.

Акт о приведении
 приговора в исполнение
 майором милиции
 М. И. Семеновым,
 лейтенантом
 госбезопасности
 И. Д. Бергом
 и майором И. Я. Ильиным
 (лист из «расстрельной»
 книги)

являлся человек из местных; он заводил бульдозер, стоявший для этих целей на полигоне, и тонким слоем земли присыпал трупы. На следующий день расстрелов все повторялось сначала. Конечно, в разные месяцы, а возможно, и в разные дни процедура казни была различной. Расстрелы могли происходить и в закрытом, специально приспособленном для этой цели помещении на полигоне. Нельзя забывать и того, что в Бутово часто привозили тела уже расстрелянных в московских тюрьмах. Хоть специальным приказом категорически запрещалось разглашение места расстрелов, в нескольких следственных делах промелькну-

Э. А. Мач, сотрудник
для особых поручений
НКВД

ли сообщения, что приговоренные расстреляны в Бутырской тюрьме, в одном — сообщение о расстреле в Таганской тюрьме.

Приведение приговоров в исполнение осуществляла одна из так называемых «расстрельных» команд, в которую входило четыре сотрудника для особых поручений, в дни же особенно массовых расстрелов число исполнителей, очевидно, увеличивалось. Один из местных жителей, служивший шофером на автобазе НКВД № 1 (а шоферы автобазы НКВД были люди весьма любознательные и осведомленные), говорил, что в некоторых случаях в расстрелах принимало участие и высокое начальство. Это называлось у них: «пострелять» и происходило исключительно по собственному желанию высокопоставленных чинов.

Весь московский спецотряд, по словам того же шофера автобазы, состоял из двенадцати исполнителей. Командовал отрядом начальник оперотдела УВО МО майор госбезопасности И. Я. Ильин. В этот отряд входили команды, которые комплектовались для «работы» в Бутове, «Коммунарке», в Москве в Варсонофьевском переулке, в городских тюрьмах. Во время каких-либо массовых акций исполнители выезжали в командировки в другие города и регионы. Водители автобазы № 1 знали многое от самих исполнителей, так как имели в Варсонофьевском переулке общий дворик, где они в свободное от работы время играли в шашки, забивали «козла». Случайно сохранилась фотография, запечатлевшая их всех вместе в минуту отдыха*.

В официальных документах 1930—1940-х гг. для обозначения исполнителей приговоров используется термин «сотрудники для особых поручений», которые входили тогда в категорию «работников НКВД специального назначения».

Если посмотреть на биографии исполнителей, то видно, что это все люди не слишком молодые, офицеры, непременно члены ВКП(б). Как правило, все они получили лишь начальное образование, по этому поводу в личных характеристиках имеются следующие замечания: «в пополнении знаний очень нуждается», «над собой не работает». Правда, встречается некоторое если не оправдание, то объяснение: «в связи с родом службы от партийной и общественной работы оторван». У некоторых отмечается «замкнутость характера», в связи с чем данные сотрудники, по мне-

нию руководства нуждаются «в индивидуальном подходе». Интересны и другие определения, применяемые по отношению к исполнителям с большим стажем: «занимаемой должности соответствует», «к выполняемой работе относится серьезно», «работоспособность ничего, но стал стареть» (последнее определение относится к «легендарному» П. И. Магго, о нем ниже).

Все исполнители обладали большим опытом работы в органах, придя туда еще в годы гражданской войны или вскоре после нее. В конце 1937 г. почти все они получили награды за проделанную работу. Награжден был орденом Красного Знамени и майор госбезопасности И. Я. Ильин («за выполнение важнейших заданий правительства»), орденом Красной Звезды награжден капитан милиции М. И. Семенов, получили свои награды «за образцовое и самоотверженное выполнение важнейших правительственных заданий» Э. Мач, П. Магго⁶¹.

Вероятно, все эти люди были убеждены, что действуют правильно. Их вера в непогрешимость собственных действий основывалась на приказах высшего руководства, подпитывалась оголтелой и злобной прессой, ежедневно изрыгавшей брань в адрес пресловутых «врагов народа». Нельзя списывать со счета особое устройство личности и душевные склонности того или иного «исполнителя». Забвение христианских и общечеловеческих ценностей, политическая обстановка и вся жизнь в стране создавали тот фон, при котором эти люди могли исполнять приказы, не испытывая угрызений совести. И все-таки не все могли это выдержать. Как видно из личных дел исполнителей, почти никто из них не дожил до старости. Имеются сведения, что один застрелился, другой повесился, подполковник госбезопасности Емельянов сошел с ума — списан на пенсию с диагнозом «шизофрения» (как сказано в его личном деле — болезнью, «связанной исключительно с долголетней оперативной работой в органах»). Помешался в разуме один из водителей, возивший трупы расстрелянных на захоронение. По рассказу его жены, он перестал спать, сидел ночи напролет с заряженным наганом в руках, ожидая прихода каких-то незваных гостей, говорил: «Меня ждет возмездие». Бывший пастух, сотрудник для особых поручений майор госбезопасности Эрнст Мач, исправно выполнявший свою нелегкую работу в течение 26 лет и на-

П. И. Магго, сотрудник для особых поручений НКВД

П. И. Овчинников, сотрудник для особых поручений НКВД

гражданный несколькими орденами, был уволен из органов по причине нервно-психического расстройства. Большинство же исполнителей просто спились, даже имевший, казалось бы, каменное сердце П. И. Магго.

Об этом «порученце» придется сказать несколько дополнительных слов. Петр Иванович Магго, член партии с октября 1917 г., стал известным палачом уже в 1918—1919 гг., хотя официальную должность «сотрудника для особых поручений» он получил только в 1931 г. (вероятно, до этого профессия палача просто называлась иначе). Латыш с двумя классами образования, он с первых дней революции стал членом карательного отряда. Благодаря русским эмигрантам, чудом избегнувшим казни в тюрьме Московской чрезвычайки, известность Магго в начале 1920-х гг. шагнула далеко за пределы СССР.

О Магго вспоминает бывший арестант ВЧК, ежедневно ожидавший расстрела в ее стенах в 1920 г.: «Центральная фигура Б. Лубянки, 11, — Магго (автор называет его Мага) — латыш со зверским злым лицом, уже немолодой, никогда почти не разговаривающий с заключенными; молчание свое Магго прерывает только для ругани и угроз; ...угрозы Магго зловещи, и их невольно страшатся, зная, что он, Магго — главное действующее лицо в тюрьме... Особенно оживлен Магго в дни, предшествующие ночным расстрелам; по оживлению палача ожидающие расстрела очень часто определяют, и безошибочно, что сегодня их «возьмут на мушку»»⁶².

Впоследствии Магго участвовал во всех крупных операциях по приведению приговоров в исполнение, имел ордена, был награжден золотыми именными часами. Подпись Магго не стоит под расстрельными документами, имеющими отношение к Бутовскому полигону. Но он бывал здесь, его имя упоминает Берг в связи с расстрелами в зоне. Умер Магго перед войной, совершенно спившись⁶³.

Не будем забывать, что точно так же, как в Бутове, «стреляли» людей не только в Москве и Подмосковье, но и по всей стране. Сколько подобных спецзон, сколько исполнителей приговоров — страшно подумать!

Всякого нормального человека не может не волновать вопрос, откуда взялось у нас в России такое количество профессиональных палачей. Как они стали ими, как жили и что позволяло им исправно исполнять свои обязанности?

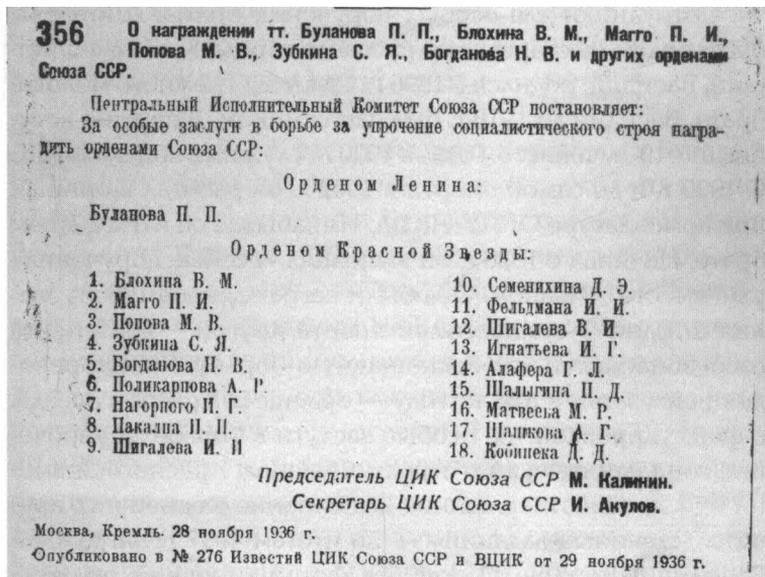

И. Я. Ильин, сотрудник НКВД

Слева направо —
И. И. Фельдман,
И. И. Антонов
и П. А. Яковлев,
сотрудники для особых
поручений НКВД

В XIX веке по законам Российской империи палач (кат) как прокаженный был отделен от общества. Обычно он жил совершенно замкнуто, один или с семьей, в Москве — а именно в Бутырском тюремном замке для «несчастно виновных» (так называли когда-то заключенных). В некоторые периоды истории палач был единственным на всю страну. Вместе со страшными орудиями труда его тайно возили из города в город для исполнения казни. Замену ему найти было нелегко⁶⁴. Профессия палача не предполагала тогда ни наград, ни льгот, ни славы, как в наше время. Считалась она хоть и необходимой, но проклятой. «Не дай Бог никому в палачах быть, — писал В. Даль, — а нельзя без него». Благодородный В. Даль, занятый своим делом, не замечал, что вокруг него уже ожили и закопошились бесчисленные бесы, которые породили будущих любителей «пострелять» по живым людям.

Распоряжение
о награждении
сотрудников НКВД:
В. М. Блохина,
П. И. Магго, братьев
Шигалевых и др. —
«за особые заслуги
в борьбе
за упрочение
социалистического
строя»

Братья Шигалевы.
Слева – Иван, справа –
Василий, сотрудники
для особых поручений
НКВД

«Мы провозгласим разрушение... мы пустим пожары... мы пустим легенды. Тут всякая шелудивая “кучка” пригодится. Я вам в этих же самых “кучках” таких охотников отыщу, что на всякий выстрел пойдут, да еще за честь благодарны останутся» — словами, вложенными в уста одного из этих самых бесов, предупреждал Ф. М. Достоевский⁶⁵.

«Шигалевгцина»*, о которой провидчески писал в XIX веке Федор Михайлович, — буквально, до странности осуществилась на Бутовском полигоне в лице братьев-палачей — Ивана и Василия Шигалевых, принявших эстафету на Бутовском полигоне, когда «выбыли» арестованные Берг и Семенов⁶⁶.

Сотрудники для особых поручений братья Шигалевы были родом из старинного русского города Киржач. Старший, Василий, родился в 1896 г., Иван был немного моложе брата. Василий до 1918 г. был сапожником. В партию вступил в 1919-м, чекистом стал в 1920 г., служил в войсках ВЧК. С 1920 г. и до самой смерти в 1942 г. он работал в органах при комендатуре ОГПУ-НКВД. Не забывал он и о младшем брате. Начиная с 1936 г. он выполнял «особые поручения» уже вместе с Иваном. Оба были награждены в 1936 г. званиями, один — старшего лейтенанта, другой — лейтенанта госбезопасности «за беспощадную борьбу с контрреволюцией», затем в том же году — орденами Красной Звезды с формулировкой «за особые заслуги в борьбе за упрочение социалистического строя». Орденом Красного Знамени — «за самоотверженное выполнение важнейших правительственных заданий» — по итогам 1937 г. награжден Василий Шигалев. С той же формулировкой получил

* «Шигалев гениальный человек!.. — говорит о нем Петр Верховенский. — У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, и все каждому. Все рабы и в рабстве равны». И далее: «...мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве». (Достоевский Ф. М. *Бесы* /У Полное собр. соч. В 30 т. Т. 10. Л., 1974. С. 322, 323)

«Знак Почета» его младший брат Иван Шигалев. С июля 1938 г. Иван назначается комендантом АХУ НКВД СССР, с августа он вместе с Овчинниковым трудится на Бутовском полигоне (вероятно, это не единственное поле его деятельности).

В 1940 г. приказом НКВД СССР брата Шигалева награждают месячным окладом «за успешное выполнение спецзаданий в Калининской, Смоленской и Харьковской областях». Теперь-то известно, что стоит за словами «успешное выполнение спецзаданий» в этих краях, где были уничтожены (расстреляны!) десятки тысяч людей, в том числе польские офицеры — цвет польской нации.

Не совсем понятно, своей ли смертью умер здоровый на вид 46-летний комендант ХОЗУ НКВД СССР Василий Иванович Шигалев. Фраза в его личном деле — исключить из органов «за смертью с 23 августа 1942 г.» — ничего не говорит о причине его ухода из жизни⁶⁷.

Младший брат Василия, Иван, дослужился до подполковника госбезопасности, был награжден еще одним орденом Красного Знамени, а в 1945 г. за выслугу лет получил даже высшую награду — орден Ленина...

Для тех немногих исполнителей, кто благополучно прожил долгую жизнь, их прошлое, связанное хотя бы косвенно с массовыми расстрелами, являлось источником постоянного страха. Все они боялись, как бы их семьи и близкие не узнали когда-нибудь об их причастности к расстрельным акциям. Может быть, с годами бывших «исполнителей» стали посещать и другие страхи и сомнения.

До августа 1937 г. расстрелянных хоронили в Бутове в небольших отдельных ямах-могильниках, следы их можно обнаружить на территории Бутовского полигона и за его пределами*. В конце 1930-х гг. на полигоне стояли два жилых дома, немногочисленные жильцы которых автоматически стали сотрудниками НКВД. По рассказам местных жителей, одного из них поднимали в любое время дня и ночи со словами: «Вань, иди, покопай». Он шел и копал ямы, пользуясь небольшим бульдозером. Но с августа 1937 г. казни в Бутове приняли такие масштабы, что «технологию» расстрелов и захоронений пришлось изменить. В Бутово доставили мощный экскаватор типа «Комсомолец», предназначенный для рытья каналов. С его помощью заранее

* Захоронения реально видны на аэрокосмических снимках, которые были сделаны землеустроительными организациями для службы госбезопасности; на снимках четко прослеживаются полосы, означающие измененную структуру почвы на этих участках.

* Следы от мощных зубцов «Комсомольца» обнаружили на стенках рва во время раскопок 1997 г.

** В состав перечисленных не входят 5658 человек, осужденных по чисто уголовным статьям и не подлежащих реабилитации; на них имеются сведения только по четырем позициям: пол, год рожд, место рожд, дата расстрела.

рыли громадные рвы, длиной в сотни метров, шириной в три-пять и глубиной в три с половиной метра*.

Кто лежит в погребальных рвах

Основную часть расстрелянных, 11 300 человек, на этом полигоне смерти составляют жители Москвы и Московской области; из регионов Российской Федерации (европейской части, Урала, Сибири, Дальнего Востока) — 2652 человека; 331 человек — жители Украины, 98 — из Белоруссии; 150 — из Прибалтики, Молдавии, республик Закавказья, Средней Азии и Казахстана, заключенные тюрем и ИТК — более 100, около 300 — без определенного места жительства; на 190 человек нет анкетных данных о месте проживания перед арестом**.

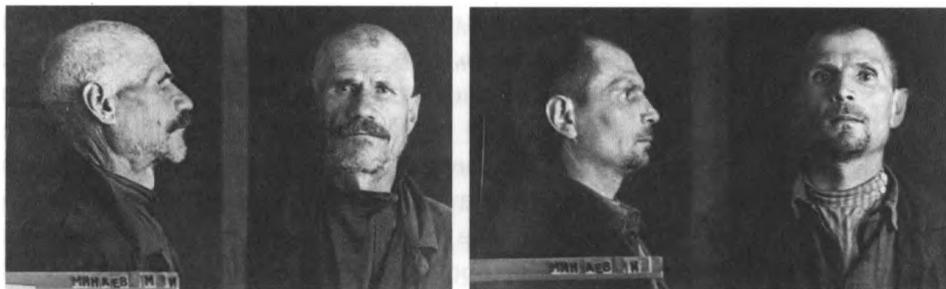
Здесь были расстреляны жители и уроженцы других государств: Германии, Польши, Франции, США, Австрии, Венгрии, Румынии, Италии, Югославии, Чехословакии, Турции, Японии, Индии, Китая и многих других. В числе расстрелянных — иностранные подданные и «лица вне подданства». Кроме русских, которых в Бутове примерно 70% от числа здесь лежащих, преобладают латыши, поляки и евреи, за ними по численности идут украинцы, немцы, белорусы. Всего же национальностей насчитывается свыше шестидесяти⁶⁸.

Поражают сроки, в которые укладывалось все делопроизводство. Бывало, от ареста до расстрела проходило два дня (таких имеется три следственных дела); или пять—шесть дней (таких дел — 16); или семь-восемь дней (таких уже — 118)... Быстро проводилось следствие по обвинению в антисоветской агитации, немного дольше — в «террористических диверсионных (националистических) действиях» или «настроениях». Дела «по шпионажу» не были короткими: определяли «резидентов», выверяли «пароли», «явочные квартиры», непременно добивались признания вины. Этих обвиняемых мучили по несколько месяцев, иногда даже по году.

Подавляющее большинство расстрелянных (80—85%) были люди беспартийные; около половины из всех имели низшее образование. Одним словом, это были люди, далекие от политики. Здесь расстреливали и 15—16-летних мальчишек и 80-летних стариков. Опустошались целые селения, в Бутове лежат по 10—30—40 человек из какой-

Н. П. Взентек (урожд. Смерчко). Расстреляна 03.11.1937 г. и захоронена в Бутове

нибудь одной деревни или поселка. Так, из небольшой деревни Возмище Волоколамского района расстреляно в Бутове 10 человек, из поселка Красный строитель — 13, из поселка Голицыно Белорусской ж. д. — 31, столько же — из деревни Боброво Коломенского района, из Немчиновки — 26 человек, из поселка Вишняки Ухтомского района — 46 человек и т. д.

Никому не было дела до родственных чувств приговоренных. Одновременно расстреливали и супругов (их здесь около сорока пар), и родителей со взрослыми детьми (иногда двумя и более), сестер с братьями (по пять, шесть, восемь человек из одной семьи). Бывало, членов одной семьи, живущих в разных городах, арестовывали и свозили в Москву, чтобы затем расстрелять в московских тюрьмах или на Бутовском полигоне*.

В основном все-таки шло истребление мужской части населения: мужчин расстреляно здесь 19 903 человека, женщин — 858 человек. Если говорить о классовой принадлежности и роде занятий пострадавших в Бутове, то больше всего здесь загублено простых рабочих; за ними, по численности, следуют служащие советских учреждений, потом крестьяне — в меньшей степени колхозники, в большей — единоличники, записанные в делах как кулаки, крестьяне-средняки и даже как бедняки. Вопреки логике, все они следователями называются «землепашцами» и «хлеборобами», то есть кормильцами земли Русской.

крестьяне

Полуграмотных или неграмотных крестьян, ставивших крестики вместо подписи под протоколами допросов, обвиняли в «троцкизме», контрреволюционной террористической деятельности — в то время как они и слов-то таких не знали. Они не понимали, за что их взяли, куда везут. На-

Родственники
М. И и И. И. Минаевы,
крестьяне села Пирочи
Коломенского р-на МО.
Расстреляны 20.08.1937 г.
Захоронены в Бутове
(тюремные фотографии)

* Так, в Бутове были казнены три брата Смерчко: Викентий, Владимир и Роман, их старшая сестра Нина и ее муж Казимир Взентек (единственный ребенок Взентеков был отправлен в Даниловский детприемник и впоследствии затерялся в детских домах страны).
Сергеева Т. И.
Семья Смерчко /У «Бутовский полигон».
Вып. 7. С. 71—77.

Вверху — И. П. Гришагин,
внизу — Суфий
Исмагилов, члены
артели грабарей
Дмитлага. Расстреляны
26.09.1937 г.
и захоронены в Бутове
(тюремные фотографии)

верное, некоторые так и умирали, не понимая, что происходит. Случалось, крестьян целыми семьями обвиняли в шпионаже. Так, четверо братьев и две сестры Пресновы из села Крылатское (ныне район Москвы) были арестованы как шпионы из-за того, что сдавали на лето часть дома немецкому дипломату; все Пресновы, и те, что сдавали «квартиру», и те, что не имели к этому никакого отношения, расстреляны и захоронены в Бутове. В бутовской земле лежат пятеро братьев Макаровых из деревни Гостеевка Хоботовского района Тамбовской области, пятеро — из семьи Вышегородцевых, там же — Сергеевы, Филипповы — из деревни Перепечино Орехово-Зуевского района, трое Игумновых и трое Киркиных — из села Петрово Рязанского района Рязанской области (всего из этого села казнено и захоронено в Бутове восемнадцать человек)⁶⁹.

Были среди крестьян и настоящие противники советской власти. В 1918—1921 гг. происходили повсеместные выступления крестьян, которые имели такие масштабы, что их теперь называют «крестьянской войной». В бутовской земле лежат участники крестьянских восстаний первых послереволюционных лет, а также участники Антоновского восстания на Тамбовщине 1920—1921 гг.

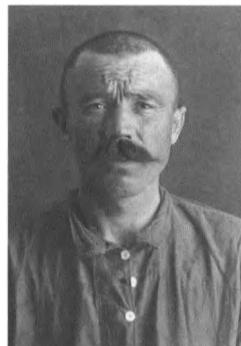
К крестьянам-единоличникам следует отнести грабарей, или, как писалось в следственных делах, «возчиков на собственной лошади». В списках расстрелянных в Бутове насчитывается около шестидесяти грабарей, работавших при заводах и фабриках, на каменных карьерах, на строительстве аэродромов, железных и шоссейных дорог, в райлесхозах. Нередко, наподобие бурлаков, они объединялись в артели. Жили грабари в бараках, некоторые ютились в землянках, были и такие, что не имели собственного угла, т. е. являлись людьми «без определенного места жительства». Очевидно, пристанищем для этих бездомных людей становилась их телега-грабарка, а единственной кормилицей — изнуренная непосильным трудом несчастная лошаденка.

Начинавшие свой жизненный путь хлебопашцами, все они были выброшены невиданным социальным экспериментом из привычной среды, веками устоявшегося быта. Раскулаченные, сосланные, униженные — эти люди по отбытию срока пытались найти свое место в городах, устраивались на самую грязную и низкооплачиваемую работу,

лишь бы не возвращаться в родную деревню, где все было потеряно и где односельчане, лишённые каких-либо прав, работали в колхозе не за плату, а за «палочки» трудодней. Однако везде — и на гигантской стройке, и в неприметной артели, на торфоразработках или в сторожке лесхоза — их настигал приказ НКВД № 00447. Новая волна арестов накрывала тех, которые оставались еще в деревне, и тех, что давно бежали из нее. Зло не прекращалось и со смертью страдальцев. Вопреки сталинскому изречению, что «дети за отцов не отвечают», молодые люди отправлялись в тюрьмы или на Бутовский полигон лишь потому, что их родители и деды когда-то попали в разряд «кулаков» и «собственников».

А ведь именно этими тружениками, выходцами из крестьян, производилась самая необходимая, насущная работа. В числе жертв Бутова мы видим: столяра и медника, пожарника и шофера, письмоносца и электрика, ткача и кондитера, упаковщика товаров, кладовщика, тракториста, сторожа, грузчика, кочегара, продавца сельпо, печника, хлебопекаря, стационарного буфетчика, кузнеца, -парикмахера, мастера по обжигу извести, дворника, плотника... Из крестьянских семей вышло немало священников, монахов и монахинь.

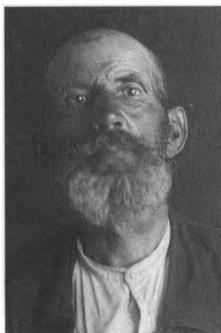
Надо сказать, что следственные крестьянские дела и так называемые дела «церковные» тесно переплетаются друг с другом. В первые годы после революции и вплоть до конца 1930-х гг. крестьянство было той силой, что встала на защиту гонимой и преследуемой Русской Православной

Ф. И. Кузнецов, грабарь, вольнонаемный Дмитлага. Расстрелян 31.10.1937 г. и захоронен в Бутове (тюремная фотография)

Жилая изба колхозника-активиста конца 1930-х гг.

В. В. Синельщиков,
пастух в колхозе.
Расстрелян 02.09.1937 г.
и захоронен в Бутове
(тюремная фотография)

Церкви. Множество уголовно-следственных дел (в том числе дел крестьян, расстрелянных и захороненных в Бутове) свидетельствуют о сопротивлении крестьянства при изъятии церковных ценностей, поругании святынь, закрытии храмов и монастырей.

Попадают среди бывших крестьян — жертв Бутовского полигона — и люди интеллектуальных профессий: учитель, инженер, врач, народный судья, художник. Но получивших специальное образование крестьян немного, в то время как список их рабочих профессий можно продолжать и продолжать.

Бывшие крестьяне, приспособившись к новым условиям существования, скромно и неприметно делали нужное людям дело. Они не задумывались над тем, что именно их трудами поддерживалась сама жизнь в стране. Не думали об этом и те, кто приговаривал невиновных к расстрелу, кто исполнял приговоры на Бутовском полигоне.

пострадавшие за веру

Вслед за крестьянами по количеству расстрелянных следуют люди, пострадавшие за веру. Чуда Русской Православной Церкви — священнослужители и миряне — жертвы Бутовского полигона, занимают особое место среди пострадавших.

Дело в том, что по количеству казненных за Православие и Церковь Христову Бутово не сравнимо ни с одним другим местом массовых расстрелов и захоронений. Здесь за неполных пятнадцать месяцев было расстреляно и захоронено 937 человек, единственная вина которых заключалась в исповедании православной веры.

Специальным указом был запрещен колокольный звон, колокола повсеместно сбрасывались, церкви закрывались. Из 500 московских храмов к 1932 г. было закрыто 413

В России, как нигде в XX веке, проявилось противостояние Света и Тьмы — света, что не укроется от глаз любящих Бога, и тьмы, что темна «как самая тьма». Семьдесят лет, прошедшие с октября 1917 г., стали временем беспрецедентных гонений за веру, превзошедших даже гонения первых веков христианства. Сонмом мучеников преисполнилась Русская Православная Церковь, сохранившая в дни жестоких испытаний чистоту и крепость веры. Духовный опыт мучеников, их страдания, место их гибели святы для нас. В наши дни «Русской Голгофой» назвал Патриарх Московский и всея Руси Алексей II Бутовский полигон под Москвой.

Гонения на Церковь начались сразу же после Октябрьского переворота. Великий пастырь и молитвенник земли Русской, св. Патриарх Тихон, чье сердце, по его собственному признанию, «горело жалостью» к своему народу «даже до смерти», в своих Посланиях призывал ко всеобщему покаянию, исповедническому стоянию за веру. Предвидя неисчислимые бедствия на этом пути, он обращался к пастве со словами: «Зовем вас на страдания вместе с собою»*.

Жестокость, проявленная по отношению к священникам в первые годы существования советской власти, не поддается описанию: их распинали на Царских вратах храмов, вешали, топили в прорубях, душили епитрахиями, закапывали живьем в землю, подвергали самым невыносимым и унижительным истязаниям. Но неведомо было их мучителям, что «...дни преставления отшедших к Богу в муках днями рождества их наречении быша»**.

С окончанием гражданской войны гонения на Церковь, носившие до этого отчасти «стихийный» характер, становятся планомерными и целенаправленными. Особенно наглядно это проявилось в 1921—1922 гг. в ходе так называемого «изъятия церковных ценностей», проходившего под предлогом помощи голодающим Поволжья. На самом же деле главной целью этой акции была беспощадная борьба с Церковью и ее ограбление в своекорыстных целях. В феврале 1922 г. был издан декрет, предусматривающий насильственное изъятие церковных ценностей. 19 марта 1922 г. председатель Совнаркома В. И. Ленин в секретном (а ныне широко известном) письме «тов. Молотову для членов Политбюро» раскрыл истинную задачу проводимой кампании.

* Сам св. Патриарх Тихон находился под неусыпным тайным и явным надзором ГПУ-ОГПУ, извечал и несправедный суд, и тюремные узлы; не совсем выяснены и обстоятельства кончины св. Патриарха Тихона.

** Из службы Новомученикам и Исповедникам Российским.

Священник Димитрий
Миловидов. Расстрелян
20.08.1937 г. и захоронен
в Бутове

«Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией... Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли это в течение нескольких десятилетий. ... Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»⁷⁰.

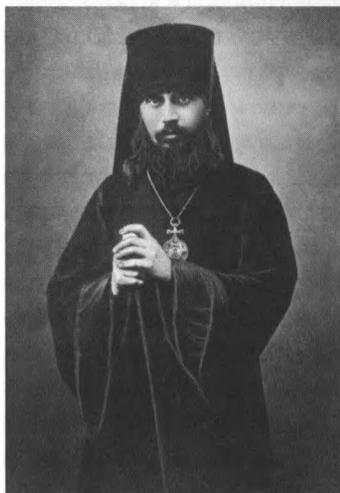
В соответствии с этой ленинской «программой» продолжались отношения между властью и Церковью во все последующие годы. Работой по разрушению Церкви руководил специальный отдел ГПУ-ОГПУ-НКВД, во главе которого длительное время стоял чекист Е. А. Тучков⁷¹. С 1923 г. начался новый этап борьбы советского режима с Церковью. Особые усилия властей были теперь направлены на ее раскол. Третий период борьбы государственного аппарата с Церковью можно отсчитывать с 1927 г., когда была обнародована Декларация митрополита Сергия (Страгородского), в которой он пошел на компромисс с советской властью, казавшийся многим верующим недопустимым.

Начиная с 1931 г. продолжается ужесточение политики властей по отношению к Церкви. В 1935 г. из-за отсутствия возможности поставления высших иерархов прекратил свою деятельность Священный Синод. Спустя два года в 1937 г. бессменный председатель Центрального совета Союза воинствующих безбожников Емельян Ярославский⁷² заявил, что религиозные организации — единственные легальные реакционные вражеские организации в стране. Тем самым Церковь объявлялась объектом прямого преследования. В 1937 г. началось новое тотальное наступление на Церковь и верующих. В том году было закрыто 8000 храмов, ликвидировано 70 епархий и викариатств, расстреляно 60 архиереев (всего за годы советской власти их пострадало свыше 300; более 250 из них были казнены или скончались в заключении).

«Кто испишет имена ваша! Кто поведует миру вся претерпенная вами» — поется в службе святым Новомученикам и Исповедникам Российским.

Священномученик
Серафим (Чичагов),
митрополит
Ленинградский.
Расстрелян 11.12.1937 г.
и захоронен в Бутове

Слева – епископ
Серпуховской Арсений
(Жадановский).
Расстрелян 27.09.1937 г.
и захоронен в Бутове.
Справа –
священномученик
Димитрий (Добросердов),
архиепископ Можайский.
Расстрелян 21.10.1937 г.
и захоронен в Бутове

Первыми пострадавшими в Бутове за Церковь были священники, расстрелянные 20 августа 1937 г. Больше всего священнослужителей пострадало осенью 1937 г. и в зиму 1937—1938 гг. В праздник иконы Божьей Матери «Знамение» 21 октября 1937 г. были расстреляны 48 священнослужителей и мирян, 10 декабря того же года мученическую кончину приняли 49 священнослужителей — во главе с архиепископом Владимирским священномучеником Николаем (Добронравовым) и последним наместником Троице-Сергиевой Лавры преподобномучеником Кронидом (Любимовым). 17 февраля 1938 г. было расстреляно 75 священнослужителей и монашествующих, 14 марта — 40 и т. д.

Сонм священнослужителей, пострадавших за веру в Бутове, возглавляют семь архиереев: митрополит, два ар-

Священномученик
Петр Петриков.
Расстрелян 27.09.1937 г.
и захоронен в Бутове
(тюремная фотография)

Священномученик
Николай Кандауров.
Расстрелян 17.02.1938 г.
и захоронен в Бутове
(тюремная фотография)

хиепископа и четыре епископа. Вместе с ними расстреляно множество архимандритов, протоиереев, игуменов, иеромонахов, священников, диаконов и иеродиаконов, монашествующих, псаломщиков; здесь расстреляно около двухсот человек мирян: церковные старосты, регенты, певчие, уборщицы храмов, сторожа. Среди расстрелянных священников преобладают простые приходские батюшки Москвы и Московской области.

Возможно, не все имена пострадавших за веру удалось выявить. Не каждый раз настоящая причина ареста фиксировалась в следственном деле. И место работы перед последним арестом не всегда соответствовало всей предыдущей жизни арестованного.

Арестованным за веру предъявлялось обвинение по 58-й статье УК РСФСР, в основном пункты 10 и 11 («антисоветская агитация», «контрреволюционная деятельность»), Но поводы для обвинения могли быть самые разные: «сохранение церкви и насаждение тайного монашества», «недоносительство» (знал о «беглом попе» и не донес), «помощь ссыльным», «приют бездомных священнослужителей». Очень часто следователи, не замечая всей абсурдности ситуации, записывали в обвинительном заключении в адрес какого-либо священнослужителя: «клеветал, что церкви закрываются, священники арестовываются»...

Старейший архиерей, принявший мученический венец в Бутове, — священномученик Серафим, митрополит Ленинградский, человек незаурядных и разносторонних дарований, мужественный воин, ученый, историк, священнослужитель, проповедник, писатель, живописец и музыкант*.

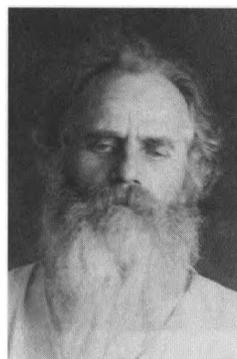
Вторым по старшинству был священномученик архиепископ Можайский Димитрий (в миру Иван Иванович Добросердов). После революции он неоднократно подвергался удалениям с кафедр, в результате чего переменял множество епархий. С середины 1930-х гг. владыка Димитрий стал архиепископом Можайским и викарием Московской епархии. Он поселился в Москве, где 29 сентября 1937 г. в возрасте семидесяти трех лет был арестован. Расследование заняло менее месяца. 21 октября 1937 г. по обвинению в причастности к «контрреволюционной организации и систематической антисоветской агитации» архиепископ Димитрий был расстрелян.

* О священномученике митрополите Серафиме (Чичагове) см. статью О. И. Павловой в настоящем выпуске.

Священномученик архиепископ Николай Владимирский и Суздальский (Николай Павлович Добронравов) был широко известен в религиозных кругах как автор многочисленных книг и статей по богословским и церковным вопросам. После революции он трижды подвергался арестам и ссылкам: в 1918 г., в 1922 (выслан на год) и в 1925 г. (выслан на три года с последующим запрещением проживания в шести крупнейших городах). После третьего ареста был отправлен за штат. В четвертый и последний раз его арестовали в октябре 1937 г., а спустя два месяца, 10 декабря 74-летнего архиепископа Николая расстреляли.

Епископа Серпуховского Арсения (в миру — Александра Ивановича Жадановского), последнего заместителя Чудова монастыря в Кремле, хорошо знали в Москве. В наше время переизданы его труды, получившие признание еще до революции и вскоре после нее, вышел ряд публикаций о нем. В 1918—1919 гг. он жил в полузатворе в Серафимознаменском скиту Московской губернии. После увольнения с Серпуховской кафедры в 1923 г. владыка Арсений неоднократно подвергался арестам и лишению свободы. В 1926 г. он был выслан в административном порядке в Нижегородскую губернию, после окончания ссылки вернулся в Серпухов, где был арестован в 1931 г. (освобожден через два месяца), затем подвергался арестам в 1932 и 1933 гг. Между арестами владыка жил у своих духовных чад, где совершал тайные богослужения. Последний раз он был арестован 14 апреля 1937 г. в селе Котельники Ухтомского района Московской области. На допросе архиепископ Арсений открыто говорил, что «советская власть будет свергнута народом» и управлять страной будут верующие люди, «преданные Православной Церкви»⁷³. По одному следственному делу с владыкой Арсением проходили священники: Сергей Сидоров, Михаил Шик, священномученик Петр Петриков, иеромонах Андрей (Эльбсон), монахини: Матрона (Чушева), Вера (Рожкова) и Валентина (Засыпкина) — все они также приняли мученическую кончину вместе с владыкой Арсением — 27 сентября 1937 г.*

Священномученик епископ Бежецкий Аркадий (Аркадий Иосифович Остальский) был родом из Житомира. Во время 1-й мировой войны стал полковым священником. С 1917 г. он — настоятель храма в Житомире. В 1922 г. арестован и приговорен к расстрелу, но расстрел заменен

А. В. Принцеватов,
сторож
на Ваганьковском
кладбище.
Расстрелян 20.08.1937 г.
и захоронен в Бутове
(тюремная фотография)

* Владыка Арсений (Жадановский) — единственный из бутовских архиереев до сих пор не канонизирован.

Священномученик
Никита (Делекторский),
епископ
Нижнетагильский.
Расстрелян 19.11.1937 г.
и захоронен в Бутове
(тюремная фотография)

заключением в лагере на 10 лет. После досрочного освобождения он принял монашество. Начиная с 1926 г. он еще несколько раз подвергался арестам, находился в заключении на Соловках, где заведовал финансовой частью; в лагере срок заключения был продлен еще на пять лет. После освобождения весной 1937 г. назначен епископом Бежецким, но к месту назначения выехать не смог. Проживал нелегально в городах Московской области и в 1937 г. был арестован. Епископ Аркадий расстрелян 29 декабря 1937 г. и захоронен в Бутове.

Из среды приходского духовенства хотелось бы упомянуть несколько имен. Трое братьев Агафонниковых — Николай, Александр и Василий были сыновьями священника Вятской епархии отца Владимира Агафонникова. Свое священническое служение трое братьев начали на родине, но из-за постоянных обысков и арестов, которым они стали подвергаться начиная с 1917 г., перебрались в Подмоскovie, где их не знали. С конца 1920-х гг. они служили на сельских приходах Подольского и Можайского районов. Осенью 1937 г. всех троих арестовали, и вскоре они сподобились мученичества: отец Александр был расстрелян 14 октября, отец Николай — 5 ноября, отец Василий — 9 декабря. (Ныне все трое прославлены Русской Православной Церковью.)

При знакомстве со следственными делами расстрелянных поражаешься тяготам и скорбям, понесенным священнослужителями от безбожной власти. Вот, например, дело по обвинению епископа Нижнетагильского священномученика Никиты (в миру — Федора Петровича Делекторского). В 1926 г. он дважды подвергался арестам, его обвиняли в «совершении богослужений без патента», в поминовении за богослужением Патриарха Тихона. В 1927 г. епископ Никита служил в г. Орехово-Зуеве, но вскоре в возрасте 51 года был уволен на покой. С этого времени он бедствовал, не имел ни работы, ни постоянного места жительства. В 1930 г. он был арестован в третий раз в Москве, на квартире «у гражданки Елизаветы», проживавшей на Самотеке и дававшей приют странникам и бездомным священнослужителям. Решением тройки при ОПТУ по Московской области епископ Никита был приговорен к исправительно-трудовым работам сроком на 3 года. В 1930—1933 гг. он отбывал заключение на строительстве Днепрогэса, где

работал конюхом и сторожем. После освобождения и до последнего ареста владыка время от времени тайно служил в храмах Орехово-Зуева. С 1935 г. епископ Никита находился в розыске. Существовал тем, что сдавал утильсырье, которое собирал где придется. В 1936—1937 гг., скрывая свой сан и имя, он ночевал в казармах у милиционера Краснова, который проникся к бездомному необъяснимым сочувствием. Милиционер пускал его ночевать в милицмейские казармы и «иногда даже поил чаем»*.

18 октября 1937 г. епископ Никита был все же выслежен и арестован в четвертый раз. На окошко кладбищенской церкви, около которой его арестовали, он незаметно положил бумажник с документами. Местные жители принесли его в отделение милиции. Кроме документов с указанием имени и сана задержанного, в бумажнике находилось восемь облигаций, иголка, нитки, ножницы и зашитый в матерчатый лоскуток пятирублевый золотой; вероятно, это было все имущество епископа Никиты. Сам он был препровожден в Москву в Таганскую тюрьму. Свидетелями по делу владыки проходили священники, один орехово-зубевский, другой из Загорска. Они характеризовали епископа Никиту как «монархиста и реакционера, клеветущего на советскую власть». В обвинительном заключении по делу говорилось, что «Делекторский Ф. П. являлся нелегальным бродячим епископом, деятелем “Истинно Православной Церкви” (ИПЦ), проводил антисоветскую агитацию, занимался контрреволюционной деятельностью»⁷⁴. 17 ноября 1937 г. епископ Никита тройкой при УНКВД по МО был приговорен к расстрелу и через два дня расстрелян и захоронен в Бутове.

Власти сочли епископа Никиту настолько опасным, что арестовали регента орехово-зубевского собора С. Г. Андреева только за то, что тот, по слухам, «поддерживал связь с епископом Делекторским». С. Г. Андреев был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в Бутове 27 сентября 1937 г. — почти за месяц до ареста самого епископа Никиты.

В ночь с 19 на 20 ноября 1937 г. в Загорске и на приходах в окрестных деревнях было одновременно арестовано множество священнослужителей. Это были в основном монахи закрывшейся Троице-Сергиевой Лавры, большинство из которых уже побывали в ссылках и заключении. Всех арестованных поместили в Загорское районное отделение НКВД**.

* Милиционер-политрук говорил своему товарищу: «Старик этот хороший, безвредный, но смотри, не засыпся с ним». Оба они, конечно, не могли представить себе, что «старик» этот — епископ Русской Православной Церкви.

** Этот небольшой дом стоит и поныне. Местные жители рассказывают, что в те годы отсюда постоянно доносились душераздирающие крики и стоны.

Слева направо – преподобномученик Кронид (Любимов), последний наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, преподобномученик Макарий (Моржов) и схимонах, преподобный Алексий (Соловьев) (фотография 1925 г.)

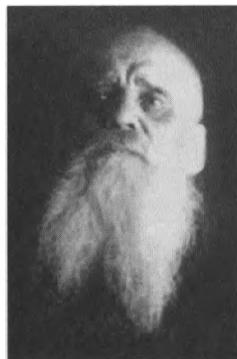
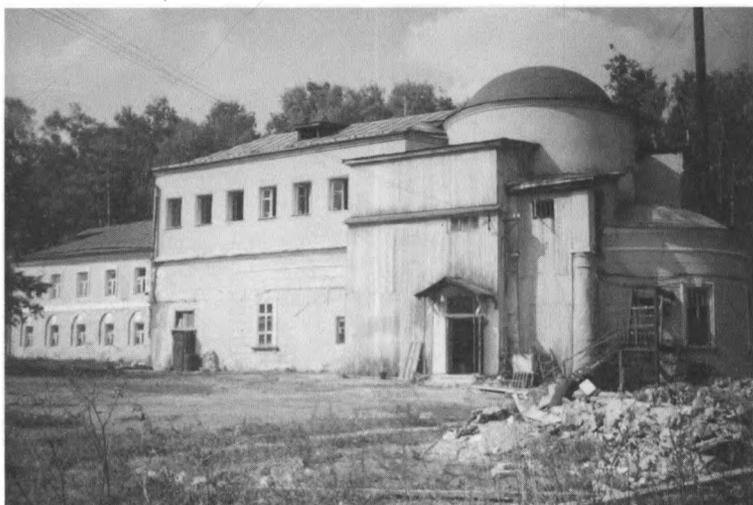

Вместе со всеми был арестован последний наместник Лавры архимандрит Кронид (Любимов). В 1920-е гг. он был сослан. Вернувшись, поселился в Загорске и жил «на иждивении братии и почитателей». В доме 33 по Штатно-Садовой улице (ныне ул. Академика Фаворского) он принимал множество народа. Сюда к нему часто приезжали иеромонахи, возвратившиеся из ссылок и заключения. Так, иеромонах Ксенофонт (Бондаренко), арестованный вместе с архимандритом Кронидом, лишь накануне вернулся из Темниковских лагерей.

Архимандрит Кронид обвинялся в том, что фактически оставался наместником Лавры, владел и пользовался печатью наместника; по его благословию благочинный округа протоиерей Димитрий Баянов назначал вернувшихся из ссылок иеромонахов на приходы округа*. Пожертвования, которые приносили архимандриту Крониду, делились на всех и посылались священнослужителям и монахам, находящимся в узах.

На допросах старый, почти слепой архимандрит Кронид вел себя безбоязненно. На предложения следователя «дать правдивые показания о своей контрреволюционной деятельности» архимандрит Кронид отвечал: «Я по своим убеждениям являюсь монархистом до настоящего времени, в таком же духе воспитывались мною монахи б. монастыря, которые должны быть последователями Истинно

* Благочинным округа о. Димитрием Баяновым было поставлено на приходы более пятидесяти лаврских иеромонахов, вернувшихся из ссылок.

Православной Церкви». На троекратные требования следователя назвать «единомышленников» старец отвечать отказывался⁷⁵.

10 декабря 1937 г. архимандрит Кронид принял мученический венец в Бутове. С ним вместе были расстреляны: его келейник, находившийся при нем свыше тридцати пяти лет, — монах Георгий (Потапов), игумен Никодим (Монин), игумен Азария (Павлов), игумен Ксенофонт (Бондаренко), четыре иеромонаха — отец Иаков (Марочкин), преподобномученик Серафим (Крестьянинов), отец Лаврентий (Насонов), отец Гедеон (Смирнов); их судьбу разделил протоиерей Димитрий Баянов — благочинный Загорского округа*. На следующий день 11 декабря был расстрелян в числе других священнослужителей еще один лаврский иеромонах — Гедеон (Черкалов).

Вторая облава на священнослужителей в Загорске и его окрестностях была в ночь с 1 на 2 декабря 1937 г. Снова арестовали множество священнослужителей и монашествующих, многие из которых расстреляны в Бутове в конце 1937 — начале 1938 г.

Так называемые «церковные дела» имеют одну особенность. Это в буквальном смысле слова СВИДЕТЕЛЬСТВА О ВЕРЕ. Конечно, большинство подсудимых, забытых или обманутых следователями, в конце концов, признают себя виновными «в антисоветской агитации» и «контрреволюционной деятельности»; но в вопросах веры церковный народ показал себя неустрашимым. Ни пытки, ни уг-

Слева — церковь на Кукуевском кладбище на окраине г. Загорска, где молились монахи из окружения архимандрита Кронида (фотография 1998 г.).
Справа — преподобномученик Кронид. Расстрелян 10.12.1937 г. и захоронен в Бутове (тюремная фотография)

* 10 декабря — день кончины преподобномученика Кронида и пострадавших с ним — стал памятным днем для монахов Троице-Сергиевой Лавры, которые в этот день посещают Бутово и совершают панихиду на месте казни.

Слева – монахиня София (Тучкова), справа – монахиня Матрона (Конюхова). Расстреляны 17.02.1938 г. и 15.12.1937 г., захоронены в Бутове (тюремные фотографии)

розы смерти не могли заставить верующих отречься от Бога, возвести хулу на Церковь. Светом мученичества освящены многие страницы следственных дел. Его не могут затмить ни клеветнические измышления следователей, ни грязные потоки лжесвидетельств. Большинство христиан на вопрос об отношении к советской власти отвечают, что она «послана Господом за грехи», или просто называют ее «антихристовой» и «сатанинской».

«Я... заявляю, — говорит на допросе священномученик Владимир Амбарцумов, — что советская власть есть явление временное, как всякая власть»⁷⁶.

Твердость и силу духа проявляли не только известные архиереи, но и простые деревенские священники, безвестные монахи и монахини. Монахиня Елисавета (Орлова) из Акатовского монастыря говорила на допросе: «...В силу своих убеждений я как верующая питаю ненависть к существующему строю и к коммунистам как главным виновникам гонений на православную веру Христову. Я была и остаюсь убежденной, что советский строй непрочен и что эти тягостные времена посланы нам от Бога ненадолго. Поэтому я призывала верующих сплотиться вокруг Православной Церкви»⁷⁷. Матушка Елисавета расстреляна 17 февраля 1938 г. и захоронена на Бутовском полигоне.

Среди монахинь было немало совсем неграмотных, а были люди образованные, такие, например, как бывшая графиня, перед арестом — монахиня София (Тучкова)*.

Следствие 1937—1938 гг. причисляет к «церковникам» и известных архиереев, и простых мирян, проходящих по делу какого-либо священнослужителя. Среди мирян мы также находим настоящих подвижников веры, свидетельства истинно христианской любви к ближнему. Примером

* В следственных делах монашеские имена часто присоединялись к отчеству, поэтому их трудно отделить от мирских.

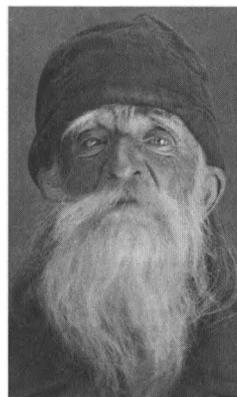

Слева – священномученик Иона (Лазарев).
Справа – протоиерей Николай Сафонов.
Расстреляны 21.10.1937 г. и 15.12.1937 г., захоронены в Бутове (тюремные фотографии)

такой веры и такой любви может служить следственное дело мирянина Сергея Михайловича Ильина. Он был младшим братом известного в Москве священника Александра Ильина. Отец Александр совершал тайные богослужения на дому у себя и у своих близких. Об этом узнали в органах. В дом к Ильиным нагрянули с обыском и ордером на арест. Но арестовали не священника, а его младшего брата Сергея Михайловича Ильина (это был третий его арест). Началось следствие. Из дела видно, что многие показания, имеющиеся в нем, относятся не к Сергею Михайловичу, а к его брату — священнику Александру. Но младший брат ни словом не обмолвился об ошибке. 3 ноября 1937 г. по делу С. М. Ильина был вынесен приговор — высшая мера наказания ⁷⁸. 5 ноября Сергей Михайлович Ильин предстал перед Всевышним. А отец Александр (москвичи его ласково называли «Горбатенький», так как он был калека) умер своей смертью во время войны.

Священнослужители и миряне, в Бутове и по всей стране убиенные, не сомневались, что власть безбожников будет свергнута, что придет время и окончится помрачение; вновь откроются храмы и монастыри, и зазвучит в них с новой силой Слово Истины.

Надежды и упования мучеников осуществились. На месте их кончины на Бутовском полигоне воздвигнут храм, в котором совершается Божественная литургия, звучат слова молитв и поминовения. «Русской Голгофой» назвал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II Бутовский полигон. Большинство из упомянутых выше священнослужителей ныне прославлены в лике святых⁷⁹.

Монах Николо-Угрешского монастыря Димитрий (Милев).
Расстрелян 17.09.1937 г. и захоронен в Бутове (тюремная фотография)

Кроме представителей ортодоксального направления Православной Церкви, на Бутовском полигоне лежит немало (не менее 50) старообрядцев. Жертвами расправы с верующими стали и те, что изменили Матери-Церкви, встав на сторону красной обновленческой церкви, инициированной властями и созданной ОГПУ для раскола верующих. Конечно, не все могли в те годы до конца понять и оценить зловещий замысел большевиков.

Более 160 человек из числа пострадавших за веру на Бутовском полигоне — баптисты. Есть в Бутове и пострадавшие за веру лютеране. Должно быть, немало здесь лежит протестантов и католиков, но выявить их по следственным делам не удалось, так как немцы, австрийцы, поляки и другие представители иностранных государств осуждались не за веру, а, как правило, за «шпионаж».

В число пострадавших по религиозным соображениям входят представители других конфессий: из них мусульман, «служителей культа» — три человека, два раввина, один кантор, члены многочисленных религиозных сект.

жертвы Бутовского полигона

Следом за так называемыми «церковниками» идут по численности «лица без определенных занятий» (часто — «без определенных занятий и местожительства»). Это мог быть уволенный с работы служащий, например бывший домовладелец, архитектор В. М. Мартос, всю жизнь строивший дома для других, а при советской власти оказавшийся без крыши над головой; или оставшийся без работы бывший рабочий Китайской Восточной железной дороги, проданной к этому времени советским правительством. О немедленном аресте десятков тысяч «харбинцев», имевших хотя бы отдаленное отношение к КВЖД, был выпу-

Бывший архитектор
В. М. Мартос
(не реабилитирован).
Расстрелян 29.05.1938 г.
и захоронен в Бутове
(тюремная фотография)

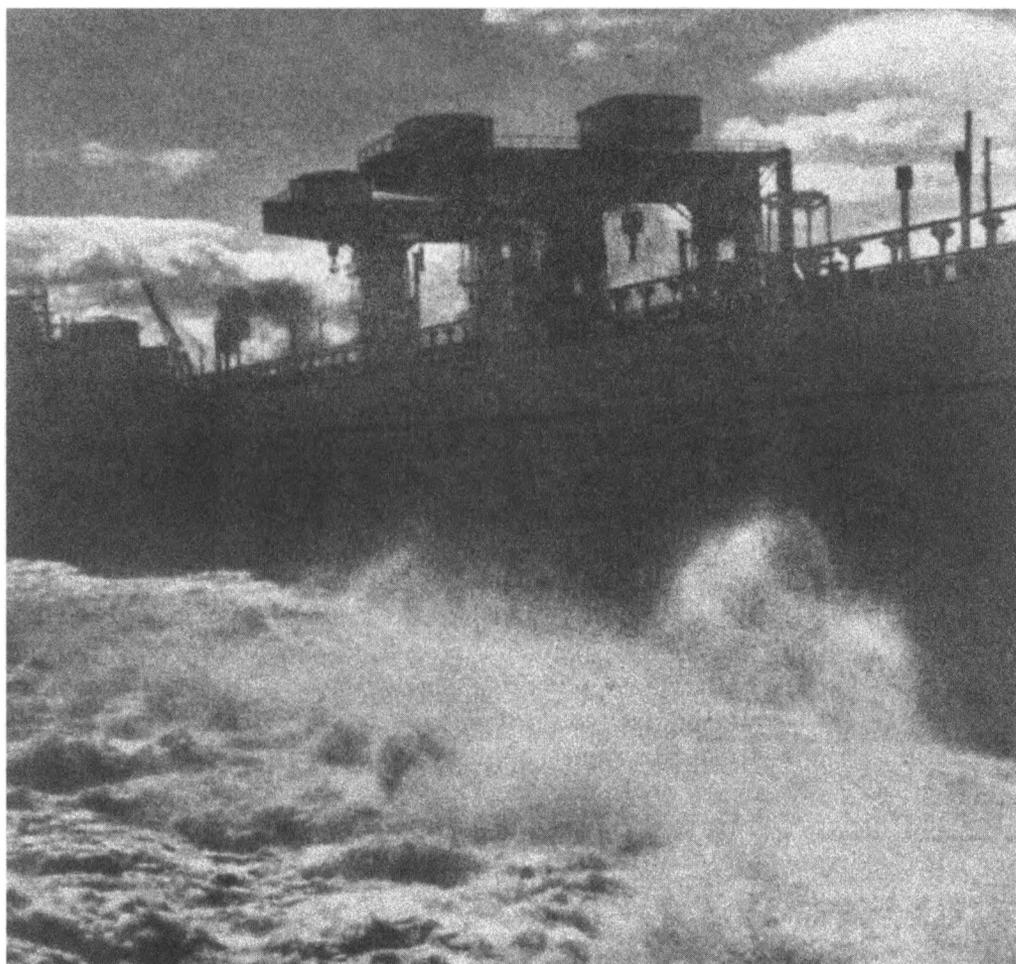

щен специальный приказ НКВД СССР № 00593. Согласно этому приказу все вернувшиеся с Дальнего Востока, их родственники и знакомые подлежали аресту; большинство из них шли под расстрел как японские шпионы.

Особую и большую по численности категорию из числа жертв Бутова составляют заключенные Дмитлага НКВД — более 2500 «каналармейцев», работавших на «стройке века» — строительстве канала Москва-Волга. Дмитлаг, сравнимый по территории со средним европейским государством, на самом деле и был целой страной в необозримом мире ГУЛАГа. Заключенными Дмитлага были и первоклассные инженеры, и ученые с мировой известностью, и люди искусства. Но основную долю дмитлаговцев все же составляли осужденные по уголовным статьям. Они использовались на общих, самых тяжелых работах, не требующих квалификации.

Но стройка нуждалась в специалистах. Их, как и литераторов, художников, музыкантов, собирали для Дмитлага

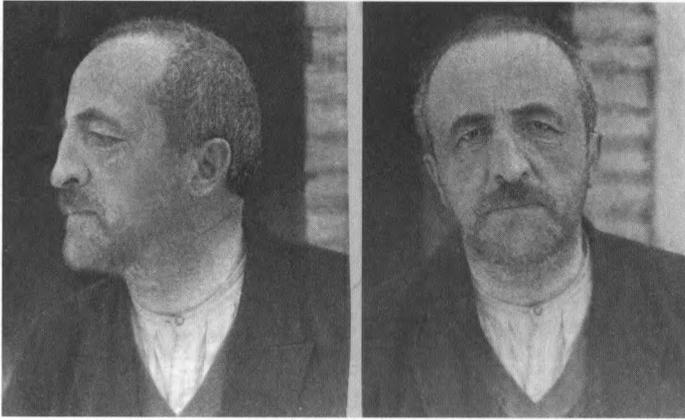
Волжская бетонная
плотина канала
Москва-Волга, 1937 г.

Барон фон Гревениц
в детстве. Вильна, 1887 г.

по лагерям и ссылкам со всего Советского Союза. Так, в городе Тургай Актюбинской области отыскали барона по происхождению инженера Ф. Н. фон Гревеница. Прожив в России более ста пятидесяти лет, Гревеницы стали частью истории и культуры нашей страны, представляя собой пример лучших представителей российского служилого дворянства. В советское время Гревеницы прошли через тюрьмы и Соловки. Старшего из братьев, Александра, в 1925 г. расстреляли как бывшего царского полковника. В 1935 г. в «связи с убийством Кирова» вся семья Гревеницев — двенадцать человек — была выселена из занимаемых ею квартир в Ленинграде и отправлена в ссылку: пятеро оказались в Уфе, а семь человек, в том числе Федор Николаевич, — в Казахстане. Именно там разыскали чекисты опытного инженера-ггудейца и направили его на строительство канала. Здесь Ф. Н. Гревениц выстроил железнодорожный мост в Хлебниковском районе, после чего его перебросили на установку «золотой» звезды, которая должна была украсить шпиль Северного речного порта в Москве. В нужные сроки Ф. Н. Гревениц справился со всеми техническими сложностями. 2 мая 1937 г. состоялось торжественное открытие канала. По постановлению ЦИК и СНК СССР десятки тысяч заключенных Дмитлага (преимущественно уголовников) за «ударную работу на строительстве канала Москва-Волга» были досрочно освобождены, около ста тысяч человек получили разные льготы⁸⁰. Но в этих списках не было имени Ф. Н. Гревеница. Он про-

Ф. Н. Гревениц.
Расстрелян 03.12.1937 г.
и захоронен в Бутове
(тюремная фотография,
сделана в Дмитлаге)

должал работать на объектах канала вплоть до своего ареста 4 ноября 1937 г. Это был его пятый по счету арест. На единственном зафиксированном в деле допросе Гревениц виновным себя не признал. Тройкой УНКВД по Московской области он был приговорен к смертной казни и 3 декабря 1937 г. расстрелян и захоронен на Бутовском полигоне. (Два племянника Гревеница были расстреляны 27 июля 1941 г. и захоронены по соседству — на спецобъекте «Коммунарка»⁸¹.)

Оказались в Дмитлаге бывшие военные моряки, служившие еще в царском флоте. Уроженец Санкт-Петербурга, дворянин, офицер гвардейского экипажа царского флота Б. Н. Чигаев в 1930 г. был приговорен к смертной казни «за шпионаж». Расстрел заменили на 10 лет Соловков. Досрочно освободившись, Б. Н. Чигаев устроился вольнонаемным на строительство канала Москва-Волга. После подачи кассационной жалобы по поводу снятия прежней судимости дело Чигаева было пересмотрено и приговор в отношении него изменен на «высшую меру». Был знаком Чигаеву по Соловкам и другой вольнонаемный Дмитлага — бывший царский морской офицер, специалист по минному делу А. Ф. фон Зиберт. До революции он служил на линкоре «Слава» и других знаменитых кораблях царского флота, имел высшие награды за храбрость. Был арестован в Дмитлаге и также стал жертвой Бутовского полигона.

Работал в Дмитлаге старшим инспектором ТКО сын генерала царской армии, племянник анархиста князя Кропоткина Н. М. Поливанов. Был расстрелян и захоронен на Бутовском полигоне.

Это лишь несколько имен из тысяч дмитлаговцев...*

* О Дмитлаге см. статью Н. А. Федорова в настоящем выпуске.

* Список погибших членов этих и других артелей дополняют расстрелянные еще и на спецобъекте «Коммунарка».

** По тем же следственным «милиейским» делам более ста сотрудников РКМ были отправлены в лагерь на 8—10 лет.

Кроме перечисленных групп населения, погребло в земле Бутова множество работников транспорта и торговли, представителей администрации заводов, фабрик, трестов ит.д., агрономов, научных работников, военнослужащих.

В бутовских рвах лежат талантливые кустики, работники всевозможных артелей и кооперативов. Из инвалидной артели «Технохимик» расстреляно 39 человек, из артели бывшего общества каторжан «Полиграфтруд» — 30 человек (от коммерческого директора до сторожа включительно), из «Цветмета» — 37 человек, из инвалидной артели «Химкраска» — 28 человек и т. д.*

Москвичи с дореволюционных лет любили китайские прачечные. Китайцы жили небольшими колониями, плохо говорили по-русски, заменяя недостающие слова улыбками и поклонами. Многие были женаты на русских. Белье, идеально выстиранное и выглаженное, китайцы-прачечники доставляли своим клиентам на дом. В 1937 г. сами прачечные как частные предприятия были ликвидированы, безвинными жертвами Бутова стали более пятидесяти китайских прачечников.

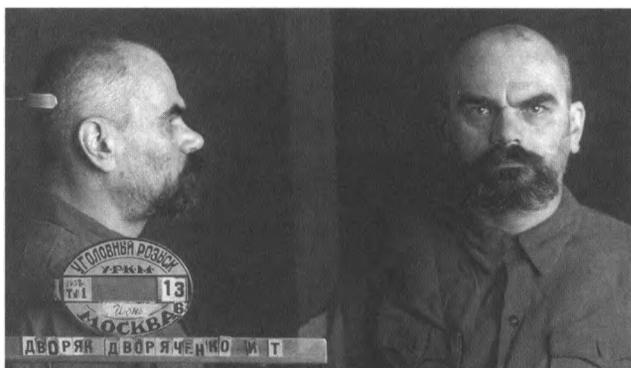
Кому помешали все эти скромные труженики?!

С особой жестокостью проводилась чистка в рядах московской милиции — и по количеству репрессированных, и по методам, которыми выбивались признания. Расстреляны пятьдесят четыре сотрудника милиции, из них двенадцать начальников районных отделений, четыре начальника районных управлений милиции города Москвы, начальник школы милицейского комсостава Я. И. Дектор **. В числе казненных — гений уголовного сыска первого послереволюционного десятилетия, заместитель начальника Таганского районного управления милиции И. А. Свитнев. О раскрытых Свитневым преступлениях ходили легенды. На их фактической основе даже много лет спустя писались книги, снимались кинофильмы (например, о том, как было раскрыто Свитневым преступление об ограблении Патриаршей ризницы в 1918 г.). Милиционеры знали обо всех особенностях следствия не понаслышке. Многие из них сами участвовали в арестах, проведении допросов, применении недозволенных методов дознания.

Рядом с многочисленными пожарными, работниками ЗАГСа, юристами, сотрудниками НКВД во рвах Бутова лежат врачи, педагоги. Каких только преподавателей здесь

Китайские прачечники Лю-Син-Цын (вверху) и Чжао-Ин-Чуан (внизу). Расстреляны 10.09.1938 г. и захоронены в Бутове (тюремные фотографии)

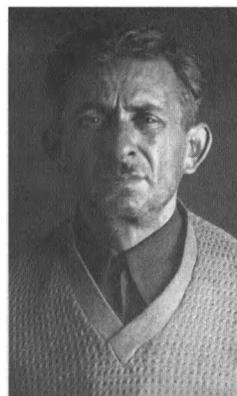
И. Т. Дворяк-Дворяченко,
начальник Сталинского
районного управления
милиции.
Расстрелян 14.06.1938 г.
и захоронен в Бутове
(тюремная фотография)

нет! Тут и профессора вузов, доценты и руководители различных кафедр, педагоги многочисленных московских училищ и техникумов (от строительных и промышленных до школы балетных танцев). Удивляет число расстрелянных и захороненных здесь простых школьных учителей — 127 человек. Это все люди, самоотверженно служившие делу просвещения, преподаватели общеобразовательных московских школ, а также закрытых в одночасье национальных школ: немецких, латышских, испанских и др. Не меньше пострадали и воспитанники учителей. Рядом с педагогами в Бутове лежат 179 студентов и учащихся средних и высших учебных заведений Москвы.

Арестами и расстрелами на Бутовском полигоне, «Коммунарке» и других местах был прерван уникальный, не имевший аналогов в мировой педагогической практике опыт по спасению молодежи с трудной судьбой и возвращению ее к достойной трудовой жизни.

Болшевская трудкоммуна № 1 им. Г. Г. Ягоды... Люберецкая коммуна № 2 им. Ф. Э. Дзержинского... — две подмосковные трудкоммуны. Болшевская коммуна просуществовала всего четырнадцать лет, Люберецкая — на три года меньше. Но сколько детей, оказавшихся на улице, а затем в тюрьмах и лагерях, было спасено самоотверженными педагогами и воспитателями коммун!

В основу воспитания коммунаров было положено доверие к оступившимся подросткам и молодым людям. Не все приживались в коммуне. Некоторых, не поддающихся исправлению, приходилось водворять в тюрьмы. Высшим органом управления в коммуне стало общее собрание. Оно решало все производственные и частные вопросы. Многие

А. Б. Башкин.
Расстрелян 08.12.1937 г.
и захоронен в Бутове
(тюремная фотография).

молодые правонарушители были люди одаренные, живые, смысленные. Но большинство из них не умели ни читать, ни писать. Учеба, минимум семилетка, была обязательной для всех воспитанников. Впоследствии немалое число их окончило специальные техникумы, приобретя рабочую профессию, некоторые, наиболее целеустремленные, получили высшее образование, стали инженерами на большевских производствах. Кое-кто из коммунаров окончил Ленинградскую академию художеств, Московскую консерваторию.

Численность коммунаров росла год от года. Если в 1925 г. в Большевской коммуне было всего 32 человека, то перед закрытием в 1938 г. здесь жило, трудилось и обучалось около 7000 человек. По окончании учебы и снятия судимости коммунары чаще всего оставались в коммуне в качестве вольнонаемных, заводили семьи, получали постоянное жилье и прописку.

После ареста покровителя Большевской трудкоммуны Г. Г. Ягоды и самоубийства весной 1937 г. ее основателя и устроителя М. С. Погребинского пополнение коммуны прекратилось. Вскоре были арестованы многие рабочие и служащие большевских и люберецких предприятий. Но больше всего пострадали воспитатели и педагоги, начальники цехов, директора и заместители директоров местных заводов и фабрик. Нередко это были люди, в прошлом неоднократно судимые, но сумевшие полностью преодолеть свои пороки и дурные привычки. Им доверялось воспитание вновь прибывшей молодежи, дорогостоящие произ-

Будущие коммунары.
Слева – вечерняя школа,
справа – женское
общезитие

водства, большие денежные средства. Таким был, например, М. Ф. Соколов-Овчинников; бывший беспризорник, он первым в коммуне получил высшее образование и стал помощником управляющего по хозяйственной части. Получили вторую жизнь в коммуне директор фибролитового завода Н. Е. Малахов, в прошлом пять раз судимый за кражи, помощник директора завода «Спартак» Я. Я. Маслов, имевший за плечами шесть судимостей за воровство (Люберецкая коммуна), директор универмага С. В. Косарев, когда-то вор-рецидивист, заместитель управляющего коммуной П. А. Фиолетов — бывший беспризорник, имевший 12 судимостей, директор клуба Н. М. Михайлов, также двенадцать раз судимый за воровство, и т. д.

Следственные дела арестованных коммунаров похожи одно на другое как две капли воды. Все обвинялись в контрреволюционной деятельности и создании «отряда боевых террористических групп, сформированных из числа наиболее оголтелых бандитов, грабителей и белых». Следствие в отношении Болшевской и Люберецкой коммун шло параллельно процессу над Ягодой — покровителем трудкомун. Из числа арестованных в Болшевской коммуне стали жертвами Бутовского полигона 71 человек, из числа Люберецкой — 22 человека. Множество отправлено в лагеря. Обе подмосковные коммуны, а вслед за ними и другие коммуны, созданные в стране, тогда же прекратили свое существование...

Еще один вопрос, о котором почему-то никогда не говорится в связи с репрессиями, — это судьба детей, оставшихся после расстрела родителей сиротами. В Москве их уводили из дома и помещали в Даниловский детприемник, расположившийся в бывшем Свято-Даниловом монастыре, где они проводили неделю, месяц, иногда год. А потом начинались их мытарства по детским домам и детским колониям Страны Советов...*

Поводы для арестов и расстрелов подчас бывали просто смехотворными.

Вина некоторых казненных на полигоне заключалась лишь в том, что они хранили переписанное от руки стихотворение Есенина, направленное против «придворного» поэта Демьяна Бедного («антисоветская агитация!»); или книгу С. Нилуса «На берегу Божьей реки» («национализм,

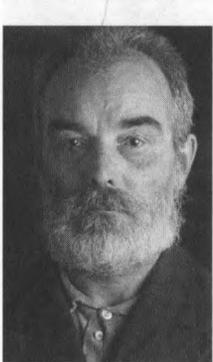

Вверху — Г. Г. Ягода, нарком внутренних дел, генеральный комиссар государственной безопасности, основатель Болшевской трудкоммун НКВД № 1. Расстрелян 15.03.1938 г.

Внизу — М. С. Погребинский, начальник Болшевской трудкоммун. Застрелился 04.04.1937 г.

* О Даниловском детприемнике-распределителе см. статью Л. Я. Муравника «Даниловские колокола» в настоящем сборнике.

антисемитизм, церковное мракобесие!»). Или, не дай Бог, у кого-то припрятан был портрет последнего царя («диверсия, монархические настроения!»). Иных привели в Бутово невинные шутки, которые они позволяли себе (иногда даже в стихах), в адрес прославленного летчика Водопьянова. Это тоже почему-то не прощалось. Попал на полигон наборщик 1-й Образцовой типографии, допустивший непоправимую ошибку в своей многотиражке «Правда полиграфиста»: вместо «троцкистской нечисти» набрал «советской нечисти». Он и женщина-корректор поплатились за это жизнью. В Бутове окончились дни одного райкомовского работника; войдя в раж на демонстрации, бедолага что есть мочи крикнул в громкоговоритель: «Да здравствует Гитлер!» вместо «Да здравствует Сталин!» (Ну, его, конечно, под белы ручки увели куда следует, и сколько он потом ни оправдывался, что это получилось «нечаянно», «не знаю как», никто ему не поверил.) Некоторые оказались в бутовских рвах лишь потому, что их захудалая комнатенка в коммуналке приглянулась соседу или жене соседа. (Хорошие отдельные квартиры после ареста их жителей предназначались серьезным людям. Как правило, это были сотрудники НКВД. Хотя и комнаты в коммуналках чаще всего доставались им же; тому есть множество примеров...)

Вверху – А. Я. Ванадзин, режиссер латышского театра «Скатувэ». Внизу – З. П. Зудраг, актриса театра «Скатувэ». Расстреляны 03.02.1938 г. и захоронены в Бутове (тюремные фотографии)

Есть в бутовских рвах музыканты⁸² — композиторы, певцы, пианисты, скрипачи, есть артисты драматических театров, цирковые артисты, есть даже артист эстрадного жанра. Но из деятелей искусства и культуры больше всего здесь художников — около ста. В числе погибших — художники на любой вкус: и авангардисты, и соцреалисты. Есть живописцы, графики, скульпторы, миниатюристы и прикладники, есть иконописцы, модельеры, художники по тканям и по росписи посуды. Большую группу художников, пострадавших в Бутове, составляют латыши. Многие из них прибыли в Москву в составе Сводной роты красных латышских стрелков, жили в Кремле, там же в свободное от основной работы время творили, устраивали шокирующие выставки абстрактного искусства.

Есть среди художников, расстрелянных и захороненных в Бутове, такие, чьи произведения теперь составляют славу русского искусства. Это прежде всего Александр Древин, чьи работы, чудом спасенные от конфискации,

Художники – латышские
стрелки в Кремле.
Слева направо –
В. Андерсон (расстрелян
03.02.1938 г.). А. Древин,
К. Вейдеман
и Г. Клуцис (расстреляны
26.02.1938 г.).
Захоронены в Бутове,
(фотография 1920 г.)

находятся теперь в постоянной экспозиции Третьяковской галереи и в лучших выставочных залах мира. Судьба произведений другого замечательного художника, Романа Семашкевича, сложилась так же трагически, как и судьба самого автора; около трехсот его картин, приготовленных для персональной выставки, было изъято при обыске. Немногие сохранившиеся произведения Р. Семашкевича также находятся в Третьяковке, путешествуют с выставками по всему миру. Широко известно в среде профессионалов имя Густава Клуциса, живописца, дизайнера и проектировщика, родоначальника советского фотоплаката.

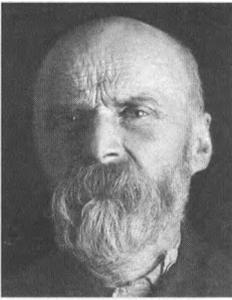
Особое место в списке погибших художников занимает 23-летний Владимир Тимирев — сын контр-адмирала С. Н. Тимирева, пасынок другого адмирала и бывшего «Верховного правителя России» — А. В. Колчака. Обвиненный в шпионаже в пользу Германии, он, конечно, поплатился за свое происхождение: за отца-адмирала, эмигрировавшего в Японию, а затем в Китай, за мать, А. В. Тимиреву, возлюбленную Колчака, добровольно последовавшую за ним в тюрьму. Около сорока лет провела потом Анна Васильевна Тимирева в изгнании. Все эти годы она разыскивала своего единственного сына. А он 28 мая 1938 г. был расстрелян, стал еще одной жертвой Бутовского полигона. От Оди Тимирева (так звали его близкие) остались чудесные акварели, полные света, воздуха, неторопливо плывущих по морю кораблей — мира покоя и ничем не

Р. Семашкевич,
художник. Расстрелян
22.12.1937 г. и захоронен
в Бутове (тюремная
фотография)

В. А. Комаровский,
художник, иконописец.
Расстрелян 05.11.1937 г.
и захоронен в Бутове
(тюремная фотография)

Ю. А. Олсуфьев,
специалист
по древнерусскому
искусству. Расстрелян
14.03.1938 г. и захоронен
в Бутове (тюремная
фотография)

замутненной радости жизни. Более ста работ В. Тимирева находится в музеях Москвы, Пензы, Нукуса и других городов.

Художник и иконописец Владимир Алексеевич Комаровский, по происхождению граф, был связан родством со многими известными дворянскими фамилиями. Им написано несколько храмов, созданы прекрасные иконы, поражающие силой религиозного воздействия и какой-то особенной возвышенной простотой. В. А. Комаровский был не только художником, но и теоретиком иконописного искусства, основателем общества и журнала «Русская икона». Его заботило распространение знаний о древнерусском искусстве и воспитание вкуса в деле иконописного убранства храма — деле «церковной богослужебной красоты». Художник подвергался арестам пять раз. Наконец, после пятого ареста его приговорили к высшей мере наказания. Он был расстрелян 5 ноября 1937 г. и захоронен в бутовских рвах.

Первым помощником В. А. Комаровского во всех его трудах был двоюродный брат и старший его товарищ, граф Юрий Александрович Олсуфьев, много потрудившийся для открытия и прославления древнерусского искусства. Ю. А. Олсуфьева расстреляли 14 марта 1938 г. и захоронили на Бутовском полигоне.

В одной из своих теоретических работ В. А. Комаровский писал: «Мир духовный, истинный — прост, бесконечность его реальна». Но, вступая в непримиримое противоречие с высшей жизнью духа, «в одевшемся греховном мире» «одебелевшие человеческие существа» (выражения Комаровского) безнаказанно истребляли себе подобных. Вместе с жизнью уходили в небытие труды художников, литераторов, ученых...

В числе жертв Бутовского полигона немало выдающихся деятелей прошедшей эпохи: председатель Государственной думы второго созыва Федор Александрович Головин, члены Государственной думы четвертого созыва — уездный предводитель дворянства М. Х. Готовицкий и священник Алексей Мешковский. Лежат в земле Бутова: бывший предводитель тульского дворянства граф А. В. Бибиков, камергер двора государя Николая II, сенатор Временного правительства П. Н. Рекшинский, граф Б. В. Ростопчин (пе-

Ф. А. Головин,
председатель
Государственной думы
второго созыва.
Расстрелян 10.12.1937 г.
и захоронен в Бутове

ред арестом — преподаватель в Литфонде), князь Н. М. Чегодаев, поручик царской армии князь Л. А. Шаховской, бывший надворный советник, товарищ прокурора Смоленского окружного суда К. П. Ястребов. Здесь же — товарищ министра внутренних дел при Временном правительстве в 1917 г. Д. М. Щепкин. Из женщин мы видим в списках жену начальника царской охраны и учительницу царских детей в Тобольске и Екатеринбурге К. М. Кобылинскую, Н. В. Никитину, урожденную княгиню Вотбольскую, и других. Все вышеперечисленные были расстреляны в декабре 1937 г.

Наконец, мы находим в списках пострадавших в Бутове имя московского губернатора и товарища министра внутренних дел, шефа корпуса жандармов В. Ф. Джунковского. Это имя дорого для всех, кто любит Москву и интересуется ее историей.

московский губернатор

Это был один из самых благородных и примечательных людей в Москве и Петербурге начала XX века. Еще в XVIII веке роду Джунковских был пожалован герб и девиз: «Deo et pro hominibus», что означает — «Богу и людям». Последующие поколения Джунковских жили и умирали в соответствии с этим девизом. Владимир Федорович был адъютан-

В. Ф. Джунковский,
адъютант великого князя
Сергея Александровича.
Начало 1880-х гг.

том великого князя Сергея Александровича и жил вместе с сестрой, Евдокией Федоровной, в Николаевском дворце Московского Кремля (она была придворной дамой при великой княжне Марии Павловне). После убийства великого князя Сергея Александровича в феврале 1905 г. Владимир Федорович был назначен сначала вице-губернатором, затем губернатором Московской губернии. В том же году он стал флигель-адъютантом государя и был определен в его свиту.

С 1909 г. в течение четырех лет Джунковский был губернатором Москвы. Кроме исполнения основных своих обязанностей, он был попечителем множества благотворительных организаций. Но особенно много сил он отдавал борьбе с одним из главных, по его мнению, зол русского народа — пьянством. Он был учредителем, а с 1905 г. стал председателем Московского столичного попечительства о народной трезвости. Были открыты в Москве первые наркологические лечебницы для алкоголиков, а для досуга малоимущих — библиотеки, читальни, народные дома, где ставились благотворительные спектакли с участием лучших московских артистов.

Император высоко оценил деятельность В. Ф. Джунковского на посту губернатора — он был произведен в генерал-майоры. В 1911 г. В. Ф. Джунковский вместе с большинством русских людей оплакивал гибель П. А. Столыпина. В своих воспоминаниях Владимир Федорович называл его «вечным рыцарем России». В. Ф. Джунковский писал о Столыпине: «Он вступил на свой трудный, ответственный пост в годы великого испытания и показал, как надо жить для России и умирать за нее». Эти слова можно с полным правом отнести и к самому Джунковскому.

С особым размахом и торжественностью в 1912 г. праздновалось столетие со дня Бородинского сражения. В Бородинском музее на Чистых прудах в Москве, в сооружении которого Джунковский принимал живейшее участие, был «на вечные времена» помещен его портрет. Следующий, 1913 г. остался в истории как год празднования 300-летия Дома Романовых. Хлопоты по проведению празднеств, охрана государя и его семьи во время их поездок по стране легли на плечи Джунковского.

23 января 1913 г. Джунковский был назначен на пост товарища (помощника) министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов. Москва торжественно проводила своего недавнего губернатора.

В 1913—1914 гг. В. Ф. Джунковский провел реорганизацию органов сыска. Он попытался избавиться от провокаторов и провокации как таковой, считая ее безнравственной. Джунковский вынудил уйти из Думы и покинуть пределы Российской империи провокатора Малиновского, об истинной роли которого стало известно лишь после 1917 г.* Ему была отвратительна роль и другого известного провокатора — Азефа**. Одним словом, это был, как тогда писали, «такой нетипичный жандарм». (Некоторые профессионалы до сих пор обвиняют его в излишней мягкости и благородстве в те предреволюционные годы.)

С началом 1-й мировой войны деятельность В. Ф. Джунковского еще более расширилась. Он отвечал теперь за набор и распределение новобранцев. В его ведении была также служба военной контрразведки в приграничных районах и в тылу врага. В поле его внимания неизменно находилась ожесточенная антивоенная и антиправительственная деятельность революционных партий. Кроме того, Владимир Федорович постоянно сопровождал государя в его по-

* Роман Вацлавович Малиновский, большевик, член ЦК РСДРП, пользовавшийся особым доверием Ленина, депутат Государственной думы от социал-демократов, пламенный оратор — одновременно был с 1910 г. секретным сотрудником Департамента полиции. В 1914 г. по настоянию Джунковского он ушел из Думы и уехал за границу. После 1917 г., надеясь на снисхождение, бывший агент вернулся в Россию, но по приговору Ревтрибунала был расстрелян.

** Азеф Евно Фишелевич, секретный сотрудник полиции и в то же время один из руководителей боевой организации эсеров.

* В. Ф. Джунковский считал, что государь в душе сознавал вред, причиняемый близостью Распутина ко двору. В письмах к императрице государь писал: «Что касается советов Распутина, ты знаешь, с какой осторожностью надо к ним относиться». Императрица же верила набожности Распутина и его способности лечить наследника. Нет сомнения, что Распутин обладал какими-то очень сильными экстрасенсорными способностями. «Мне пришлось собрать всю свою волю в кулак», — рассказывал П. А. Столыпин, вспоминая гипнотический взгляд Распутина. О том же говорили и многие другие.

сещениях Ставки Верховного Главнокомандующего, лазаретов для раненых, военных заводов и предприятий.

И вот столь обширные и ревностные труды его пошли прахом в одно мгновение. 15 августа 1915 г., в самый разгар войны, карьера В. Ф. Джунковского неожиданно оборвалась. Причиной тому стал Г. Распутин.

К началу 1912 г. Распутин приобрел огромное влияние при дворе. Про него стали ходить самые фантастические слухи, которые, как пишет Джунковский, «в основе своей были верными, хотя и сильно преувеличенными». «Относительно него, — продолжает Джунковский, у меня составилась... тактика моего поведения — без всяких компромиссов...» ...Находились смелые люди, пытавшиеся просить государя для пользы Отечества удалить Распутина от двора. Но все было бесполезно*.

В самых консервативных кругах, писал Джунковский, существовал взгляд, что было бы правильным физическое устранение Распутина, так как влияние этого человека опасно для России. Но сам В. Ф. Джунковский считал такой взгляд «фальшивым» и говорил, что не влияние Распутина страшно для России, а то страшно, что «общество само создало условия, при которых возможно» влияние такого человека, как Распутин. «Если бы в обществе было поменьше истеричных и неудовлетворенных женщин, ищущих особых ощущений, — писал Владимир Федорович, — если бы среди занимавших высокие посты и окружавших государя было поменьше лакеев, а побольше честных людей, то распутины не могли бы иметь влияния. Все зло в том, что люди предпочитают молчать или лгать, чем говорить правду»⁸³.

«Всеподаннейшая записка» — отчет о похождениях Распутина — в июне 1915 г. была представлена государю. В. Ф. Джунковский сам изложил содержание «записки». Государь внимательно выслушал Джунковского и поблагодарил его. Распутин был удален от двора. Но ненадолго. Через два месяца «старец Григорий» вновь занял прежнее место вблизи высочайших особ. Зато Джунковский лишился всех постов. Он получил отставку без объяснения причин и даже без обычных в этих случаях слов благодарности за верную службу. Единственно, чем был утешен Владимир Федорович, — это огромным количеством писем, присланных ему со всех концов России, с выражением любви и сочувствия.

В. ф. Джунковский
на фронте
(первый слева), 1915 г.

Осенью 1915 г. Джунковский по прошению был назначен в действующую армию на Западный фронт. Февральская революция застала его в должности командира 15-й Сибирской стрелковой дивизии. Но звание генерал-лейтенанта В. Ф. Джунковский получил все-таки после падения монархии — в апреле 1917 г.

В июне 1917 г. генерал Джунковский был отозван с театра военных действий и предстал перед Чрезвычайной комиссией по расследованию нарушений среди высших должностных лиц. Но «она не нашла в его действиях на посту товарища министра внутренних дел и командира корпуса жандармов ничего противозаконного⁸⁴. 26 апреля 1918 г. В. Ф. Джунковский вышел в отставку. По сведениям близко знавших его, он говорил, что не хочет участвовать в развале русской армии.

Джунковского арестовали в сентябре 1918 г. по дороге в Оршу. Он был заключен сначала в Смоленскую губчека, затем доставлен в Москву в тюрьму ВЧК, после чего перемещен в Бутырскую тюрьму. Началось его хождение по мукам. В Управление делами Совнаркома поступило письмо от прославленных мастеров русской сцены, в котором было свыше ста подписей. Выдающиеся деятели культуры перечисляли все его заслуги и достоинства и просили освободить В. Ф. Джунковского из-под стражи. Кроме актеров, за Джунковского ходатайствовало много и других извест-

ных людей. К делу подшиты прошение швейцарского посланника, просьба об освобождении от имени Королевского Норвежского посольства, даже записка Н. И. Троцкой (Седовой) Дзержинскому и др.

К ходатайствам об освобождении Джунковского из тюрьмы присоединились крестьяне деревни Владимиро-Джунковки (близ ст. Сходня Октябрьской, ныне Ленинградской ж. д.). Они сообщали, что узнали об аресте Джунковского из газет. От имени сорока восьми семей, когда-то получивших землю под заселение благодаря хлопотам губернатора, председатель комитета бедноты писал: «...Мы доводим до сведения о гражд. В. Ф. Джунковском, что он заслужил от нашего общества глубокую благодарность, которая запечатлена в наших сердцах на все поколения наших детей».

Многочисленные ходатайства послужили не столько на пользу, сколько, пожалуй, во вред узнику. Дзержинский послал 20 февраля 1919 г. записку «товар. Ксенофонтову», члену Коллегии ГПУ: «Ввиду того, что друзьями Джунковского ведется целая кампания с целью добиться его освобождения, — прошу без моего ведома его никоим образом не освобождать»⁸⁵.

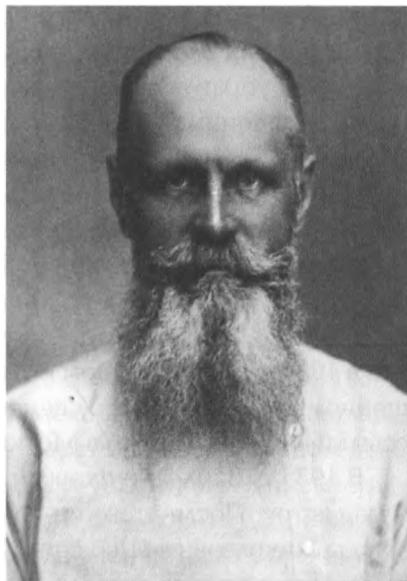
Всеми'хлопотами по сбору ходатайств занималась сестра Джунковского Евдокия Федоровна. О самой горячей и трогательной любви между братом и сестрой говорит небольшая записочка Евдокии Федоровны от 7 сентября 1919 г., подшитая к следственному делу.

«Дорогой мой чудный Вадя. Поздравляю тебя с днем твоего рождения. Молюсь и благословляю тебя, мой хороший. Храни тебя Бог. Мы будем молиться за тебя 7-го*, и всегда и везде мы с тобой. Мой хороший Вадя. Верю, Господь будет с тобой и охранит тебя. Целую крепко-крепко. Твоя Додо»**.

Дело В. Ф. Джунковского рассматривалось в московском Ревтрибунале 6 мая 1919 г. После совещания судей Петерс зачитал приговор, в котором говорилось, что Джунковский «по своему служебному положению своими действиями и распоряжениями противодействовал проявлению в рабочей среде революционного движения». Он был приговорен к расстрелу, «но ввиду некоторых заслуг перед народом» смертная казнь была в тот раз заменена заключением в концлагерь «до конца гражданской войны»⁸⁶.

* 7 сентября — день рождения В. Ф. Джунковского.

** Благодаря ходатайству сестры, Е. Ф. Джунковской, Владимир Федорович был помещен в бывшую частную клинику на Собачьей площадке, затем переведен в другую, находившуюся в Гагаринском пер. Он имел возможность встречаться с близкими, посещал церковные службы. Но невозможность проследить за его «живой» (из рук в руки) почтой положила конец этой относительной свободе.

Владимир Федорович
Джунковский после
тюремного заключения,
середина 1920-х гг.

Джунковского поместили во Внутреннюю тюрьму ВЧК, затем перевели в Таганскую тюрьму. Его неоднократно перевозили из тюрьмы — в тюремную больницу, из больницы — снова в тюрьму. В Таганской тюрьме ему поручено было заниматься перевоспитанием малолетних преступников, затем — ухаживать за кроликами в тюремном подсобном хозяйстве. Персонал тюрьмы относился к Владимиру Федоровичу необычайно почтительно. Когда В. Ф. Джунковского наконец-то в апреле 1922 г. освободили, все сотрудники тюрьмы вышли проводить его за ворота...

В 1928, 1932 и 1933 гг. В. Ф. Джунковского вызывали в ГПУ, где сотрудники ведомства расспрашивали его о порядке приема иностранцев, о структуре Министерства внутренних дел и организации охраны Николая II. Среди историков бытует мнение, что положение 1932 г. о паспортном режиме было разработано если не лично Джунковским, то, во всяком случае, с его помощью.

Но надо было чем-то жить, содержать себя и сестру. Какое-то время он смиренно работал церковным сторожем, давал уроки французского языка (по 9—11 часов ежедневно), трудился над своими воспоминаниями. Их собирався напечатать в своем издательстве М. В. Сабашников. Но издательство закрыли. В 1934 г. издатель вернул автору почти готовую к печати машинописную копию рукописи. Вла-

* По этому поводу В. Д. Бонч-Бруевич имел большие неприятности с властями, улаженные не без труда, но на передаче денег В. Ф. Джунковскому он все же сумел настоять.

** Шебашева Надежда Николаевна была очень близким человеком для своего дядюшки. Она помогала ему в его делах попечения о народной трезвости в годы его губернаторства в Москве и впоследствии — во время его службы в С.-Петербурге. Не оставила она его и в дни немилости государя. Вместе с Евдокией Федоровной она приезжала к В. Ф. Джунковскому на фронт; там они жили рядом с ним в суровых походных условиях, исполняя обязанности сестер милосердия.

дмир Федорович, по совету М. В. Сабашникова, передал воспоминания в Литературный музей. Тогдашний директор музея, управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич, прекрасно понимавший ценность этих материалов, заплатил автору большую по тем временам сумму — пять тысяч рублей*. Это дало возможность В. Ф. Джунковскому прожить последние несколько лет жизни, не думая о заработке.

Ходили упорные слухи, что Владимир Федорович принял тайное монашество, но никаких документальных подтверждений этому факту, конечно, нет. Известно только, что в 1930-х гг. духовником его был священник (ныне священномученик) Сергей Успенский, вернувшийся тогда из ссылки и проживавший в Москве нелегально.

В 1935 г. В. Ф. Джунковский похоронил горячо любимую сестру. После этого он поселился у племянницы Надежды Николаевны Шебашевой**, которая жила на Беговой улице в дачном поселке. В двух комнатах небольшого домика Владимир Федорович прожил последние три года жизни. Никто никогда не слышал от него ни единого слова жалобы. Любимую женщину, с которой он находился в бессрочной разлуке, он утешал в письмах словами: «Радуйся же, чувствуя на себе Крест, ибо это знак, что идешь вслед Господу путем спасения в рай. Потерпи немного! Будет конец»...

А конец, действительно, был уже близок. Люди из окружения Джунковского стали исчезать один за другим. Первым в конце августа 1937 г. арестовали бывшего адъютанта Джунковского, опытного царедворца, остролова и рас-

Дом на Беговой улице, где жил последние три года В. Ф. Джунковский и где он был арестован в 1937 г.

сказчика, проживавшего в последние годы жизни в крайней нищете, генерал-майора В. С. Гадона. Спустя месяц арестовали московского вице-губернатора в 1910—1916 гг. А. М. Устинова. На допросах Устинова с пристрастием расспрашивали, почему он общается с Джунковским, на что тот отвечал: «Мы знакомы. Он просто хороший человек». За несколько дней до ареста бывшего московского губернатора был арестован и пропал бесследно его духовник священник Сергей Успенский. Все эти люди также стали жертвами Бутова.

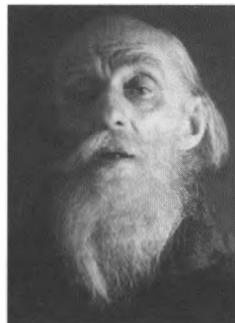
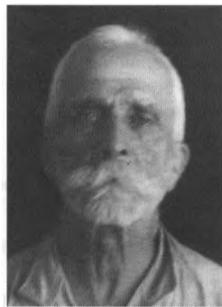
Самого В. Ф. Джунковского арестовали 3 декабря 1937 г. Во время обыска была конфискована бесценная переписка, книги, фотокарточки. В архивно-следственном деле подшито письмо племянницы Джунковского. В письме, адресованном Сталину, она просит освободить Джунковского, «т. к. он старый больной человек и не может причинить вреда советской власти»⁸⁷. Но тройкой УНКВД по Московской области «старый больной человек», всю жизнь думавший только о пользе Отечеству, был приговорен к высшей мере наказания.

<•

26 февраля 1938 г. Владимира Федоровича Джунковского расстреляли...

царские генералы и офицеры

Помимо В. Ф. Джунковского и В. С. Гадона, в Бутове казнено девять бывших царских генералов. Не пощадили стариков — участников нескольких войн, когда-то с честью защищавших Отечество. Здесь расстреляны: генерал-лейтенант царской армии М. Ф. Кригер, генерал-лейтенант А. Г. Лигнау, генерал-лейтенант Е. И. Мартынов, генерал-майор А. И. Беляев, генерал-майор А. Я. Гусев, генерал-майор Н. С. Елизаров, генерал-майор В. А. Константинов, генерал-майор В. И. Николаев, генерал-майор Б. И. Столбин. Все они были Георгиевскими кавалерами, имели множество боевых орденов и медалей, в том числе и от иностранных государств, пятеро награждены золотым Георгиевским оружием. За неимением другого, всех их обвиняли в пресловутой «антисоветской агитации», двоих — в шпионаже. Бывшие царские генералы не признали себя виновными. А ведь к моменту ареста всем им было под семьдесят или за семьдесят лет. В этом возрасте (как, впрочем, и в любом другом) нелегко устоять перед грубым насилием.

Вверху — В. С. Гадон, бывший адъютант В. Ф. Джунковского, генерал-майор царской армии. Расстрелян 17.09.1937 г. и захоронен в Бутове. Внизу — священномученик Сергей Успенский, духовник В. Ф. Джунковского, расстрелян 19.12.1937 г. и захоронен в Бутове (тюремные фотографии)

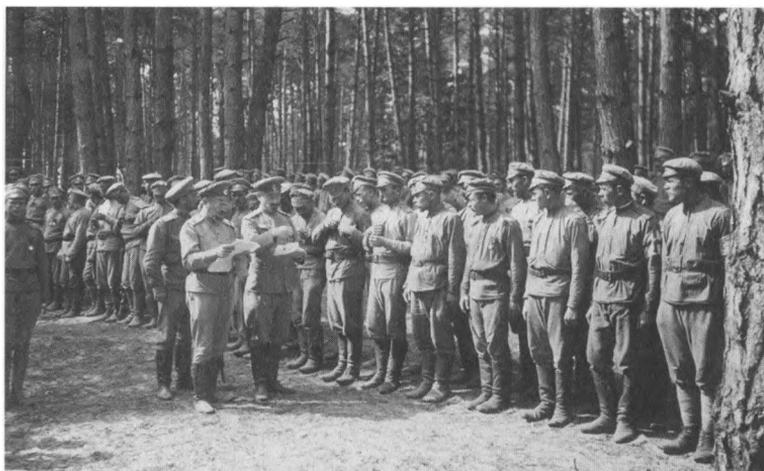
Царские генералы
и офицеры,
расстрелянные
и захороненные
в Бутове.

Вверху – Е. И. Мартынов,
генерал-лейтенант
царской армии.
Расстрелян 11.12.1937 г.
Внизу справа – семья
генерал-майора
Б. И. Столбина.
Расстрелян 11.12.1937 г.

Вверху –
генерал-лейтенант
А. Г. Лигнау. Расстрелян
05.02.1938 г.
Внизу – генерал-майор
А. И. Беляев.
Расстрелян 21.10.1937 г.
(тюремные фотографии)

401-й пехотный
Карачевский полк
101-й пехотной дивизии.
Раздача Георгиевских
крестов. Вручает
награды командир
полка генерал-майор
В. И. Николаев,
15 августа 1916 г.
В. И. Николаев
расстрелян 19.12.1937 г.
и захоронен в Бутове

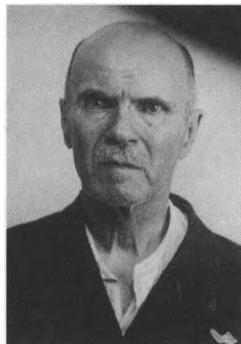
Безоружные, лишённые возможности защищаться, старые генералы с тем же христианским смирением, как и простые русские мужики, приняли мученическую кончину на Бутовском полигоне. И только спустя шестьдесят с лишним лет над их телами, сброшенными в длиннейшие черные рвы, пропели «Со святыми упокой» и «Вечную память»⁸⁸.

Русское офицерство, на протяжении веков объединяло все лучшее, что было в обществе, и служило опорой Российского государства. В кадетских корпусах и военных училищах офицеры воспитывались в представлении о том, что им всегда и везде следует быть образцом честности, храбрости, защищать Отечество, не щадя живота своего. Революция 1917 г. обернулась национальной катастрофой для русского офицерства, которое в последующие годы стало одним из главных объектов преследования большевиков. Десятки тысяч офицеров погибли в подвалах тюрем и расстрельных рвах ГПУ-ОГПУ-НКВД.

После гражданской войны тысячи офицеров оказались в эмиграции, а те, что не захотели расстаться с Родиной и пошли служить в Красную Армию, подверглись нескольким волнам репрессий, в результате которых лишь немногие дожили до предвоенных лет, но затем и эти последние были уничтожены. В бутовских рвах лежат более пятидесяти полковников и подполковников, всего около ста семидесяти царских офицеров.

Конечно, не меньше пострадали представители жандармерии и полиции. Жертвами Бутовского полигона

Генерал-майор
В. А. Константинов.
Расстрелян 17.09.1937 г.
и захоронен в Бутове
(тюремная фотография)

стали около сорока городских. Должность бывшего городского в обвинительном заключении звучала как приговор. Таким же приговором была должность начальника царской тюрьмы, тюремного надзирателя.

расстреляны и захоронены в Бутове

Если можно увидеть хоть какую-то звериную логику в уничтожении представителей царской армии, политического сыска и полиции, то что же сказать о спортсменах? Они-то чем провинились перед советским режимом? Как правило, все они были искренне преданы советской власти, народ их любил, их достижениями гордилась вся страна.

Из спортсменов больше других пострадали альпинисты и сотрудники различных туристических организаций и объединений. По «альпинистско-туристическим» следственным делам проходит более 150 человек. Не все стали жертвами Бутова, большинство из них по 58-й статье отправилось в места не столь отдаленные на 5—8—10 лет. Но в Бутовских рвах лежит весь цвет альпинизма тех лет, первовосходители, покорители и открыватели высочайших вершин и целых не исследованных еще в то время горных хребтов.

Горы, как известно, находятся у нас в приграничных районах; для восхождений необходимы карты. Все это послужило поводом обвинить альпинистов в шпионаже. К тому же по разрешению властей лучшие альпинисты-инструкторы совершали совместные восхождения с иностранными мастерами, по необходимости общались с ними и даже, рискуя жизнью, спасали их в экстремальных ситуациях. Отношения с иностранцами также вменялись в вину нашим спортсменам. Это не исключало и банальных обви-

В. Л. Семеновский, один из основателей советского альпинизма, заслуженный мастер альпинизма. Альплагерь Терскол, 1936 г. Фотография справа — инструкторы Памирского похода 1936 г. Второй слева — врач-альпинист Г. Л. Розенцвейг.

В. Л. Семеновский и Г. Л. Розенцвейг расстреляны 28.02.1938 г. и 07.04.1938 г., захоронены в Бутове

нений в участии «в контрреволюционной фашистско-террористической организации, существующей среди альпинистов и туристов»⁸⁹.

В Бутовской земле лежит заслуженный мастер альпинизма, председатель секции альпинизма при ВЦСПС В. Л. Семеновский (он был известен отечественным и за-

О. В. Корзун, инструктор альпинизма. Расстрелян 28.02.1938 г. и захоронен в Бутове (тюремная фотография)

Слева – Центральный Кавказ, Шхельда. Альпинисты 1930-х гг.

Г. А. Харлампиев, инструктор альпинизма. Расстрелян 28.05.1938 г. и захоронен в Бутове (тюремная фотография)

Г. Е. Гернгросс, альпинист, ученый-африканист. Расстрелян 10.12.1937 г. и захоронен в Бутове (тюремная фотография)

рубежным географам, топографам и альпинистам, его именем назван красивейший пик в горах Тянь-Шаня). Семеновский проходил по делу альпинистов как основное лицо. Ему вменялось в вину, что он завербовал в организацию лучших альпинистов тех лет, мастеров альпинизма «немцев» Ф. Зауберера, П. Заричняка, С. Слуцкого, за плечами которых были восхождения, вошедшие в историю отечественного альпинизма, врача Г. Розенцвейга, человека незаменимого на сложных горных маршрутах, студента Московской консерватории Г. Харлампиева и других. В один день с Семеновским были расстреляны молодые альпинисты-инструкторы О. Корзун, Л. Каминкер, художник-график по профессии, 28-летний В. Русанович. Герой гражданской войны, военный инженер 1-го ранга А. И. Гланцберг был одним из первых организаторов армейского альпинизма, получившего широкое распространение в середине 1930-х гг.; по постановлению двойки также расстрелян и захоронен в Бутове. Почти все казненные альпинисты были высокообразованными людьми, прекрасными специалистами в своей основной профессии. Так, был арестован и стал жертвой Бутова потомственный дворянин, сын царского генерала и первый в стране ученый-африканист — альпинист высокого класса Г. Е. Гернгросс*.

Все альпинисты, люди сильные и мужественные, не боявшиеся ни высоты, ни глубины в дни победных своих восхождений, на следствии признали себя виновными⁹⁰.

Тем удивительнее наблюдать сопротивление и понимание сложившейся ситуации в стране со стороны простого рабочего паренька. Шофер при райздраве, Коля Ремизов пишет письма в концлагеря своему отцу и трем дядькам, арестованным и сосланным за «контрреволюционную деятельность». Он пишет иногда в прозе, иногда в стихах, отвечая на письма родных и даже их сокамерников:

Прими ответ, незнаемый мой друг,
На присланное Вами горестное пенье.
Я ныне услышал его хотя и слабый звук,
Мне прозвеневший в отдаленье.

Узнав о смерти отца на каторжных работах в Сибири, Коля пишет дядьке:

«Дорогой дядя Вася! Сообщаю тебе очень печальную весть: наша семья лишилась отца, а ты лишился брата — он

* На спецобъекте НКВД «Коммунарка» захоронен еще ряд расстрелянных известных альпинистов и любителей горных восхождений, в том числе такие государственные деятели, как академик, управ. делами Совнаркома Н. П. Горбунов, командарм 1-го ранга, зам. наркома внутренних дел, нач. ГУГБ М. П. Фриновский, заслуженный мастер альпинизма, нарком юстиции СССР, чл. ЦКК ВКП(б) Н. В. Крыленко и др.

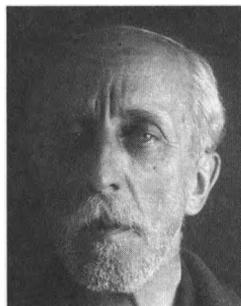

Н. С. Ремизов.
Расстрелян 14.09.1937 г.
и захоронен в Бутове
(тюремная фотография)

умер... Прощай, отец! Ты умер вдали от родного дома... Кто вас обрек на эту медленную мучительную смерть? О, сколько вашими силами вырублено непроходимых лесов и проведено железных дорог! Вашими черепами замощены русла вырытых вами каналов. На ваших костях строим мы воображаемый социализм. И все это скрывается за плотной стеной лжи... Правда всюду безжалостно душится, но придет время, найдется великий смелый человек, который выставит напоказ эту истину, и ужасна она будет в своей наготе, и удивятся, отворачиваясь, те, по чьей вине произошли эти ужасы»⁹¹.

Дядя Вася не получил этого письма. Оно было переслано лагерным начальством прямо в Московское управление НКВД. Колю нашли, арестовали, обвинили в «высказывании резкой злобы по адресу руководителей партии и правительства» и 14 сентября 1937 г. расстреляли, а тело сбросили в один из рвов на Бутовском полигоне.

В Бутове лежат останки правнука Кутузова и одновременно родственника Тухачевского — профессора церковного пения М. Н. Хитрово-Крамского и правнучки Салтыкова-Щедрина — Т. Н. Гладыревской, члена экспедиции О. Ю. Шмидта, чеха по национальности Я. В. Брезина. Занесло к нам в недобрый час уроженца Венеции итальянца Антонино-Бруно Сегалино, работавшего с генералом Нобелем в конструкторском бюро по строительству дирижаблей (на полигоне захоронено несколько дирижаблестроителей). Здесь расстреляны десять летчиков; в их числе один из первых русских летчиков — Николай Николаевич

С. В. Десятковский
(Сабяер), сын обер-
прокурора Священного
Синода В. К. Саблера.
Расстрелян 21.10.1937 г.
и захоронен в Бутове
(тюремная фотография)

Н. В. Кондакова.
Расстреляна 29.05.1938 г.
и захоронена в Бутове.
Внизу – В. М. Эссен,
иеромонах Вениамин,
художник.
Расстрелян 04.06.1938 г.
и захоронен в Бутове
(тюремные фотографии)

Данилевский и другие, положившие основание русской авиации, полковники: П. К. Вологодцев, П. И. Аникин-Обрезков, летчик морской авиации, делавшей тогда первые шаги, О. С. Бильченко⁹².

В мирное время здесь полегли под пулями чекистов представители старинных русских дворянских родов: два брата-студента Гагарины, Шаховские, Оболенские, Бибиковы... Поистине, в святой для нас земле Бутова лежит целый народ — все его представители.

нерабилитированные

Следственные дела людей, осужденных по «политической» 58-й статье УК РСФСР, пересмотрены, и они реабилитированы. О некоторых из них написаны статьи и даже книги. Работы отдельных художников экспонируются на выставках. Память пострадавших за веру свято чтится. Помнят о погибших своих коллегах ученые, литераторы, спортсмены, учителя. Но от большинства расстрелянных и захороненных в Бутове все-таки остались лишь имена. Их близкие умерли, так и не найдя места гибели своих родных.

Кроме перечисленных, посмертно реабилитированных людей более четверти всех расстрелянных в Бутове (а именно --5658 человек) составляют осужденные по чисто уголовным или смешанным статьям УК РСФСР, которые согласно нашим законам реабилитации не подлежат. В число дел, не подлежащих реабилитации, входят дела на лиц, оправданных по причине отсутствия «состава» или «события преступления». При пересмотре других дел прокуратурой признано «превышение меры наказания» за содеянное и в соответствии с законами того времени сформулирован иной приговор и назначено задним числом другое, более мягкое наказание: «высшая мера» заменена, например, на 10, 5, а то и 2 года лишения свободы.

Встает почти неразрешимый вопрос: всегда ли соответствует обвинение по 58-й «политической» статье истинному положению вещей; и наоборот — является ли осужденный к ВМН по уголовной статье настоящим уголовником?

Из следственных дел видно, что рецидивисту, терроризировавшему заключенных в тюремной камере или лагере, иной раз приписывалась антисоветская агитация, чтобы поскорей избавиться от злостного нарушителя режима. Обвинения в контрреволюционных действиях могли быть

предъявлены обыкновенному дебоширу или крестьянину, поджегшему сарай с сеном у председателя колхоза, или мальчишке, из озорства сделавшему наколку с портретом Сталина «на неподобающих частях тела». Политическую «58-ю» подчас получали завсегдаган вырезвателей («в пьяном виде выражался в адрес вождя») или посетители пивной (в компании собутульников «высказывал диверсионно-террористические настроения»)*. Осужденные по 58-й статье, эти и подобные им люди в 1989-м — начале 1990-х гг. были реабилитированы как необоснованно репрессированные. И наоборот. Осужденные как «социально опасные» и «социально вредные элементы», люди «без определенных занятий» и «без определенного места жительства», приговоренные к расстрелу за нищенство, бродяжничество, а более всего — за нарушение паспортного режима, реабилитации не подлежат...** А ведь именно они по большей части и являлись жертвами большевистской политики и послереволюционного произвола в стране.

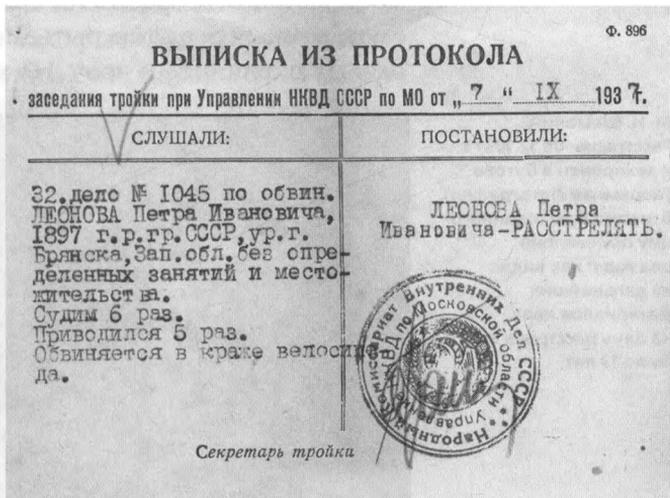
Особую категорию в списках приговоренных к расстрелу составляют так называемые «повторники». К ним относятся как реабилитированные впоследствии, так и не реабилитированные. Множество людей, арестованных в начале 1930-х гг., едва освободившись из заключения, снова подвергались аресту. Но на этот раз их чаще всего ждал не «срок», а смертная казнь. Повторные аресты в первую очередь коснулись бывших эсеров, троцкистов, эмигрантов, резмигрантов и священнослужителей.

* Особенно много жертв на Бутовский полигон поставляла пивная «Американка», которая находилась где-то в Дангауэровской слободе, в р-не нынешнего шоссе Энтузиастов.

** В следственных делах эти люди проходили как СОЭ и СВЭ (социально опасные и социально вредные элементы), как БОЗ и БОМЖ (лица без определенных занятий и определенного места жительства).

Слева — Бутырская тюрьма, дверь камеры.

Справа — выписка из протокола. Приговор к расстрелу за кражу велосипеда

В следственных делах «повторников» подчас слово в слово воспроизводились формулировки их прежних обвинений. Следователи не трудились подыскивать новый, хотя бы «липовый» компромат.

Широко применялись повторные аресты и к представителям уголовной среды (или тем, кто были сочтены таковыми). Но и среди уголовников, действительно имевших богатое криминальное прошлое, большинство арестовано было все-таки ни за что. В момент задержания эти жертвы чаще всего не совершали никаких злодеяний или правонарушений. Обычно новые жертвы задерживались при облавах на железнодорожных вокзалах или на привокзальных площадях, в пригородных поездах, на станциях и полустанках. Проверка документов производилась даже у городских туалетов и просто на улицах среди бела дня. Задержанный доставлялся в районное отделение милиции, затем в тюрьму. Там ему предъявлялось обвинение по тогдашней формулировке: «как ранее судимый». Затем по прихоти тройки он получал «меру наказания» по второй, а чаще — по первой категории, пополняя тем самым спущенные сверху цифры и лимиты. Далее путь его лежал на Бутовский полигон.

Конечно, в списке нереабилитированных были и настоящие преступники: «квалифицированные» воры, убийцы, налетчики, пойманные на месте преступления или найденные путем упорного розыска. Криминальное прошлое некоторых напоминает детективный роман: 15—20 судимостей в юном возрасте, 10—15 побегов — с перепиливанием тюремных решеток, рытьем подкопов, переодеванием в одежду охранника и проч. Но таких «героев» — единицы.

М. Н. Шамолин.
Расстрелян 09.12.1937 г.
и захоронен в Бутове
(тюремная фотография).
В анкете арестованного
ему прибавлено
два года; как видно
из дальнейших
материалов дела,
на день расстрела ему
было 13 лет

Больше всего осуждено и расстреляно уголовников за мелкие кражи, часто совершенно не сообразные с мерой наказания. Встречаются «расстрельные» приговоры за кражу галош, пары буханок хлеба, велосипеда, гармошки, каких-то двадцати пустых мешков, пяти кусков мыла и т. д. Бывало, что ссоры с соседями в коммунальной квартире по доносу одной из сторон оборачивались все теми же выстрелами на Бутовском полигоне. Есть приговоры к высшей мере наказания за спекуляцию; под эту категорию подведен был, например, приезжий крестьянин, торговавший на привокзальной площади яблоками из собственного сада. Судьбу воров, фальшивомонетчиков, спекулянтов и аферистов разделили гадалки и проститутки. Та же участь постигла цыган и айсоров — уличных чистильщиков обуви, потомков древних ассирийцев. Особую категорию казненных в Бутове составляли заключенные, уже отбывающие наказание в тюрьмах, лагерях и исправительно-трудовых колониях. Как правило, все они были осуждены по уголовным статьям и не подлежат реабилитации. Но разве все эти люди не являются точно такими же жертвами беспрецедентного государственного террора и бандитизма, как и реабилитированные по 58-й политической статье?!

Нет уверенности, что нам станут известны имена всех жертв Бутовского полигона в период с 8 августа 1937 г. по 19 октября 1938 г., не говоря уже о более ранних или последующих годах. Зато можно со всей ответственностью сказать, что каких-то имен мы не узнаем никогда, потому что было сделано все, чтобы их скрыть. Пример тому—документ, случайно обнаруженный в архивах УФСБ Санкт-Петербурга, в котором приказывается «...начальникам ДПЗ, ОДПЗ и нач. следственной тюрьмы только лично полностью уничтожить все слелы пребывания подследственного (такого-то) в означенных местах заключения (изъять дела, карточки, уничтожить записи в алфавите и т. д.)...»⁹³

Окончание массовых репрессий 1937—1938 гг.

Больше всего в Бутове было расстреляно людей в сентябре 1937 г. — 3165 человек. По количеству расстрелов к этой цифре приближаются октябрь и декабрь 1937 г. (соответственно 2045 и 2376 человек), а также февраль и март

Н. А. Савельев,
архимандрит Никандр.
Расстрелян 19.01.1938 г.
и захоронен в Бутове

Расстреляны
и захоронены в Бутове
(тюремные фотографии)

Вверху слева направо –
Б. И. Айзенштадт,
В. Н. Тэрени,
Я. В. Ясинский-Варденский.
Расстреляны 21.10.1937 г.,
02.01.1938 г., 09.12.1937 г.
Внизу –
Я. С. Амбрушкевич.
Расстреляна 21.10.1937 г.

1938 г. (2326 и 2335 человек). Большие расстрелы были в мае и в июне 1938 г. (1346 и 1169). Далее расстрелы не превышали тысячи человек в месяц. В сентябре и октябре 1938 г. расстреляли «всего» 119 и 126 человек. После 19 октября расстрелы и захоронения на Бутовском полигоне не производились*. Назревали какие-то перемены...

15 ноября последовало решение Политбюро по сворачиванию массовых операций. А через два дня, 17 ноября вышло секретное постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) «Об аресте, прокурорском надзоре и ведении следствия», подписанное Сталиным и Молотовым. В постановлении отмечалась «большая проделанная работа по разгрому врагов народа и очистке СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров... представлявших из себя серьезную опору иностранных разведок в СССР и, в особенности, разведок Японии, Германии, Польши, Англии и Франции». «Однако не

* См. данные о числе расстрелянных и захороненных на Бутовском полигоне по дням и месяцам в период с 8 августа 1937г. по 19 октября 1938г. в наст. издании и Книге Памяти «Бутовский полигон», вып. 1—7.

следует думать, — предупреждалось в постановлении, — что на этом дело очистки СССР от шпионов, вредителей, террористов и диверсантов окончено». Далее говорилось о том, что «при упрощенном ведении следствия и суда» массовые операции «не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и Прокуратуры».

Каких же? Читаем.

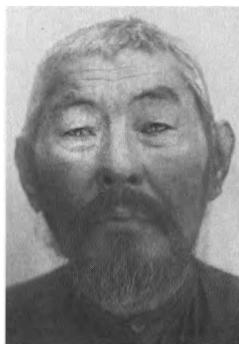
«Работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительную работу, предпочитая действовать более упрощенным способом, путем практики массовых арестов, не заботясь при этом о полноте и высоком качестве расследования».

Члены СНК и ЦК даже стыдят работников НКВД, «до самого последнего времени» просящих о предоставлении им так называемых «лимитов» для производства массовых арестов. Следует подробный и соответствующий истине разбор незаконного ведения следствия в 1937—1938 г. При этом делается вывод, что все нетерпимые недостатки в работе органов НКВД и Прокуратуры «были возможны только потому, что пробравшиеся в органы НКВД и Прокуратуры враги народа всячески пытались оторвать работу органов НКВД и Прокуратуры от партийных органов, уйти от партийного контроля и руководства»...

Поистине, «забвение своих собственных прегрешений порождает бесстыдство». Так говорил еще в глубокой древности Демокрит.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. запрещаются «массовые операции по арестам и выселению» без санкции прокурора, ликвидируются тройки НКВД, УНКВД и тройки при Управлениях РК милиции, предъявляются требования по соблюдению Уголовно-процессуальных кодексов⁹⁴.

Необъяснимо, но органы на местах настолько вошли во вкус массовых операций, что их не остановило предписание центральных властей. Даже спустя пять месяцев они продолжали необоснованные аресты ни в чем неповинных граждан. Также применялись на допросах «конвейеры», «стойки», жестокие избиения. И выносились решения от имени уже упраздненных троек...⁹⁵ Только когда начались аресты в низовых и средних звеньях самих органов НКВД

Вверху — Махари
Аймухамедов.
Внизу — Е. К. Сухова.
Расстреляны 31.01.1938 г.
и 14.10.1937 г.,
захоронены в Бутове
(тюремные фотографии)

Вверху — А. А. Кензи.
Внизу — И. А. Белокашкин.
Расстреляны 03.11.1937 г.
и 14.03.1938 г.,
захоронены в Бутове
(тюремные фотографии)

за «фальсификацию и нарушение законности в проведении следствия», это непослушание властям прекратилось.

Вместе с массовыми операциями 1937—1938 гг. закончилась карьера наркома внутренних дел, генерального комиссара государственной безопасности Ежова. 25 ноября 1938 г. он был снят со своего поста. Его место занял Берия.

За неполных пятнадцать месяцев 1937—1938 гг. было арестовано 1,5 миллиона человек, около 700 тысяч расстреляно⁹⁶. Из них лишь небольшая горстка—«всего» 20 761 человек числятся жертвами Бутова. Расстрелом 19 октября заканчиваются наши документально подтвержденные сведения о Бутовском полигоне. Дальше мы вступаем в область догадок и предположений.

Например, имеется документ об аресте уже в январе—феврале 1939 г. «для очистки Москвы» 28 921 человека. Из них более половины — «лица без определенных занятий» (знакомая история!). На решении Военной коллегии Верховного Суда СССР о расстреле 300 человек «профессиональных бандитов» Сталин пишет резолюцию: «За. Расстреляйте человек 600. Ст.». Кроме Сталина, решение подписали Молотов, Ворошилов и Каганович⁹⁷. Где приводились в исполнение приговоры на этих «профессиональных бандитов-», где их зарыли? Трудно представить себе, что не в Бутове, а в другом месте. И кто эти расстрелянные?..

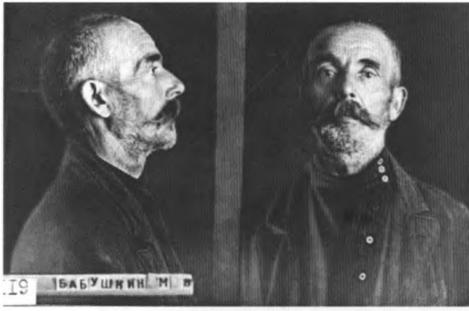
Военные и послевоенные годы

Прошли годы сомнительной, так называемой «бериевской реабилитации» — 1939-й, 1940-й, начало 1941 г. В эти годы производилось, конечно, меньше расстрелов, чем в 1937—1938 гг. Был пересмотрен ряд уголовно-следственных дел, и некоторых миновало, кажется, неминуемое. Но именно в это же время, с 1 января 1939 г., начала функционировать по соседству с Бутовским полигоном секретная политическая тюрьма НКВД — Сухановка. «Дачей» называли ее сотрудники НКВД, заключенные же по тюрьмам и лагерям именовали ее «Дачей пыток». Она была устроена Ежовым осенью 1938 г. в стенах бывшей Свято-Екатерининской пустыни; здесь были оборудованы специальные помещения для пыток и избиений.

Одним из первых заключенных секретной тюрьмы стал сам Ежов. Он провел здесь девять месяцев. Отсюда его, чуть живого, повезли на заседание Военной коллегии

Е. А. Шаповал, студент
Московского
университета, узник
Сухановской тюрьмы
в 1948 г.

Крестьяне, расстрелянные и захороненные в Бутове.

Вверху – один из трех братьев Бабушкиных – С. В. Бабушкин (с. Пирочи Коломенского р-на). Расстрелян 20.08.1937 г.

Внизу – из семьи Пресновых расстреляно шесть человек – Т. П. Преснова (дер. Крылатское Кунцевского р-на). Расстреляна 28.02.1938 г. (тюремные фотографии)

«Крестьянин-единоличник» около своей избы

Выселение крестьянских семей из родных селений, 1921 г.

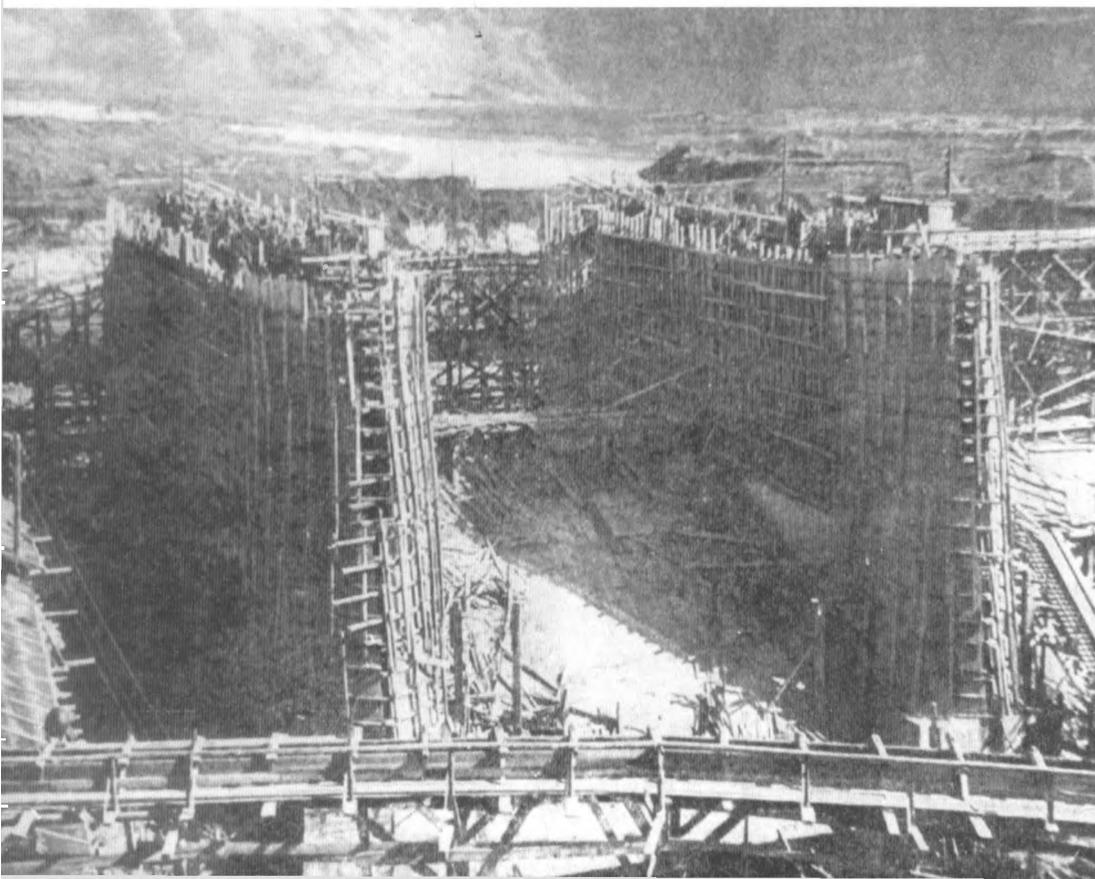

На «великой стройке пятилетки».

Дмитлаг, заключенные женщины на земляных работах

Строительство шлюза № 1 канала Москва-Волга. Волжский р-н

Начальник работ
Карамышевского р-на
В. И. Маклухо

Открытие канала. Жители г. Дмитрова и приглашенные гости встречают флотилию теплоходов на канале Москва-Волга, 02.05.1937 г.

Карамышевская бетонная плотина

Рядовые строители канала,
расстрелянные
и захороненные в Бутове.
Вверху – С. П. Куровский.
Расстрелян 08.03.1938 г.
Внизу – А. Т. Тимофеев-
Колотилев.
Расстрелян 14.03.1938 г.
(тюремные фотографии)

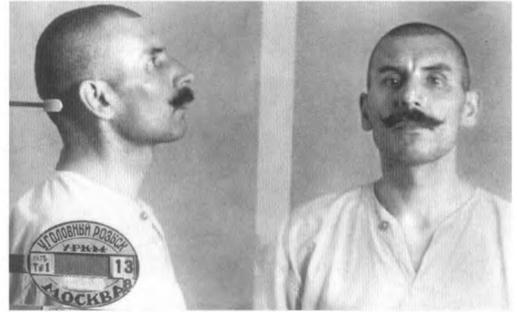
Московская
рабоче-крестьянская
милиция

«Милиционеры
30-х гг. меньше
всего думали
о себе».
*(«Действительно
народная...»
М., 1977)*

Самый почетный
пост – Красная
площадь. Москва,
начало 1930-х гг.

Участковый инспектор речной милиции Б. М. Куровальчик. Расстрелян 08.12.1937 г. и захоронен в Бутове (тюремная фотография)

Начальник 40-го отделения милиции г. Москвы И. В. Райко. Расстрелян 20.08.1938 г. и захоронен в Бутове (тюремная фотография)

Рабоче-крестьянская милиция на улицах Москвы, 1937 г.

Начальник УРКМ г. Москвы Л. Д. Буль. Расстрелян и захоронен на территории спецобъекта «Коммунарка» 28.07.1938 г. (тюремная фотография)

Болшевская трудкоммуна № 1 им. Г. Ягоды.
 Воспитанники со своим воспитателем
 С. П. Богословским (крайний справа).
 Расстрелян 10.02.1938 г. и захоронен
 на спецобъекте «Коммунарка»

Директор клуба Н. М. Михайлов. Расстрелян 28.02.1938 г. и захоронен
 в Бутове. Тюремная фотография и удостоверение

Митинг на открытии новой фабрики
 по производству спортивной обуви в Болшевской коммуны

«Националы», расстрелянные и захороненные в Бутове

Л. Э. Шапельский, польский студент. Проходил по делу «ПОВ».
Расстрелян 31.05.1938 г. (тюремная фотография)

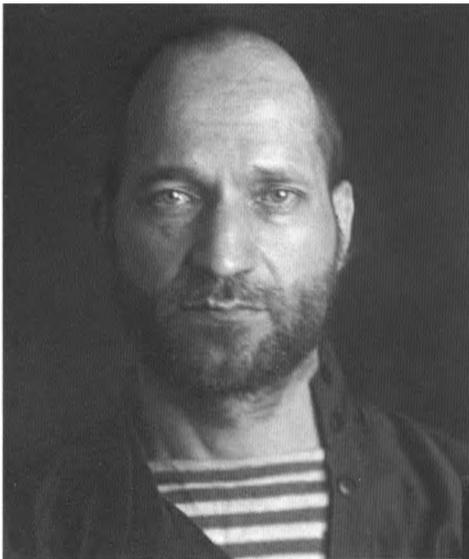
Австрийский скульптор Франц Лешанц, шутцбундовец.
Расстрелян 10.08.1938 г.

Учащиеся немецкой школы им. К. Либкнехта
в Москве. Школьный
оркестр под управлением учителя
Курта Бертрама (идет впереди оркестра).
Расстрелян 03.02.1938 г.

Немецкий киноактер, снимавшийся
в совместных советско-немецких фильмах
Бруно Шмицдорф. Расстрелян 28.02.1938 г.
(слева – фотография, сделанная
за несколько лет до ареста,
справа – тюремная фотография)

Один из первых советских дипкурьеров
Г. А. Галайда-Понятовский.
Перед арестом — экономист
райжилуправления. Расстрелян 04.06.1938 г.
(тюремная фотография)

Жертвы «латышской
операции», расстрелянные
и захороненные в Бутове

Актрисы латышского
театра «Скатува»:
вверху — З. В. Боксберг,
внизу — Л. С. Берзина.
Расстреляны 03.02.1938 г.
(тюремные фотографии)

Справа — руководитель
хореографического кружка
при Латышском
клубе Н. Зубов.
Расстрелян 28.02.1938 г.
(тюремная фотография)

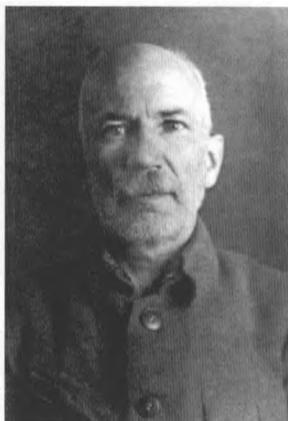
Участники одной из воскресных
экскурсий, организованных московским
Латышским клубом, 1928 г. Крайний
справа (стоит) — заведующий клубом
И. Апин. Расстрелян 20.03.1938 г.

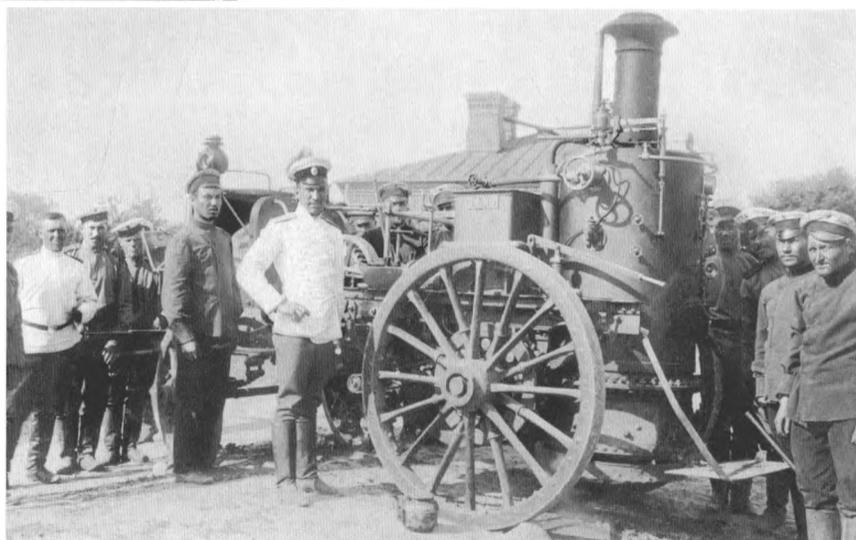
Авиаторы, расстрелянные
и захороненные в Бутове

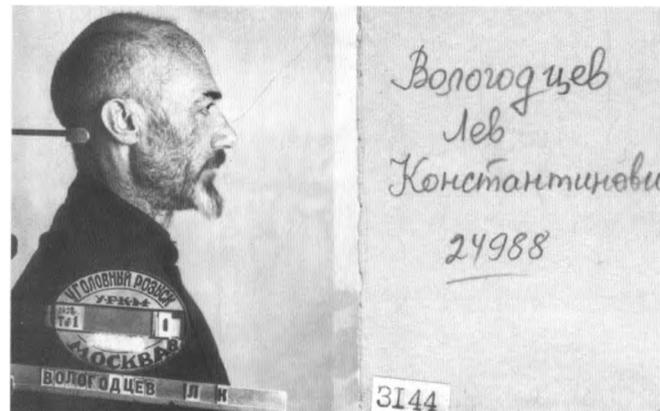
Один из первых русских летчиков
Н. Н. Данилевский (второй справа),
У самолета «Фарман-IV» на аэродроме
в Гатчине, 1910 г.

Н. Н. Данилевский.
Расстрелян 21.02.1938 г.
Слева – фотография начала
1910-х гг., справа –
тюремная фотография

У паровой машины. В центре в белом
кителе – Н. Н. Данилевский, 1911 г.

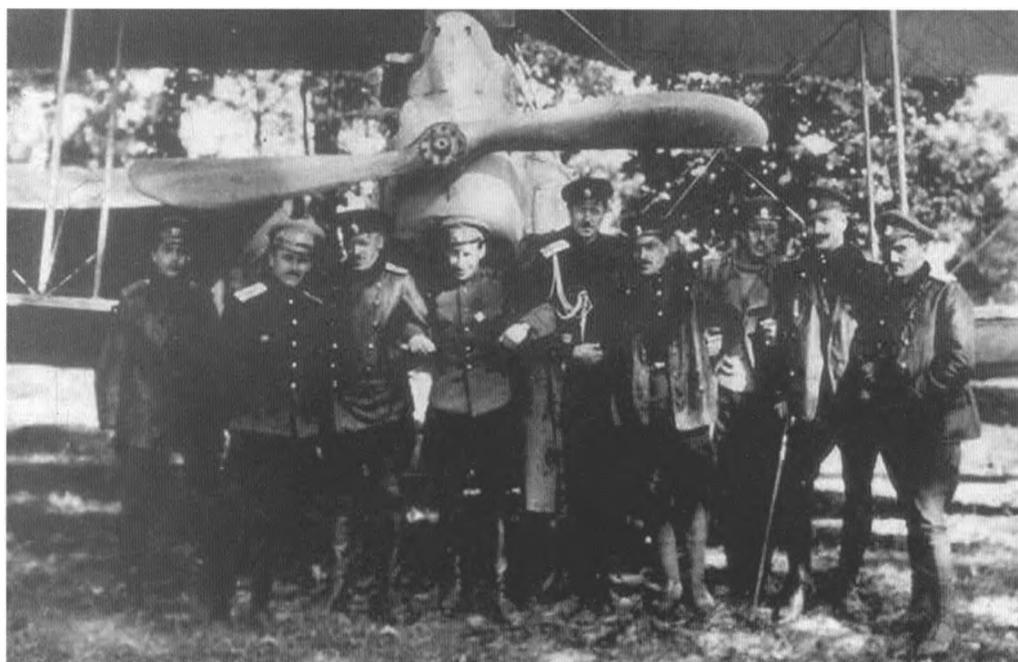

Начальник штаба Центрального управления санитарной авиации полковник Л. К. Вологодцев. Расстрелян 02.10.1938 г. (тюремная фотография)

В центре – северный перелет. Второй слева – Л. К. Вологодцев. Фотография 1910-х гг.

Летное братство.
Л. К. Вологодцев (в центре)
с коллегами
и друзьями у самолета
(нижняя фотография)

Генералы царской армии,
расстрелянные и захороненные
в Бутове

Из альбома генерала царской
армии Е. И. Мартынова
«На учениях в г. Пскове, 1903 г.».
Четвертый слева —
Е. И. Мартынов

В штабе 5-й армии генерала
Плеве. Сидят: слева — начальник
штаба генерал Е. К. Миллер, позже
руководитель РОВС (вывезен
из Парижа и тайно расстрелян
в Москве), справа — начальник
артиллерийской части штаба
Б. И. Столбин.

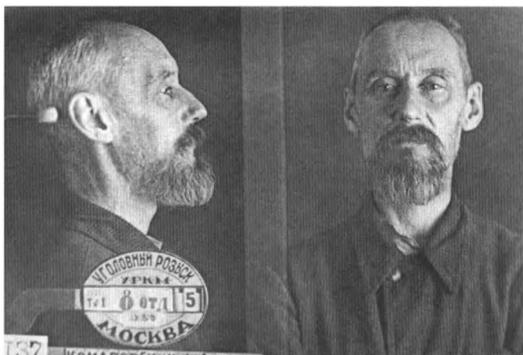

Вверху — Б. И. Столбин.
Расстрелян 11.12.1937 г.
Внизу — Е. И. Мартынов.
Расстрелян 11.12.1937 г.
(тюремные фотографии)

Московский губернатор, позже – товарищ (помощник) министра внутренних дел, генерал-лейтенант В. Ф. Джунковский (фотография 1907 г.). Расстрелян 26.02.1938 г. и захоронен в Бутове

Художники, расстрелянные и захороненные
на Бутовском полигоне

В. А. Комаровский, иконописец,
«бывш. граф». Расстрелян 05.11.1937 г. (тюремная
фотография)

Икона Божией Матери «Донская»,
написанная В. А. Комаровским в 1918–1919 гг.
для часовни имения в Измалкове.
Была найдена через семьдесят лет. Находится
ныне в Покровском храме
Свято-Данилова монастыря в Москве

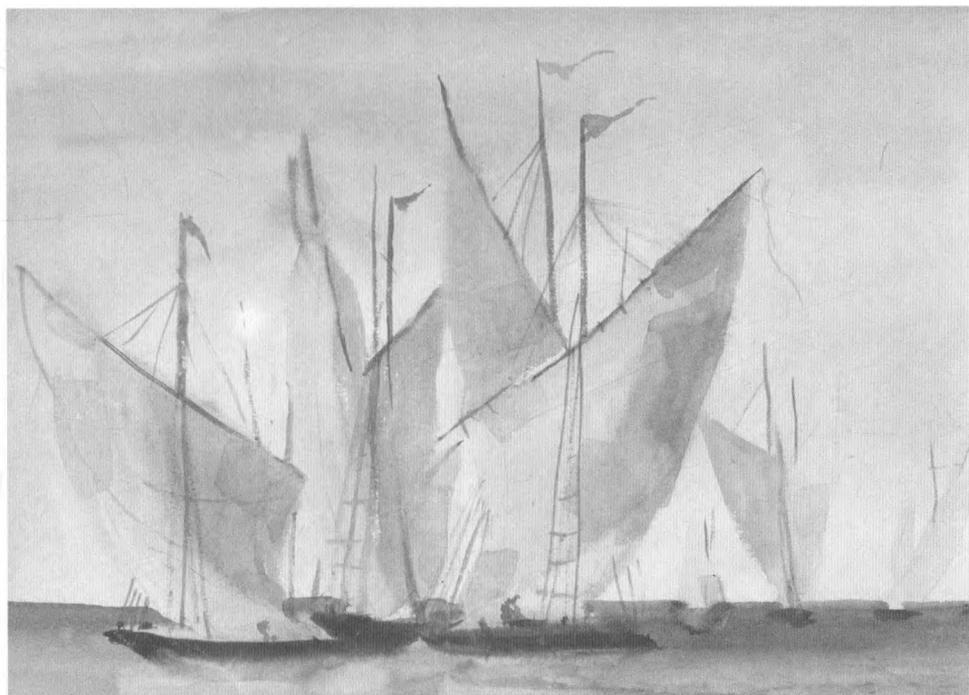

«Сафоновская лесенка». Пятая справа – Аня Сафонова (в замужестве Тимирева). Во главе семейства – Б. И. Сафонов, замечательный музыкант, дирижер, основатель русской фортепианной школы, строитель и директор Московской консерватории

Художник В. С. Тимирев. Арестован как сын адмирала С. Н. Тимирева и пасынок А. В. Колчака. Расстрелян 28.05.1938 г. (тюремная фотография)

Слева – эскиз игрушки работы В. Тимирева для Загорской экспериментальной фабрики игрушки, начало 1930-х гг.
Внизу – акварель «Паруса», 1938 г.

Священномученик Серафим
(Чичагов)

Богослужения в Бутове

Божественная литургия,
возглавляемая Патриархом
Московским
и всея Руси Алексием II,
1 июня 2002 г.

Лития о всех невинно
убиенных. Бутовский
полигон, 1 июня 2002 г.

Торжественная закладка нового храма. Совместное молитвенное общение представителей двух православных церквей. Справа – Святейший Патриарх Алексей II, слева – Предстоятель Православной Зарубежной Церкви митрополит Лавр, 15 мая 2004 г.

Священномученик
Кронид (Любимов)

Архитектурный план-чертеж
нового храма в честь
Св. Новомучеников
и Исповедников Российских
в Бутове
(строится на пожертвования
частных лиц)

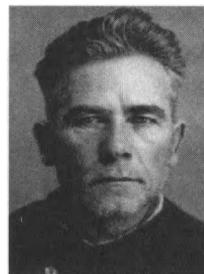

Воскресная школа при храме
Свв. Новомучеников
и Исповедников Российских
в Бутове.
Рисунок ученицы школы
Ани Кузнецовой
(Южное Бутово, 8 лет),
2003 г.

Дети – участники крестного
хода около храма в Бутове.
Зима 2004 г.

Верховного Суда СССР, затем — на расстрел. Здесь сидела в одиночке жена В. М. Молотова П. С. Жемчужина, тут мучили и увезли отсюда на расстрел писателя И. Бабеля. Пятьдесят два вида пыток насчитал в Сухановской тюрьме заключенный Евгений Гнедин⁹⁸. Условия содержания здесь были таковы, что многие сходили с ума. Для сумасшедших, по свидетельству советского разведчика Д. А. Быстролетова, был отведен целый отсек⁹⁹. Тюрьма была небольшая, человек на 150, и предназначалась для представителей высшей партийной элиты, руководителей Коминтерна, высокопоставленных иностранцев, дипломатов, разведчиков, чекистов, директоров крупных предприятий, их жен и родственников. Иной раз попадали сюда и обыкновенные заключенные, даже студенты, если они слишком уж упрямылись на следствии. Подследственных, находящихся в Бутырской тюрьме, следователи пугали Лубянкой, тех, кто сидел на Лубянке, страшали Лефортовской тюрьмой, ну а тем, кто находился уже в Лефортове, грозили Сухановкой. Все знали, что это конец; худшего быть не может. Ходили упорные слухи, что в монастыре в бывшем Екатерининском соборе был оборудован «маленький крематорий» — «на несколько человек». Об этом, хвастаясь, говорили в 1950-х гг. люди из тюремной обслуги. Но документов, подтверждающих такие свидетельства, конечно нет и быть не может.

Вверху — С. Ф. Реденс,
начальник УНКВД по МО,
Расстрелян в Москве
22.01.1940 г.
Внизу — генерал
П. Г. Понеделин.
Расстрелян
в Москве 25.08.1950 г.
Оба — заключенные
Сухановской тюрьмы
(тюремные фотографии)

Свято-Екатерининская
пустынь, где была
оборудована
Сухановская тюрьма.
Бывший следственный
«бериевский» корпус
(фотография начала
1990-х гг.)

Сухановка располагалась к востоку от Бутова. А к западу от него на территории совхоза НКВД «Коммунарка» находился упоминаемый уже не раз спецобъект «Коммунарка»; там также расстреливали и хоронили (может быть, только хоронили) тысячи людей. По неполным данным в «Коммунарке» захоронено со 2 сентября 1937 по 16 октября 1941 г. шесть с половиной тысяч расстрелянных (первоначально сотрудники ФСБ предполагали, что здесь лежит от десяти до четырнадцати тысяч человек). Как и Сухановка, спецобъект «Коммунарка» предназначался для высших лиц государства: наркомов, зам. наркомов, министров. Из одного только Дома Правительства в Москве (ул. Серафимовича, 2) здесь захоронено около двухсот человек. Иные, как, например, главный редактор «Известий», кандидат в члены ЦК ВКП(б) Н. И. Бухарин и бывший заместитель председателя ГПУ-ОГПУ, перед арестом кандидат в члены ЦК ВКП(б) И. С. Уншлихт, проживали перед арестом в самом Кремле. В «Коммунарке» перед войной полег цвет армии — легендарные комдивы, комкоры, командующие флотами, представители разведки и контрразведки (в их числе горячо любимый муж Марины Цветаевой Сергей Андреев-Эфрон). А вначале «Коммунарка» предназначалась только для расстрелянных чекистов. Здесь был расстрелян и захоронен бывший заместитель Дзержинского

Спецобъект НКВД «Коммунарка». Следы старой дороги, ведущей к поляне с предполагаемыми захоронениями расстрелянных

Я. Х. Петерс, другого заместителя Ф. Э. Держинского, М. И. Лациса, расстреляли и захоронили во рвах Бутовского полигона. В земле «Коммунарки» лежат известные литераторы, писатели — Борис Пильняк, Артем Веселый, сотрудники более пятидесяти книжных, газетных и журнальных издательств. В отличие от Бутова, священников здесь почти нет: один лишь подвижник Русской Православной Церкви отец Павел Боротинский и еще несколько представителей обновленческой «красной» церкви. Кроме перечисленных групп людей, здесь захоронены работники разных видов промышленности и транспорта; особенно много железнодорожников — от начальников железных дорог до стрелочников и мойщиков паровозов.

Систематические захоронения здесь так же, как и в Бутове, производились до середины октября 1938 г. В 1939 г. это были единичные случаи. Данных о расстрелах 1940 г. пока не имеется. Но вскоре после начала войны, всего за три дня — 27, 28 и 30 июля 1941 г., было уничтожено свыше 500 человек. В тот день, когда Москва была в наибольшей опасности, 16 октября, расстреляли еще 220 человек; в их числе были жены ранее казненных военачальников (Корка, Уборевича, Тухачевского, Гамарника и др.). Многие из расстрелянных здесь предварительно прошли через Сухановскую тюрьму, других специально для расстрела привезли из отдаленных лагерей НКВД: Темниковских, Астраханских и др. Не может быть, чтобы и в Бутове в те же первые дни войны не происходила срочная «ликвидация» негодных «элементов», проживавших в Москве и области.

Осенью 1941 г. спецобъект «Коммунарка» был брошен. По одним сведениям, пожар на бывшей даче Ягоды все уничтожил до основания — вместе со сторожевыми собаками, привязанными к дому, по другим — местные жители на подводах благополучно растащили по домам вещи, посуду и даже мебель из брошенного спецобъекта*. По дощечке был унесен и деревянный забор вокруг объекта длиной почти в два километра. Сухановская тюрьма ненадолго была эвакуирована летом 1941 г. Но в январе 1942 г. она снова функционировала, принимая преимущественно военачальников, вышедших вместе с остатками своих частей из окружения, офицеров, вернувшихся или бежавших из плена. Здесь же содержались пленные генералы и офицеры иностранных армий.

Я. Х. Петерс. Расстрелян 25.04.1938 г. и захоронен на спецобъекте НКВД «Коммунарка»

М. И. Лацис. Расстрелян 20.03.1938 г. и захоронен в Бутове. Я. Х. Петерс и М. И. Лацис — заместители Ф. Э. Держинского в 1920-х гг. (тюремные фотографии)

* Возможно, имело место и то и другое, т. е. и пожар, и расхищение бывшей дачи Ягоды.

* Заведующим гаражом был местный житель, сотрудник НКВД; о его других, скрытых от глаз обязанностях говорили шепотом; сам же гараж именовали «Федоровским».

Какими общими проблемами и заботами были связаны Сухановка, Бутовский полигон и спецобъект «Коммунарка», пока непонятно. Известно только, что Ежовым была заасфальтирована шестикилометровая дорога, ведущая от Сухановки к полигону, и дорогу эту в народе некоторое время называли «Ежовской». Провели также железнодорожную ветку от станции Бутово к совхозу «Коммунарка», соединив воедино все три объекта.

В 1942—1943 гг. Бутовский полигон из ведения Московского управления НКВД перешел в ведение Центра. С этих пор приведение приговоров в исполнение и захоронение тел по приговорам судебных органов, относящимся к ведению Центра, должно было происходить именно в Бутове. Спрашивается, где же тогда хоронило свои жертвы Московское управление и где документы Центра за эти годы, где документы Московского управления?

Какое-то очень непродолжительное время полигон использовался по своему прямому назначению: здесь испытывали корпуса ЗИС-110с, предназначенные для Сталина. Три его машины стояли тут же в гараже*.

Бутовская сельскохозяйственная колония НКВД в годы войны продолжала действовать. А вскоре и здесь, в Бутове, и на Щербинке были устроены лагеря для военнопленных. Неподалеку от Бутовского полигона по правую сторону от дороги выстроили бараки для них. Немцы работали на строительстве Симферопольского шоссе и на Бутовском кирпичном заводе**. Все заключенные — и наши, и немецкие военнопленные — отчаянно голодали. Они ели кору, варили в консервных банках какие-то корешки и нередко умирали от отравления. Деревенские русские женщины жалели и наших, и немцев, несмотря на то что у многих в это время мужья находились на фронте. Они старались передать через колочую проволоку вареную картошку, хлеб, молоко. Охранники строго следили, чтобы заключенным ничего не попало, они отнимали еду, а крынки с молоком разбивали о деревья. На полях находили умерших от голода людей, которые не в силах были дойти до ночлега.

В эти голодные годы жители деревни Дрожжино стали свидетелями чудовищных сцен, которые ни от кого тогда не скрывались. Обычно к вечеру со стороны Щербинки показывались одна или несколько грабарок с высокими рас-

** Кирпичный завод в Ново-Никольском, на котором в годы войны работали немецкие военнопленные — это бывший завод купца 2-й гильдии, потомственного почетного гражданина В. А. Александрова. При заводе когда-то имелась квартира пристава и устроенная супругами Александровыми единственная на всю округу больница.

ширяющимися кверху бортами, с длинными слегами позади. Грабарки были доверху наполнены страшным грузом. Из-под брезента торчали голые человеческие ноги. На телегах вповалку лежали мертвецы. Деревенские ребятишки, издавдалека завидев грабарки, кричали своим матерям:

— Грабарки, грабарки едут, побежали смотреть.

Ребята догоняли какую-нибудь из грабарок, цеплялись на ходу за слегу и клянчили:

— Дядя, прокати!

Возница отвечал устало:

— На обратном пути.

Перед съездом с крутой горы изможденный возница, боясь, что не сможет удержать лошадей, соскакивал с телеги и выпускал вожжи. Лошади под тяжестью груза все убыстряли шаг, потом с середины горы уже мчались, не помня себя, и останавливались только внизу. Тела по дороге вываливались, их разбрасывало далеко по сторонам. Деревенские жители молча, не задавая вопросов, помогали собирать их специальными крючьями, которые были в запасе у возницы. Среди умерших, говорят, было много подростков, на вид почти детей. Кто были эти умершие, немцы ли, наши ли, никто не знал. На краю старинного кладбища уже

Овраг напротив
дер. Дрожжино, где
закапывали в военные
годы тела неизвестных
умерших
(фотография 2004 г.)

Секретный объект НКВД
«Архив 1949»

за колючей проволокой на территории «зоны» были заранее приготовлены ямы. Какие-то люди брали умерших за руки и за ноги и, раскачав, бросали в яму.

А ребята на обратном пути все-таки забирались в опустевшую телегу к вознице и ехали с ним через поле. Когда он высаживал их, то просил всегда «хлебушка». Ребята мотали головами, мол, нет ничего. «Ну, хоть столечко», — умолял он и показывал с четверть ладони.

Об этих грабарках знали тогда все жители Дрожжино, а семья Ермоловых, чей дом стоял на горе с краю, видела происходящее прямо с крыльца своего дома. А ведь именно на этой горе в Дрожжине когда-то ставились качели, и веселая нарядная молодежь водила хороводы, пела песни. Как же случилось, что так осквернили родную землю?!

В 1946—1949 гг. бывший конный двор Зимины подвергся кардинальной перестройке. На фасаде здания появилась доска с выбитой на ней надписью «АРХИВ 1949». Но никакого архива здесь никогда не было. В деревне Дрожжино жил человек, участвовавший в перестройке здания. Он рассказывал, что здесь были устроены три подземных этажа очень большой вместимости, с южной стороны надстроен второй этаж. По внешнему облику здание больше всего напоминало тюрьму. Возможно, это и была тюрьма. Одна из местных жительниц прямо говорила, что была надзирательницей в этой тюрьме*. Местный житель, устраи-

* Временами у нее были еще и другие обязанности; она рассказывала, что сопровождала детей арестованных родителей в детские дома, развозя их по городам и весям страны.

вавший электропроводку в здании так называемого «Архива», рассказывал, что нижний этаж этих подземелий располагался на десятиметровой глубине; по обе стороны длиннейшего коридора имелось множество дверей. Из здания на поверхность земли, кроме главного, вели еще два потайных выходы.

По рассказам местных жителей, какое-то время в подвальных этажах этого здания хранились крупногабаритные вещи, конфискованные при арестах. Упоминают о трофейном автомобиле (он стоял во дворе) и столе, раскладывавшемся на сорок персон; эти, возможно, и другие вещи, хранившиеся здесь, принадлежали до ареста певице Лидии Руслановой и ее мужу генералу В. В. Крюкову. Стол брали отсюда для банкетов в школу спецслужб. А потом его то ли подарили, то ли продали уехавшим офицерам-иностранцам. Пропал и чехол от автомобиля из натуральной кожи. И был скандал. Должно быть, конфискованными вещами тут потихоньку подторговывали.

Здание до самого последнего времени охранялось с собаками. Собаки были злоющие, готовые загрызть любого, кто к ним приближался*.

Штат сотрудников на полигоне разрастался, многие заводили семьи. Одним стали предоставлять квартиры в Купавне, в Кучине. Других обещали поселить здесь же в новых домах. Братья Федоровы и Зинаида Чернопищук с сыновьями все годы прожили в старых барских строениях прямо на полигоне.

— Так страшно было, — рассказывала З. Чернопищук, — иной раз и день, и ночь напролет палат, уснуть не-

* До конца 1980-х гг. патрули обходили это здание каждые два-три часа.

«Маленькая тюрьма»
послевоенных лет
на Бутовском полигоне
Слева — коридор
бывшей тюрьмы,
справа — камера
(фотографии 2004 г.)

* Автору довелось услышать такой диалог между двумя женщинами, работавшими здесь сторожками в 1980-х гг.: «Я без стакана водки туда не хожу, — говорила одна. — Боюсь». «А я не боюсь, — хвасталась другая. — Чего мне бояться? Мой муж Берни не служил, невинных людей не расстреливал. Я — со крестом, со святой водичкой».

Сараи местных жителей, поставленные на погребальном рву, ныне снесены (фотография начала 1990-х гг.)

возможно. Мы и начальству уже жаловались. А оно: «Потерпите немного. Вот построим дома, будете жить в тепле, с электричеством».

В конце 1940-х или самом начале 1950-х гг. в юго-восточном углу полигона было выстроено еще одно здание непонятного назначения. Местные и теперь называют его: «маленькая тюрьма». Оно было обнесено своим особым забором. Об этом здании ходило много темных слухов. Даже в 1990-х гг. о нем говорили с опаской*. Через одноэтажное здание шел сквозной коридор; по правую сторону от него находились темные сырые помещения, довольно вместительные, напоминающие тюремные казематы с зарешеченными окошками под потолком; по левую — нормальные светлые помещения. Уверяли, что в этом здании в поздние годы (сталинские и послесталинские) производились расстрелы, и все было для этого приспособлено: устроен кровосток, вентиляция, ведущая куда-то в бункер, и проч.

По рассказам местных жителей, в середине 1950-х гг. в этом здании жил с семьей какой-то человек. Он проводил здесь, как на даче, летние месяцы, а затем уезжал в Москву. Местные поговаривали, что это был один из бывших «расстрельщиков».

Кроме «склада-архива», немецкими военнопленными были спроектированы и построены шоссе до Симферопольской трассы и водонапорная башня рядом с Бутовским полигоном. После войны по проекту военнопленных было начато строительство кирпичных домов поселка. Строили уже вольнонаемные: двухэтажные — «красный» и «белый» дома построены в 1950 г., трехэтажный — в 1951 г. Тогда же выстроили котельную, магазин и аптеку (на втором этаже), баню, которая долгие годы называлась «бериевской», т. к. сооружена была по приказу Лаврентия Павловича, очевидно, бывавшего здесь.

Один из домов предназначался под квартиры для начсостава НКВД (тогда — МГБ), другой был общежитием для сотрудников, в третьем доме разместилась школа МГБ. Школа секретных служб была устроена здесь или в конце войны, или сразу после нее и предназначалась для учащихся из стран Восточной Европы, недавних партизан и военных, сражавшихся на стороне Красной Армии. Здесь с 1946 г. обучалась командир партизанского отряда майор

«Белый дом». Бывшая школа спецслужб НКВД («Учебка»)

Йованка Будизавлевич. (В 1952 г. она, экономка Иосифа Броз Тито, «по заданию» соответствующих служб стала его женой)¹⁰⁰.

В 1951 г. по проекту и под руководством сотрудника комендантского отдела ХОЗУ МТБ СССР Н. Н. Рогожина была сооружена плотина и устроен второй пруд, в нем развели рыбу. Пудовых карпов позволялось ловить по разрешениям и только сотрудникам МТБ, да и то далеко не всем. Когда замечали с удочкой кого-нибудь из деревенских, открывали стрельбу наугад. Местные не сомневались, что могут нечаянно и подстрелить, но все равно, рискуя жизнью, таскали на рассвете «генеральских» карпов.

На территории полигона в здании бывшей комендатуры был устроен дом отдыха «одного дня». Сюда приезжало развлечься и отдохнуть от трудов праведных высшее начальство, иногда с семьями, иногда без семей. Отдыхающим предоставлялось все, что полагается в этих случаях: выпивка, рыбалка, раки, шашлычки, девочки...

Как известно, в годы войны и в первые послевоенные голы расстрелы были довольно многочисленны. Где происходили они, где совершались захоронения расстрелянных? Точных сведений нет, но, судя по некоторым косвенным данным, Бутовский полигон продолжал действовать как место захоронения.

В годы пребывания здесь иностранцев местной молодежи разрешалось в определенные часы приходить к ним в клуб. Девушки зачастили сюда на танцы, предпочитая общительных и воспитанных иностранцев своим ребятам*.

* Танцы происходили, как это ни странно, и рядом с Сухановкой, буквально в ста метрах от стены одного из самых секретных объектов НКВД. «Если бы мы только знали!» — восклицают теперешние бабушки, бегавшие тогда на танцы. Они-то, действительно, не знали, да их кавалеры, надзиратели и следователи НКВД, прекрасно знали, в какой тюрьме они работали и после какой работы они тут отплясывали.

Дрожжинские выселки.
Дом Лазуткиных
(фотография 2003 г.)

Танцы проходили в клубе школы, а в теплое время года на площадке перед школой. Танцевали под аккордеон до двенадцати часов ночи. Но ровно в полночь, словно из-под земли появлялись люди, которые прекращали гулянье и следили, чтобы ни одного человека не осталось на территории, примыкающей к полигону*.

После войны сады, оставшиеся от прошлых хозяйств, продолжали обрабатывать советские заключенные. Их было человек'пятьдесят-шестьдесят. Охрана состояла всего из восьми человек. Вокруг полигона росли редкие сорта яблонь, груши, слива, вишня, кусты малины, смородины. Дети, по наущению родителей, приносили охранникам корзинки с едой, а те возвращали корзинки, наполнив их отборной клубникой, которую высаживали теперь на погребальных рвах. Чекисты между собой даже стали называть полигон «Клубничная плантация». Этим подсобным хозяйством заведовал «агроном-интеллигент М. С. Репин». Запомнился он местным жителям больше всего тем, что объезжал свои угодья на белом коне. При Репине был разбит на территории полигона новый яблоневый сад, который так и называли — репинским. Жил Репин напротив полигона, в деревянном доме, стоявшем рядом с бывшей комендатурой.

Над плотиной на горе в очень красивом месте издавна находилось крестьянское хозяйство, называвшееся Дрожжинские выселки. С 1914 г. там жила семья Лазуткиных. Последний хозяин выселок, Михаил Ефимович Лазуткин в молодости работал конюхом у Зимина, потом служил

* Школа спецслужб стран Восточной Европы была закрыта после XX съезда партии.

шофером на каком-то заводе. В 1937—1938 гг. и в последующие годы Лазуткины продолжали жить в своем доме, хоть он и оказался внутри закрытой спецзоны. В середине войны М. Е. Лазуткин был призван на фронт и служил в войсках СМЕРШ. Вернувшись целым и невредимым, он продолжил службу в органах госбезопасности. В дом на выселки к нему, как к «своему», любили приходить его знакомые «комитетчики» с полигона. Посторонних они не выносили. Когда они приходили, то даже хозяйку дома, жену Михаила Катерину, выставляли из дома; она отправлялась к родне в Дрожжино или копалась на огороде. Михаил же и его гости часами сидели, пили и разговаривали о своем, сокровенном, им одним известном. А знали они много. Знали, но никому не рассказывали.

Территория полигона в 5,8 гектара, где были сосредоточены наиболее массовые захоронения, в 1951 г. обнесли высоким деревянным забором, протянули по верху колючую проволоку. Погребальные рвы выходили за пределы огороженной территории, но это никого не смущало. На одном из рвов был выстроен барак, в котором хранились сначала какие-то трофейные киноплёнки, потом мешки то ли с письмами, то ли с документами, затем в нем был устроен свинарник подсобного хозяйства МТБ.

С 1952 г. сады вокруг огороженной части полигона стали выкорчевывать. На их месте началось строительство дач для сотрудников — офицеров госбезопасности. Руководст-

Северо-западный угол
территории Бутовского
полигона

* Так же осведомлены были обо всем дети, жившие в стенах бывшей Сухановки. Когда много лет спустя бывший сухановский узник, председатель общества «Возвращение» С. С. Виленский посетил место своих прошлых страданий, маленький мальчик из местных, взяв его за руку, сказал: «Дядя, пойдем, я покажу тебе, где здесь расстреливали».

Подземка, соединявшая центр Москвы со спецобъектами на юге области. По рассказам бывших сотрудников НКВД, такая же дорога проходила под Бутовым (фотография с сайта www.metro.ru; Метро-2)

вом разрешено было ставить только небольшие легкие дачки — без глубоких фундаментов и без погребов. Вместе со взрослыми дачниками в поселке появились дети. Вездесущие мальчишки стали буквально бичом для охранников спецобъекта. Огороженная территория не давала покоя юным жителям. Они то залезали на деревья, чтобы заглянуть внутрь, то расковыривали дырки в заборе. За ребятами гонялись, их наказывали, но ничто не помогало. Иногда мальчишек забирали в комендатуру, и их приходилось вызывать оттуда с помощью родителей или даже председателя совхоза. Как-то раз одного из маленьких дачников, пытавшегося подглядеть, что делается во дворе «склада-архива», поймали за шиворот и посадили в подвал здания. Мальчишка сумел выбраться из запертого помещения, но в поисках выхода совершенно заблудился в подземных переходах. Его искали потом два часа.

Один из таких бывших мальчиков, А. Г. Дмитриев, рассказывал, что все они, дети офицеров МГБ, «некоторые из которых входили в институт исполнителей», прекрасно знали, что за деревянным забором находятся ямы и рвы, где хоронили трупы расстрелянных*.

Надо сказать, что именно детям было отдано преимущество находиться в соседстве с полигоном смерти. После закрытия школы спецслужб НКВД, или, как называли ее местные жители — «Учебки», на половине ее помещений с 1954 г. разместилась начальная Новоникольская школа. В здании бывшей комендатуры, расположенной прямо напротив полигона, тогда же был устроен пионерлагерь для детей чекистов. Сменивший его детский спортивный лагерь существовал до начала 1990-х гг., пока пожар не уничтожил все строения.

В начале 1970-х гг. обветшавший забор вокруг зоны захоронений был обновлен. Многие из тех, что жили и работали на полигоне или ездили на работу на площадь Дзержинского, 2, уже и не знали, что здесь происходило 30—35 лет тому назад. Тогда же, в 1970-х гг., житель деревни Дрожжино Витя Мамочкин, спрятавшись в кустах, смотрел, как в орешнике справа от «склада-архива» жгли горы бумаг. Их привезли сюда в двух крытых железных фургонах. Был дождливый день, и какие-то люди в плащах с остроконечными капюшонами стояли и молча смотрели, как горели документы...

Забор Бутовского полигона, построенный в 1951 г. и обновленный в 1973 г.

До конца 1980-х — начала 1990-х гг. молодые сотрудники НКВД, служившие в охране на Бутовском полигоне, и понятия не имели, что они тут круглосуточно охраняли и какую такую ценность представляли собой одичавшие яблони или непроходимые заросли гигантского ядовитого борщевика.

Казалось, все было сделано для того, чтобы правда о Бутовском полигоне никогда не была обнаружена и чтобы поле с десятками тысяч расстрелянных и захороненных тут людей навсегда затерялось среди других полей Подмосковья. Но приходит срок, «тайное становится явным», и правда, как она ни горька, делается достоянием истории.

Поиски и исследования

В октябре 1988 г. на Съезде народных депутатов и в декабре того же года на заседании Политбюро ЦК партии были приняты решения о реабилитации незаконно репрессированных лиц, осужденных по 58-й статье УК РСФСР.

Тогда же был поднят вопрос о розыске мест массовых захоронений. В соответствии с принятыми постановлениями Центральный аппарат КГБ и региональные управления выделили сотрудников для работы по реабилитации. В 1989 г. были реабилитированы по стране сотни тысяч невинных жертв репрессий.

В 1991 г. была создана специальная группа, которую возглавил начальник подразделения Центрального архива МБ РФ подполковник О. Б. Мозохин. Группой Мозохина в фонде № 7 были найдены документы, свидетельствующие

* Нужно учесть еще, что в Москве часто приводились в исполнение приговоры в отношении лиц, осужденных в других республиках, краях и областях, так что фактически число расстрелянных по Москве и Московской области в эти годы могло быть в несколько раз больше.

о массовых захоронениях в Москве — на территории Яузской больницы, на Ваганьковском и Донском кладбищах. Вместе с тем в документах фонда имелся большой массив актов о приведении приговоров в исполнение за период 1937—1938 гг. без указания мест захоронений.

Эти сведения благодаря инициативе тогдашнего начальника Архивного управления МБ генерала А. А. Краюшкина и бывшего руководителя пресс-службы Московского управления МБ подполковника (ныне генерала) А. Г. Михайлова стали широко известны общественности. Обратного хода уже быть не могло.

По предварительным подсчетам из числа жертв массовых репрессий 1937—1938 гг. оставались неучтенными свыше 27 тысяч расстрелянных москвичей и жителей Московской области*.

В Московском управлении МБ РФ была также создана своя внештатная группа по реабилитации. Эта группа состояла сначала из восьми сотрудников, но затем число их увеличилось до сорока человек. Руководителем группы стал полковник госбезопасности Н. В. Грашовень, чье детство, между прочим, прошло в дачном поселке НКВД, рядом с полигоном, и который, конечно, не мог не слышать о местном захоронении. Но требовались документальные подтверждения, а их не было. Объем работ, связанных с реабилитацией, оказался так велик, что силами одних сотрудников госбезопасности было трудно с ним справиться. Поэтому по решению Коллегии МБ РФ к работе группы были привлечены члены научно-просветительского общества «Мемориал», которые начали работать в архиве МБ РФ**.

Из числа расширенной группы приказом начальника Московского управления было создано подразделение, которое занялось поисками мест массовых захоронений.

Бутово как место массовых расстрелов и захоронений не всплывало ни в рассказах, ни в допросах сотрудников НКВД, имевших прямое или косвенное отношение к расстрелам 1930—1950-х гг. О Бутове не было сказано ни слова ни во времена так называемой «бериевской реабилитации», ни во времена «хрущевской оттепели», ни позднее.

«Мы видели множество дел, — рассказывал работавший по поискам мест расстрелов и захоронений 1936—1953 гг. полковник госбезопасности Кириллин, — где сто-

** В группу Н. В. Грашовеня входили сотрудники МБ РФ по МО: М. Е. Кириллин (заместитель Н. В. Грашовеня), И. В. Ерофеев, В. Н. Левицкий, С. И. Парфенов, Н. С. Грищенко.

яли резолюции Хрущева в справках на арест людей, ставших негодными тоталитарному режиму». «Конечно, сказать всю правду Н. С. Хрущев не мог, потому что, сказав ее до конца, и сам Хрущев, и все его окружение, и все подчиненные становились такими же кровавыми соучастниками всего, что творилось в стране в те годы. И появилась полуправда, которая состояла в том, что значительно уменьшалось число расстрелянных за годы репрессий, в том, что составлялись и посылались родственникам казненных фиктивные заключения о смерти»*. Поиски продолжались.

Но все же первыми о Бутове как месте захоронения говорили не чекисты, а журналисты. А. А. Мильчаков — сын расстрелянного в сталинские годы Первого секретаря ЦК ВЛКСМ А. И. Мильчакова — опубликовал ряд интересных статей на эту тему в центральных газетах. О Бутовском полигоне как о возможном месте расстрелов и захоронений он узнал по своим журналистским каналам задолго до того, как этим официально занялось Министерство безопасности. Однако все попытки его проникнуть тогда на территорию полигона оказывались тщетными. Не увенчались успехом и поиски документов в недрах НКВД-МБ РФ, подтверждающих расстрелы 1937—1938 гг.

«Даю вам честное партийное слово, что таких документов нет», — уверял его ответственный работник спецслужб. Но в 1991 г., когда на политическом небосклоне страны повеяло иным ветром, «честное партийное слово» оказалось пустым звуком. Документы лежали там, где им и следовало лежать, т. е. в архиве Московского управления МБ. Это были так называемые «расстрельные» книги. Они представляли собой переплетенные в тома предписания на расстрел и акты о приведении в исполнение приговоров к высшей мере наказания. Но даже и там не было ни слова о месте (или местах) исполнения этих приговоров. Несомненно, двум-трем людям, работавшим в органах госбезопасности еще в 1940—1950-х гг., было известно, где совершались казни. Но они молчали. Поиски полигона даже для сотрудников спецслужб стали далеко не простой задачей. Им оказывалось мощное противодействие в стенах их же родного ведомства.

Прошло два года, в течение которых сотрудники МБ-ФСК вели внутреннее расследование, пытаясь найти ка-

* «С 1955 по 1963 г. органы госбезопасности направляли в отделы ЗАГС извещения о регистрации смерти расстрелянных как умерших в местах заключения — с вымышленной датой смерти. С 1963 по 1988 г. смерть расстрелянных регистрировалась в отделах ЗАГС с упоминанием точной даты, но без указания причины... Только с 1989 г. родственники стали получать свидетельства с указанием точной даты и причины смерти». *(Лен инградски ѝ мартиролог. 1937—1938. СПб., 1995. Т. 1. С. 53).* О предполагаемом месте расстрела и захоронения стали сообщать родственникам лишь с 1993 г.

* Встречи с А. В. Садовским состоялись в 1990—1991 гг. (6, 20 декабря 1990 г. и 30 июля 1991 г.). Существует магнитофонная запись бесед и три справки, подписанные участниками встреч — руководителем и сотрудником группы реабилитации КГБ СССР по г. Москве и МО полковником Н. В. Грашовенем и майором В. Н. Левицким, а также председателем комиссии при Моссовете по установлению мест захоронений жертв репрессий, журналистом А. А. Мильчаковым.

кое-то упоминание о местах массовых расстрелов. Но таких упоминаний не было ни в деле коменданта Московского управления Берга, ни в деле зам. начальника Московского управления Семенова, непосредственно отвечавших за приведение приговоров в исполнение в некоей «зоне». Следователи, которые поднимали их дела в 1950-х гг., похоже, знали, где все происходило, но документально это не было зафиксировано.

Чтобы выйти на исполнителей приговоров, сотрудники поисковых групп просмотрели тысячи личных и следственных дел. Но людей, которые могли иметь прямое отношение к расстрелам, либо уже не было в живых, либо они были в таком состоянии, что расспрашивать их не представлялось возможным. Наконец, сотрудникам госбезопасности удалось выйти на одного из бывших работников административно-хозяйственного отдела Московского УНКВД А. В. Садовского. В период с января по октябрь 1937 г. он исполнял обязанности коменданта АХО НКВД. Члены группы трижды встречались с ним*.

Но и тут получить интересующие сведения оказалось достаточно сложно. Первые две встречи проходили в полуконспиративной обстановке, в присутствии жены бывшего коменданта. Разговоры велись на общие темы. Но наконец группа стала получать факты, которые находили подтверждение при розыске некоторых других, знакомых этому человеку лиц. На третью беседу были привезены из архива Московского УМБ «расстрельные» книги, и по подписям исполнителей приговоров бывший и. о. коменданта определенно сказал, что эти расстрелы производились на Бутовском полигоне.

Фуражка сотрудника МБ, брошенная на территории Бутовского полигона (фотография 1996 г.)

Так впервые было произнесено это слово — Бутово.

Местные жители и два водителя автобазы НКВД № 1 также подтвердили наличие здесь объекта, используемого в 1930—1950-х гг. для массовых казней и захоронений. Спецобъект в этом районе оказался даже не один, как первоначально предполагали члены группы. Кроме Бутовского полигона, они обнаружили еще и спецобъект «Коммунарка», находившийся на территории бывшей дачи Ягоды и расположенный километрах в десяти от Бутова.

Сразу возник вопрос о юридическом признании спецзон Бутова и «Коммунарки» местами захоронений десятков тысяч людей. Необходимо было произвести частичную эксгумацию, чтобы по факту обнаружения захоронений возбудить уголовные дела. Убедившись в наличии захоронений, нужно было принимать официальное решение хотя бы о прекращении дела в связи с тем, что нет в живых виновников преступления. Ничего подобного сделано не было, хотя в ряде городов и регионов такие дела были возбуждены, и этот вопрос работниками прокуратуры был решен юридически*.

У нас же в Москве проводившие расследование сотрудники МБ РФ вынуждены были составить простое рабочее заключение о признании Бутовского полигона и спецобъекта «Коммунарка» местами крупнейших массовых захоронений жертв политических репрессий. В заключении, подписанном руководством МБ, предлагалось «считать, что граждане, безвинно расстрелянные в г. Москве в 1936—1953 гг. по политическим, национальным и религиозным мотивам, в отношении которых в архивных материалах ЦА МБ и УМБ по г. Москве и МО отсутствуют сведения о местах захоронения, погребены, вероятнее всего, на территориях в районах подмосковного пос. Бутова или совхоза “Коммунарка”»¹⁰¹. Следом за этим заключением было составлено подобное заключение, но уже только по одному Бутову. Строго говоря, юридической силы ни тот, ни другой документ не имели. Фактически решение о признании захоронений в Бутове и «Коммунарке» были доброй волей и личной смелостью тех людей, которые взяли на себя ответственность за свои утверждения. Сомнения в том, были ли Бутовский полигон на самом деле местом массовых расстрелов и захоронений, оставались до тех пор, пока не произвели частичные археологические раскопки в 1997 г.

М. Б. Миндяин,
руководитель группы
по увековечению памяти
жертв политических
репрессий

* Первоначально этот вопрос был решен юридически в Томске, Ленинграде, затем в других регионах страны.

* Подробные сведения о самоотверженной работе членов группы М. Б. Миндлина и их помощников можно найти в Книге Памяти «Бутовский полигон». Вып. I. С. 5—10.

Что касается захоронений Бутово и «Коммунарка», в некоторых случаях их разделить невозможно. Уверенно можно сказать лишь о той части документов, что находилась в архиве Московского управления МБ. Сотрудники госбезопасности убеждены, что это документы именно на тех, кто расстрелян и захоронен в Бутове, на Бутовском полигоне. А вот с документами, хранящимися ныне в Центральном архиве ФСБ, гораздо сложнее: это может быть Бутово, а может быть и «Коммунарка». Поэтому на запросы родственников о месте захоронения сотрудники ФСБ так и отвечают, что это — «Бутово или “Коммунарка”».

При Моссовете с 1991 г. существовала Комиссия по делам необоснованно репрессированных. Под ее эгидой была создана общественная группа по увековечению памяти жертв политических репрессий. Руководителем ее стал М. Б. Миндлин, бывший «колымчанин», прошедший по 58-й статье УК РСФСР в тюрьмах и лагерях более пятнадцати лет, человек необыкновенной энергии и целеустремленности в деле увековечения памяти невинно убиенных. Поначалу вокруг него объединились бывшие репрессированные и дети репрессированных. Но впоследствии в работе над документами, хранящимися в архивах Москвы, приняли участие и совсем молодые люди*. В июне 1992 г. К. Ф. Любимова, член группы Миндлина, с несколькими помощниками приступила к составлению картотеки и кратких биографических справок для Книги Памяти «Бутовский полигон». Эта работа составила основу для всей будущей многолетней работы группы. Некоторые материалы о расстрелянных на Бутовском полигоне печатались

Работа с архивно-следственными делами в Московском управлении КГБ. Слева направо:

М. Б. Миндлин,
М. Г. Николаев,
П. Ж. Озол, И. В. Ерофеев
(сотрудник КГБ),
К. Ф. Любимова,
Г. М. Рыкова

Первое посещение
Бутовского
полигона родными
и близкими погибших,
7 июня 1993 г.

тогда же в «Российской газете», в газетах «Вечерняя Москва», «Московская правда», «Православная Москва», в журнале «Воля» и сборнике «Сопротивление в ГУЛАГе», изданных обществом «Возвращение».

Впервые для родственников и членов группы ворота Бутовского полигона открылись 7 июня 1993 г. Несколько месяцев понадобилось, чтобы получить разрешение на эту поездку. В ней приняли участие представители руководства органов госбезопасности, московских властей и Комиссии по реабилитации при Президенте РФ. На земле полигона зажглась первая поминальная свеча.

Спустя пять месяцев, 10 октября того же года по инициативе группы, с помощью благотворителей и заинтересованных лиц состоялось открытие мемориального камня в южной части Бутовского полигона. На доске из красного гранита выгравировали надпись: «В этой зоне Бутовского полигона в 1937—1953 гг. были тайно расстреляны многие тысячи жертв политических репрессий. ВЕЧНАЯ ИМ ПАМЯТЬ».

Новые владельцы

После создания картотеки по «расстрельным» книгам началась работа с архивно-следственными делами, которая продолжалась, не прерываясь ни на день, в течение десяти лет. Те, кто работали со следственными делами, вскоре заметили, что в числе расстрелянных в Бутове попадает много представителей Русской Православной Церкви. Первый список из 250 священнослужителей и мирян передали Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II.

Первая поминальная
свеча на земле
Бутовского полигона.
К. Ф. Любимова
и М. Е. Кириллин,
7 июня 1993 г.

* У известного московского скульптора, члена Союза художников Д. М. Шаховского отец расстрелян и захоронен в Бутове, а дед и дядюшка — на спецобъекте «Коммунарка».

По его благословию, при участии Православного Свято-Тихоновского Богословского института (ПСТБИ) в глубине полигона водрузили большой Поклонный Крест-голубец. Чтобы расчистить площадку для установки Креста, пришлось пробиваться сквозь непроходимые заросли борщевика с помощью топора. В основании Креста-Голгофы была вмурована белая мраморная плита. Высеченные на ней слова принадлежали Святейшему Патриарху Алексию II: «На месте сем будет сооружен храм в честь Новомучеников и Исповедников Российских, в память об иерархах, клириках, монашествующих и мирянах, за веру и правду жизнь свою положивших и мученическую кончину здесь приявших».

8 мая 1994 г. состоялось архиерейское, с участием сонма духовенства, освящение бутовского Креста-Голгофы. На освящении присутствовал мэр Москвы Ю. М. Лужков.

В конце того же 1994 г. из родственников пострадавших на полигоне при участии членов группы по увековечению памяти жертв репрессий составила община будущего храма. Первая Божественная литургия на Бутовской земле была отслужена 25 июня 1995 г. в походном палаточном храме во имя Всех Святых, в земле Российской просиявших. Возглавлял литургию и большой крестный ход, ставший храмовой традицией в этот день, ректор ПСТБИ протоиерей Владимир Воробьев. А вскоре по проекту Д. М. Шаховского* началось строительство храма. Одноярусный де-

Мемориальная плита,
установленная
10 октября 1993 г.
в южной части полигона

ревянный храм встал в северо-западной части полигона * в сентябре 1994 г. напротив входа со стороны леса. 16 июня 1996 г. в не дост- храма в Бутове будущий настоятель роенном еще храме в честь Свв. Новомучеников и Испокаледа был избран ктиторм, 22 декабря ведников Российских в Бутове была совершена первая рукоположен Божественная литургия. Начались регулярные богослужения. Настоятелем храма стал священник Кирилл Каледа священником, настоятелем храма. да, чей дед (ныне священномученик Владимир Амбарцумов) лежит в одном из бутовских рвов*. Первое архиерейское богослужение в Бутовском храме совершено 11 декабря 1996 г., возглавил его архиепископ Истринский Арсений.

В 1995 г. некоторые жилые здания поселка НКВД (полностью или частично) были переданы в распоряжение общины храма. С этих пор охрана и вся работа по благоустройству территории полигона легла на плечи сотрудников храма, прихожан и их добровольных помощников. Началось формирование архива, включающего сведения из следственных дел, публикации, письма, семейные воспоминания, фотографии и личные вещи убиенных в Бутове. К этому времени совместно с ПСТБИ был опубликован Синодик, состоящий из 360 имен пострадавших за веру на Бутовском полигоне.

В результате архивных исследований, бесед с местными жителями и родственниками бывших владельцев имения Дрожжино-Бутово удалось восстановить в общих чертах историю усадьбы и конного завода Зиминых.

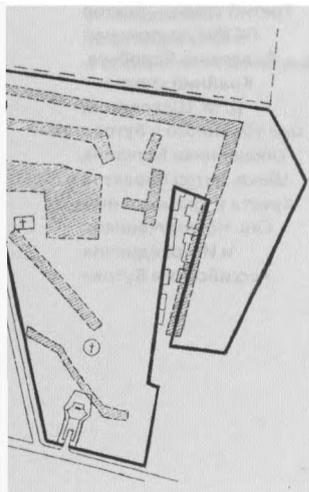

Воздвижение большого Поклонного Креста. Третий слева – ректор ПСТБИ протоиерей Владимир Воробьев. Крайний справа – Д. М. Шаховской, сын убиенного в Бутове священника Михаила Шика, автор проектов Креста и храма во имя Свв. Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове

Год спустя нагрянула беда. Не считаясь ни с чем, районные власти начали в мемориальной зоне будущего памятника истории строительство жилищного комплекса Дрожжино-2. Многоэтажный дом был заложен буквально в десятках метров от места захоронений. Потребовались самоотверженные усилия многих людей и помощь Святейшего Патриарха, чтобы летом 1996 г. остановить кощунственное строительство.

В 1997 г. в издательстве Московского Зачатьевского монастыря вышел «Мартиролог расстрелянных и захороненных на полигоне НКВД “Объект Бутово”», в котором были названы имена всех пострадавших (20761 человек). Мартиролог был подготовлен К. Ф. Любимовой и издан стараниями священника Кирилла Каледы при материальной поддержке настоятелей некоторых московских храмов: протоиерея Димитрия Смирнова, протоиерея Сергия Правдолюбова и настоятельницы Московского Новодевичьего монастыря игумении Серафимы (Черной). Узнав о готовящемся издании, к ним присоединился и М. Б. Миндлин. Начиная с 1997 г. ежегодно на средства Московского правительства выходили Книги Памяти «Бутовский полигон» — результат просмотра архивно-следственных дел. Всего вышло семь томов (главный редактор Л. А. Головова, редактор К. Ф. Любимова, член Редакционного совета священник Кирилл Каледя и др.). Постоянную помощь в этой нелегкой, ни на день не прекращавшейся работе оказывали сотрудники архивов ФСБ РФ и Московского УФСБ, ИЦ ГУВД МО, работники ГА РФ и члены Комиссии по делам необоснованно репрессированных при Правительстве Москвы.

Предварительная схема захоронений в Бутове, составленная сотрудниками ФСК-ФСБ со слов очевидцев

Археологические раскопки

С первых же дней после передачи территории полигона Русской Православной Церкви производились комплексные историко-археологические, геоботанические и геоморфологические исследования с целью выявления расположения погребальных рвов. Одним из направлений работы явились геофизические исследования — эффективный способ вести поиск мест захоронений без нарушения почвенного покрова. Научные сотрудники МГУ и Центра электромагнитных исследований провели здесь опытные

работы, используя магниторазведку, георадарное зондирование и электроразведку. Была выявлена серия аномалий, наиболее интенсивные из них в основном совпадали с местами захоронений, которые были указаны на схеме, составленной сотрудниками ФСБ. Однако результаты всех предварительных исследований могли быть окончательно подтверждены только археологическими исследованиями.

В августе 1997 г. было вскрыто погребение на площади около 12,5 кв. метров. Благословение на небольшой пробный раскоп дал Святейший Патриарх Алексей И. К археологическим работам были привлечены специалисты высокого класса: несколько археологов, археолог-тафолог, антрополог, специалисты по промышленным тканям и обуви, по огнестрельному оружию, судебно-медицинский эксперт и другие специалисты.

В траншее, заложенной южнее храма, на глубине около полутора метров открылись фрагменты одежды, а несколько глубже — человеческие останки...

Кому хоть раз довелось спуститься в погребальный ров на Бутовском полигоне, тот никогда этого не забудет. Впалку, впережку, как в каком-то могильнике для скота, здесь лежали останки тех, кто были безвинно и безнаказанно убиты. Сплетясь неразрывно, лежали пострадавшие за веру и богохульники-атеисты, неграмотные крестьяне и учнейшие люди своего времени, чьи труды и открытия, может быть, просветили и облагородили бы мир.

Археологи вскрыли погребение, которое было произведено поздней осенью или зимой. Поверх тел здесь была

Антрополог
Г. П. Романов в раскопе
на Бутовском полигоне,
август 1997 г.

Слева – останки расстрелянных в южном раскопе; справа – зарисовка части поверхности раскопа (вид сверху); видны костные останки, поверх которых лежат обувь, головные уборы, перчатки и пр. (рис. М. Михеевой)

набросана груда одежды и обуви: пальто, какая-то брезентовая ткань, кожаные куртки, кепки, сапоги, валенки, туфли, галоши*. На поверхности погребения лежало пять резиновых перчаток с вывернутыми наружу пальцами; перчатки, очевидно, сняли с рук и бросили в ров сразу после сделанной работы. В земле тут и там попадались осколки бутылочного стекла. На открытой части захоронения антропологи насчитали останки 59 человек. Всего же в этой части раскопа было зарыто в три-пять ярусов около 150 человек. Если допустить, что все бутовские рвы заполнены подобным образом, и если их реальная протяженность совпадает с протяженностью, указанной на схеме ФСБ, общее число погибших здесь может составить от 70 до 90 тысяч человек. Но это, конечно, только предположение.

По мнению судмедэксперта, «все тела были сброшены в ров или непосредственно после смерти, или в течение 8—10 часов после наступления смерти — одномоментно». Странным показалось почти полное отсутствие следов огнестрельных ранений. Правда, раскопки, по предварительной договоренности, проводились чрезвычайно деликатно — по возможности без смещения с места человеческих останков. Только на четырех черепах были «обнаружены

* Среди курток одна была женская, европейского покроя; на одной из найденных галош обнаружено клеймо 1935 г. фабрики «Красный богатырь».

огнестрельные повреждения, причиненные пулями калибра от 7 до 8 мм»*. «Среди стандартного оружия этому интервалу отвечает калибр 7,62 мм, принятый для револьверов типа “наган” (с семью пулями), пистолетов “ТТ”, пистолетов-пулеметов, винтовок и пулеметов под винтовочный патрон», — говорилось в официальном отчете специалистов. «Входные отверстия от выстрелов располагались в затылочной области, выходные — в области лба или темени... Ранения черепа, на котором обнаружены входные и выходные отверстия, были причинены автоматической очередью из двух выстрелов с расстояния не более метра. На одном из черепов имеется перелом левой теменной кости, который явился следствием удара тупым твердым предметом; перелом возник либо прижизненно, либо вскоре после произведения выстрела»¹⁰². Видимо, не все выстрелы оказывались смертельными; подающих признаки жизни потом добивали. Должно быть, как и в других подобных захоронениях, некоторые были закопаны живыми. Обнаруженные при раскопках колья, вбитые в дно рва, играли какую-то роль в упорядочении пространства погребения...¹⁰³

Последние дни раскопок 1997 г. пришлось на раннюю осень. Было тепло и тихо. Шелестела под ветром чуть тронутая желтизной листва. Казалось, мир и Божие благоволение разливалось повсюду — на земле и на небе. А взгляд не отрывался от ямы, которая разверзалась у ног точно бездна. Это был настоящий ад, созданный на земле самими людьми вопреки всем законам Божиим и человеческим...

Позднее в дополнение к раскопкам в архиве был обнаружен документ, косвенно подтверждающий факт применения в Бутове различных видов оружия, включая автоматическое. Найден приказ НКВД за 1940 г. о назначении полковника госбезопасности И. Я. Ильина ответственным по стрельбам сотрудников ГТУ ** НКВД. Тренировки проходили в Мытищах на стрельбище «Динамо», где отрабатывалась стрельба именно из тех видов оружия, что использовались при расстрелах в Бутове¹⁰⁴. Примечательно, что подпись И. Я. Ильина (тогда майора госбезопасности) стоит под многими актами о приведении в исполнение приговоров на Бутовском полигоне с октября 1937 по июль 1938 г.

Профессионалы считают, что опознание тел возможно. Но это очень трудоемкий, долгий и дорогостоящий процесс. Пока нет единого мнения, нужно ли тревожить эту

План-схема бутовских захоронений с указанием северного и южного раскопов

* Черепа были исследованы в лабораторных условиях и затем возвращены на место.

** ГТУ — Главное тюремное управление

гигантскую братскую могилу. Хотя тот, кто видел, что творится в глубине рвов, никогда не назовет это захоронением. Все убиенные на Бутовском полигоне не похоронены по сей день.

Археологические исследования на почве продолжались и в последующие годы, будут продолжаться и впредь. На сезон 2003 г. выявлено 13 рвов, расположенных довольно-таки хаотично: меридиональных — в направлении с запада на восток, и диагональных — в направлении с северо-запада на юго-восток. Выявленные рвы теперь отмечены резными деревянными столбиками с протянутыми между ними канатами. На рвах высажены цветы.

Новая жизнь Бутова

В годы, предшествовавшие опубликованию правды о Бутовском полигоне, здешний поселок представлял собой довольно унылое зрелище. Единственная улица его, словно в насмешку названная Юбилейной, состояла из нескольких безликих строений. Все постепенно разрушалось. Жизнь словно уходила отсюда. Сначала была закрыта школа, затем баня, которая и раньше-то работала лишь раз в неделю. Закрыли медпункт, аптечный ларек, магазин. Телефон, существовавший здесь с начала века, стал собственностью исключительно НКВД. Затем отменили рейсовый автобус, следовавший от железнодорожной станции мимо Бутовского полигона до Боброва. В поселке НКВД доживали свой век безвестные старики, бывшие свидетелями, а подчас и участниками трагических событий 1930—1950-х гг. Долгие годы эти люди не шли ни на какие контакты с посторонними. Любые, самые осторожные расспросы о жизни полигона в годы репрессий пресекались ими в самой резкой форме. Один за другим уходили из жизни очевидцы, которые могли бы что-то рассказать о Бутовском полигоне, «Коммунарке», Сухановской тюрьме. А те, что были живы еще и могли бы что-то бесценное поведать, молчали, боялись, что все вернется на крути своя. Уговорить, убедить их, что прошлое ушло навсегда, было невозможно...

Лишь постепенно, с годами стали устанавливаться некоторые контакты между теми, кто жадно искал правду, и теми, кто хотел ее непременно скрыть и забыть. Так, проливая горькие слезы, рассказывал житель соседней деревни Боброво, как он, будучи шофером автобазы НКВД № 1,

Екатерининский монастырь, превращенный в руины. Здесь помещалась в 1939-1952 гг. Сухановская тюрьма

Слева – ф. Е. Краенов, бывший водитель автобазы НКВД № 1. Справа – ф. Е. Краенов с детьми во дворе своего дома (фотографии 1938 г.)

возил заключенных в Сухановскую тюрьму и на Бутовский полигон. До самой смерти не мог он забыть случая, когда у молодой женщины, которую он вез в пыточную тюрьму, в дороге начались роды. Ребенка — мальчика — приняли охранники. Пуповину обрезали большим армейским ножом. Была морозная ночь, когда машина прибыла в Сухановку. Закутав новорожденного в солдатскую шинель, охранник понес его к тюремному начальству...

Теперь никого из свидетелей тех лет уже не осталось в живых. Свои горькие тайны они унесли с собой.

Жизнь и даже облик поселка стали заметно меняться с появлением храма на территории Бутовского полигона.

На богослужения и поминальные службы приезжало все больше народу. Сначала на территорию полигона можно было попасть только в определенные часы по субботам и воскресеньям. Но в 1995 г. охрану сняли, и территория многогострадального Бутовского полигона стала доступна в любое время.

В 1997 г. по заказу Правительства Москвы были подготовлены «Проектные предложения по созданию мемориального комплекса в районе пос. Дрожжино...». В них рассматривалась территория основных мест захоронений, бывшей усадьбы Дрожжино-Бутово и поселка НКВД. В следующем 1998 г. на средства Правительства Москвы была заново асфальтирована и благоустроена дорога, ведущая от Варшавского шоссе к Бутовскому полигону. По отремонтированной дороге пущен рейсовый автобус. Расписание автобуса соответствовало времени начала и окончания храмового богослужения в Бутове.

Слева – Большой Поклонный крест, справа – первое богослужение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Бутовском полигоне 27 мая 2000 г.

На Бутовский полигон стали привозить детей из общеобразовательных и воскресных школ, московских лицеев и гимназий, рассказывали им о том, что здесь произошло. На территории полигона впервые зазвучали детские голоса. Дети и подростки помогали очищать территорию от зарослей, по мере сил приводили ее в порядок. В ноябре 1998 г. при Бутовском храме была открыта воскресная школа. Не сразу, но были налажены контакты с учителями и школьниками окрестных школ, другими местными организациями. Под приходские нужды и воскресную школу были предоставлены помещения в домах, принадлежавших ранее сотрудникам НКВД. Сейчас в воскресной школе занимается около восьмидесяти учащихся, ее учебные группы охватывают все возрасты, от самых маленьких ребятшек — до взрослых. Посещают школу в основном жители близлежащих районов: поселка Ново-Дрожжино и восточной части Южного Бутова.

27 мая 2000 г., в четвертую субботу по Пасхе, на Бутовском полигоне состоялось первое богослужение под открытым небом, которое возглавил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Автобусы с названиями московских храмов и монастырей, доставившие богомольцев, выстроились вдоль шоссе на несколько километров. Казалось,

здесь присутствовала вся Православная Москва. В богослужении принимали участие восемь архиереев, около двухсот священнослужителей из храмов и монастырей Москвы и Московской области и более трех с половиной тысяч молящихся. Это было незабываемое духовное торжество. Пел объединенный хор Православного Свято-Тихоновского Богословского института. Музыка церковных песнопений сливалась с громким пением соловьев, словно разделявших всеобщую радость.

Патриаршие службы в Бутове стали традиционными. На Освященном Архиерейском Соборе 16—18 августа 2000 г. в числе 1100 мучеников, пострадавших в России от рук безбожников в XX веке, были прославлены в лике святых 129 священнослужителей и мирян, в Бутове убиенных. Ныне (на 2004 г.) число канонизированных бутовских новомучеников увеличилось до 290 человек.

В 2000 г. по заказу Правительства Москвы Государственным предприятием «Научно-исследовательский институт генерального плана г. Москвы» был разработан «Проект зон охраны памятника истории “Бутовский полигон»». А год спустя, 9 августа 2001 г., постановлением Правительства Московской области Бутовский полигон был объявлен памятником истории и культуры местного значения*. Площадь памятника включает в себя: территорию, где сосредоточены основные выявленные захоронения (собственно «полигон») и храм Свв. Новомучеников и Исповедников Российских, территорию бывшей усадьбы Дрожжино-Бутово с парком, сельским кладбищем и прудами на реке Гвоздянке и значительный участок Бутовского лесопар-

* С 1992 г. началась поэтапная передача строений бывшей Сухановской тюрьмы Русской Православной Церкви. Теперь там возрожден мужской Свято-Екатерининский монастырь. Территория «Коммунарки» в 1999 г. была также передана Патриархии, а в 2003 г. получила статус памятника истории. Там устроено подворье Свято-Екатерининского монастыря. В доме, где размещались службы НКВД, была устроена домовая церковь во имя Свв. Новомучеников и Исповедников Российских. Ныне на лесной поляне рядом с домом построен одноименный каменный храм.

Слева — дети на концерте в помещении воскресной школы.
Справа — крестный ход на территории Бутовского полигона

Храм
Свв. Новомучеников
и Исповедников
Российских в Бутове

Интерьер храма
Свв. Новомучеников
и Исповедников
Российских.
Во втором ряду
иконостаса
расположены иконы
новопрославленных
святых, на месте сем
и в иных местах
умученных
и убиенных

ка¹⁰⁵. Вместе с охранными зонами общая площадь памятника истории составляет около 3 кв. километров. С запада его территория ограничена Варшавским, с востока — Симферопольским, с севера — Расторгуевским шоссе, с юга — строениями совхоза им. XXI съезда КПСС и правым берегом поймы реки Гвоздянки. Почти вся эта земля принадлежала в 1930—1950-х гг. ведомству ОГПУ-НКВД, а ныне стала заповедной. На территории памятника истории запрещено какое-либо новое строительство, кроме необходимого для раскрытия мемориального содержания памятника, а также любая хозяйственная деятельность, ведущая к искажению исторического облика и природного ландшафта

местности. Напротив, планируется сохранение, реставрация и по возможности восстановление утраченных элементов исторической застройки и парковой планировки рубежа XIX—XX веков.

Бутовский полигон — место историческое и святое. Подобно полям русской славы — Бородинскому и Куликовскому, Бутовский полигон призван стать историко-ландшафтным мемориальным комплексом, музеем под открытым небом. Здесь планируется создание специальных экспозиций, посвященных пострадавшим в годы лихолетья. В самом храме до обустройства музейно-выставочных помещений размещен ряд реликвий — икон и священных предметов, принадлежавших убиенным в Бутове новомученикам.

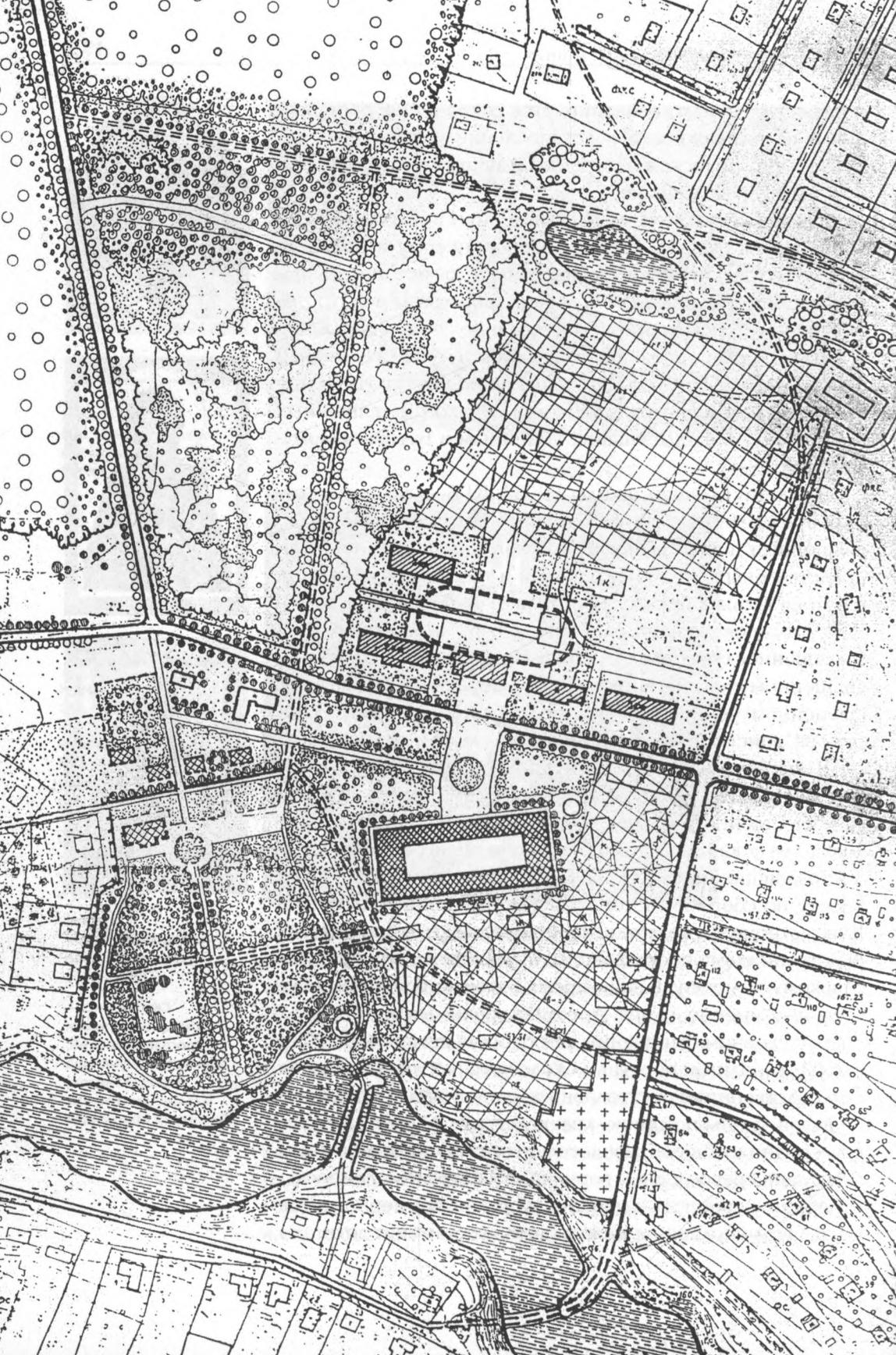
В здании бывшей школы НКВД-КГБ, в зале, служившем прежде киноklubом, стали проводиться выставки, посвященные пострадавшим на Бутовском полигоне. Были представлены материалы о жизни и творчестве убиенных в Бутове талантливых художников — В. А. Комаровском и В. С. Тимиреве; о пострадавших за веру видных иерархах и священнослужителях Русской Православной Церкви — священномученике митрополите Серафиме (Чичагове), священномучениках Владимире Амбарцумове, Петре Петрикове, епископе Арсении (Жадановском) и других.

В выставочном зале сотрудники храма и созданного при нем в 2002 г. Мемориального научно-просветительского общественного центра «Бутово» неоднократно организовывали показ фильмов о Бутовском полигоне и о судьбах пострадавших здесь людей. Сотрудники центра проводят работу по сбору и систематизации сведений и на основе этих материалов подготавливают выставки, встречаются с родственниками пострадавших, проводят экскурсии по Бутовскому полигону. В наше время Бутовский полигон является, несомненно, одним из самых значимых в историческом и духовном отношении памятников истории. В 2002 и в 2003 гг. полигон посетили около четырех тысяч человек. Это родственники пострадавших, студенты и преподаватели вузов, члены историко-краеведческих обществ, учащиеся средних общеобразовательных и воскресных школ, гимназий, православные верующие. Причем численное соотношение светских и церковных групп примерно одинаково. Около половины экскурсантов составляют дети.

Иконы новопрославленных святых, в Бутове убиенных.

Сверху вниз — священномученик Ярослав Савицкий, преподобномученица Дария (Зайцева) и священномученик Димитрий Миловидов

Знание отечественной истории у представителей старшего и младшего поколения заметно отличается. Но тема страданий и смерти, веры и бессмертия, совести и правды не оставляет равнодушным никого. Учащимися средних школ под руководством школьных педагогов в последние годы начато многоплановое изучение Бутовского полигона как памятника истории*. Оно касается судеб пострадавших и истории усадьбы Дрожжино-Бутово. Школьники участвуют и в благоустройстве памятника истории, выполняют посильные работы по очистке и озеленению территории. При воскресной школе Бутовского храма работает кружок изучения и охраны природы, ведущий свою деятельность в основном на территории памятника истории и его охранных зон.

На хозяйственном дворе Бутова, к радости детей воскресной школы, появилась лошадка Леся, за которой ухаживают специалисты с высшим сельскохозяйственным образованием. Сотрудниками храма были сооружены зимние сани и летняя повозка для прогулок ребят. На территории, где когда-то находился ипподром конного завода Зиминых, ребяташки из воскресной школы обучаются верховой езде. Так, словно восстанавливается утраченная связь времен.

Изучение и благоустройство памятника истории «Бутовский полигон» осуществляется объединенными усилиями Церкви, общественности и государственных структур. В этой работе принимают участие как городские, так и областные организации. В 2001 г. по заказу Межведомственной комиссии по восстановлению прав жертв политических репрессий при Правительстве Москвы была начата разработка проекта комплексного благоустройства тер-

* В 2002 г. учениками и учителями школы № 1906 совместно с сотрудниками храма Свв. Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове был создан слайд-фильм об учителях и работниках просвещения, пострадавших на Бутовском полигоне. Среди работ учащихся школы № 1906 можно назвать еще работы, посвященные судьбам священника, философа Михаила Шика и одного из первых русских летчиков Николая Данилевского, расстрелянных и захороненных на Бутовском полигоне.

Здание бывшей комендатуры НКВД, предназначенное для будущего музея истории усадьбы и Бутовского полигона

Памятник истории «Бутовский полигон»

историко-архитектурный план

	историческая застройка XIX–XX вв., сохранившаяся; утраченная		дамбы, мосты исторические, сохранившиеся; утраченные
	застройка 1914–1981 гг., малоценная		беседки, видовые площадки исторические; утраченные
	историческая застройка 1949–1951 гг., существующая; утраченная		дороги исторические, сохранившиеся; утраченные
	исторический парк XIX века, сохранившийся; утраченный		фруктовые сады исторические, утраченные
	исторические аллеи, ряды, группы деревьев, сохранившиеся; утраченные		ипподром исторический, начала XX века, утраченный (предположительно)
	пруды исторические, сохранившиеся		луга исторические, утраченные
	лес исторический, сохранившийся		кладбище
	обваловка историческая, сохранившаяся		

ритории массовых захоронений памятника истории «Бутовский полигон» с проведением предварительных археологических, геофизических и почвенно-мелиоративных изысканий. Проект, подготовленный Центральным государственным предприятием «Центрлеспроект», утвержден Департаментом градостроительной политики, развития и реконструкции г. Москвы¹⁰⁶.

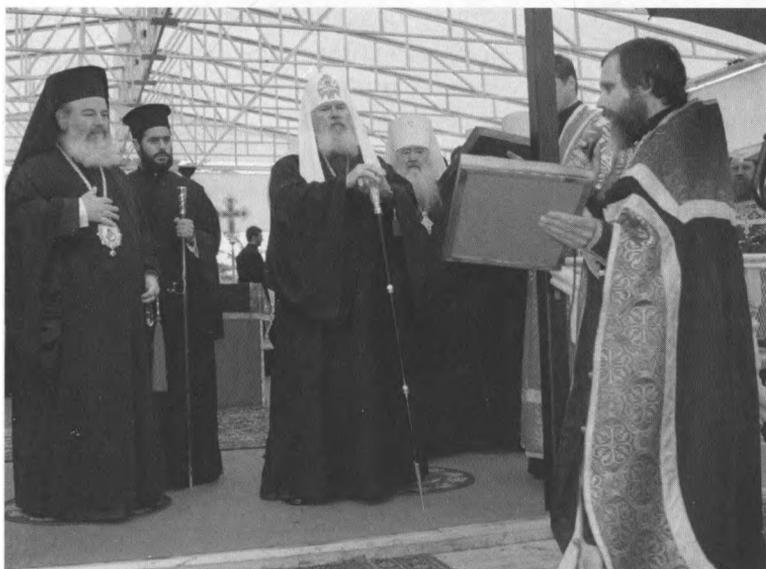
Сведения о Бутовском полигоне через Интернет достигают других городов страны, государств и даже континентов. Родственники, проживающие за границей, находят своих погибших родных в бутовских списках. Они связываются по электронной почте с сотрудниками храма, присылают дополнительные сведения о своих родных, уникальные фотографии. Так, были присланы из Франции фотографии бывшего царского генерала В. И. Николаева, из Америки — документы и фотоснимки русского летчика Л. К. Вологодцева и т. д. Поступали сведения из Германии, Бразилии, Австралии... А бывает и так: приедет человек просто на экскурсию и найдет в списках убиенных имя пропавшего когда-то родного человека¹⁰⁷.

Прошло несколько лет, и маленькая деревянная церковь на Бутовском полигоне стала тесна для молящихся, особенно в церковные праздники. Поэтому решено было строить большой соборный храм. Он встанет по соседству с полигоном — на территории бывшей усадьбы Дрожжино-Бутово. Пятишатровый каменный двухрусный камен-

Родственники
расстрелянных в Бутове.
Радоница 2004 г.
На фотографии
справа —
Р. Н. Кандауров
и Д. М. Шаховской

Патриаршее богослужение в Бутове. Настоятель храма Свв. Новомучеников и Исповедников Российских о. Кирилл Каледа вручает икону священномученика Серафима (Чичагова) архиепископу Афинскому и всея Эллады Христоудулу. 12.05.2001 г.

ный храм в честь Свв. Новомучеников и Исповедников Российских будет возводиться на деньги благотворителей и добровольные пожертвования. В подклете нового храма предусмотрен реликварий для размещения святынь, имеющих отношение к бутовским новомученикам.

15 мая 2004 г. в сослужении сонма архиереев и священнослужителей, при большом стечении богомольцев и гостей Патриархом Московским и всея Руси Алексием II была совершена торжественная закладка нового храма*.

* * *

Возвращаясь мысленно к годам репрессий, снова и снова зададимся вопросом, на который до сих пор не найдено исчерпывающего ответа. Как могло случиться, что в стране, где в течение веков главенствовали христианские нравственные идеалы, воцарилось насилие, обман, предательство, пренебрежительное отношение к человеческой жизни? Эпохой «скрывшейся любви», обманутого и попранного доверия можно назвать то время. Бесчисленными жертвами режима стали и сами виновные в злодеяниях (их — десятки, может быть, сотни тысяч), и невиновные (их — миллионы). Хотя, строго говоря, невиновными в то время можно считать разве что младенцев. Все так или иначе принимали участие в совершающихся беззакониях-

* В праздничном богослужении 15 мая 2004 г. впервые приняли молитвенное участие представители Русской Зарубежной Церкви во главе с ее Первоиерархом митрополитом Лавром.

ях: кто — действием, кто — бездействием, кто — ежедневной ложью, а кто — тем, что согласился быть обманутым. Конечно, души умученных и убиенных очищены страданием, их пока еще помнят, Церковь молится о них, а прославленные новомученики молятся за нас, грешных. Но наша обжигающая правда (или, положим, на сегодняшний день, полуправда) о том времени сама по себе не может стать огнем, в котором сгорело бы накопившееся зло. Было бы ошибкой думать, что преступления прошлых лет пройдут безнаказанно, без трагических последствий для будущих поколений. И эти последствия ныне мы видим повсюду: в человеческой вражде не на жизнь, а на смерть, религиозной и национальной нетерпимости, а главное — в отсутствии непреходящих духовных ценностей, место которых заняли ценности материальные. В результате — снова льется кровь, снова потеря близких, несправедливость, разорение, горе, слезы. Чтобы разорвать этот заколдованный круг, требуется глубинное осмысление случившегося на всех этапах. Нам же всем, если мы хотим возрождения нашего Отечества, предстоит еще большая работа по преодолению пороков, доставшихся в наследство от прошлых лет.

Составитель Л. Головкова

Часть вторая

**ДОКУМЕНТЫ,
СВИДЕТЕЛЬСТВА,
СУДЬБЫ...**

*Вся высоты Твоя и волны Твоя
на мне преидоша...*

Псалом 41

А. Ватлин, д. и. н.

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА 1937-1938 гг.

До сих пор научный анализ истории сталинских репрессий опирается в основном на мемуарную литературу и публикации директивных документов ВКП(б) и НКВД. Восстановление полной картины произошедшего требует от историков более активного обращения к такому чрезвычайно важному типу источников, как архивно-следственные дела.

О научном значении архивно-следственных дел жертв политических репрессий свидетельствуют уже имеющиеся публикации. Как правило, их полное издание предпринимается только в исключительных случаях, когда речь идет об ученых с мировыми именами¹ или видных деятелях культуры². Отдельные документы из дел, переданных в 1990-е гг. из ФСБ на государственное хранение, публикуются в мартирологах (Книгах памяти жертв политических репрессий), составление которых продолжается практически в каждом регионе Российской Федерации*.

Настоящая работа опирается на материалы архивно-следственных дел, просмотренных при подготовке книг памяти расстрелянных на Бутовском полигоне³. Этим объясняются как ее достаточно узкие хронологические рамки, так и тот факт, что следствие велось в основном низовыми структурами органов госбезопасности — районными отделами (отделениями) НКВД. Именно здесь абсурдность сталинских репрессий достигала своего абсолюта, торжествовал анкетный принцип и произвол слепого случая. О терроре районного масштаба практически не было речи ни в докладе Хрущева на XX съезде партии, ни в литературных воспоминаниях тех, кто вернулся живым из ГУЛАГа. В силу того, что срок хранения служебной документации низовых звеньев НКВД составлял двадцать лет, материалы

* Достаточно полные коллекции этих изданий хранятся в архиве научно-просветительского центра «Мемориал», а также в московском Музее и общественном центре им. Андрея Сахарова.

Бутырская тюрьма.
Вид во двор из окна
тюремного коридора

архивно-следственных дел оказываются на сегодняшний день едва ли не единственным источником достоверных знаний об их деятельности.

Формой отбора жертв, наиболее адекватной массовому террору, стала работа с документами, причем не только в оперативном архиве низовых структур НКВД. На ведение агентурной работы у их сотрудников в условиях штурмовщины, начавшейся летом 1937 г., просто не оставалось времени. Соучастие государственных и партийных учреждений в отборе будущих жертв позволило обеспечить массовый и всеохватывающий характер этой акции. В архивно-следственных делах имеются выписки из протоколов решений райкомов ВКП(б), где прямо говорится о передаче дела человека, исключаемого из партии, «на рассмотрение органов внутренних дел». По запросам оперуполномоченных НКВД списки подозрительных лиц составлялись в отделах кадров предприятий и учреждений, особенно оборонных, и даже в справочных бюро. Решающую роль здесь играли национальность, место рождения, социальное происхождение, предшествовавшие судимости или административные наказания, наличие родственников за границей.

В то же время оформление архивно-следственных дел в рамках каждой из «массовых операций» имело свою спе-

цифику. В соответствии с приказом № 00447, появившимся 30 июля 1937 г., органы госбезопасности должны были нанести удар прежде всего по кулакам, вернувшимся либо бежавшим из ссылки и «продолжавшим вести активную антисоветскую подрывную деятельность». Наряду с кулаками в приказе упоминались «члены антисоветских партий», все категории «бывших», церковники и уголовные элементы — вплоть до «скотоконокрадов»⁴.

Приказ № 00447 в разделе «Порядок ведения следствия» определял минимальный набор документов, которые должны были находиться в архивно-следственных делах:

№ 15/10 788813

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

СССР
Народный Комиссариат Внутренних Дел РСФСР
и Московской области

РАСЕКРЕЧЕНО
10 февраля 1999 г.
г. Москва

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ ВЧК-ОГПУ-НКВД

Год производства 19

Заинвентаризовано в 1982 г.

ХРАНИТЬ до 1982 г.

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО №
Учтемов 1962 г.

по обвинению Леймана Л. Я.

Государственный Архив РФ

АРХИВ
УНГБ Московской обл.

Форма 1
ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХСУДА СССР
в т. ч. Мос. обл. и Прокур. СССР
№ 4н-0/10303

Докладчик _____
Прокурор _____
26. 6 1956 г.

Г 299335 22.7.1965 ЦТ МО—6767

архива дело должно быть воз-
О дней с момента получения его.
лученных из архива дел
и или органы производится
ю через 1 спецотдел НКВД

Государственный архив РФ
ФОНДА 10055
ОПИСИ 1
ДЕЛА 725679

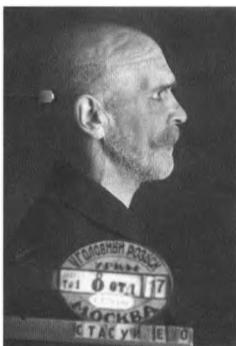
П 25679

Арх. № 788813 Том № 11

Переплетено в 19 г. Дело в 1 томах

Л. П. Лейман.
Расстрелян 03.02.1938 г.
и захоронена в Бутове
(тюремная фотография).
Слева — обложка
архивно-следственного
дела, заведенного
на Л. П. Лейман,
отражающая
неоднократную
перенумеровку,
инвентаризацию и учет
хранившегося
в архиве УНКВД по МО
следственного материала
(ныне находится
в ГА РФ)

Г. И. Стасуй. Расстрелян 21.10.1937 г. и захоронен в Бутове (тюремная фотография)

«К делу приобщаются: ордер на арест, протокол обыска, материалы, изъятые при обыске, личные документы, анкета арестованного, агентурно-учетный материал, протокол допроса и обвинительное заключение». В разделе «Порядок приведения приговоров в исполнение» пункт 2 требовал помещения «документов об исполнении приговора... в отдельном конверте к следственному делу каждого осужденного». Несмотря на подобную детализацию, в практике низовых структур НКВД технология ведения следствия подвергалась дальнейшему упрощению.

Большинство архивно-следственных дел, связанных с реализацией приказа № 00447, открывались постановлением оперативного работника о принятии дела к своему производству. После этого он начинал заполнять раздел под названием «Материалы учетных данных». Здесь собирались ха-

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ ОГПУ МВО

Перепечатано.....

экземпляр

ДОНЕСЕНИЕ

Агента № **Верецагина**

ОТ **11** числа **декабря** 192**9** года

Пос. Немчиновка Кунцевского района

В пос. Немчиновка по Бородинской ул. проживают 2 брата СТАСУИ, в прошлом бывшие офицера (скрывают бывшее звание при разговоре с нашим агентом Говорили: "близкий развал Советской власти очевиден, РЫКОВ и ВУХАРЬИН ведут правильную политику и неминуемый раскол партии приведет к падению Советской власти и скоро нам придется потребоваться в бегстве с провозвратами большевиками". Установочные данные будут даны дообследовательно.

Уполномоченный района *Андрей*

Вверху – донесение агента «Верецагиной» в Особый отдел ОГПУ МВО о братьях Стасуй, бывших офицерах царской армии, 1929 г. Внизу – донесение секретного осведомителя по кличке «Гарольд» о Г. О. Стасуй с резолюцией: «к разработке», 1932 г.

ДОНЕСЕНИЕ.

О/О "Гарольд" 27/II-32г.

В пос. Немчиновка проживает СТАСУИ Григорий Осипович, бывш. офицер царской армии.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ *Александр* / АКСЕНОВ

характеристики по месту жительства и работы о социальном происхождении, вредительстве, антиобщественном поведении, материалы милицейского учета об административных задержаниях, высылке при «раскулачивании» и т. п.

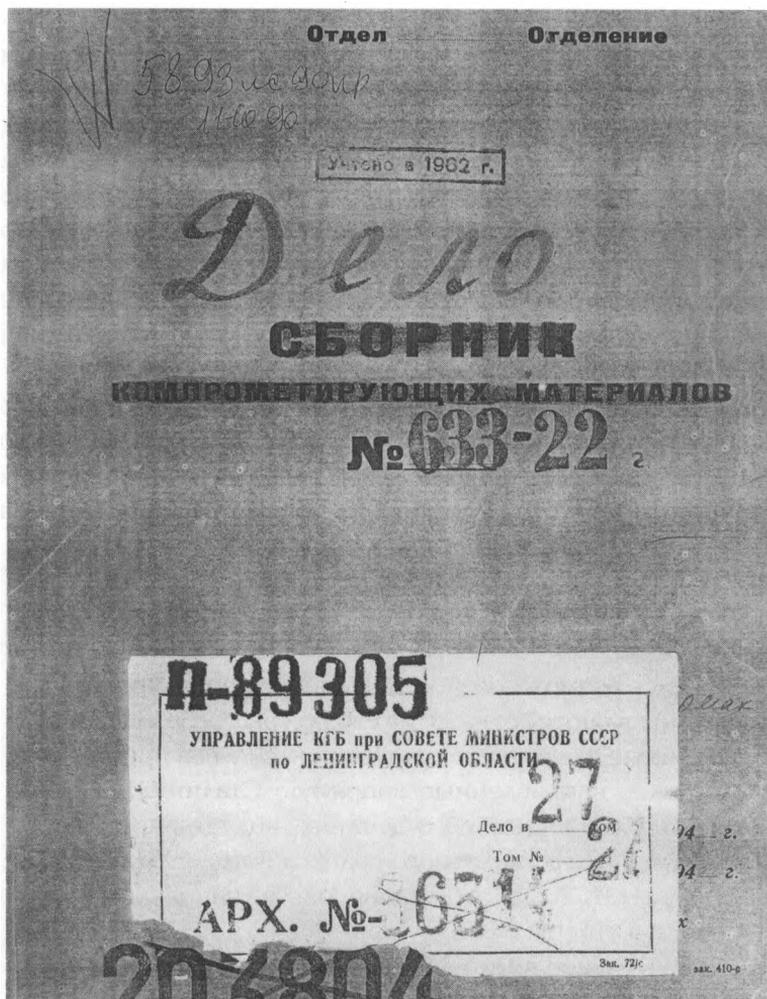
В этот же раздел попадали инициативные доносы, т. е. информирование властей о непорядках, правонарушениях и готовящихся преступлениях с указанием конкретных имен. Этот тип источников по истории советского общества представляет особую ценность, о чем свидетельствуют постоянные публикации «писем во власть». Их издатели справедливо называют их «зеркалом менталитета общества»⁵.

Пока доносы изучаются только как «штучный товар», в контексте того или иного сюжета. Необходимо накопление первичного материала для того, чтобы выделить характерные черты этого источника и определить его роль в истории советских репрессий вообще и «массовых операций» 1937—1938 гг. в частности*. Пока ограничимся несколькими замечаниями. Большинство доносов не являются анонимными — люди были уверены в своей правоте и не боялись возможной мести. Наиболее популярными адресатами являются отнюдь не структуры госбезопасности, а партийные и советские органы, центральная пресса. Есть обращения, направленные напрямую Сталину. Если они содержали информацию о деяниях, подпадавших под ту или иную статью Уголовного кодекса (что в 1937 г. можно было вычитать в любом из доносов), то направлялись для проверки в органы НКВД.

Значительное число доносов, находящихся в архивно-следственных делах, выросло из персонификации неурядиц, сотрясавших народное хозяйство на двадцатом году советской власти. Их авторы по-своему переживали происходящее, указывая на пьянство председателей колхозов и коррупцию районного начальства, расхищение «социалистической собственности» и оставленный сгнивать на полях урожай. Незаинтересованность простых работников в результатах своего труда в соответствии с кампаниями прессы выдавалась за вредительство. Кто-то из будущих жертв «запряг неезженного жеребчика и проехал 20 верст», кто-то не укрыл бурты со свеклой или просто не закрутил, как следует, гайки при ремонте двигателя.

Другая категория доносов даже в экстремальных условиях 1937 г. рождалась по прагматическим соображениям,

* Материалы архивно-следственных дел не дают ответа на вопрос, по каким критериям в органах НКВД велась систематизация поступавших писем. Историк советских органов госбезопасности Н. В. Петров утверждает, что по письмам-«сигналам» должны были заводиться агентурно-оперативные дела, на основании которых принималось решение о возбуждении уголовного дела. Наличие подобных писем в архивно-следственных делах, вероятно, служит еще одним свидетельством «перегрузок», которые испытывала репрессивная машина во время «большого террора».

Обложка сборника компроматов, хранящегося отдельно от архивно-следственного дела — в оперативном фонде архива НКВД-КГБ

отражая затаенную социальную злобу неудачников. Судя по «письмам во власть», многие жители подмосковных районов продолжали заниматься предпринимательской деятельностью: разного рода артели инвалидов и надомники производили дефицитные товары широкого спроса, крестьяне-огородники снабжали Москву овощами и свежим молоком. Некоторые из них имели усадьбу площадью до гектара и вели весьма прибыльное тепличное хозяйство, совершенно забросив работу на общество⁶. Кроме того, ближайшее Подмосковье превратилось в место постоянного проживания разного рода изгоев столицы, многие из которых жили за счет мелкой торговли, попадавшей под понятие «спекуляция».

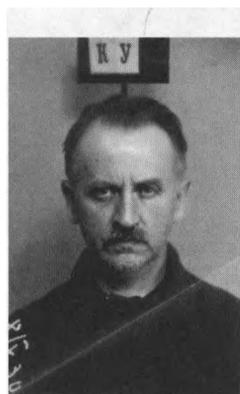
Питательной средой для доносов, как показывает просмотр архивно-следственных дел, являлись неприязненные отношения родственников и соседей. «Темное прошлое моего отца, а также не менее подозрительное поведение его в настоящее время заставляют меня думать о том, что отец мой является врагом народа», — писал подмосковный «Павлик Морозов» в комсомольскую организацию своего музыкального училища, откуда его письма переправлялись в органы госбезопасности. Подобные случаи, не укладывающиеся в нормы человеческой морали, можно пересчитать по пальцам. Чаще жертвами становилась не кровная родня, а свойственники*.

Показателем спешки и небрежности следователей, которые вели то или иное дело, является наличие в разделе «Материалы учетных данных» оперативных документов: донесений секретных сотрудников, обобщающей справки (меморандума), составленной на основе дела-формуляра оперативного наблюдения. Этот факт одновременно отражает характерное для советской юстиции «сращивание оперативной и следственной работы, позволявшее использовать собранные в ходе агентурной разработки материалы в качестве доказательств, в том числе и для суда»⁷. Поэтому практика их изъятия из архивно-следственных дел при передаче последних на государственное хранение, которую обосновывают соображениями сохранения служебной тайны, нарушает целостность этого типа исторического источника и искажает реальную историю возникновения дела.

В ходе «национальных операций» агентурные разработки уже не являлись основным источником отбора кандидатур на аресты. Имели место случаи, когда они фабриковались задним числом, чтобы создать хоть какую-то базу для обвинения. По показаниям арестованного в 1938 г. В. А. Смирнова, бывшего начальника «молодежного» отделения 4-го отдела УНКВД МО, практически заново было переписано агентурное дело «Музей», которое с 1934 г. разрабатывалось в отношении студентов Польского отделения рабфака им. Ленина. В результате все они поголовно оказались членами подпольной организации «Союз польских патриотов» — само название было придумано в ходе допроса одним из следователей⁸.

На пике репрессий в январе—марте 1938 г. «аресты производились по списку без санкции и наличия компро-

* Сотрудники органов госбезопасности редко, но запрашивали соответствующий сельсовет о том, насколько неприязненными были отношения лиц, упомянутых в доносе.

А. В. Кузнецов,
начальник Кунцевского
райотдела НКВД.
Расстрелян в Москве
в 1939 г.
(тюремная фотография)

Справка на арест и привлечение к ответственности по ст. 58 п. 10 и 11 УК РСФСР архимандрита Крониды (Любимова) — последнего настоятеля Троице-Сергиевой Лавры

Архимандрит Кронид. Расстрелян 10.12.1937 г. и захоронен в Бутове (тюремная фотография)

" УТВЕРЖДАЮ "

Нач. Упр. НКВД МО, Комиссар
Гос. Безопасности 1 ранга
(РЕДЕНС)

" 11 " Октября 1937 г.

СПРАВКА

В процессе следствия и по агентурным данным установлено, что поселившийся в гор. Загорске возвратившийся ссылок быв. настоятель Монастыря Троицкой Лавры архимандрит "КРАНИД" ЛЮБИМОВ восстановил свои связи среди мещствующих и к-р наотрошенных церковников гор. Москвы и районов Моск. области, к которому систематически наблюдаются паломничество монашествующих и к-р наотрошенных церковников.

ЛЮБИМОВ Кронид активный церковный деятель неоднократно принимал лично в Троицкой лавре быв. царя и других придворных сановников, враждебно настроен к советской власти, среди окружающих проводит к-р монархическую агитацию.

На основании изложенного прошу Вашей санкции на арест ЛЮБИМОВА Крониды, 72 лет, проживает в гор. Загорске на иждивении своих почитателей. —

ВРИД НАЧ. 7 ОТ-НИА 4 ОТДЕЛА
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ Гос. Безопасности

" СОГЛАСНЫ " ПОМ. НАЧ. 4 ОТДЕЛА УГБ
ЛЕЙТЕНАНТ Гос. Безопасности:

НАЧ. 4 ОТДЕЛА УГБ
КАПИТАН Гос. Безопасности:

НИКОЛЬСКИЙ
(ПЕРСИЦ)

метрирующих материалов, что видно из прилагаемых установочных данных, где росчерком пера, рукой Кузнецова⁹ написано — «справку», что значило выписать справку на арест, т. е. «липовую», без наличия материалов компрометирующего характера, лишь только потому, что подлежащий аресту — поляк или немец» (из рапорта сотрудника Кунцевского райотдела НКВД А. А. Цыганова на имя начальника УНКВД МО Журавлева) ¹⁰.

Справка на арест не всегда откладывалась в архивно-следственных делах, напротив, обязательным элементом дела являлось «Постановление об избрании меры пресече-

ния» (или «Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения»^{*}). Оно подписывалось начальником отдела УНКВД МО или его районных отделов (отделений) и утверждалось руководителями управлений областного (республиканского) уровня. От даты утверждения и отсчитывался срок предварительного заключения арестованных, хотя не во всех архивно-следственных делах на этом документе имеется утверждающая подпись.

На постановлении предусматривалась и виза прокурора — постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 17 июня 1935 г. указывало, что «аресты по всем без исключения делам органы НКВД могут производить только с согласия соответствующего прокурора»¹¹. Однако такая виза имеется в меньшинстве из просмотренных архивно-следственных дел. Следующим шагом была выдача ордера на арест, который на местах подписывался начальником и секретарем райотдела НКВД. Дата выписки на его лицевой стороне и дата, поставленная самим арестованным на обороте, зачастую разнятся на один день, т. к. аресты производились по ночам.

Анкета арестованного содержит наиболее, достоверные данные, потому что просматривалась и подписывалась им самим. Однако и к этому документу необходим крити-

^{*} Позднее, в начале 1940-х гг. эти два процессуальных действия оформлялись отдельными постановлениями.

Слева — ордер на арест и обыск Э. М. Айде.
Справа — семейная фотография Э. М. Айде и оборот фотографии с надписью «Изъято у меня при обыске 4/1-38 г.». Э. М. Айде расстрелян 16.03.1938 г. и захоронен в Бутове

КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
УПРАВЛЕНИЕ НКВД ССР ПО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

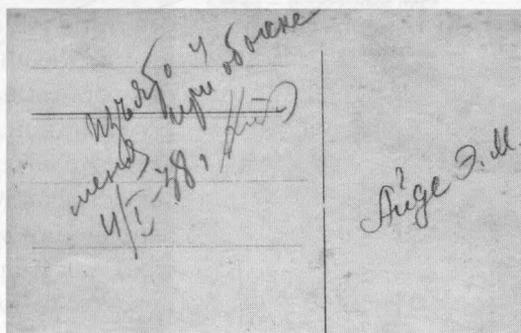
ОРДЕР № 7410

Инварь 4 дня 1938 г.

сотруднику Каширского УГБ
Управления НКВД ССР по Московской области
на производство
ареста и обыска
Зрковского Мартиновича
г. Кашира, рабочий городок Корпусе №16

НИЕ. Все должностные лица и граждане обязаны оказывать
которого выписан ордер, полное содействие для успешного

Мас. По НКВД ММММММММ

Джаганша
Дос-Мухамедов, казах,
сын крестьянина-
скотовода, бывш.
товарищ прокурора
Томского окружного
суда, бывш. член
Учредительного
собрания, в период
Временного
правительства –
зам. председателя
Всероссийского
мусульманского
комитета, литератор,
на момент ареста –
частично
парализованный
инвалид. Расстрелян
03.08.1938 г.
и захоронен в Бутове
(тюремная фотография)

Справа – анкета
арестованного

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
1. Фамилия	Дос-Мухамедов
2. Имя и отчество	Джаганша
3. Год и место рождения	Родился 1907 г. Зам. Казах. обл., край р-н Дзеситинский /-Н гор. ул. № 6. № 3
4. Постоянное место жительства (адрес)	Москва, Кавказ-Шан ский пер. 9. 11 кв. 2
5. Место службы и должность или род занятий	писатель
6. Профессия и профсоюзная принадлежность, № билета	б. работает в качестве бывш. литератора
7. Имущественное положение в момент ареста. (Перечислить подробно недвижимое и движимое имущество: постройки, сложные и простые о-х. орудия, количество обрабатываемой земли, количество скота, лошадей и прочее; сумма налога с-х. и индивид. Если колхозник, указать имущ. положение до вступления в колхоз, время вступления в колхоз)	—
8. То же до 1929 года	—
9. То же до 1917 года	—
10. Социальное положение в момент ареста	/Крестьянин/ Инвалид
11. Служба в царской армии и чин	нет
12. Служба в белой армии и чин	нет

ческий подход и перепроверка содержащейся в нем информации. Так, арестованные старались не называть в со-ответствующей графе всех своих родственников (особенно арестованных органами НКВД). Записывалось лишь место работы на момент ареста, поэтому уволенный за несколько дней до него заместитель наркома мог, согласно анкете, оказаться «лицом без определенных занятий». В анкетах встречается как вызванная спешкой небрежность (при заполнении места рождения и проживания, должности и т. д.), так и прямые фальсификации следователей. В Ку-нецком райотделе НКВД в анкете на Я. Г. Литвака запись

«еврей» была переделана на «поляк», в анкете М. А. Купорской запись «отец мещанин» была переделана на «отец помещик»¹². Из показаний арестованных сотрудников НКВД известно, что в ряде случаев графы «национальность», «гражданство» или «предыдущие судимости» заполнялись оперативным работником уже после получения подписи арестованного на анкете, исходя из данных последующих допросов.

При работе с архивно-следственными делами следует обращать внимание на фамилии следователей, проводивших допросы, — это может многое рассказать о должност-

ВОПРОСЫ:		ОТВЕТЫ:		
14. Социальное происхождение		Крестьянин		
15. Политическое прошлое		б/п		
16. Национальность и гражданство		Казах, гражд. СССР		
17. Партийная принадлежность, с какого времени и № билета		б/п		
18. Образование (подчеркнуть и указать точно, что закончил):		Высшее, среднее, низшее, неграмотен окончил в 1910г. юридический факультет Московского университета		
19. Категория воинского учета		не состоит на учете		
20. Состоял ли под судом и следствием, а также приговор, постановление или определение		Выпущен административным постановлением Казакстанского НКВД в 1930 году 1935 г.		
21. Состояние здоровья		нравственно поранилен		
22. Состав семьи: перечислить отца, мать, сестер, братьев, сыновей и дочерей (их фамилия, имя и отчество, место службы и должность или род занятий и адрес):				

Степень родства	Фамилия, имя и отчество	Возраст	Место работы, должность или профессия	Место жительства
1.	Мухамедов Мухамедов	40	Нархлепштан, пром. санитар	Ново-Маяк, Кустанайская обл.
муж	Алиханов	72	Самозащита	"
сестра	Мухамедов	26	Судья	"
мать	Хатун		Кав. КС	"

Подпись арестованного: Мухамедов

1. Особые внешние приметы

2. Кем и когда арестован: Бонд-ия Зайт. УИВ ЧККР, 8 м

3. Особые примечания

Подпись сотрудника, заполнившего анкету: А. А. Мухамедов

2. Мухамедов 1938 г.

Дверь одиночной (стоячей) камеры Бутырской тюрьмы, куда помещали вновь прибывших на двое-трое и более суток. Слева — оборотный лист анкеты арестованного Дос-Мухамедова

Примечание 1-е. Анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется документальными данными.
Примечание 2-е. Анкетные данные должны быть проверены в процессе следствия и отражены в обвинительном заключении или заключительном постановлении по делу.

* «Один протокол, написанный следователем, размножался на машинке (машинисток работало одновременно 10—11 человек). Копии протоколов только слегка переделывались: переставлялись установочные данные, изменялись обстоятельства вербовки и факты шпионско-диверсионной работы... оформляли до 8—10 протоколов... в один день». *(Реабилитация: Как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: В 3 т. Т. 1: Март 1953 — февраль 1956 / Сост.: А. Артизов и др. — М., 2000. С. 338—339)*

** Их роль не сводилась только к помощи в делопроизводстве. «В период массовых операций, когда скопилось много арестованных, в ряде органов НКВД, особенно в городских и районных аппаратах, одни оперативные сотрудники физически не в состоянии были заполнить даже только анкеты арестованных, и тогда им на помощь были привлечены работники вспомогательных аппаратов... Эти прикомандированные участвовали в незаконных арестах, дежурили у арестованных, поставленных на «стойку», а подчас и принимали участие в избиваниях». *(Реабилитация... Указ, соч. С. 339—340)*

ной и неформальной иерархии в соответствующей структуре НКВД. Проведение первого допроса поручалось новичкам и сводилось к записи анкетных данных. При этом предельно подробно выявлялись родственники и знакомые обвиняемого, их список являлся составной частью протокола допроса, причем не обязательно первого. Список составлялся с указанием национальности, места работы и любых компрометирующих данных, что позволяло более опытному следователю отобрать необходимые связи и препарировать их в «контрреволюционном» ключе.

В соответствии с положением теории советского уголовного процесса о том, что признание в совершении преступления является «царицей доказательств», протоколы допросов обвиняемых занимают центральное место в архивно-следственных делах. Их фабрикация лежала в основе рабочего ритма конкретных исполнителей «массовых операций». «Обычно днем составляли вымышленные протоколы допросов обвиняемых, а ночью их давали под физическим воздействием подписывать обвиняемым»¹³. Более того, практиковались «летучки» оперативного состава, где согласовывались сценарии «заговоров» и «проекты признаний» их мнимых участников с тем, чтобы не допускать явных несоответствий в следственных документах.

Составлением признательных протоколов занимались самые опытные оперуполномоченные, которых на чекистском жаргоне называли «литераторами»¹⁴. Оригинал протокола допроса должен был составляться самим следователем, однако в условиях аврала это требование не соблюдалось. Согласно показаниям арестованных сотрудников НКВД, вначале протоколы допросов печатались под диктовку «литераторов», а затем переписывались от руки сотрудниками НКВД*, привлеченными в качестве помощников, — делопроизводителями ЗАГС, пожарными и т. д.** Ознакомление со значительным массивом архивно-следственных дел конкретного райотдела НКВД и сравнение почерков подтверждает этот факт.

На следующем этапе следствия от обвиняемого следовало получить подпись под уже готовым протоколом, для чего использовался широкий спектр методов, не вмещавшихся в рамки даже «революционной законности». К их числу относились, прежде всего, угрозы и запугивание, которыми сопровождалась бесконечные ночные допросы.

Ф. 910

УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ПО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

г. III мес. 24 дня. Я Стар. Уполном. Киселев №
Морозов допросил в качестве (должн., наимен. органа, фамилия) *Вовинского*

1. Фамилия *Тимирев*

2. Имя и отчество *Владимир Сергеевич*

3. Дата рождения *1914 года*

4. Место рождения *г. Ленинград*

5. Местожительство *Строгина 31 кв II*

6. Нац. и гражд. (подданство) *Русский*

зр. СССР

7. Паспорт _____

(когда и каким органом выдан, номер, категор. и место приписки)

8. Род занятий *художник-пейзажист Клуб изданий*

(место службы и должность)

9. Социальное происхождение *Инженер путей сообщения / трамва*

(род занятий родителей и их имущественное положение)

Васильевского района Варской губернии.

Отчим без гражданства Кошак

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение):

а) до революции *инженер в Новониколаевской губ.*

инженер

б) после революции *инженер-механик в Ленинградском*

11. Состав семьи *Одиноч. Отчим Кийбер Всеволод Кошачев*

(близкие родственники их имена, фамилии, адреса и род занятий)

мать Анна Васильевна 47 л. Москва в. Мещан. район

мать Елена Васильевна 36 л. Сапожова, дядя Сапожов

брат Василий 50 л. Живей в г. Москва Косыгин ст. 11.

В. Тимирев

«Я из-за боязни насилия подписал, т. к. на столе у следователя лежал наган и резиновая плетка»¹⁵, — утверждал эстонец Эггард Шидловский, который к тому же не мог читать по-русски. Если угроз оказывалось недостаточно, в ход шли «стойки» и тривиальные избиения арестованных.

Особой формой прессинга была апелляция следователя к патриотизму, большевистской совести своего обвиняемого. Об этом свидетельствуют письма репрессированных из мест заключения с просьбой о пересмотре их дел и изложением деталей «упрощенного следствия». Вот один из примеров: «Следователь сказал, что и сам знает, что все написанное в протоколе — сплошной вымысел, но я должен учитывать, что международная обстановка очень тяжелая и я должен для блага Родины принять на себя все перечисленные обвинения и подписать протокол допроса»¹⁶. «Благо Родины» каждый раз варьировалось, иногда это было очищение пригородов столицы от нежелательных иностранцев, иногда — сбор «компромата» для закрытия того или иного иностранного посольства или представительства. Не понимая смысла подобной фантазмагии, обвиняемые выражали готовность покинуть насиженные места

В коридоре Бутырской тюрьмы (фотография конца 1990-х гг.)

добровольно, однако им объясняли, что «выселение в организованном порядке» даст им определенные преимущества и продлится от силы три—пять лет.

Заявления репрессированных о пересмотре их дел, написанные уже из заключения или после освобождения, служат одним из основных источников для реконструкции практики допросов, но важную информацию можно почерпнуть и из самих протоколов*. Чем дальше изучаемый протокол находится от некоей «середины», чем больше в нем ответов не по сценарию или вообще отказов признать себя виновным, тем больше шансов, что такой допрос проводился «вживую».

Во втором случае возникает следующий вопрос: в какой степени можно верить фактам, содержащимся в протоколах допросов обвиняемых и свидетелей? Соглашаясь с тем, что они представляют собой, «в основном, фальсифицированный материал» и в них «отсутствуют сведения, хоть как-то противоречащие обвинительной тенденции следователя»¹⁷, этот тип исторического источника нельзя полностью сбрасывать со счетов. При всей абсурдности самооговоров, прежде всего шпионских и террористических, в них присутствует определенный «сухой остаток», отражающий реалии тех лет. Так, вменяемые в вину арестованным взрывы и аварии действительно имели место, хотя и не являлись следствием сознательного «вредительства». Группы заговорщиков нередко состояли из реальных приверженцев того или иного начальника, проиг-

* Если протоколы содержат стандартные вопросы и ответы («Ваши взгляды на существующий строй?») — «Мои взгляды на существующий строй сугубо отрицательные»), перечисление значительного количества имен соучастников, почти дословные повторы в описании тех или иных действий (подготовка террористических актов, вредительство, выход на связь с резидентом иностранной разведки) — мы имеем дело с признаниями, написанными заранее.

Окна камер смертников в Бутырской тюрьме. Из указания Тюремного управления НКВД в декабре 1938 г.: «После вынесения приговора осужденные помещаются неподалеку от выхода в одиночные камеры со спецпостом». (ГАРФ. Ф. 9413з. Оп. 1с. Д. 1. Л. 58)

Одна из последних фотографий Таганской тюрьмы перед ее разрушением (слева в глубине — жилой дом сотрудников охраны Кремля), 1958 г.

равшего в карьерной или внутрипартийной борьбе, уволенного с работы, исключенного из ВКП(б) и, как правило, уже арестованного.

Вряд ли стоит отмахиваться и от фактов, содержащихся в архивно-следственных делах, заведенных по обвинениям в контрреволюционной агитации, сводя все к фантазиям ежовских палачей. На уровне конкретных «антисоветских» высказываний, зафиксированных в допросах, многое они просто не могли (и не успели бы) выдумать — вспомним те же стихи, частушки, анекдоты. Это часть антитоталитарного общественного мнения, образа мысли, который уже на этапе следствия трансформировался в образ действий, т. е. «агитацию». Скорее всего, авторство произведений этого жанра не принадлежит ни следователям, ни обвиняемым или свидетелям. И те, и другие воспроизводили то, о чем говорили в колхозных пивных и на вокзалах, в очередях и на перекурах.

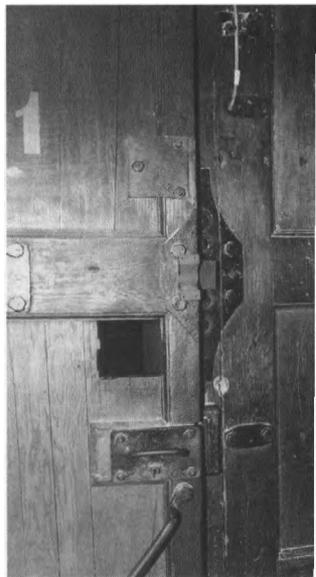
Среди зафиксированных высказываний есть просто перлы городского фольклора, например, заявление о том, что «членские билеты служат коммунистам хлебной карточкой»¹⁸, или тост «за погибшие корабли, потопленные фашистскими пиратами в Испании»¹⁹. Не менее яркие и сценки деревенской жизни, превратившиеся в состав преступления. Елизавета Селина вышла во двор и крикнула мужу, чинившему забор: «Иди кушать, чего стараешься, все равно советские бандиты отберут».

Основными темами опасных разговоров являлись липовая Конституция, нехватка продуктов в стране, ожида-

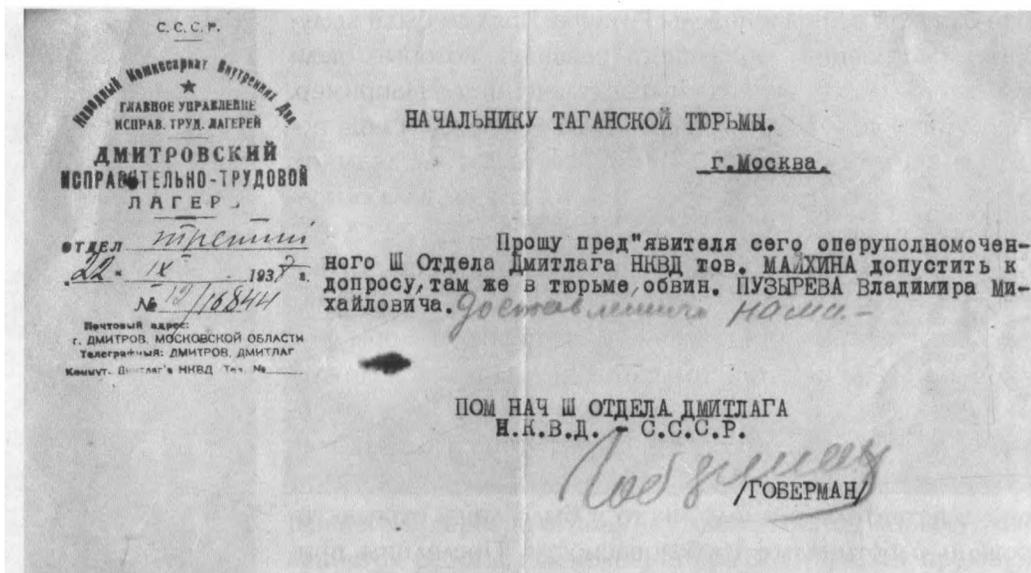
ние близкой войны и победы Гитлера. Вряд ли были выдуманы настроения социального реванша, которые были характерны для «бывших» и «раскулаченных». Например, В. Е. Летучев заявил о большевиках: «Подождем еще немного, а потом уж будем с ними разделяться, двадцать раз они меня ссылать не будут, а за то, что два раза ссылали, я им отомщу и с ними разделаюсь»²⁰.

Существуют ли критерии проверки истинности подобных высказываний? Они появятся тогда, когда будет накоплен и обработан значительный объем примеров «контрреволюционной пропаганды». Пока же можно ограничиться очевидным: чем дальше то или иное утверждение от усредненного стандарта (типа «высказывал ругательства в адрес Сталина»), тем больше шансов, что оно действительно имело место и было лишь отредактировано работниками госбезопасности. Последним приходилось применять особые меры предосторожности в обращении с «контрреволюционными материалами». В ряде архивно-следственных дел рассказанные подследственными анекдоты записывались на клочках бумаги и закладывались в особый конверт, имя Сталина заменялось многоточием, ругательства в адрес коммунистов заменялись наводящими словами (например, «антисемитизм», «похабщина» и т. п.).

Утверждая, что не все в допросах свидетелей и признаниях подследственных является ложью и фантазмагорией, следует сказать и об опасности противоположного толка. Например, при канонизации деятелей Православной Церкви, пострадавших за веру, исследователи выбирают протоколы допросов, в которых обвиняемые отказываются от самооговора, не называют ничьих имен и демонстрируют твердость убеждений. При этом, как справедливо отмечает руководитель Бутовского проекта Л. А. Головова, «мы берем на себя роль судей, причем в вопросе заведомо неразрешимом». Действительно, характер и содержание протокола допроса в подавляющем большинстве случаев зависели от роли, которая отводилась тому или иному обвиняемому, и даже от настроения следователя. Для того чтобы при анализе архивно-следственных дел самому не пойти на поводу у следствия, историк не должен забывать, что «дела эти заводились отнюдь не для выяснения истины, а как раз с противоположными целями»²¹.

Старинные внутренние
двери № 1 Бутырской
тюрьмы

Обвиняемый
 В. М. Пузырев.
 Расстрелян 26.09.1937 г.
 и захоронен в Бутове
 (тюремная фотография).
 Вверху – служебное
 письмо помощника
 начальника 3-го отдела
 Дмитлага к начальнику
 Таганской тюрьмы
 о допросе Пузырева

Чрезвычайно важен при анализе архивно-следственных дел отрезок времени, прошедший с момента ареста до первого «признательного протокола». Иногда он датирован следующим после ареста днем, иногда составляет несколько недель. Из заявлений репрессированных, содержащихся в архивно-следственных делах, мы знаем, что в этот период с ними активно «работали» — «конвейер», «стойки», оскорбления, пытки, очные ставки с уже сломленными знакомыми должны были сломить волю только что арестованного к сопротивлению. Наличие в ряде архивно-следственных дел особой папки — «личного дела заключенного», где фиксировались все вызовы на допрос, позволяет документально подтвердить тот факт, что до тех пор, пока обвиняемый не начинал давать нужные показания, его допросы попросту не фиксировались. Личные дела, отложившиеся в архивно-следственных делах, содержат информацию только о пребывании заключенных под стражей во время следствия и заканчиваются с отправкой к месту отбывания срока или на казнь.

Так, согласно приказу НКВД № 00439 были проведены массовые аресты всех немцев, работавших в оборонной промышленности. Среди них был и инженер Автотракторного института, гражданин Германии Ганс Альтман. В его следственном деле отмечено всего пять допросов и две очные ставки с перерывом между 4 и 14 августа (в этот день

Альтман признал себя виновным в «шпионской подрывной деятельности в автотракторной промышленности»). Однако в личном деле заключенного есть приводы на допрос 7 августа (шесть часов), 9 августа (сорок минут), 10 августа — четыре привода, причем последний с 21.50 до 7.00, 11 августа (один час), 13 августа (шесть часов). 14 августа Альтман вызывался на допрос с 13.40 до 0.10 два раза²².

Содержащиеся в архивно-следственных делах заявления репрессированных свидетельствуют о том, что подследственных из районных отделов НКВД в период «массовых операций» переводили в московские тюрьмы только накануне заседания тройки*. До тех пор человек содержался, например, в КПЗ районного отделения милиции, где условия были еще более невыносимыми, нежели в Бутырской или Таганской тюрьме. Так, «подельники» помещались в одну и ту же камеру и только там узнавали, что являются участниками одной и той же вредительской или шпионской организации. Никаких действий, предписываемых процедурой предварительного заключения (медицинский осмотр, дактилоскопирование), с ними не проводилось.

Вплоть до конца 1937 г. обязательным моментом следствия по всем категориям 58-й статьи являлись допросы свидетелей. Впоследствии по «шпионским» делам было достаточно перекрестных обвинений уже арестованных; по делам о контрреволюционной агитации практика вызова свидетелей продолжалась. Ввиду дефицита времени в низовых органах НКВД на местах сложилась практика привлечения «штатных свидетелей», работавших в местной номенклатуре: председателей колхозов, работников сельсоветов, пожарников и т. д. Эти люди подписывали собственные показания пачками, даже не читая их²³. Повторение в нескольких архивно-следственных делах одних и тех же имен свидетелей является показателем их сотрудничества с органами госбезопасности, хотя оно не всегда было добровольным**. Фактически мы имеем здесь дело с еще одной разновидностью фабрикации обвинения — придания заведомо ложным показаниям свидетелей доказательной силы. Использование этих материалов в ходе следствия и суда «прямо противоречило закону», поскольку эти «свидетели», как, впрочем, и «осведомители, излагали не факты, а мнения об умонастроениях подозреваемого»²⁴.

* Такая практика «программировалась» приказом № 00447, п. 8—9 приказа оперировали термином «пункты», сосредоточение арестованных в них производится «по указаниям наркомов внутренних дел, начальников управлений или областных отделов НКВД». Из условий, которым должны отвечать «пункты», названы только два: а) иметь «помещения, пригодные для размещения арестованных»; б) «строго окарауливаться» вкупе с мероприятиями, «гарантирующими от побегов или каких-либо эксцессов».

** «В случае сопротивления или нерешительности к свидетелям применялись меры устрашения и физического воздействия. Их даже, как и обвиняемых, ставили «на стойку» на двое и более суток». (Головкова А. А. Особенности прочтения архивно-следственных дел в свете канонизации Новомученников и Исповедников Российских// *Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. 2000. № 4. С. 211*)

«Вещдоки»,
хранящиеся
в следственных
делах

Вверху – бумажная
иконочка св. равноап.
Мари Магдалины,
справа – фотография
игумении Магдалины
и княгини
Е. П. Волконской.
Внизу – купцы
1-й гильдии братья
Пермяковы.
Следователем отмечен
(стрелкой) П. Е. Пермяков.
Расстрелян 08.10.1937 г.
и захоронен в Бутове

Значительное число архивно-следственных дел оформлялось в период «массовых операций» как групповые. Это соответствовало сути политического режима, замешанного на коллективизме, и позволяло сотрудникам госбезопасности экономить время и силы. Справки и характеристики собирались сразу на всю группу, постановления об избрании меры пресечения и ордера на арест выписывались на каждого индивидуально, но в один заход. Обвинительное заключение также составлялось одно на всю группу. За редкими исключениями дела ее членов рас-

сматривались на одном заседании тройки, и они вместе оказывались на Бутовском полигоне в день расстрела.

Коллективный характер «деревенских дел» лета-осени 1937 г. являлся не проявлением инициативы на местах, а скорее их реакцией на непосильные задачи. Мы не знаем точно, какие установки давались начальникам райотделов в Московском областном управлении, но в соседней Ярославской области требования к оформлению дел выглядели следующим образом: «Достаточно было лишь справки о “социальной физиономии” арестованного и двух свидетельских показаний, “изобличающих” его. Одновременно дали и другую установку: принимать на тройку только групповые дела. В результате этого районные аппараты стали соответственно объединять подготовленные ими дела»²⁵.

Этот принцип сохранялся и при проведении «национальных операций», однако дела на каждого обвиняемого оформлялись индивидуально, несмотря на донесения о

Г. С. Ким (Ямосито), преподаватель японского языка в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Расстрелян 29.05.1938 г. и захоронен в Бутове (тюремная фотография). Слева — иероглифическое письмо из Японии, конфискованное во время обыска у арестованного Г. С. Кима (Ямосито)

助言で不本意であったが止むを得なくウラジオの日本領事館に行き助力を供
 に至つた」と不満を述べた。其の他、安子は今分の勉強の事や仕事の事
 同志田中に頼んだが世話を焼く水がなると云つて不満を語した。更に安
 子「私も田中さんにも言つたが、何かありやうか、それだけ過去の事か、あ
 流した方がよいと云つてゐた。三十一は其のデマの内容と云ふのは、ど
 剛に返へしたか、片山安子は、そんな事は昔の事で、何でもなから
 内容に付しては、言も解水なかつた。
 ニよ安子から聞いた以上の話を私に話した。而して同志田中に面會
 二水等の不審の点を解かんとして、平白同志エンを通じて、ビエローとして
 又個人として逢ひたいと云ふ意味の手紙を同志田中に送りました。
 當時、同志田中は既に三十一と片山安子が逢ひた事を知らず、居分
 りしく二十六年午後七時、我と前ビエロー(セス、ミ)とで、中なく我及名のケ
 プ(平山君は南から来た帰分なかつた)と面會し話した。
 先づ同志田中は皆に根に就いて何か不審な点を言はなかつたか、と尋ね
 同志達は簡単に答へた。同志田中は彼は不審の点があるが日記
 に書いて自分の所に届く様に云つた。次に「私(同志田中の古)デマが
 持ち上つてゐる。今は非常な時機が悪い。其のデマが何處から出たか、其
 が重要である。諸君はそれについて知らなかつたか、と尋ねた。同志達は
 んと答へた。二君(達)名か、或は一部の者が、八名の以外の者を加へて八月

* В действительности гестапо не являлось разведывательной службой.

шпионских сетях и организациях, — очевидно, это улучшало статистику. В каждом «шпионском» архивно-следственном деле имеются приложенные протоколы допросов всех лиц, проходящих в рамках одной и той же организации, что позволяло довести объем дела до пятидесяти листов. При отборе кандидатур на аресты следователи НКВД старались соблюдать национально-производственный принцип. Но случались и отступления от него — так, иногда «глава шпионской организации», подходивший по биографическим данным (контакты с границей или персоналом посольств), вообще не работал на том заводе, где велась разведывательная деятельность²⁶. Приходилось корректировать даже национальность, особенно в марте 1938 г., когда поляков и немцев уже не хватало.

Для фабрикации обвинений по отдельным государственным преступлениям сотрудникам органов НКВД все же необходимы были некоторые реальные опорные точки. При «оформлении» дел о шпионаже это были фамилии сотрудников посольств и консульств, выступавших в роли резидентов иностранных разведок. В провинциальных городах их роль играли иностранные специалисты, вернувшиеся к себе на родину. В большинстве своем граждане Германии, они поголовно записывались сотрудниками НКВД в агенты гестапо*. В основе такого подхода лежало директивное письмо ГУГБ НКВД № 12 от 14.02.1937 г. «О террористической, диверсионной и шпионской деятельности немецких троцкистов, проводимой по заданиям гестапо на территории Союза ССР».

Вокруг вернувшихся из СССР в свои страны иностранных специалистов, уже недостижимых, формировался круг «активных участников шпионско-фашистской группы», вроде той, которая была создана из иностранных специалистов Коломенского машиностроительного завода. При реабилитации работники прокуратуры проверяли установленные данные на того или иного «резидента» по материалам оперативного учета Первого Главного управления КГБ (внешняя разведка) и в архиве трофейных документов, получая неизменно негативный ответ (запрос и ответ на него подшивались к делу).

Следствие завершалось составлением обвинительного заключения, где давались краткая характеристика состава преступления и биографические данные на обвиняемого,

П. А. Бонч-Бруевич,
«б. потомственный дворянин, поручик армии Врангеля, товарищ военного прокурора». Расстрелян 21.10.1937 г. и захоронен в Бутове (тюремная фотография)

"УТВЕРЖДАЮ"
ЗАМ НАЧ УПР НКВД МО
майор Госуд. Безопасности
/ЯКУБОВИЧ/.

" " Октября 1937 г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

по следственному делу
№ 5882 по обвинению ВОИЧ-
БРУЕВИЧ Петра Алексеевича,
по ст. 58 п. 10 УК.

В 4-й Отдел УГВ НКВД МО поступили сведения о том, что в Москве проживает О. потомственный дворянин, поручик армии Врангеля, а позднее товарищ военного прокурора Врангельской армии ВОИЧ-БРУЕВИЧ Петр Алексеевич, который будучи враждебно настроен к Советской власти, систематически ведет к/р. агитацию.

Произведенным по делу расследованием установлено:

Действительно в Москве проживает О. потомственный дворянин, активный белогвардейский офицер-поручик армии Врангеля, позднее у него же товарищ-военного прокурора ВОИЧ-БРУЕВИЧ Петр Алексеевич, который будучи враждебно настроенным к Советской власти, систематически вел к/р. агитацию, высказывая открытую вражду к руководителям Партии и правительства, заявляя, что "скоро придет время когда мы с ними расправимся, мы им покажем, как советь свое грязное дело в управление Россией".— (д.д. 16 —св. Жучкова)

высказывая свое сочувствие расстрелянным врагам народа: Тухачевскому и др. и в то же время проявлял свои враждебные отношения к руководителям партии и правительства, нанося им адресу последних всевозможные оскорбления. (д.д.).

Наряду с этим высказывал прямые тернастроения, как во время похорон тов. Кирова заявил:

"Одного убрали, теперь бы остальных убрать /д.д. 16
свид. Жучкова/.

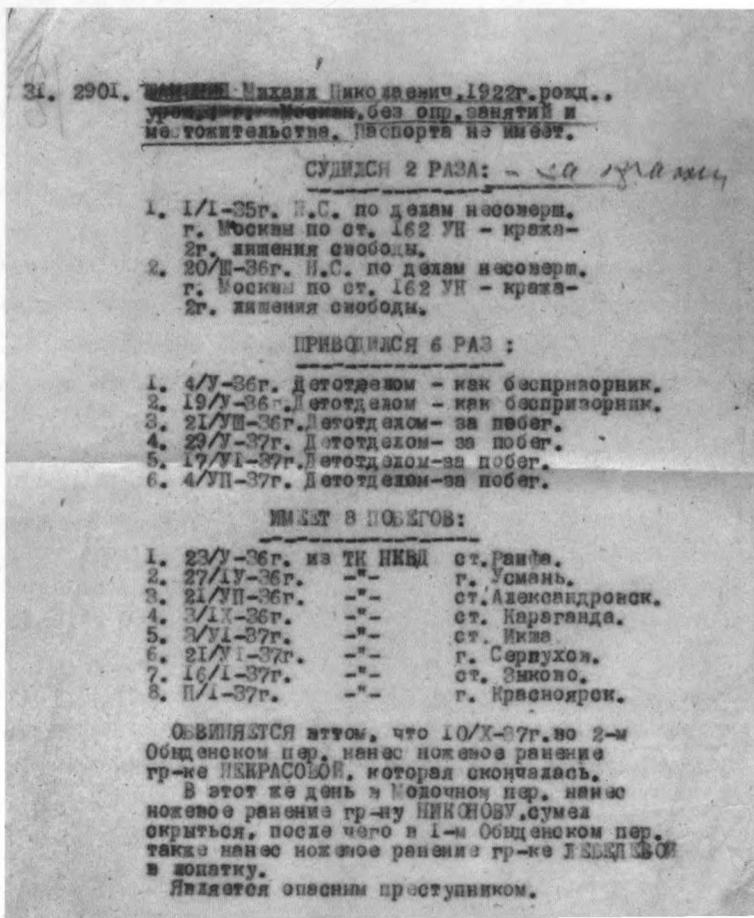
Допрошенный в качестве обвиняемого ВОИЧ-БРУЕВИЧ П.А. виновным себя в к/р. деятельности не признал, но уличается показаниями 2-х свидетелей.—

указывались признание им своей вины, дата ареста и тюрьма, где он содержался. В делах о контрреволюционной агитации приводились наиболее яркие высказывания обвиняемого, в «шпионских» делах — перечислялись лица, давшие на него «уличающие» показания. Здесь же назывался пункт 58-й статьи УК, по которому обвинялся тот или иной человек, иногда приказ (00439, 00485 и т. д.), в рамках которого дело передавалось «на рассмотрение соответствующих судебных инстанций». В обвинительном заключении указывалось на наличие вещественных доказательств по делу (например, «отобранная при обыске антисоветская троцкистская литература уничтожена путем сожжения»).

Чем большего размаха достигали массовые репрессии, тем тоньше и бессодержательнее становились обвинительные заключения. В начале 1938 г. со всеми подписями (оперуполномоченного, его непосредственного начальника, проверяющей инстанции и утверждающей в левом верхнем углу) этот документ укладывался в одну-две страницы машинописного текста. Из текста обвинительных заключений, подготовленных на пике «массовых операций», ис-

Фрагмент здания московской Сретенской тюрьмы № 2 для уголовников (современная фотография). Справа — направление на милиционерскую тройку Михаила Шамонина. Расстрелян 09.12.1937 г. и захоронен в Бутове (не реабилитирован)

чезает дата составления. Очевидно, они оформлялись задним числом и отправлялись в вышестоящие инстанции вдогонку. Об этом же свидетельствует и то, что при перепечатке обвинительного заключения иногда оставлялось место для номера дела, который позже вписывался от руки.

В обвинительном заключении указывалась дата ареста, которая являлась отправной точкой для отсчета срока, назначенного внесудебным органом. Она не всегда совпадала с датой, указанной в анкете арестованного и на обороте ордера на арест. Можно предположить, что это было связано с содержанием арестованного в камере предварительного заключения того или иного райотдела НКВД без оформления каких-либо документов до тех пор, пока следователи определяли, какое преступление и участие в составе какой преступной группы ему будет вменяться в вину.

На основании архивно-следственных дел нельзя заключить, принимали ли следователи на местах непосредствен-

Повестка на заседание
тройки при
УНКВД МО по делам
7-го отдела УГБ —
столяра ОРУ Да
московской милиции.
Приговорен
к высшей мере
наказания. В. М. Куршис
расстрелян 19.10.1938 г.
и захоронен в Бутове

ЛЛ. СОВ. СЕКРЕТНО.

ПОВЕСТКА
на заседание ТРОЙКИ при УНКВД МО по делам 7 ОТДЕЛА УГБ
на " " _____ 1938г.

Фамилия докладч. и № след. дела	Фамилия, имя, отчество, возраст, социальное положение и происхождение и судимость обвиняемого	Характер дела	Дата ареста	Где содержится
КРУТЛОВ 3137	КУРШИС Владимир Николаевич, 1894 г.р., ур. с. Курляндской губ., Гродненского уезда, мест. Плянгоно (Латвия), латыш, гр. СССР, б/п, имеет в Латвии родственников, с которыми поддерживает связь. До ареста — столяр ОРУДа милиции г. Москвы. Обвиняется в том, что являлся участником к-р нац. организации латышей, существовавшей в г. Москве. З к-р латышскую организацию завербовал в 1936г. с инспектором ОРУДа МЕЛИНИМ (осужден). По заданию МЕЛИНИА занимался вербовкой к-р латышских кадров из к-р настроенных лиц. Завербовал в к-р организацию латыша СИРЬЕЛЬ. Знал о наличии в к-р организации террористической группы, готовящей теракты против руководителей партии и Сов. правительства. Высказывал резкие к-р взгляды и распространял клеветнические измышления о руководителях Сов. правительства. Виню себя признал. Удостоверяется показаниями арестованного участника к-р организации УДРИСА К.	ст. 58 п. 10 и 11.	3/III-1938	Тагань тюрьма

СНач. 7 ОТДЕЛА УГБ УНКВД МО
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ *Романов* (КОЗЛОВИЧ)

СНач. 3 отд. 7 ОТДЕЛА УГБ
СЕРЖАНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ *Крутлов* (КРУТЛОВ)

Ворота Управления НКВД по МО с ул. М. Лубянка, через которые провозили обвиняемых.

Во дворе справа от ворот в небольшом одноэтажном здании проходили заседания тройки УНКВД СССР по МО. Там же находилась внутренняя тюрьма УНКВД по МО

ное участие в определении меры наказания лицам, дела которых отправлялись на тройку. Это было прерогативой последней, но поскольку вопрос решался на основе представленных из районов обвинительных заключений, их составители имели возможность косвенно влиять на тяжесть приговора. Нельзя исключать и того, что ими особо отмечались лица, которых следовало приговорить к высшей мере наказания (однако примем во внимание следующие обстоятельства: протокол тройки — коллективный «приговор», готовился в УНКВД, а темп, заданный центром, не оставлял времени на повторное обращение к делам). В рамках развернувшихся позже «национальных операций» ситуация была определенной: «на местах после того, как оперативный сотрудник составлял справку (для представления во внесудебный орган. — *А. В.*), он же, вместе с начальником отделения или отдела, предлагал меру осуждения»²⁷. В изученных мною архивно-следственных делах установить наличие подобных справок не удалось.

Перед отправкой следственного материала на заседание внесудебного органа следователь составлял опись бумаг, находящихся в деле, и сшивал его. Поскольку некоторые документы были в последующие годы утрачены, опись позволяет восстановить изначальную структуру дела. Иногда исследователю могут помочь цитаты из обвинительного заключения. Так, в архивно-следственном деле Николая Ремизова имеются ссылки на его письмо, которое было пе-

рехвачено органами госбезопасности и привело его на расстрел²⁸. Само письмо отсутствует, и только обращение к родственникам Ремизова позволило установить, что оно было опубликовано в 1991 г. (и, очевидно, не возвращено на место)²⁹.

Дела по завершении следствия направлялись районными отделами НКВД в Москву на рассмотрение того или иного внесудебного органа, однако постановления о передаче дел отложились далеко не в каждом архивно-следственном деле. Проверяющей инстанцией выступал аппарат госбезопасности областного управления НКВД.

Иногда в архивно-следственном деле имеется краткий протокол допроса, который проводил следователь, «курировавший» то или иное направление (его роль устанавливается при просмотре дел по сходным обвинениям). На таком допросе речь шла не о проверке фактов, установленных следствием, а о подтверждении «социального лица» обвиняемого. Одним из свидетельств проверки следственных дел в 1930-е гг. являются пометы на их страницах,

Протокол заседания
судебной тройки
с подписями
председателя, членов
и секретаря тройки
при УНКВД СССР по МО
С. Я. Гагарина
от 19.08.1937 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ПРОТОКОЛ № 8

заседания судебной тройки при УНКВД СССР
по Московской области

Председатель Нач.Управления НКВД СССР по
Московской области-Комиссар
Гос.Безопасности 1 ранга
РЕДЕНС С.Ф.

Члены: { Секретарь МК ВКП(б)
РАКОВ Г.П.
Прокурор Московской обл.
МАСЛОВ К.И.

Секретарь Нач.8 Отдела УГБ УНКВД МО
Лейтенант Гос.Безопасности
ГАГАРИН С.Я.

« Август 1937 г.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

Дело № 17173 по обвинению:
СЕРГЕЕВА Виктора Петровича, 1889 г.р.,
СССР, ур.г.Ленинграда, б.офицер
красной армии и штабс-капитан армии
белого кака, в 1929 г. арестовывался
ОГПУ за к-р деятельность, в
1930 году судился по 116 ст.УК, приго-
ужен к 3 годам лишения свободы. В
1931 г. за контрреволюционную деятель-
ность Триумфом III ОГПУ по СВК был
приговорен к 5 годам ИТЛ, -наказание отбыл.
ОБВИНЯЕТСЯ в том, что возвратясь
из лагерей продолжал вести злостную
агитацию и к-р работу. Кроме
того высказывал тернастроения по ад-
в коммунистов, заявляя: "Я служил
офицером белой армии, крепко расправ-
ился с коммунистами, их нужно резать
как сорняки".

СЕРГЕЕВА
Виктора Петровича
РАСТРЕЛЯТЬ

Отличительные знаки на тюремных фотографиях, сделанных в 1937–1938 гг. (сверху вниз):
в Таганской тюрьме № 1,
Сретенской тюрьме № 2,
Бутырской тюрьме № 3,
в тюрьме Дмитлага

сделанные начальственным красным карандашом. Возможно, не все они относятся к 1930-м гг., хотя, вероятно, в 1950-е гг. работники прокуратуры не относились столь выскомерно-небрежно к этим документам. Так, в протоколе допроса одной из женщин против слова «говорил» (а не «говорила») был поставлен вопросительный знак. В другом деле проверяющий подчеркнул как неуместное первое прилагательное во фразе «я проводил гнусную подрывную работу»³⁰.

С другой стороны, мимо контроля областного управления проходила явная нелепица — например, из-за неправильного написания фамилии в обвинительном заключении получалось, что человек завербовал самого себя. (Так, Штеклян Антон Петрович завербовал Штеклера Антона Петровича)³¹. Немцу Эдуарду Зоммерфельду почему-то вменялось в вину посещение польского клуба в Москве, где он встречался с немецкими шпионами³². Проверяющие на Лубянке следили за наличием в следственном деле установленного минимума необходимых бумаг и выправлением явных противоречий в них и в то же время отдавали себе отчет в том, что являются соучастниками фальсификации государственного масштаба.

«Приговор» — решение тройки или двойки — содержится в архивно-следственном деле в виде машинописной выписки по стандартной форме. Обращает на себя внимание то, что если осенью 1937 г. между арестом и приговором проходила одна-две недели, то на исходе зимы 1938 г. образовалась своего рода очередь на заседания внесудебных органов. Документов об ознакомлении репрессированных с их решениями в делах не имеется. (Исключения составляют дела по 58-й статье УК, которые рассматривались судебными органами.) Между расстрельным приговором и приведением его в исполнение в начале «массовых операций» проходило один-два дня, позже этот срок растянулся до нескольких недель.

После вынесения приговора осужденного фотографировали в «фас и профиль». Причем каждая из московских тюрем имела свои отличительные признаки, по которым можно было определить, в какой тюрьме тот или иной человек сфотографирован. Отсутствие фотографии перед приведением приговора на месте расстрела служило поводом для перенесения казни.

Ф. 896

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

заседания тройки при Управлении НКВД СССР по МО от "1" IX 1937 г.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
<p>9. дело № 11800 по обвинению СИНЕЛЬНИКОВА Василия Васильевича, 1974 г. р. ур. л. Руднево, Луховицкого р-на, МО, кулак. В 1918 г. являлся активным организатором и участником к/р кулацкого восстания в селе Ильясово, Зарайского р-на, МО. В 1935 г. орг. ОПТУ осужден по ст. 58 п. 10 на 3 г. ссылки. Обвиняется в том, что будучи враждебно настроенным к советской власти среди колхозников вел активн. к/р деятельность.</p> <p style="text-align: right;">Секретарь тройки</p>	<p>СИНЕЛЬНИКОВА Василия Васильевича - РАССТРЕЛЯТЬ.</p>

Выписка из постановления заседания тройки при УНКВД по МО о ВМН (высшей мере наказания – расстреле) В. В. Синельщикова (в документе ошибочно написано – Синельников). Расстрелян 02.09.1937 г. и захоронен в Бутове. Внизу документа – подпись секретаря тройки С. Я. Гагарина

Бланк «выписки из акта» («справки») о приведении в исполнение расстрельного приговора печатался на машинке и заполнялся от руки. Этот документ в архивно-следственном деле содержит только дату постановления о расстреле и дату самого расстрела. Место казни не указывалось, и впоследствии поисковым группам общества «Мемориал» пришлось приложить немало усилий для обнаружения захоронений казненных. Так, урочище Сандармох в Карелии, где было расстреляно около 9 тысяч человек, в том числе и жителей тогдашнего Ленинграда, обнаружили лишь 1 июля 1997 г.³³ На «выписке» имеется одна подпись без указания на должность и расшифровки фамилии подписавшего. То, в каком лагере или тюрьме находился человек, где отбывал ссылку, можно узнать лишь из его обращений о пересмотре дела или протоколов допросов, если он, уже будучи заключенным, передпрашивался по вновь открывшимся обстоятельствам.

Выписка из акта о приведении приговора в исполнение с подписью С. Я. Гагарина. Священник Владимир Нарский расстрелян 08.03.1938 г. и захоронен в Бутове

дело № 11800

ВЫПИСКА ИЗ АКТА

Постановление Тройки УНКВД по МО "2" IX 1938 года

о расстреле Нарского Владимира Александровича

Приведено в исполнение "8" III 1938 г. " часов.

ПОДПИСИ: *С. Я. Гагарин*

* Процедура утверждения «альбомов» в Москве, отправка их обратно в регионы требовала времени, и к лету 1938 г. репрессивная машина стала пробуксовывать, тирьмы на местах оказались перегруженными. «Альбомный порядок» был отменен решением Политбюро (П64/22) от 15.09.1937 г., им же предусматривалось создание Особых троек для рассмотрения дел по «нацконтингентам». Тройки рассматривали дела на арестованных до 01.08.1938 г., дела на подвергшихся аресту после передавались в суды, трибуналы, Военную коллегия Верховного Суда СССР или на ОСО. Через два дня после завершения работы Особых троек совместным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР все массовые операции были прекращены, приказом нового наркома НКВД Л. Берия №00762 от 26.11.1938 г. отменялись все оперативные приказы и директивы, изданные в их развитие.

Спешка при оформлении огромного количества дел в период «массовых операций» приводила к тому, что они не содержали необходимых уголовно-процессуальных документов, в том числе постановления об окончании следствия (или «протокола об объявлении об окончании следствия»), на котором должен был расписаться сам обвиняемый. Иногда в архивно-следственном деле содержится чрезвычайно любопытная для исследователя служебная переписка, которая позволяет реконструировать ход репрессий со стороны их исполнителей, давление вышестоящих инстанций, систему неформальных взаимоотношений в органах госбезопасности.

Кроме того, в ряде архивно-следственных дел имеются копии повестки дня Особого совещания при НКВД, листы «альбомов», которые рассматривались комиссией наркома внутренних дел и Прокурора СССР (двойкой). Последние выглядели следующим образом: на левой стороне писчего листа, расположенного горизонтально, содержались краткие анкетные данные обвиняемого, справа — характер его преступления. Эти альбомы были установлены приказом № 00485, в котором говорилось буквально следующее: «На отнесенных в процессе следствия к первой [расстрел] и второй категории [заключение на срок от 5 до 10 лет] каждые 10 дней составляются списки с кратким изложением следственных материалов, характеризующих степень виновности арестованного, которые направляются на окончательное утверждение в НКВД СССР. Отнесение к первой или второй категории на основании рассмотрения следственных материалов производится народным комиссаром внутренних дел республики, начальником УНКВД области или края, совместно с соответствующим прокурором республики, области, края. Списки направляются в НКВД СССР за подписью народного комиссара внутренних дел республики, начальников УНКВД и прокурора соответствующих республик, края и области. После утверждения списков в НКВД СССР и Прокурором Союза приговор немедленно приводится в исполнение...»*.

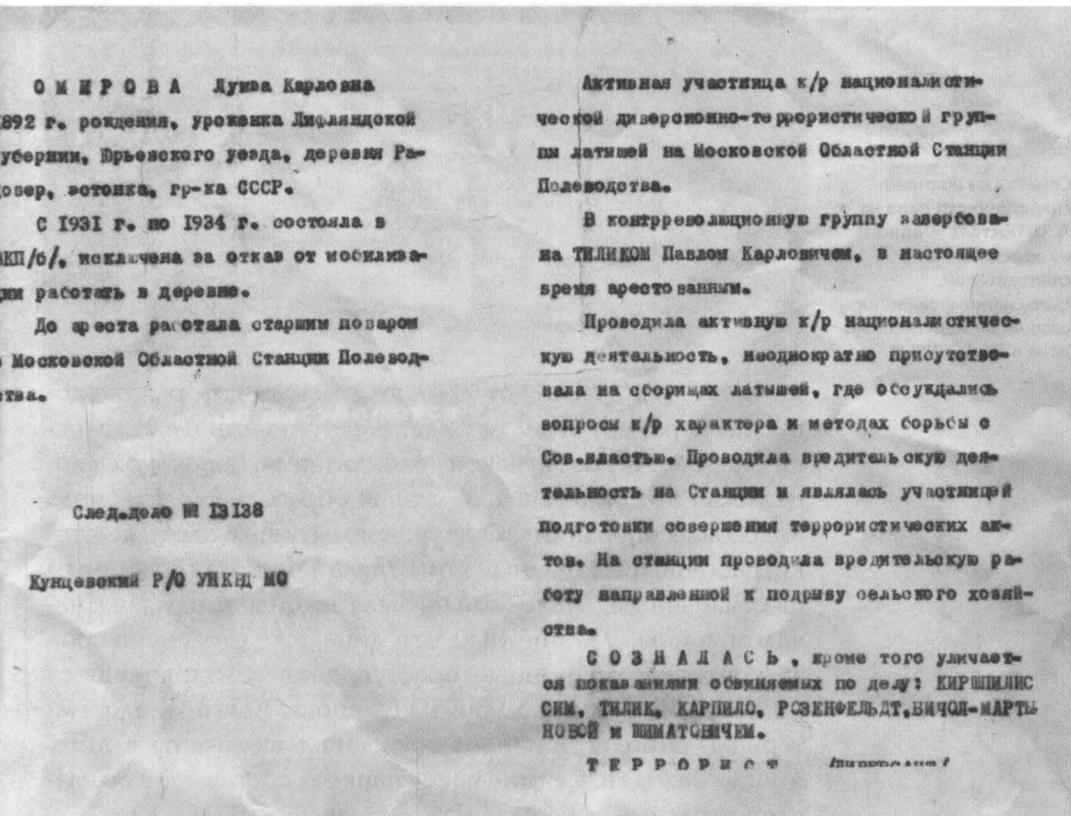
На соответствующем листе «альбома» особо отмечалось, каким отделом (райотделом) велось дело, сознался или не сознался обвиняемый, и в заключение прописными буквами давалось определение, например «ТЕРРОРИСТ (ДИВЕРСАНТ)»³⁴. Судя по остаткам прошивки, после за-

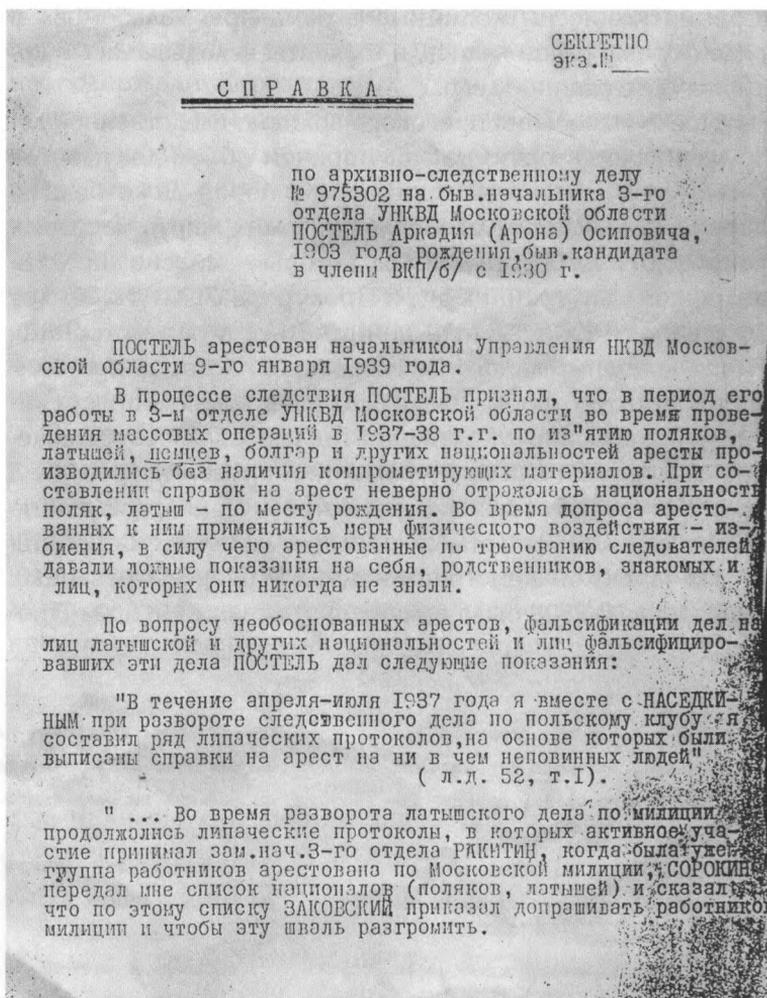
седания комиссии копиянные экземпляры «альбомов» в ряде случаев расшивались, и их листы вкладывались в архивно-следственное дело.

После вынесения приговора архивно-следственное дело начинало «вторую жизнь», причем объем документов части, следовавшей за приговором, порой даже больше первой. Сюда попадали заявления самих жертв массовых репрессий и их родственников, которые согласно директиве наркома внутренних дел и Прокурора СССР № 2079 от 26 декабря 1938 г.³⁵ стали приниматься к рассмотрению. После дополнительного расследования, которое проводилось достаточно формально и сводилось к передопросу свидетелей, в архивно-следственном деле появлялось заключение следователя или прокурора, если проверку проводила прокуратура, об отказе в пересмотре дела (в чрезвычайно редких случаях — об отмене приговора или его смягчении).

Из-за нескончаемого потока жалоб репрессированных директива № 2709 была заменена приказом НКВД и Про-

Повестка дня заседания
двойки — лист
из так называемого
«альбома»

Справка из архивно-следственного дела на А. О. Постеля - одного из арестованных следователей, фальсифицировавших уголовно-следственные дела в 1937-1938 гг.

курора СССР № 0165 от 23 апреля 1940 г., который не допускал пересмотра дел осужденных тройками и фактически ставил точку бериевской реабилитации. Вероятно, вскоре после этого началась архивная обработка дел периода «массовых операций». Они упаковывались в плотные папки, рабочий пятизначный номер дела заменялся сплошным шестизначным. Эта работа не была закончена в связи с началом войны. В конце 1940-х гг. лица, уже отбывшие срок за контрреволюционные преступления и находившиеся на поселении, репрессировались вновь. Как правило, материалы этого вторичного осуждения включены в дело, иногда находятся в отдельной папке и составляют его заключительный том.

Наконец, самым интересным комплексом документов второй части архивно-следственных дел являются материалы реабилитации, если таковая проходила во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. Органы прокуратуры передпрашивали не только самих жертв или свидетелей по их делам, но и оперативных работников НКВД. В случаях, если последние были репрессированы, к архивно-следственному делу прилагалась подробная справка из их собственных дел о допусках им нарушениях «социалиста-

Заключение УКГБ при СМ СССР с предложением сообщить родственникам вымышленную причину и дату смерти расстрелянного

УТВЕРЖДАЮ: СЕКРЕТНО 5

Заведующий Управлением КГБ при СМ СССР по Московской области *Машков*

7. IX 1958 г. *(Логинов)* **ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

г. Москва *6 - сентября 1958 г.*

Я. *Машков* (должность) *СМ. лейтенант Сколин* (звание и фамилия)

и СМ СССР по Московской области *СМ. лейтенант Сколин*

рассмотрел материалы архивно-следственного дела № *478469* по обвинению *Радзиевский Валентин Никандрович* (установочные данные осужденного)

1908 г. роден, звание г. Бирзула, Молдавской ССР

заявление *жены Радзиевской З.М.* (родственные отношения, фамилия, имя и отчество)

Н А Ш Е Л:

Из материалов архивно-следственного дела видно, что *Радзиевский* (фамилия и инициалы осужденного)

ужден *19 мая 1938 г. комиссией НКВД ССР К.В.И.К.* (кем осужден, дата и на какой срок)

29 мая 1938 г. Машковским Женев. плен.

В заявлении *Радзиевская* просит сообщить о местонахождении осужденного, а в случае смерти выдать свидетельство.

Руководствуясь указанием КГБ при СМ СССР № 108/сс от 24 августа 1955 года, —

П О Л А Г А Л Б Ы:

Зарегистрировать смерть осужденного, для чего сообщить в ЗАГС *Сокольнического* (район)

р-на г. Москва о том, что *Радзиевский В.Н.* (фамилия)

имя и отчество осужденного) отбывая наказание в ИТЛ, умер *29 января 1941 г.* (дата)

кровоизлияние в мозг (причина смерти)

объявить заявителю о месте регистрации смерти осужденного.

О регистрации смерти осужденного и объявлении заявителю сообщить в первые спешотделы ВД СССР, УМВД Московской области и в Учетно-архивный отдел КГБ при СМ СССР для отражения в учетах, а заявление вместе с перепиской приобщить к архивно-следственному делу № *478469*

Машков (должность и звание) *Сколин* (подпись)

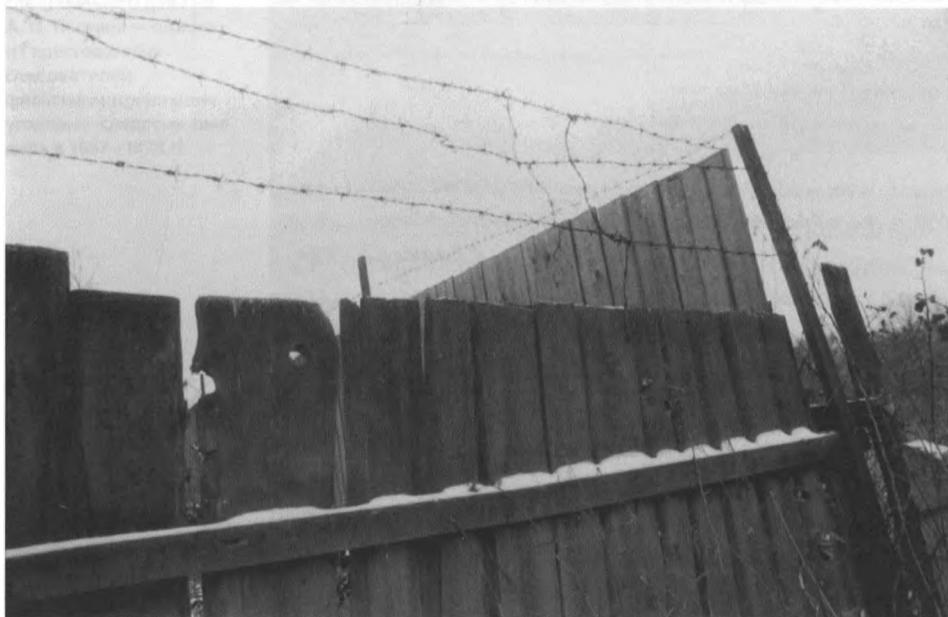
СОГЛАСНЫ: Начальник отделения *Сколин* (подпись)

Зам. Начальник Учетно-архивного отдела УКГБ при СМ СССР по Моск. обл. *Радзиевский* (подпись)

ческой законности», содержащая в себе чрезвычайно важную информацию о творцах и исполнителях «большого террора». Справку (зачастую представлявшую собой выписки из протоколов допросов и обвинительного заключения) заверял работник КГБ или прокуратуры, занимавшийся пересмотром дела. В архивах КПСС, Коминтерна, Первого Главного управления КГБ, трофейных документов (Особом) наводились справки об осужденном и лицах, зачисленных вместе с ним в ту или иную «контрреволюционную организацию» или «шпионскую сеть».

После решения о реабилитации архивно-следственное дело пополнялось обращениями родственников с просьбами о регистрации смерти, компенсации утраченного имущества и т. д. Примером продолжающегося обмана служат напечатанные типографским способом бланки, куда вписывались вымышленные причина и дата смерти расстрелянных. (См. с. 215) Лишь с начала 1990-х гг. сотрудники ФСК-ФСБ в ответ на запросы родственников стали называть истинную причину смерти погибшего — расстрел, родные и близкие получили возможность знакомиться с архивно-следственными делами и делать необходимые копии. Адреса, сохранившиеся в делах, позволяют государственным и* общественным структурам, осуществляющим или оказывающим содействие процессу реабилитации,

Забор подмосковного Бутовского полигона. Здесь лежат останки тех, о ком сообщалось до 1993 г., что они умерли от болезней в далеких лагерях НКВД

СС СР

СЕКРЕТНО экз. № 1786

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
г. Москва, Арбат, 37

№ Н-2968/ос 06526 исп. вх. № 05684 22 августа 1956 г.

Копия: НАЧАЛЬНИКУ УЧЕТНО-АРХИВНОГО ОТДЕЛА УМВД по городу МОСКВЕ г. Москва
 НАЧАЛЬНИКУ 1-го СПЕЦОТДЕЛА УМВД по МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ г. Москва
 ВОЕННОМУ ПРОКУРОРУ МВО г. Москва, ул. Осипенко, 62-а
 На № 2/3404-55 от 9 июня 1956 года

Уч.-архивный отдел
 при СМ СССР по г. Москве
 6/12877
 27-14 1956 г.

Вместе с подлинным определением Военного трибунала Московского военного округа № Н-2968/ос от 16 августа 1956 года, направляю дело по обвинению ГУСЕВА Арвадия Яковлевича, 1872 г. рождения, РАДКЕВИЧА Александра Сергеевича, 1881 г. рождения, КОРЗУНА Алексея Павловича, 1878 г. рождения и других для исполнения в части возврата конфискованного и изъятого имущества у вышеперечисленных лиц, у которых производилось изъятие имущества; установления местожительства родственников ЛЕСНЕВСКОГО В.И., ГРИГОРОВА А.Н., АЛЕКСЕЕВА И.Т., ТЕРЕЖОВСКОГО В.А., ПЛАКОВСКОГО А.Ф., БОРЗОВА Н.А., СУЛЬКЕВИЧ, БАРСУКОВОЙ Е.З., ВЕЛИКОДВОРСКОГО, РАДКЕВИЧА А.С., ГУСЕВА А.Я. и вручения им справок о реабилитации.

Справка о реабилитации МАЛЕВИЧ А.С. вручена его жене гр. МАЛЕВИЧ А.А. на приеме в Военном трибунале МВО 18 августа 1956 года, а также прощу вручить справки о реабилитации родственников НОВИКОВА Н.С., ЕЛИЗАРОВА Н.С., КОРЗУН А.Н., БЕРСЕНЕВА И.К., проживающих в гор. Москве.

Об исполнении прощу сообщить в Военные трибунал и прокуратуру Московского военного округа.

Приложение: 1-му адресату - дело с н/вх № 05684 на 505 листах и 16 справок о реабилитации.
 2-му, 3-му адресатам по одной копии определения с МБ № 5989 на 4-х листах каждая.

ЗАМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА МВО
ПОЛКОВНИК ЕСТИДИН

Н. Гурин Н. ГУРИНОВ/

При ответе сослаться на наш номер

п.4 экз
 1-3 адр.
 4 в НК
 п. и отп.
 Рамова
 УИЛ.56 г.
 МБ 6061

Н. С. Елизаров, бывш. царский генерал. Расстрелян 10.12.1937 г. и захоронен в Бутове (тюремная фотография)

Послереабилитационное «Определение о возмещении конфискованного имущества» расстрелянных в 1937 г. и захороненных на Бутовском полигоне. В числе проходивших по делу - Н. С. Елизаров

предоставлять информацию о подробностях судьбы репрессированного. С 1993 г. родственникам захороненных в Бутове и на спецобъекте «Коммунарка» стали сообщать о предполагаемых местах расстрелов и захоронений их близких, оказывать социальную и психологическую поддержку.

В заключение позволим себе ряд выводов. Публицистической гиперболой являются утверждения отдельных авторов перестроечного периода, что в 1937—1938 гг. людей отправляли на расстрел без единой «бумажки» или только по спискам, подписанным Сталиным и членами Политбюро. Следствие документировалось по каждому из аресте-

ванных, его ход и результаты достаточно последовательно оформлялись в виде архивно-следственных дел. Конечно, о его соответствии нормам уголовно-процессуального права тех лет можно говорить только в масштабах формальной логики. Здесь необходимы иные мерки и особый подход — слишком очевиден тот клубок лжи, клеветы и насилия, который создавали работники НКВД в эпоху массовых репрессий. В то же время при работе с архивно-следственными делами нельзя давать волю негативным эмоциям, хотя порой они просто захватывают исследователя. Он должен уподобиться археологу, которому для получения уникальной информации приходится терпеть особые обстоятельства, связанные с ее появлением.

Земля Бутовского
полигона
(фотография 1993 г.)

Николай Федоров

СТРАНА «ДМИТЛАГ»

Из истории строительства канала им. Москвы (канала Москва-Волга)

Дмитлаг, крупнейшее лагобъединение ОГПУ-НКВД СССР, существовал с 1932 по 1938 г. и располагался на территории Московской области и отчасти даже в самой Москве. Порожденный советской карательной системой, Дмитлаг был создан для использования труда заключенных на строительстве канала Москва-Волга.

Идея канала, который соединил бы воды Москвы-реки с волжской водой, была не нова. Еще Петр I задумал взамен волока построить «водяной ход» от Волги до Рогачева. Однако проведенные исследования показали, что «Лихоборка — самый маленький ручеек, также же Каширка и Волгуша, через которые ни одной шлюзной водой пользоваться нельзя»*.

План не был осуществлен, и со смертью императора о «водяной коммуникации» забыли.

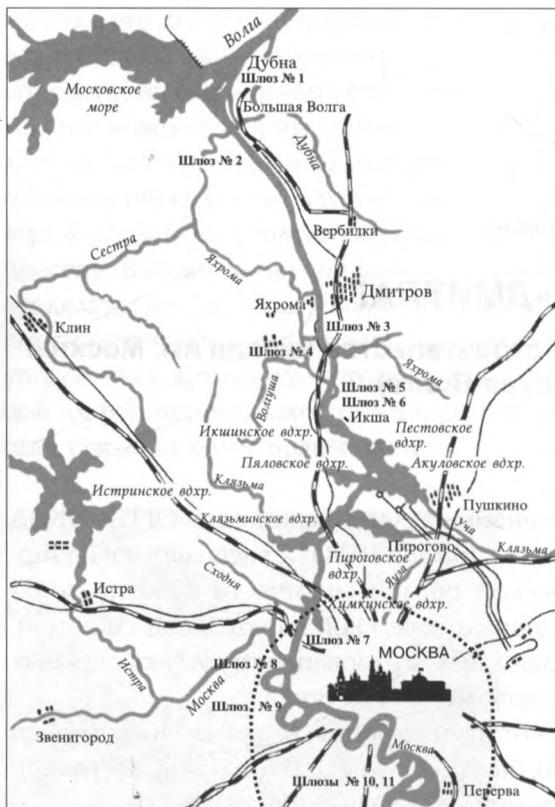
К идее сооружения канала вернулись через сто лет. С 1825 по 1844 г. производились строительные работы на истринском направлении. Между реками Истрой и Сестрой был проложен канал длиной в восемь верст, устроены шлюзы, водохранилища. Но строительство Николаевской железной дороги отодвинуло сооружение канала на неопределенное время. Работы были остановлены. Вода и песок постепенно погрузили «водяной ход» в небытие.

В XX веке необходимость соединения Москвы-реки с Волгой стала еще больше. Но, несмотря на технические достижения XX века, сооружение водной трассы среди болот, лесов и многочисленных холмов было все-таки сверхсложной задачей.

* «Клязьма и Истра-река на всякий год местами песком и глиной заносятся и отмель делается, а каналы от берегов весной и осенью тоже могли б песком и глиной заплыть и тем наполняться».

М. Д. Берман,
зам. наркома
внутренних дел СССР,
начальник
строительства канала
Москва-Волга.
Расстрелян в Москве
в 1939 г.
Справа – карта канала
Москва-Волга.

15 июня 1931 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял постановление о строительстве канала, который соединит Волгу и Москву-реку. Будущий канал давал столице необходимое количество воды, ибо ее не хватало, особенно в летние дни, делал в перспективе Москву портом пяти морей, электрифицировал населенные пункты вдоль трассы, создавал промышленные предприятия в прилегающих районах, выполнял и другие важные функции.

Первоначально возведение канала Москва-Волга поручили Наркомводу СССР. С 1 сентября 1931 г. стало функционировать соответствующее Управление, однако работы велись крайне медленно, и 1 июня 1932 г. строительство гиганта второй пятилетки передали ОПТУ СССР*. Это был поворотный момент не только в реализации проекта, но и в судьбах сотен тысяч людей. Управление Москвалогострой (МВС) из столицы перебиралось в Дмитров. Центром стройки становился провинциальный заштатный город с единственным механическим заводиком и населением в шесть тысяч человек. Приказом № 889 от 14.09.1932 г.

* Тогда же Совет Народных Комиссаров СССР, рассмотрев три предложенных варианта (дмитровский, старицкий и шошинский), утвердил дмитровский вариант.

по ОГПУ в непосредственной близости от столицы создавался Дмитлаг (первоначально—Дмитровлаг, ДЛАГ, ДИТЛ).

Для Управления МВС и Дмитлага были выбраны здания старинного Борисоглебского мужского монастыря и прилегающего к нему бывшего духовного училища. Однако в монастыре располагался музей Дмитровского края, сотрудники которого отказались выполнить предписание ОГПУ и освободить помещения. Когда все аргументы затянувшейся тяжбы были исчерпаны, коллектив музея попросту арестовали и многих выслали, а богатейшие фонды выбросили к зданию райисполкома — в назидание всем непокорным*.

Приказ № 1 о приступлении к формированию Дмитлага вышел 20 сентября 1932 г. Вскоре на строительство канала начали прибывать по этапу заключенные других лагерей, в первую очередь — из Белбалтлага, затем из Балахнинского и Среднеазиатского ИТЛ, из Темниковских, Вишерских лагерей, из Свирлага, Сиблага, Сарлага (Саровского лагеря). Из Свирлага, кроме заключенных, доставили еще служебных собак, перечисленных в сопроводительных бумагах поименно**. С Соловков прибыла опытная охрана: командиры и стрелки.

Приказом № 10 был определен распорядок жизни лагеря «Перпункт» (пересыльный пункт) и лагпунктов 8, 10 и 12, установлен десятичасовой рабочий день***.

Вскоре Дмитлаг стал грандиозным по масштабам исправительно-трудовым учреждением в системе ГУЛАГа. «Самый большой списочный состав лагерей, — писал впо-

* Прошло более шестидесяти лет, а разгромленный музей так и не сумел полностью оправиться от нанесенного удара.

** Отдельным приказом зачислили прибывших животных «на все виды довольствия согласно списку».

*** Параграф 4 приказа гласит: «Рабочий день считать с 7.00 до 17.00. В течение этого времени з/к. з/к. выполняют заданные им трудовые нормы, по окончании работ выстраиваются стройными рядами по пять в ряду и следуют в таком порядке в лагерь».

Дмитровский
Борисоглебский
монастырь.
Помещения бывшего
настоятельского
корпуса были
предоставлены
3-му отделу Дмитлага
(современная
фотография)

Надпись рядом с входными воротами Дмитлага НКВД СССР (кадр из кинофильма 1930-х гг. «Великая стройка пятилетки»)

ледствии Варлам Шаламов, — был не на Колыме, не на Воркуте и не на БАМЛАГе. Самый многочисленный был Дмитлаг, Москанал с центром в городе Дмитрове... — один миллион двести тысяч человек. Это — в 1933 г., и большей цифры заключенных не было»¹.

К 1933 г. население Дмитлага настолько разрослось, что начальство потеряло контроль над его численностью. Поэтому был объявлен день переписи. Было решено произвести «однодневную генеральную проверку всех з/к. з/к.», для чего с вечера 31 декабря 1932 г. до вечера 1 января 1933 г. были запрещены любые передвижения по всей территории Дмитлага, всем его многочисленным лаготделениям, лагпунктам, подпунктам, командировкам и подкомандировкам.

Начальником МВС назначили Лазаря Когана, который приехал после окончания строительства Беломоро-Балтийского канала, а начальником Дмитлага был поставлен Сорокин, затем полпред ОГПУ по Московской области Аркадий Калачников. Оба исполняли свои обязанности недолго. С сентября 1933 г. этот пост занял начальник Белбалтлага Семен Фирин. Одновременно он являлся заместителем начальника ГУЛАГа СССР, а на строительстве канала Москва-Волга — заместителем начальника МВС.

Две характерные черты бросаются в глаза при знакомстве с личными документами руководителей МВС и Дмитлага. Почти все они, занимая видное положение в системе ОГПУ-НКВД и имея высокие звания, не получили никакого заслуживающего внимания образования*.

Другим немаловажным обстоятельством было то, что многие из руководителей были переведены на строитель-

* Л. Коган сдал экстерном экзамены за 4 класса гимназии; С. Фирин был с низшим образованием, хоть и знал пять иностранных языков; начальник районного отделения 3-го (секретного) отдела Ж. Дамберг окончил трехлетнюю сельскую школу и 4 класса сельхозучилища. И только начальник 2-го отдела С. Пузицкий имел два высших образования.

ство канала с серьезным понижением в должности. Так, старший майор ГБ С. Фирин был кадровым советским разведчиком в Западной Европе. После разоблачения его деятельности иностранной контрразведкой и возвращения в СССР он стал помощником начальника ГРУ РККА, а затем оказался на строительстве Беломорканала. Начальник 3-го отдела комиссар ГБ третьего ранга С. Пузицкий, получивший орден за участие в операции по поимке Б. Савинкова*, служил прежде полпредом ОГПУ в Ростове-на-Дону. То же можно сказать и о других представителях лагерного начальства. Пониженные в должности, заброшенные в глухую провинцию, эти люди всеми силами старались снова выбраться «наверх». Кроме того, на строительстве канала велась постоянная борьба между Л. Коганом и С. Фириним за единоличную власть. Все это дополнительной тяжестью ложилось на заключенных. Так, например, замещая уехавшего в отпуск Л. Когана, С. Фирин добивался от заключенных Дмитлага более высоких производственных показателей, и за семнадцать дождливых дней, вероятно, ценою многих человеческих жизней месячный план был перевыполнен.

Канал предполагалось построить длиной в 128 километров. Но, кроме самого канала, предстояло соорудить: одиннадцать шлюзов, семь плотин, гидростанции, Ивановское, Учинское, Клязьминское, Истринское, Московское и другие водохранилища, водопроводный канал, который предполагалось проложить от Учинского водохранилища к столице; планировалось построить железнодорожные пути (от Вербилков до Волги, от Большой Волги до Дмитрова).

Масштабы грандиозной стройки поражали воображение советских людей. Множество наивных, романтически настроенных энтузиастов, бросив все, приезжали на строительство канала и устраивались здесь вольнонаемными (немало их мы находим в списках расстрелянных и захороненных в Бутове).

Вся трасса канала была первоначально разделена на семь, а впоследствии на четырнадцать районов: Центральный, Волжский, Хлебниковский, Южный, Завидовский, Сходненский, Водопроводный, Карамышевский, «Соревнование», «Темпы», «Техника», еще Ореvesкий, Икшинский и Восточный. Каждый район имел свое отделение 3-го (секретного) отдела Дмитлага. Районы, в свою очередь,

* Знаменитая операция ОГПУ по поимке Бориса Савинкова известна под названием «Трест».

Я. И. Коган,
начальник МВС.
Расстрелян в 1939 г.
в Москве

Вверху — С. Г. Фирин,
начальник Дмитлага.
Внизу — С. В. Пузицкий,
начальник 3-го отдела
Дмитлага. Расстреляны
в 1937 г. в Москве

Поезд с заключенными, следующими в Дмитров на строительство канала. 1933 г. (кадр из кинофильма 1930-х гг. «Великая стройка пятилетки»)

делились на участки. Вдоль всего огромного котлована функционировали зоны для заключенных и расконвоированных. Помимо общих работ, массовой вырубке леса, заготовки торфа и дров, выпуска продукции завода и мастерских, заключенные производили все необходимое для самообеспечения лагерей.

Зоны располагались, по существу, и на окраинах Москвы. В Дмитрове на северной и южной окраинах также действовали две зоны, функционировал лагпункт, обслуживающий железнодорожную станцию. Часть специалистов жила в частном секторе. А для ученого, заключенного Дмитлага, а в прошлом министра Временного правительства профессора Н. В. Некрасова специально построили дом.

На сооружение канала Москва-Волга вместе с лагерным начальством прибыла часть досрочно освобожденных «ударников-каналармейцев» с Белбалтлага. Для последних в 1933 г. в Дмитрове провели заключительный слет ударников, на котором присутствовал А. М. Горький, причем клуб, где проходил слет, как и многие другие сооружения, вместе с техникой, а также «живым и мертвым инвентарем» был перевезен из Белбалтлага и Темников.

В январе 1933 г. на Перерве приступили к работам первые партии каналармейцев, а в сентябре того же года при деревне Ивановково началось сооружение Волжского гидроузла.

Состав заключенных был весьма пестр. Большинство дмитлаговцев имели срок заключения по общеуголовным статьям. Особенно много было так называемых «тридцатипятников», то есть осужденных по 35-й статье УК РСФСР*. Конечно, в Дмитлаге можно было встретить и убийцу, и вора-рецидивиста. Но не меньше тут находилось осужден-

* Чаще других встречались в Дмитлаге арестованные по уголовным статьям: 35, 72, 73, 78, 79, 82, 83, 107, 109, с 165 по 170, 217, 230; это все статьи за хозяйственные, имущественные преступления, за нарушение закона об отделении церкви от государства, должностной подлог, спекуляцию, побег из мест заключения, злоупотребление служебным положением, хранение огнестрельного оружия. Сидели здесь и по политической 58-й статье и по тяжкой 59-й («особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления»), бандитизм).

ных по постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. Это постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении (социалистической) собственности» предусматривало меру наказания — расстрел, а при смягчающих обстоятельствах — 10 лет лишения свободы; амнистии не полагалось. Среди заключенных были осужденные как СОЭ или СВЭ. В эти категории мог попасть любой, особенно жены, дети, вообще родственники репрессированных.

Направляя «зеков» на новую стройку, им обещали многое. По окончании возведения нового объекта заключенные мечтали о скорейшем освобождении, особенно те, кто уже проложил Беломоро-Балтийский канал. Но на деле оказывалось иначе.

Из приказа № 42 по Дмитлагу. 10 ноября 1932 г. «...Работая в Темниках, Свири, Белбалтлаге, ударники буквально держались за превышение нормы, в ожесточенной трудовой схватке штурмовали скалы, побеждали стихию. На объектах Дмитлага бывшие ударники дают небывало низкие, черепаши показатели, недостойные своих прошлых заслуг...»

Из книги И. Авербах*: «После окончания Беломор-строга у многих нарушителей создалось такое впечатление, что в лагере им будут предоставлены прекрасные условия при самой небольшой затрате сил с их стороны. Вследствие этого целые группы заключенных в Дмитровском лагере стали выдвигать невероятные требования к администра-

* Ида Леонидовна Авербах, жена наркома ОГПУ НКВД Г. Г. Ягоды и племянница Я. М. Свердлова, осуждена «в особом порядке», приговорена к ВМН 16 июля 1938 г. Захоронена на территории своей же дачи — бывшей дачи наркома Ягоды, а с осени 1937 г. — спецобъекта НКВД «Коммунарка».

Колонна заключенных, следующая к месту работы (кадр из кинофильма 1930-х гг. «Великая стройка пятилетки»)

* Были приговорены тогда Феликс Домбровский, Федор Рысенко, Анатолий Чупилин, Павел Попов, Яков Чумаченко, Леонид Кузмичев, Федор Калистратов, Василий Поросятников, Андрей Серый, Сергей Бородав, Иван Дурдин.

ции. Естественно, что руководству Дмитровского лагеря пришлось, и весьма решительно, указать всем заключенным на то, что они находятся в месте лишения свободы, в котором требуется от всех беспрекословное подчинение суровому лагерному режиму...»².

За этими дипломатично-туманными строками, по всей вероятности, большая беда. А размах ее, видимо, оказался столь велик, что, создавая книгу, жена наркома внутренних дел Г. Ягоды не смогла обойти стороной это событие.

Из приказа № 187 по Дмитлагу от 13 апреля 1934 г.: «Коллегией ОГПУ по обвинению в воровстве, хулиганстве, избииении лагерной администрации и инженерно-технического персонала одиннадцать человек были приговорены к расстрелу»*. Приговор приведен в исполнение в Дмитрове 13 апреля 1934 г.

Расстрелянные имели сроки от трех до десяти лет лишения свободы, среди них — ни одного рецидивиста или осужденного по статье 58 УК РСФСР, а приговор приведен в исполнение немедленно. Что стоит за словами «избиение лагерной администрации»? Что побудило на столь решительный и рискованный шаг? В июле того же года заключенные дмитлаговцы в знак протеста против условий труда и жизни объявили голодовку.

25 июля 1934 г. вышел приказ № 3 по Дмитлагу: «В связи с массовой отправкой из Дмитлага в отдаленные лагеря нарушителей лагерной дисциплины, отказчиков, лодырей» полностью очистить все районы «от разложившихся лагерников». Приказом № 172 по Дмитлагу от 14 августа 1934 г. сообщено об отправке в июле из лагеря трех эшелонов со злостными нарушителями дисциплины. В 1934 г. на строительстве канала еще слишком мало техники, поэтому требуются и требуются руки для тяжелого физического труда. Тот же 1934 г. — сдача Истринской плотины. Строители канала Москва-Волга обязались возвести объект к празднику 7 ноября. И тем не менее три эшелона заключенных отправлены на Север. Наверное, не случайно.

Передовики
военизированной
охраны строительства:
слева направо —
командир взвода
И. А. Жулин, лейтенант
запаса Д. И. Концевов,
стрелки Апостолов,
Иванов, Бойко

Тяжела была участь «зеков», ибо хлеб требовалось зарабатывать. Меньше выработка — меньше пайка хлеба, а завтра снова в котлован — копать, возить землю, в мороз (работы прекращались только при температуре —30°), на ветру, по пояс в топкой грязи, в студеной талой воде. Двенадцать часов без обеда.

В приказе № 9 от 7 октября 1932 г. говорится: «С целью улучшения пищи ударников разрешается всем хоз. единицам начиная с 3 октября расходовать на котловое довольствие продукты ларькового довольствия по норме производственной категории: крупа по 200 г, макароны по 200 г, масло растительное по 100 г на человека в месяц, премиальное блюдо — для перевыполняющих план»*.

Требовалось одно: выполнять дневное задание — рабочим, крестьянам и тем, кто никогда прежде не держал в руках лопаты. Многие, случайно попав в лагерь за переход улицы в неполюженном месте, неудачную шутку, подобранный колосок, в сердцах сказанное о своей неудавшейся жизни слово, скоро сгинут в безымянных могилах, котлованах, залитых бетонных формах, от болезней, а-чаще всего от голода**.

От голода заключенные совершали побег, но в каждом населенном пункте их уже ждали бойцы отдельного дивизиона охраны, милиция и местные жители, которые за поимку беглецов получали вознаграждение. «Зеки», пытались хоть как-то насытиться, ели картофельные очистки и другие отходы, ядовитые травы и грибы.

Хроника трагедий:

3 августа 1934 г. Первый участок Восточного района. Умерли, отравившись грибами, И. Тороп и И. Руденко.

12 августа. Северный район. 24 заключенных следственного изолятора, отправленные на работу, наелись волчьей ягоды. Двое умерли.

5 сентября. Шестой участок Центрального района. Четверо заключенных, съев корневища цикуты, умерли.

9 сентября. На комендантском участке Г. Красавин умер после употребления в пищу корней цикуты.

Из приказа начальника Дмитлага С. Фирина об описываемых событиях: «Это свидетельствует о недопустимой расхлябанности и об отсутствии дисциплины работников лагерного аппарата и ВОХР». (О заключенных, совершающих от голода безумные поступки, — ни слова).

Ф. Т. Прохорский,
начальник
Центрального р-на

* К сожалению, от нормы до перевыполнения плана и «премии» была огромная дистанция.

** Установленные нормы питания предлагали «зекам»: хлеб за выполнение плана до 99% — 400 г, а штрафникам — 300 г в день (и без ларьковой добавки); крупа — 180 г; масло растительное — 13 г.

А. Н. Комаровский, начальник и главный инженер Управления эксплуатации канала Москва-Волга при НКВД. Справа — бетонирование плиты канала, р-н «Темпы»

Хроника трагедий:

8 октября 1933 г. В 24.00 заключенный Межицкий отошел на 100 метров от зоны. Убит стрелком ВОХР.

18 октября. При побеге убиты заключенные Я. Лобанов и Ф. Шагаев.

21 декабря. Убит заключенный Кривоносов. В канун нового, 1934 г. убит заключенный Я. Черников.

Приказом № 8 по Дмитлагу от 10 января 1934 г. действия стрелков военизированной охраны признали правильными.

Пареньку с Волги Косте Кравченко дали срок за то, что в голодное время он выплавлял из фотоматериалов серебро и этим жил.

«Когда отец приехал проведать, — вспоминал Константин Константинович впоследствии, — он попросту не узнал меня. Перед ним стоял “скелет” с квадратными пальцами (от ручек тачки) на руках»,

Кравченко повезло: его отправили учиться на профессиональные курсы*.

Другим повезло меньше.

Г. Страшко работал на швейной фабрике в Днепропетровске, откуда его призвали во флот. Он поехал в деревню домой — попрощаться с родителями. В доме плакала мать. Она объяснила, что ворвалась какая-то группа молодчиков и посредине комнаты сожгла иконы. Соседи объяснили: приезжие творят произвол, а ему посоветовали уехать по-

* Позже он остался работать на канале и был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

скорей. Но не успел Гриша, снова ворвались те же парни и арестовали его. Думал: в райцентре разберутся. Атам зачитали приговор: десять лет лагерей. И это — без ордера на арест и суда.

На строительстве канала сначала всех прибывших восемь дней держали на баланде, некоторые стали умирать. На работе, если человек не мог двигаться, его тут же добивали. Или вот еще: охранники ни с того ни с сего вдруг кричали: ложись! Кто не успевал быстро упасть, убивали. Зимой валились в снег и грязь, а затем весь день мокрые работали на морозе.

Чтобы заработать 600 граммов хлеба, Грише надо было ежедневно вывозить пять-шесть кубометров земли. Однажды недоглядел, кто-то кинул ему в кипяток обмылок. Отнесли его в санчасть. Когда вышел, стал слаб, работал на хоздворе, где выбирал из навоза картофельные очистки. Ел так, без мытья. На стройке простыл, чуть не попал на утренний «лафет», что вывозил трупы. Потом работал в швейной мастерской. Этим и спасся*.

Судьба Петра Александровича Тарасова еще трагичнее. Он работал в Наркомземе Белорусской ССР, открывал в республике рыбсовхозы, а затем занялся научной деятельностью в Белорусском отделении союзного НИИ прудового хозяйства. Но в 1934 г. его осудили на 5 лет лагерей «за создание контрреволюционной организации в рыбной промышленности БССР». На строительстве канала Моек-

* Сейчас на старости лет от простуды ноги перестали ходить, Г. Страшко перенес две операции на почках. Когда-то был крепок, а теперь инвалид первой группы.

Портальный кран
на Волжской бетонной
плотине, 1936 г.

В. Л. Соколов,
начальник Волжского
р-на

ва-Волга П. А. Тарасов работал начальником сооружения Оревского участка. Но в 1937 г. его снова обвинили в преступлениях, которые он не совершал; он был расстрелян 16.11.1937 г. и захоронен на Бутовском полигоне.

С конца октября 1932 г. в Дмитлага стали организовывать производственные объединения. Первоначально охват составил 9,1% заключенных, спустя месяц — 29,2%. Но 1 января 1933 г. цифра достигла 40,4%, а затем резко пошла вниз: 32,4% (1 февраля), 25,0% (1 марта), 35,0% (1 апреля), 28,4% (1 мая 1933 г.).

Официальное объяснение колебанию цифр: «пополнение лагеря и переброска сил». На самом деле падение цифр объясняется чисткой среди заключенных: «избавление от балласта или от проникшего в лагерь врага, продолжающего подрывную деятельность».

Сдача канала в эксплуатацию планировали на 1934 г., но вскоре стало ясно, что дата эта нереальна; однако невероятная эксплуатация заключенных продолжалась до самого последнего дня стройки. К 1935 г. было закончено сооружение Волжского гидроузла; между Дмитриевым и Яхромой открыт первый опытный километр канала. Тогда же на Волжском гидроузле был пущен бетонный завод, принят Перервинский шлюз, закончена Пироговская плотина. 8 сентября 1935 г. было опубликовано постановление СНК и ЦИК ВКП(б), где назначался срок окончания строительства — 1937 г. К XVIII годовщине Октября было сдано уже 76 сооружений.

Для стимуляции труда популяризовались различные формы соревнования: месячники, декадни, ударничество, стахановское движение, создание фаланг*.

До 1935 г. техники на строительстве почти не было. На одной только Глубокой выемке (возле деревни Хлебниково) к этому времени было вынуто вручную более двух миллионов кубометров грунта. Людей, вывозивших на тачках землю из котлованов, было такое количество, что приходилось ставить регулировщиков.

Случалось, что обессиленные, измученные непосильным трудом заключенные сами вместе с тачками срывались в котлованы, падали в бетон и оставались в нем замурованными. В некоторых случаях «доходяг» увозили в лагерные больницы, но дни их уже были тогда сочтены. Санитар Дмитлага Г. Долманов вспоминал, что часть «зеков»

* Для передовиков устанавливались различные льготы и премии, включая отдых в дмитлаговском санатории. Но достичь заветных цифр удавалось немногим. Не могли воспользоваться льготами, например, заключенные женщины и подростки Дмитлага, для которых нормы выработки устанавливались вровень с мужчинами. Бывало здесь и такое: не выполнивших суточную норму заключенных тут же снова отправляли на работу. Особенно тяжело приходилось интеллигентам, которые прежде не сталкивались с тяжелым физическим трудом. К моменту открытия канала из многих тысяч их остались считанные единицы.

хоронили еще живыми. Поначалу медики называли подлинными причины, приведшие к смерти, но потом делать это им запретили. Каждое утро из Дмитрова, Яхромы, Орева, Деденева, Икши выезжали грабарки, груженные трупами. В лесах, на болотах устраивались массовые безымянные захоронения заключенных. Иногда их закапывали на окраинах кладбищ. Зимой трупы укладывали на дне вырытой ямы штабелями, присыпая очередной «слоем» песком, и оставляли могилу незарытой до следующего дня.

«На казнь возили каждую ночь, — рассказывает шофер дмитлаговской автобазы Н. Воронков. — Расстреливали в лесу и на северной окраине Дмитрова. У них это называлось “повезти на шлепку”».

Разными путями попадали люди на стройку. Одни — по направлениям ВКП(б), комсомола, института, другие ехали за романтикой, для третьих — это была не первая стройка, и она составляла смысл их жизни, для четвертых, вольнонаемных, новая работа становилась спасением от голода. Но большинство занятых на общих работах, да и в сфере обслуживания составляли заключенные, в том числе осужденные по общеуголовным статьям, каждый — со своей судьбой.

«Я работал в колхозе, — рассказывал И. Щедухин, — был активным членом сельсовета. В посевную закрепили ответственным за семена, а у меня их украли. Когда поймали того, кто украл, он сказал, что сделал это по договоренности со мной. Суд приговорил меня к двум годам».

Г. Д. Афанасьев,
начальник
Хлебниковского р-на
(рисунок дмитлаговского
художника)

Бригада землекопов
и тачечников вблизи
дер. Хлебниково, 1934 г.

И. В. Скачков, инженер,
начальник сооружения
шлюза № 1

М. М. Кузнецов,
начальник
Сходненского р-на

Из рассказа заключенного Омельченко:

«Отец мой — крестьянин на Южном Буге. Была хорошая хата, хозяйство, земли три десятины. Обработывали ее папа с мамой, а с двенадцати лет и я помогал. Жили небогато, но нужды не знали. В школе я учился хорошо, кончил шесть классов. Наступил кошмарный тридцатый год. Коллективизация. Отец в колхоз не пошел. Приехал в село председатель окрисполкома, предложил записаться в коллектив. Отец отказался. Тогда гость навалил ему на спину мешок песка в два пуда и заставил отнести в соседнее село. Принес отец расписку в получении и снова отказался. Тогда ему наказали надеть кожаные сапоги, в которых была вода. На плечи повесили ранец с песком и заставили час стоять на девятнадцатиградусном морозе. Отец перенес и эту инквизицию, но простудился. До весны не беспокоили. Председателю окрисполкома за извращение директив партии дали десятку лет лагерей и направили на строительство канала. Весной арестовали отца. За антиколхозную агитацию. А как мог он это делать, если все это время из дома не выходил?! Через четыре дня забрали и нас: меня, маму и восьмилетнюю сестру Галю и вместе с отцом отправили в Караганду. В дороге тяжело заболела и умерла Галя. Как плакала мама! В Караганде умер и отец. А мы с мамой решили бежать на родину. “Зайцами” добрались до Москвы, но еще в дороге мама заболела сыпным тифом и в больнице умерла. Меня отправили в приют, но я бежал и с двумя товарищами махнул в Одессу. Занимался карманными кражами, потом попал в банду, стал авторитетом. Тогда-то и созрел план убить виновников моего несчастья. Сначала убил сотрудника ГПУ, затем председателя сельсовета. Меня судили, дали десятку и — на канал Москва-Волга... Семью нашу погубили, работать отказываюсь. Хочу, чтобы расстреляли...»

Из рассказа И. Иорданского, г. Волгоград: «На шлюзе № 3 однажды на моих глазах произошел жуткий случай. У пропускных ворот, ведущих на стройплощадку, на приступке вахтерской будки сидел молодой красивый паренек с ярким румянцем на лице. Это был отказчик*. Рядом — железнодорожная колея, на ней паровоз. Вдруг парень повернулся и сунул ноги под колеса поезда: у него враз отрезало обе стопы. Лицо из румяного стало бледнее мела, из ног хлынула кровь, а сам он истерически закричал: “Хрена

* Отказчик — заключенный, отказывающийся работать в лагере.

теперь заставьте работать!» Шум, крики, кто-то бежит к нему, кто-то — от него. Вероятнее всего парень погиб».

Но канал надо было грамотно, быстро и качественно строить, поэтому техническую сторону дела возглавили крупнейшие специалисты. Главным инженером назначили Сергея Жука, имевшего большой опыт строительства гидросооружений*. Его заместителем стал бывший директор Ташкентского НИИ водного хозяйства, осужденный по статье 58 УК РСФСР, профессор Владимир Журин**.

Особо хотелось бы остановиться на личности начальника производственного отдела профессора Николая Некрасова. Подающий надежды молодой ученый стал одним из лидеров партии конституционных демократов (кадетов), депутатом Государственной Думы, а затем министром, заместителем председателя Временного правительства России, генерал-губернатором Финляндии. В революцию он не эмигрировал. Скрывался, был арестован. Позже по предложению председателя Совнаркома Владимира Ленина стал начальником отдела Центросоюза СССР.

Во второй раз Николая Виссарионовича арестовали в 1930 г., а затем репрессировали еще несколько раз. Но его сын сказал мне: «Мой отец никогда не стоял в строю заключенных». Оно и понятно: ОГПУ срочно понадобился крупный специалист в области мостостроения профессор Некрасов.

Николай Виссарионович являлся одним из разработчиков проекта строительства Беломоро-Балтийского канала, по окончании возведения канала Москва-Волга удостоен ордена Трудового Красного Знамени и назначен начальником работ Калязинского района Волгостроя, а в 1940 г. его расстреляли***.

Возведение канала во многом стало новым делом, поэтому при производстве создавались опытные лаборатории, в которых работали крупные специалисты страны, нередко являвшиеся «врагами народа».

Главным архитектором стройки утвердили родственника наркома внутренних дел Генриха Ягоды — выпускника МВТУ им. Баумана — Иосифа Соломоновича Фридлянда, к этому времени уже спроектировавшего ряд крупных объектов****.

Архитектурные мастерские расположились в столице. Разработка гидроузлов велась под руководством извест-

* Впоследствии Сергей Яковлевич Жук стал академиком, Героем Социалистического Труда, директором института «Гидропроект».

** В дальнейшем Владимир Дмитриевич Журин — генерал-майор инженерной службы, заведующий кафедрой Московского инженерно-строительного института.

*** В Дмитрове, на доме, который построили на улице Пушкинской для политика и ученого Н. В. Некрасова, по решению администрации Дмитровского района в 1997 г. установлена мемориальная доска.

**** И. С. Фридлянд расстрелян в Москве 20.06.1937 г.

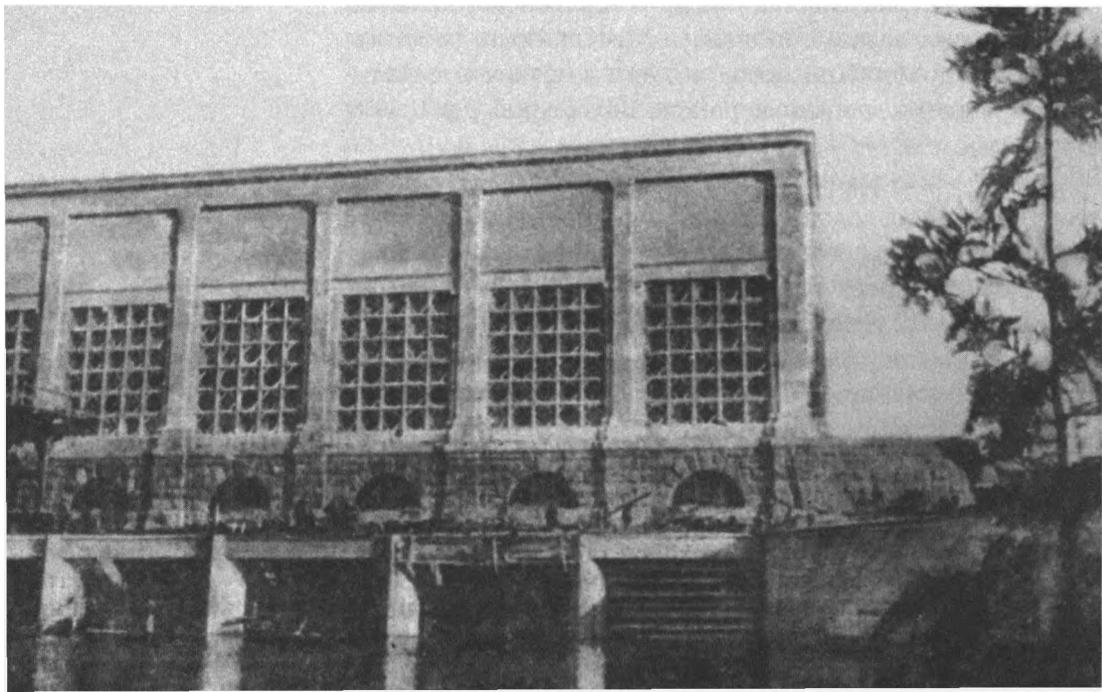

Л. Я. Мовчан,
архитектор, автор
проекта архитектурного
оформления
Яхромского узла
сооружений

ных архитекторов: Георгия Вегмана, Александра Пастернака, Дмитрия Савицкого и других. Для создания менее объемных и фундаментальных объектов в Дмитрове открылась мастерская, которую возглавил Петр Дмитриевич Козырев. В мастерской, разрабатывавшей проекты заградительных ворот, водопусков, аварийных будок, вместе с вольнонаемными работали и заключенные, и досрочно освобожденные (в числе последних — архитекторы Ксения Евневич, Ксения Половцова). Дело архитектурной мастерской, сфабрикованное следователем, называлось «дело группы Козырева». В «группу» входило двенадцать человек. Это все были люди образованные, выходцы из дворянских семей. Сам П. Д. Козырев был сыном действительного статского советника, товарища министра путей сообщения при Керенском; П. Д. Козырев после отбытия трехлетнего срока наказания остался в Дмитлага работать вольнонаемным и стал старшим архитектором Сталинской станции МВС.

В «группе» Козырева работали его родственница, вольнонаемная Екатерина Владимировна Загряжская, дочь крупного тамбовского землевладельца, и молодой талантливый архитектор Юрий Сергеевич Янжул — старший архитектор Дмитлага. Все трое обвинялись в том, что «несли фашистскую идеологию». В память о них остались проекты и воплощенные в жизнь сооружения канала Москва-Волга. В «группу Козырева» в число «бывших людей», т. е.

Насосная станция № 182
р-на «Темпы», 1937 г.

Архитекторы мастерской
П. Д. Козырева,
расстрелянные в Бутыве
и захороненные в Бутове
(тюремные фотографии)

Ю. С. Янжул, старший
архитектор Дмитлага
НКВД СССР.
Расстрелян 19.11.1937 г.

П. Д. Козырев,
старший архитектор
Сталинской насосной
станции МВС.
Расстрелян 16.11.1937 г.

Е. В. Загряжская,
секретарь архитектурной
мастерской.
Расстреляна 16.11.1937 г.

бывших дворян, еще входили: Аьвович-Кострица — родственник губернатора, Гаврилова — воспитанница Смольного института, Максимов — сын придворного архитектора (крестник Николая II), Колпаков — офицер в армии Деникина, Гудович — граф, воспитанник кадетского корпуса, Приклонский — офицер царской армии, Келлер — сын генерала, офицер царской армии, Твердянский — кавалерийский офицер и Кузнецов — родственник князей Оболенских. Все они получили различные сроки заключения³.

М. Ф. Нелль, инженер.
Расстрелян 03.12.1937 г.
и захоронен в Бутове
(тюремная фотография)

На высококлассных специалистов существовал заказ.

Мячеслав Францевич Нелль до ареста работал главным механиком рудоуправления на Луганщине. Был известен как хороший специалист и, следовательно, понадобился стройке. М. Ф. Нелля «обнаружили» прямо в Дмитлаге на общих работах. Ему улучшили жилищные условия, приехавшей к нему жене разрешили дополнительный отпуск, а его самого направили инженером монтажного прорабства в Волжский район МВС. Летом семья М. Ф. Нелля приезжала на канал и подолгу жила с ним. Однако завершилось строительство канала, и специалист по гидромониторам Мячеслав Нелль, как и другие специалисты, оказался не нужен. Ему «организовали» дело по 58-й статье и расстреляли⁴.

Уже в ходе строительства канала в Свердловске арестовали большую группу специалистов-электриков *. Дмитлаг поглощал в своих недрах не только инженеров, но и крупных ученых, некоторые из которых прежде трудились за границей, где их деятельность заслужила самую высокую оценку иностранных коллег. По возвращении на родину ученых ожидал арест и подневольная уже работа «по специальности». Безусловно, не существовало никаких «контрреволюционных организаций» и «антисоветской деятельности», просто Дмитлагу требовались все новые и новые специалисты.

Гидрогеолог и почвовед профессор Александр Федорович Лебедев в 1926—1927 гг. по командировке Наркомзема трудился в США; он участвовал в деятельности международных научных конгрессов. Его универсальный метод определения максимальной молекулярной влагоемкости почв и грунтов вызвал интерес не только за границей, но и в ОПТУ. Американцы предлагали А. Ф. Лебедеву остаться в США, обещали невиданные условия, а после отказа ученого, в знак благодарности, подарили сконструированную им для США центрифугу. 26 декабря 1930 г. профессор А. Ф. Лебедев был осужден на 10 лет исправительно-трудовых работ и отправлен на строительство Беломоро-Балтийского водного пути. После окончания строительства его перевели на МВС. Как и профессор Н. В. Некрасов, А. Ф. Лебедев поселился в Дмитрове. Он жил с семьей в доме местного санитарного врача Г. Ростовцева и пользовался правом бесконвойного и беспрепятственного передвижения.

* В составе группы были: главный диспетчер Уралэнерго Борис Хамкин, начальник проектного бюро Свердловских электросетей Анатолий Кудряшов, начальник эксплуатации Иван Педашенко, заместитель начальника сектора эксплуатации Уралэнерго Александр Крохин, старший инженер Егоршинской ГРЭС Михаил Еднерал, а еще заместитель главного инженера «Уралцветмета» доцент Семен Печаталищников и другие.

Но после досрочного освобождения доктор почвоведения А. Лебедев скорострительно скончался. Что ускорило кончину ученого, не трудно догадаться.

Другой специалист в области торфа профессор Иван Вихляев в 1927 г. также работал за границей: в Швеции, Финляндии, Германии. В ноябре 1930 г. директор торфяного института, тяжело заболевший во время отпуска, был арестован. Врачи для скорейшего выздоровления, кроме лекарств, прописали ему принятие ванн. Но ОПТУ назначило ему свой «курс лечения» — пребывание в лагере принудительного труда*.

Профессор Василий Васильевич Маркович, специалист по субтропическим культурам и сподвижник Николая Вавилова, долгое время трудился за рубежом; в составе научных экспедиций он ездил в Японию, Китай, Индию, Индонезию, Палестину, на Цейлон. После одной из поездок он был арестован, обвинен в создании «контрреволюционной организации в церковной среде» и направлен на строительство канала Москва-Волга. Требовались обширные знания ученого. В. В. Маркович отбывал наказание в производственно-исследовательской лаборатории, которая входила в структуру геотехотдела. Его начальником был профессор Маслов, в прошлом «враг народа». В подчинении Маслова был еще один «враг народа» — гидрогеолог профессор Борис Дичков, до этого находившийся на общих работах.

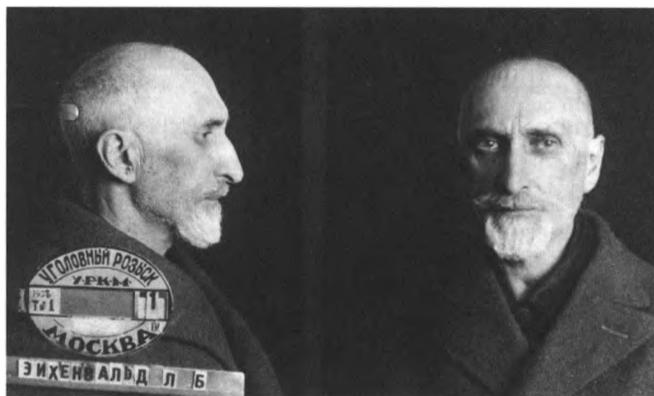
Здесь же в качестве фотолаборанта отбывал срок по статье 58 УК РСФСР прославленный русский летчик Алек-

* На строительстве канала Москва-Волга И. И. Вихляеву пришлось заниматься изучением поведения торфа. Ускоренные темпы при возведении плотин, дамб и откосов нередко приводили к оползням, что в условиях постоянного поиска «вредителей» было чревато серьезными последствиями.

Городок инженерно-технических работников (ИТР) в г. Дмитрове, ул. Чекистская (название сохранилось до наших дней). В этих деревянных типовых бараках, привезенных в 1933 г. из Белбалтлага, живут и поныне (современная фотография)

Л. Б. Эйхенвальд,
крупнейший специалист
по радиоэлектронике,
профессор. Расстрелян
07.04.1938 г. и захоронен
в Бутове (тюремная
фотография)

сандр Раевский (расстрелян в 1937 г.). Он окончил летную школу высшего пилотажа Луи Блерио во Франции, показал свое мастерство и героизм в первой мировой войне, при советской власти был начальником Качинского авиационного училища, в КБ А. Туполева. На строительстве канала имела своя эскадрилья, аэроклуб, но А. Раевский там был не нужен: для него нашли скромную должность фотолаборанта.

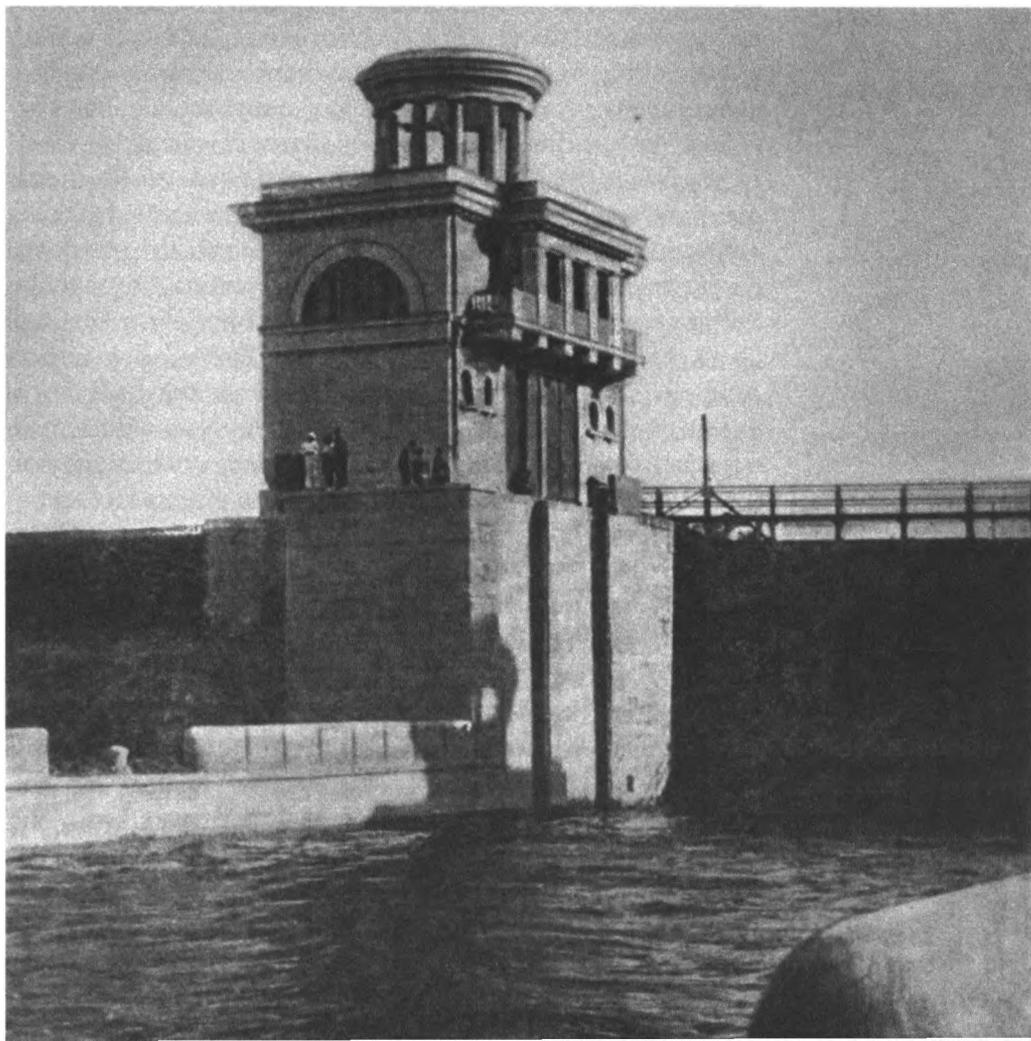
Еще одной яркой личностью, оказавшейся в числе политзаключенных Дмитлага, был крупный специалист в области радиоэлектроники Леопольд Борисович Эйхенвальд, участник многих конгрессов, проводившихся в Западной Европе в 1920-е гг. Л. Б. Эйхенвальд родился в 1877 г. в городе Митаве Курляндской губернии, приехал в Москву в пятнадцатилетием возрасте, жил у братьев. В 1898 г. сдал экзамен в кадетском корпусе, окончил Московское военное училище, после чего служил поручиком Вяземского полка в Риге. По окончании русско-японской войны Л. Б. Эйхенвальд ушел в запас, поступил в Московский университет на математический факультет. В 1908 г. он уехал во Францию, где работал на заводе Грамли и К°, затем учился в Бельгии в Электротехническом институте города Льежа. В 1915 г. он вернулся в Россию и работал в Москве на военном радиозаводе, затем занимал ответственный пост в Главном управлении радиосвязи. В те же годы он был начальником группы эксплуатации радио в Наркомпочтеле (Наркомате почты и телеграфа). Л. Б. Эйхенвальд был знаком с виднейшим советским радиоинженером А. В. Водаром*. Во время Парижской конференции в 1925 г. Л. Б. Эйхенвальд общался с Довголевским, ставшим впоследствии

* А. В. Водар был расстрелян и захоронен в Бутове за два дня до Эйхенвальда — 05.04.1938 г.

полпредом в Париже, со многими инженерами иностранных фирм, что, конечно, на следствии вменялось в вину ученому.

В 1930 г. Л. Б. Эйхенвальд был арестован и приговорен к расстрелу — с заменой на десятилетнее заключение в ИТА (с конфискацией имущества и высылкой семьи). Как сказано в следственном деле, «ввиду высокого уровня профессиональной подготовки» Л. Б. Эйхенвальда направили отбывать наказание в полпредство ОГПУ, где он преподавал в пограничной школе и там же сумел написать учебник, получивший высокую оценку ученых. Позже Л. Б. Эйхенвальд был переведен на МВС, где также требовались его знания. Срок заключения Эйхенвальда был сокращен, он освобожден в 1937 г. и был приглашен в качестве вольнонаемного на работу в аппарат энергомонтажного отдела МВС. На момент ареста (16.01.1938 г.) Эйхенвальд работал

Башня управления
шлюза № 5
(станция Икша)

Н. М. Поливанов,
племянник
князя П. А. Кропоткина.
Н. М. Поливанов
расстрелян 08.12.1937 г.
и захоронен в Бутове

руководителем группы документации по монтажу в Волжском районе канала Москва-Волга и проживал в том же районе в городке НТР. О крупнейшем специалисте страны по радиоэлектронике в обвинительном заключении сказано, что он «ведет подозрительный по шпионажу образ жизни и занимается антисоветской агитацией». Уже по окончании строительства канала 7 апреля 1938 г. 60-летний инженер был расстрелян и захоронен на Бутовском полигоне⁵.

Глубоко трагична судьба Андрея Загряжского и его жены, Екатерины Загряжской. Встретились они случайно и навсегда. Они не могли жить друг без друга. Но жизнь оказалась далеко не такой, какую она представлялась молодым людям. За дворянское происхождение их обоих лишали избирательных прав и права проживания в ряде городов. В начале 1930-х гг. Андрея Анатольевича арестовали и отправили в Воркуту. По просьбе друзей и по приказу начальника Дмитлага С. Г. Фирина А. А. Загряжского этапировали из воркутинского лагеря в Дмитлаг и направили на работу в архитектурно-конструкторское бюро. За умелую и квалифицированную работу А. Загряжский был досрочно освобожден, и ему разрешили поселиться на квартире вместе с женой, которая устроилась вольнонаемной, чтобы быть рядом с мужем. Супруги снова были вместе. Но счастье оказалось так коротко! Андрея спасло то, что его после открытия канала перевели на другую стройку. А Екатерина Загряжская была арестована «по делу Фирин» и 16 ноября 1937 г. расстреляна и захоронена в Бутове. Всю жизнь Андрей Загряжский верил, что жена его жива и когда-нибудь вернется. Он писал стихи и посвящал их ей. Любовь и незаживающая боль звучат в строках его стихотворений.

В 1918 г. в Дмитрове поселился лидер и теоретик мирового анархизма князь Петр Алексеевич Кропоткин⁶. Исповедуя мысль о свободе личности и безгосударственном обществе и выступая против фактов беззакония, он писал председателю Совнаркома В. И. Ленину:

«Уважаемый Владимир Ильич! В “Известиях” и “Правде” помещено заявление, извещающее, что советской властью решено взять в заложники эсеров из группы Савинкова и Чернова. Неужели среди вас не нашлось никого, чтобы напомнить своим товарищам и убедить их, что такие меры представляют собой возврат к худшим временам Средневековья и религиозных войн и что они недостойны

взявшихся создать будущее общество на коммунистических началах; что на такие меры не может идти тот, кому дорого будущее коммунизма»...

Мог ли выдающийся ученый и мыслитель предположить, что пройдет всего два десятка лет, и массовый террор станет нормой для проповедников новой жизни, многие из них сами окажутся его жертвами, а рядом расположится фабрика смерти — Дмитлаг. В собственном доме П. Кропоткина в Дмитрове, где князь доживал остаток своей яркой жизни, в 1937 г. был арестован его родственник Николай Поливанов, работавший на строительстве канала и репрессированный как «племянник князя-анархиста Кропоткина».

«...Неужели ваши товарищи не сознают будущего и того, что вы ни в коем случае не должны запятнать свое дело актами, так близкими к животному страху?.. Зачем же толкать революцию на путь, который поведет ее к гибели? » — взывал к вождю пролетариата князь Кропоткин*. Но это был глас вопиющего в пустыне.

Николай Поливанов верой и правдой служил России, героически воевал в первую мировую, а в 1917 г. безоговорочно принял советскую власть, снова воевал, руководил кавалеристскими курсами краскомов. Новая власть уволила Н. Поливанова из РККА, затем выслала в Вологду. Перевод на МВС, которого добилась жена, и назначение на должность старшего инспектора транспортного отдела, казалось, вселили надежду. И Николай Матвеевич все силы отдавал трудной и хлопотливой работе, эшелонами возил на стройку лошадей. Но в 1937 г. власть снова вспомнила о племяннике «мятежного князя».

Н. М. Поливанова арестовали в Киеве, где он был в командировке, этапировали в Дмитлаг, обвинили в традиционной «контрреволюционной пропаганде» и 8 декабря 1937 г. расстреляли и захоронили в Бутове⁷.

Отсутствие техники на первом этапе сооружения канала, часто несогласованная работа технических служб, а главное — стремление руководителей, особенно среднего звена, отрапортовать о досрочно выполненном плане приводили к авариям. Проваливался уложенный в дамбе торф, из-за невнимания к советам геологов срывался график работ.

Тень «вредительства» постоянно витала над стройкой. Любые неполадки и рабочие трудности, возникавшие в

* Печатается по материалам Дмитровского историко-художественного музея.

П. А. Кропоткин, географ, геолог и путешественник, один из теоретиков анархизма в России

* Лоцмейстерство было создано для того, чтобы очистить фарватеры, установить у мелководья бакены и шести.

** Приговор в отношении Чигаева выглядел настолько абсурдным, что уже в 1941 г. действия «врагов народа» переквалифицировали в халатность и даже срок сократили до 8 лет. Но Б. Чигаев в 1937 г. уже был расстрелян и захоронен в Бутове.

гигантском котловане, вполне могли вписаться в рамки статьи 58. То и дело искали виновных. В очередной раз их нашли в лоцмейстерстве*, тем более что некоторые бывшие моряки отбывали срок в Дмитлаге по статье 58 УК РСФСР. В результате Борис Чигаев, судоводитель, бывший офицер гвардейского экипажа царского флота, и Михаил Григорович получили по 10 лет ИТА, еще двое — 8 и 5. Все — за «вредительство»**.

На рубеже 1920—1930-х гг. была выдвинута идея «перековки» заключенных в советских людей. Наивысший расцвет воплощения в жизнь «перековки» пришелся на середину 1930-х гг. и в первую очередь в Дмитлаге. А почему бы и нет?! Большевики совершили революцию, победили в гражданской войне и в борьбе с беспризорностью. Теперь настал черед преступного мира. Апологетом «перековки» в Дмитлаге стал его начальник Семен Фирин.

В Дмитлаг Фирин прибыл триумфатором Беломорканала. Создание ударных бригад скальчиков, перевод половины управленцев из теплых кабинетов на трассу строительства Беломоро-Балтийского водного пути, призыв перековать заключенных, воспитав в них советского человека, — все это не могло остаться незамеченным. И как следствие — орден Ленина по завершении стройки.

Приказ № 0107 по ОГПУ от 28 сентября 1933 г. назначал его начальником Дмитлага, а приписка «с оставлением за ним должности заместителя начальника ГУЛАГа» подтверждала его могущество в пределах огромного государства в другом, еще большем. Он часто подчеркивал: надо создавать такие условия, чтобы «зек» понял: воля — хуже лагеря.

Б. Н. Чигаев, судоводитель, гидрограф, бывший офицер гвардейского экипажа царского флота. Расстрелян 16.11.1937 г. и захоронен в Бутове (тюремная фотография)

Г. Г. Ягода, С. Г. Фирин
и А. М. Горький
на строительстве канала
Москва-Волга

Рецидив принял Фирина как своего. И стал величать его «батей». «Зеки», попавшие в лагерь по первой судимости и надеявшиеся теперь на ускоренное сокращение срока по зачету дней, избрали иную форму в отношении Фирина: «отец». Но для всех, не отмеченных вниманием главного лагерного человека, он стал несгибаемым борцом, врагом с преступностью, насмешливым, жестоким и всесильным.

В ответ на разнос Фирина по поводу низких производственных показателей некий партийный функционер мелкого масштаба осмелился намекнуть, что не худо бы самому поработать, прежде чем винить других; на следующий день функционер исчез. На слабых стихах инженера, присланных в редакцию лагерного журнала, Фирин наложил резолюцию: «Автор не знаком с жизнью трассы. Для пополнения знаний отправить на общие работы сроком на один месяц».

Но народ любит своих вождей. Таким стал для «зоны» Семен Фирин.

«Фирин — это горный орел», — любил повторять «зек» из Тбилиси Сазонисий Чачибая (расстрелян в 1937 г.).

Агитбригада слагала песни о начальнике, лагерные мастера слова тоже старались как могли.

Участники
самодельности.
Танцовщицы
агитбригады и баянист
(из «тридцатипятиков»)

— Кто автор? — спросил Фирин после исполнения «Боевой Фиринской».

— Николай Жигульский.

И лагерный поэт вошел в приближение Фирина.

Дмитлагом С. Фирин командовал не с самого начала стройки. Но его предшественники и последователи либо малоизвестны, либо не известны вовсе*. А вот с его именем история строительства канала связана неразрывно. И сделал все это сам старший майор С. Г. Фирин.

Любил искусство, но и себя в нем**.

«Перековка зеков» в настоящих советских людей — не только цифры и факты. В полном соответствии с советской идеологией она должна была иметь ярких героев. Кандидата в герои требовалось найти и подготовить. Таким на строительстве Беломорканала стал вор-рецидивист Степан Дудник. Под патронатом чекистов и М. Горького С. Дудник окончил институт, но едва не попал в мясорубку 1937 г.

Из журнала «Большевик»: «...Выступая в 1934 г. в клубе НКВД на торжественном собрании по поводу окончания строительства Истринского водохранилища, тов. Каганович подчеркнул, что... канал создается руками бывших воров, бандитов, вредителей, бывших врагов социалистического общества, которые через суровый, но полезный труд на трассе превращаются в сознательных борцов за наш канал — прекрасное детище второй пятилетки.

* От других начальников Дмитлага в основном остались лишь имена: Сорокин, Раппопорт, Кацнельсон...

** Будучи аполлогодом «перековки», Фирин постоянно пропагандировал ее: в ЦК ВКП(б), через писателя Максима Горького — в творческих союзах СССР, на страницах газет и журналов, на выставках дмитлаговских художников, в конкурсах на лучшую песню.

...Бывшие уголовники-“тридцатипятники”, герои Беломорстроя, награжденные правительством орденами Трудового Красного Знамени, — Николай Ковалев, Анастасия Павлова, Борис Пинзбург являют собой живое подтверждение необъятных возможностей большевистской исправительно-трудовой политики.

...Еще на Беломорстрое было обращено внимание на выдвижение из числа уголовников наиболее одаренных людей. Так, например, Степан Дудник, бывший “тридцатипятник”, после Беломорстроя уже успел вырасти в серьезного художника*. В нашем лагере наиболее способные художники объединились в Центральную художественную мастерскую, которой руководит талантливый беломорстроевец Глеб Кун».

С. Фирин пытался создать героя и на МВС. Для этого он избрал кандидатом Г. Куна. Но в отличие от С. Дудника, Кун имел срок по статье 58 УК РСФСР, и это обстоятельство встречало немалые трудности. Так, например, неудачной оказалась попытка принять художника в члены ВКП (б). Неожиданная смерть М. Горького не позволила принять Г. Куна и в Академию художеств. (Кровавый 1937 г. уничтожил сначала Г. Куна, потом и самого С. Фирина.)

После выхода первого номера дмитлаговского литературно-художественного журнала «На штурм трассы» Фирин стал практиковать редакционные планерки. Собирались вечером на даче начальника лагеря, засиживались до поздна. Поэтесса Лада Могилянская (расстреляна в Моек-

* Степан Дудник прожил долгую жизнь. Он стал профессором, народным художником России. Судьба других сложилась трагично: Н. Ковалев, А. Павлова, Б. Пинзбург, которые упоминались в журнале «Большевик», были расстреляны в 1937 г., когда игра в «перековку» закончилась.

Хоккейная команда Дмитлага. Спортсмены-заклученные получали улучшенный паек, выступали за команду НКВД «Динамо»

Занятия
«тридцатипятников»
в школе
(Дмитровский р-н)

ве в 1937 г.) читала свои стихи, с ней пытался конкурировать другой кандидат в члены Союза писателей Николай Жигульский (расстрелян в Москве в 1937 г.). Потом журналист Роман Тихомиров (расстрелян в Москве в 1937 г.) рассказывал о Праге, в которой он находился по заданию ОГПУ.

Фирин, продолжая разговор, касался событий в Европе. Но вспоминая Варшаву, Вену, Берлин, был сдержан.

Беседа незаметно сворачивала на поля гражданской войны.

— В моем отряде, — говорил Фирин, — любили смелых людей, готовых лезть на рожон. Из всех них около меня остался лишь один Кравцов (расстрелян в Москве в 1937 г.). Теперь же народ пошел хлипкий, принципы меняет вместе с бельем в бане.

Водители автобазы МВС вспоминали, как С. Фирин, благоволивший к «тридцатипятникам», приказал открыть курсы шоферов. Однако из этой затеи ничего не вышло. Рецидив мечтал только об одном: побыстрее выехать за ворота базы — на свободу, чтобы заняться прежними темными делами.

«Я был знаком со многими заключенными, — вспоминает бывший «политзек» Павел Пандер, — но перековавшихся не встречал».

В Дмитлаге открываются курсы по ликвидации неграмотности, школы для малограмотных. Однако учебной удачей охватить лишь около 10% «зек»*.

* Так, в четвертом квартале 1933 г. в учебных заведениях Дмитлага числилось 13 500 человек, а окончило школу всего 80 заключенных. В дальнейшем цифры выпускников различных учебных заведений Дмитлага стали расти.

В те же годы в Дмитлаге создается система профессионального обучения. заключенные осваивают необходимые здесь профессии. Приказом по управлению строительства и Дмитлага № 24 от 31 января 1934 г. профучеба рассматривается не как дополнительная нагрузка, а как важнейшая задача перед руководящим составом. Создаются курсы электромонтеров, слесарей, столяров, каменщиков и других рабочих специальностей. На курсах, в ФЗУ преподают лучшие специалисты страны, в большинстве своем заключенные Дмитлага.

Многие «зеки» стремились на курсы. Во-первых, специальность давала возможность уйти из губительного для всех котлована, от тачки, кирки и лопаты, во-вторых, для изнемогших от тяжелого ручного труда курсы являлись спасительной отдушиной, когда можно было хоть частично восстановить силы. Но профессиональные курсы были необходимы и самой стройке, ибо с 1935 г. в большом количестве стала поставляться техника: автомобили, тракторы, экскаваторы, гидромониторы, и остро требовались кадры. В Дмитлаге усилиями в первую очередь С. Фирина создается система «социалистической борьбы за деклассированного элемента».

Культурно-воспитательный отдел Дмитлага курирует лично С. Фирин. При КВО приказом № 125 от 18.05.1934 г.

Б. К. Кравцов,
командир Отдельного
дивизиона охраны.
Расстрелян по «делу
Фирина» в Москве
в 1937 г.

Художники около
собора Борисоглебского
монастыря,
где размещалась
Центральная
художественная
мастерская Дмитлага

М. М. Черемных, заслуженный деятель искусств, художник, руководитель Центральной художественной мастерской Дмитлага в 1934-1935 гг. (фотография 1950-х гг.)

Плакаты и наглядная агитация – продукция мастерской М. М. Черемных

по МВС и Дмитлагу для развития художественно-агитационной работы организуется центральная художественная мастерская, которую возглавляет заслуженный деятель искусств вольнонаемный художник Михаил Михайлович Черемных. Состав этой элитной группы из двенадцати человек со временем частично менялся, но костяк оставался неизменным. Это были: вольнонаемная Зейнаб Яушева, заключенные и бывшие «зеки» — график из Ленинграда Глеб Кун (расстрелян по ст. 58 УК РСФСР в 1937 г.), удивительный живописец Константин Соболевский (расстрелян по статье 58 в 1937 г.), Михаил Коленцев, Александр Марышев, Сергей Щелоков.

Задачей художников в мастерской стала агитация за скорейшее завершение стройки, за «перековку». Художники создавали плакаты, иногда их выпуск составлял несколько тысяч штук в месяц, поэтому для скорейшего изготовления широко стали использоваться трафареты. Кроме того, художники мастерской выезжали на трассу канала, где курировали деятельность художников-заключенных Дмитлага. Периодически проводились выставки в самом Дмитлаге и в залах Москвы. В лагерь для знакомства с творчеством художников приезжали известные мастера кисти. Вот строки из письма заслуженного деятеля искусств профессора живописи Ильи Машкова к М. Черемныху.

16.12.1934 г.: «Тов. Фирин является по перевоспитанию каналармейцев талантливейшей осью, которую поставила партия большевиков и вокруг которой кружатся человеческие души, — он их блестяще приводит в движение, и они это делают так, как он считает нужным, ему повинуются как талантливому скульптору, из-под руки которого в

этом случае выходит не скульптура, а живые культурные советские люди».

Характерен приказ № 632 от 3 июля 1935 г.:

«...В целях художественного отображения строительства в живописи, графике, рисунке и скульптуре организовать к 19-й годовщине Октября вселагерную художественную выставку каналармейского искусства».

А вот строки из письма заключенного К. Соболевского к жене от 14 января 1935 г.:

«... Сейчас пишу картину “ Слет ударников”, куда входит не одна сотня народу — страх. Кстати, выходит лучше многого, что я сделал. Вообще, г..., конечно...».

Центральная художественная мастерская (ЦХМ) в 1934 г. в полном составе участвовала в агитационной работе на завершающем этапе строительства Истринской плотины. А в 1937 г. уже под руководством Г. Куна готовили праздничное оформление по случаю открытия навигации по каналу. Помимо ЦХМ, на строительстве действовала скульптурная мастерская, которую возглавлял политзаключенный Василий Ищенко. Наиболее известным из скульпторов был Лев Волконский.

Я. В. Булкин, бригадир каменотесов (его бригада из двенадцати человек работала над монументом Сталина)

Голова Сталина для 15-метрового монумента, установленного впоследствии на берегу Московского водохранилища. Скульптор за работой

Слева – писатель Л. Нитобург с сыном (фотография 1920-х гг.).
Справа – Н. Витковская-Кун, балерина, жена главного художника Дмитлага Глеба Куна (оба расстреляны по «делу Фирина» в Москве)

В целях пропаганды идей «перековки» С. Финин еще в Белбалтлаге имел агитбригаду под руководством популярного в 1920-е гг. режиссера-авангардиста, политзаключенного Игоря Терентьева (расстрелян в Москве в 1937 г.). Программы, созданные из частушек на местные темы, плясок, сенок из лагерной жизни, пользовались большой популярностью в лагерях. Исполняли их сами заключенные. Аналогичные агитбригады имелись в каждом районе МВС. Наиболее известной из них была бригада им. М. Горького Волжского района, для которой писали поэты-заключенные: Николай Жигульский, Вениамин Калентьев и известный поэт-мистификатор Евгений Вашков, прославившийся продажей Д. Бедному «оригинала» несуществующей поэмы Н. Некрасова.

В Дмитлаге был создан Центральный духовой оркестр, капельмейстером которого стал автор знаменитого вальса «Амурские волны» вольнонаемный Макс Кюсс, а также штатные духовые оркестры в районах, задачей которых стало непрерывное исполнение многочасовой «бодрящей» музыки в карьере и котловане для поднятия духа «зеков». Действовал также оркестр народных инструментов, которым руководил заместитель начальника санслужбы Дмитлага композитор Петр Триодин, и другие коллективы, где играли в большинстве своем профессиональные музыканты — заключенные Дмитлага.

В лагере проводились концерты поэтов, композиторов, среди которых выделялся бывший политзаключенный Михаил Черняк. Фестиваль лучших творческих сил Дмитлага в 1936 г. продолжался шесть дней. Наиболее ярким эпизодом его стала композиция под символическим в данном случае названием: «Кому на Руси жить хорошо» (по мотивам поэмы Н. Некрасова), поставленная П. Триодиным и бывшей политзаключенной, балериной Ниной Витковской-Кун (расстреляна в Москве по статье 58 в 1937 г.). В жюри песенного конкурса вошли композиторы: Д. Кабалевский, Д. Шостакович, Л. Держинский, М. Старокадомский⁸.

Большую значимость имела лагерная журналистика и литература. Над «перековкой» заключенных под водительством С. Фирина трудилось свыше пятидесяти газет и журналов, в том числе и на национальных языках. Задачей одного из ведущих литературно-художественных журналов «На штурм трассы» была публикация рассказов, стихов и рисунков «зеков».

Редактором журнала С. Фирин назначил себя, а основную работу выполняла группа литераторов. Поэтических и писательских имен в журналах и газетах оказывалось много, но под ними значились работы, созданные элитной группой.

Обладая огромной властью, С. Фирин приказал этапировать из Сибирского лагеря сначала писателя Льва Нитобурга, чьи романы печатались в «Новом мире», а затем талантливого журналиста Романа Тихомирова (оба расстреляны в 1937 г.). Первому разрешили работать дома и публиковаться в московских изданиях. Его обзоры за подписью «Андрей Расстанов» можно встретить на страницах журнала «На штурм трассы»*.

Газета «Перековка» имела приложение «Библиотека «Перековки»», которую составляли маленькие книжки стихов, прозы и рисунки заключенных.

С. Фирин прекрасно понимал, что пропаганда должна быть яркой и работать также и на него. Журнал «На штурм трассы» печатался в двух вариантах — обычном и парадном**. О «перековке» заключенных писала «Правда»; журнал «Техника — молодежи» посвятил этому целый номер.

Но идея «перековки» оказалась очередной пропагандистской сказкой режима. Рецидивисты думали только о

* Помимо них, в периодике трудились Г. Кун, К. Соболевский, Вениамин Логинов, Лада (Лидия) Могилянская, Н. Жигульский. Последний, так же как и Могилянская, был принят кандидатом в члены Союза писателей СССР.

** Сам начальник Дмитлага С. Фирин доставлял журнал в ЦК ВКП(б), Совнарком, в издательства ведущих газет и журналов.

А. ф. Зиберт, бывший царский офицер, минный специалист. Расстрелян 11.12.1937 г. и захоронен в Бутове (тюремная фотография)

свободе и будущих «делах» на свободе, а того, кто попал в лагерь по ложному обвинению, и не надо было «перековывать».

Каждый стремился выжить и выйти на волю, поэтому приспособлялся как мог: учился на курсах, писал стихи, рисовал, играл в футбол за «Динамо» (Дмитлаг). Один надрывался — за зачет рабочих дней, другой — за премблюдо, за поездку на слет, соревнования. Те же, кто трудился на общих работах в котловане, не в силах были получить нормальную пайку и медленно умирали от истощения. Им было не до «перековки», она до них и не успевала дойти.

Разными были судьбы у «зеков» Дмитлага, расстрелянных и захороненных затем в Бутове. Все по той же статье 58.

Сергей Матвеев писал стихи. Это и протекция С. Фирина способствовали утверждению его в должности инспектора КВО. Естественно, на короткий срок. Он завоевал второе место на одном из конкурсов, регулярно публиковался в журнале «На штурм трассы»; в «Библиотеке “Перековки”» издали книгу его стихов «Жизнь».

Ведущая поэтесса Дмитлага, сотрудница редакции журнала Лада Могиланская обращается к С. Матвееву с просьбой написать 60—80 строк для журнала. Это обстоятельство — в числе обвинений Сергея Петровича: «выполнял поручения врагов народа» С. Фирина и Л. Могиланской. С. П. Матвеева расстреляли в 1937 г.

Иной и тоже трагический путь у бывшего барона Александра фон Зиберта. Он окончил морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге. Служил на линкоре «Слава». В 1916 г. за храбрость награжден орденами Святой Анны II и III степени с мечами. Лейтенант служил на Балтике, а после революции — на Волге, Двине, Днепре, затем в Крыму — в дивизионе сторожевых катеров. Но в 1925 г. при острой нехватке специалистов на флоте его арестовали как «монархически настроенного», «подрывающего боевую мощь СССР» и осудили на Шлет лагерей. Он прошел Соловки. На строительстве Беломорканала А. Зиберт работал в скромной должности контролера осветительных сетей, затем на МВС — электротехником. А когда канал открыли, Зиберт с его умением и знаниями стал не нужен, его арестовали и 11 декабря 1937 г. расстреляли и захоронили в Бутове.

Трагично сложилась судьба семьи известного украинского писателя Михаила Могиланского. Одна из его доче-

Брат и сестра Могилянские. Слева – Дмитрий Могилянский (Тась), кандидат в члены Союза украинских писателей. Расстрелян 28.02.1938 г. и захоронен в Бутове. Справа – Лидия (Лада) Могилянская, кандидат в члены Союза писателей СССР, в Дмитлаге – бригадир скальниц. Расстреляна в Москве по «делу фирина» в 1937 г.

рей, Елена, была сослана в Красноярский край сроком на пять лет. Другую, Лидию (Ладу), в 1929 г. приговорили к расстрелу за участие в несуществующей организации «Демократический союз молодежи», но потом ВМН заменили на 10 лет лагерей и отправили маршрутом Чернигов—Соловки—Беломорканал. Она была досрочно освобождена и, приехав на строительство канала Москва-Волга, работала редактором журнала «За нову людыну», писала стихи, сначала на украинском, а затем и на русском языках. В 1936 г. ее приняли кандидатом в члены Союза писателей СССР. Ее стихи составили одну из книг «Библиотеки “Перековки”», что издавалась на трассе канала. Работая на строительстве канала, Лидия пригласила в Дмитров своего брата, который под псевдонимом «Дмитрий Тась» сотрудничал в газетах Киева и Харькова, писал стихи и поэмы, лучшие из которых вышли в третьем томе антологии «Украинская поэзия». На строительстве канала Дмитрий по рекомендации начальника Дмитлага С. Фирина поступил на службу литературным сотрудником газеты «Москва-Волга».

В сентябре 1935 г. Дмитрий вернулся в Харьков, но через два года сестра снова позвала его — скоро открытие канала. Он не должен пропустить это событие. На праздник открытия канала Дмитрий приехал по командировке от газеты «Соціалістична Харьювшина». Вскоре после торжественного открытия навигации Лидия Могилянская была арестована. В июне 1937 г. ее расстреляли. Дмитрия Могилянского (Тася) арестовали на родине 30 января 1938 г. и этапировали в Дмитров.

Из уголовно-следственного дела:

«Начальнику 10-го отделения 3-го отдела Правкину от помощника начальника тюрьмы № 1 Рябцева.

Северный речной вокзал в Химках.
Строители канала,
1937 г.

Рапорт:

Доносу, что 10 февраля 1938 г. в 8 часов утра камера № 6 была выпущена на прогулку во двор. В то время, как дежурный т. Никитенко отошел в коридор, арестованный Могиланский зашел в уборную и повесился на полотенце, но был замечен и снят. 19.02.1938 г. Рябцев». Дмитрия Могиланского расстреляли 28.02.1938 г. и захоронили в Бутове⁹.

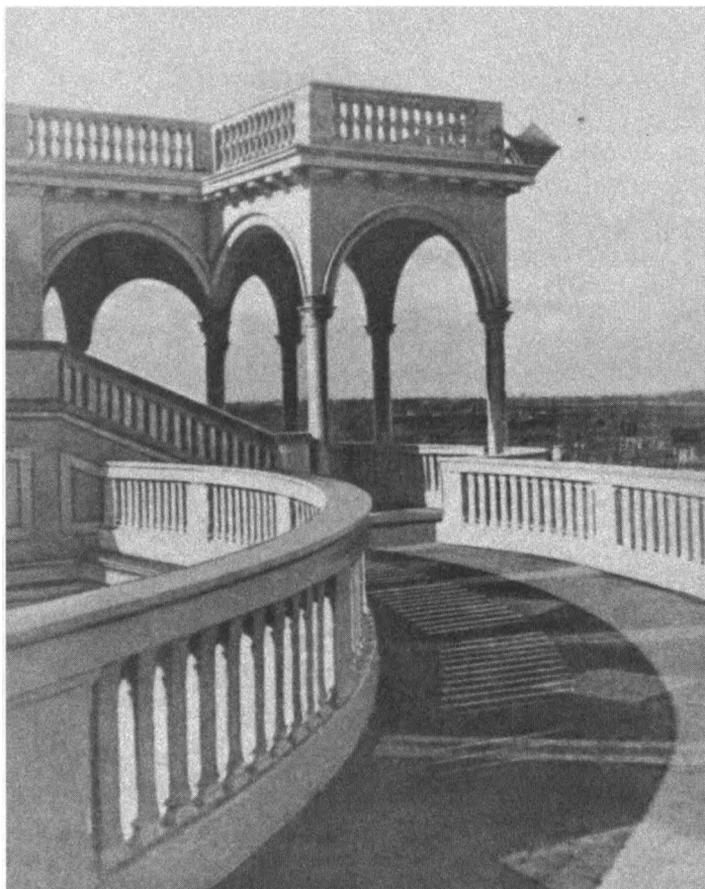
Судьба занесла на строительство канала и 60-летнего шведа Эриха Густавссона*. Почетный гражданин г. Нарвы, он долгое время работал в С.-Петербурге. В двадцать лет за проект здания Городской Думы ему присвоили звание художника-архитектора, еще через шесть лет он стал членом Академии художеств. Эрих Александрович продолжал творить: дом В. Гордона на Липовской улице, здания

* По данным следственного дела его фамилия пишется Густавсон. Решением Комиссии НКВД и Прокуратуры СССР приговорен к ВМН. Расстрелян 28 февраля 1938 г.

АО «Скорострел», корпуса снарядного завода, клуб на Крестовом острове, дом потомственной почетной гражданки С. Бурениной — везде в числе других авторов проектов можно обнаружить и его имя. Продолжил он свое дело и после падения прежней власти. Так, в событиях 1922 г. можно обнаружить, что архитектором Э. А. Густавссоном проводится строительство авиазавода № 24. А с началом возведения канала Москва-Волга он — на объектах трассы в должности старшего инженера-архитектора планировочной мастерской. По окончании строительства Э. А. Густавссон повторяет судьбу многих: стандартное обвинение по статье 58 УК РСФСР и смерть на Бутовском полигоне¹⁰.

И все же, несмотря на невероятные трудности, строительство канала шло к завершению. В 1936 г. река Сестра была пущена по новому руслу, построены многие километры железнодорожных путей, окончено сооружение трубо-

Правая веранда
Химкинского речного
вокзала

КРАСНЫЙ ВЫПУСК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОБЪЕДИНЕНИЕ ПОСТРОЙКИ, УПРАВЛЕНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА
КАНАЛА МОСКВА—ВОЛГА И ДМИТРАГА НИВА СССР

№ 93 (422) 15 ИЮЛЯ 1937 г. № 93 (422)

*Пламенный привет великому
организатору побед социализма,
инициатору строительства
величайшего речного канала,—
товарищу СТАЛИНУ!*

Об окончании строительства канала Москва—Волга

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ
КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР
И ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б)

Заслушав доклад Начальника строительства канала Москва—Волга тов. Бермана М. Д. и Председателя Правительственной Комиссии по приему канала Москва—Волга тов. Гинзбурга С. Э., Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют:

1. Одобрить доклад Правительственной Комиссии по каналу Москва—Волга и признать строительство канала законченным, а канал готовым к эксплуатации.
2. Открыть канал Москва—Волга для пассажирского и грузового движения с 15 июля 1937 года.
3. Объявить благодарность Народному Комиссариату Внутренних Дел и всему коллективу строителей канала Москва—Волга за образцовое выполнение правительственного задания.
4. Предложить Народному Комиссару Внутренних Дел т. Ежову представить свои соображения о награждении строителей канала Москва—Волга.

Председатель Совета Народных
Комиссаров Союза ССР
В. МОЛОТОВ

Секретарь Центрального
Комитета ВКП(б)
И. СТАЛИН

4 июля 1937 года.

провода для подачи воды из Учинского водохранилища в Москву. Так, с напряжением всех сил, калеча судьбы и перемалывая сотни тысяч человеческих жизней, «великая стройка второй пятилетки» вступила в 1937 г. — год окончания работ и сдачи канала в эксплуатацию.

23 марта 1937 г. наступили решающие мгновения — опущены щиты Волжской плотины; река остановлена на три минуты.

27 марта — волжская вода вошла в канал.

6 апреля — уровень воды в Московском море достиг проектной отметки.

17 апреля — вода заполнила все 128 километров канала.

22 апреля — И. Сталин, К. Ворошилов, В. Молотов и Н. Ежов посетили Икшинский узел, шлюзы № 3 и № 4, насосную станцию*.

28 апреля — произведены массовые аресты среди руководства строительства и заключенных (арестован и сам начальник Дмитлага С. Фирин).

2 мая 1937 г. — торжественное открытие канала; прохождение флотилии от Московского моря до Химкинского порта.

Аресты в Дмитлаге производились в течение всего периода строительства канала, но массовыми они стали в 1937 г., после заключения под стражу наркома Г. Ягоды и прихода к власти Н. Ежова.

За арестом С. Фирина последовали аресты всех, кто входил в лагерную творческую элиту или каким-то образом был связан с начальником Дмитлага. По одному только «делу Фирина» было арестовано 218 человек. Почти все они были расстреляны.

Бывший шофер автобазы Л. Прокофьев вспоминал, как летом 1937 г. он и его сослуживцы на четырнадцати машинах возили арестованных в Москву. Однажды они сделали за ночь по три ездки. Арестованных допрашивали чаще всего один раз, очных ставок не проводили, проверок не делали. Того, кто отказывался признать себя виновным, больше не допрашивали, просто расстреливали. На командира Отдельного дивизиона охраны Бориса Кравцова дела вообще не заводили, спросили только, где и когда он познакомился с Фириним. Всем арестованным «по делу Фирина» инкриминировалось участие в контрреволюционной террористической организации, в то время как самого

* Сталин уже в третий раз посещал строительство канала, но в первые два посещения вместо Ежова его сопровождал Г. Ягода.

Декоративная ваза у заградительных ворот № 103 (43-й км канала), 1937 г.

Пристань в г. Дмитрове.
Митинг 2 мая 1937 г.
по случаю открытия
канала

Фирина обвиняли в предательстве и сдаче сети резидентуры в ряде европейских стран и работе на иностранные разведки. Кроме «дела Фирина», заведено было множество других следственных дел. Почти все руководство 3-го отдела во главе с С. Пузицким было расстреляно. Репрессирован был и переведенный незадолго до открытия канала в Наркомат леса заместитель наркома Л. Коган.

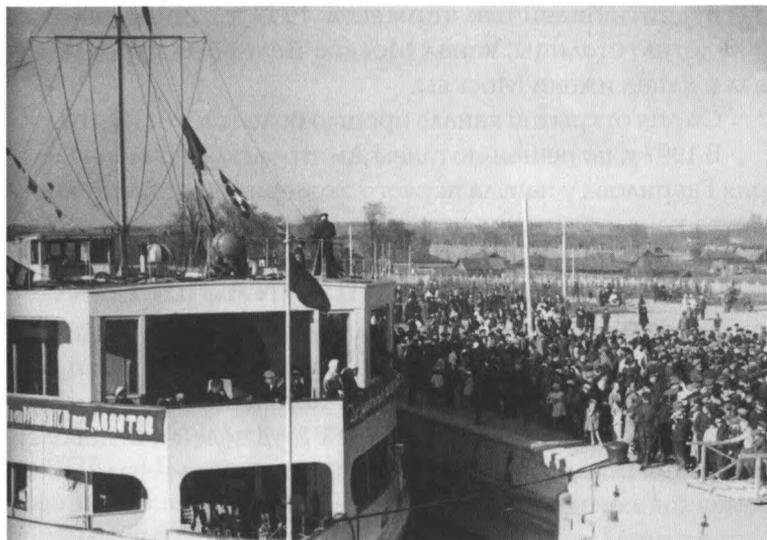
14 июля 1937 г. в самый разгар арестов, производившихся в Дмитлаге, вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О награждениях и льготах для строителей канала Москва-Волга». В числе льгот предлагалось за ударный труд освободить досрочно 55 тысяч заключенных.

15 июля канал Москва-Волга был открыт для движения пассажирских и грузовых судов. Дмитлаговские поэты-песенники слагали вирши в честь открытия судоходства:

Мы каждое утро для новых работ
Отрядами стройно шли на развод
Туда, где звенела, цвела и сияла,
Под радостной лаской лучей,
Волна пробужденного к жизни канала —
Созвездья свободных морей¹¹.

Тем временем жизнь Дмитлага подходила к концу так же, как и жизнь многих его заключенных.

С 8 августа начались массовые расстрелы и захоронения под Москвой на Бутовском полигоне и спустя месяц —

Теплоход «Вячеслав
Молотов» проходит
шлюз в р-не
г. Дмитрова. 02.05.1937 г.

на спецобъекте «Коммунарка». Так, свое последнее пристанище нашли в Бутове и осужденные дмитлаговцы, которых туда привозили с сентября 1937 г. по апрель 1938 г.; особенно много их расстреляно в марте 1938 г.- Похоже, руководством было сочтено, что при расформировании лагеря дешевле и проще избавиться он некоторого «человеческого балласта», чем распределять людей по другим лагерям.

Заклученные, повторно арестованные в Дмитлаге, обвинялись по статье 58; это все та же пресловутая «антисоветская агитация», или «контрреволюционная деятельность», или же «диверсионно-террористические намерения». Иногда повод для ареста и расстрельного приговора мог быть несколько иным: кто-то обвинялся «в поразительных настроениях», а кто-то — в «опошлении воспитательно-трудовой политики соввласти».

Состав расстрелянных и захороненных в Бутове дмитлаговцев многонационален. Кого только здесь не найдешь! Русские и украинцы, белорусы и татары, евреи и турки, персы и цыгане, немцы Поволжья и немцы из Германии, большая группа узбеков, добровольно приехавших на строительство канала, туркмены, казахи, азербайджанцы, кабардинцы, поляки, латыши, карачаевец, мордвин, фарси, болгарин, грузины, осетины, чеченец, молдаванин, чуваш, башкир, англичанин из Лондона, удмурт, китаец и другие...

В дни юбилейных торжеств 1947 г., посвященных 800-летию столицы, канал Москва-Волга был переименован в канал имени Москвы.

Со дня открытия канала прошло более шестидесяти лет.

В 1997 г. по решению главы Дмитровского района Валерия Гаврилова у начала первого экспериментального километра канала был открыт памятник всем погибшим канал-армейцам. Авторы проекта: Дмитрий Шаховской, Андрей Красулин и Владимир Буйнов.

Тринадцатиметровый металлический крест, видимый издали, увенчал берег канала. Это память о тех, кто был замучен, убит, умер от голода и истощения на «великой стройке второй пятилетки», но чей труд волей или неволей послужил вкладом в дело сооружения канала — одного из важнейших водных путей страны.

Крест, установленный в 1997 г. на берегу первого опытного километра канала Москва-Волга

Видеуд Штраус

ЛАТЫШСКИЙ ДНЕВНИК

...Вначале был «тонкий» исторический намек. 10 февраля 1937 г. в Большом театре состоялось торжественное собрание, посвященное 100-летию со дня смерти Пушкина. Торжество открыл председатель Всесоюзного Пушкинского юбилейного комитета нарком просвещения А. С. Бубнов*.

Политбюро ЦК ВКП(б) сидело не в президиуме, а скромно разместилось в правительственной ложе. Докладчик, директор института мировой литературы ДН СССР И. К. Ауппол**, популярно разъяснил, что поэт, оказывается, «был неудобен самодержавно-крепостническому режиму в целом и было решено его убрать. ...Нашелся международный проходимец, и не стало Пушкина, величайшего русского поэта»!.

Итак, один иностранный вредитель был публично раскрыт. Надо было переходить к современности.

Раскладывая пасьянс второго (после 1918 г.) всеобщего красного террора, его отцы-руководители Сталин и Молотов вместе с другими картами умело использовали и «инострannую».

12 июня 1937 г., суббота.

Население СССР с удивлением узнало, что в непобедимой Красной Армии раскрыт военный заговор, которым руководила германская разведка. Главные заговорщики — высшие командиры во главе с Маршалом Советского Союза Тухачевским разоблачены, осуждены и расстреляны. Их было восемь. Половина — «иностранцы»: литовцы Путна и Уборевич, эстонец Корк, латыш Эйдеман². Однако есть версия: «заговор» замыслился как военно-политический, в котором роль политического руководителя отводилась кандидату в члены Политбюро, заместителю председателя

* Нарком просвещения А. С. Бубнов расстрелян 01.08.1938 г. Его жена, искусствовед О. Н. Бубнова расстреляна 08.01.1938 г. Оба захоронены на спецобъекте «Коммунарка»

** И. К. Луппол погиб в лагере 25.05.1943 г.

Руководство
латышского общества
«Прометей»

Совнаркома СССР Рудзутаку. Такое предположение автору настоящей статьи незадолго до ухода из жизни высказал Лаймон Цируль, сын ближайшего друга Рудзутака*.

В начале мая 1937 г. на квартире у матери Лаймона шел ремонт. Поэтому он жил у Рудзутака в Кремле, готовился к экзаменам за 1-й курс Геолого-разведочного института и видел, как Сталин и Молотов несколько раз по вечерам приходили к Рудзутаку, подолгу разговаривали и каждый раз уходили раздраженными. Вопрос, о чем велись разговоры в кабинете Рудзутака, не давал покоя Лаймону все годы, проведенные в лагерях**. Ему удалось поговорить с одним заключенным, лично знавшим Рудзутака, Сталина и Молотова. Лаймон пришел к выводу: Рудзутака уговаривали согласиться на роль политического руководителя «заговора» и каяться на суде, как это делали Зиновьев и Каменев (а позже — Бухарин и Рыков). Тухачевский был арестован 22 мая, Рудзук в ночь на 25 мая 1937 г.³

В этот же день методом телефонного опроса оба были сняты со своих партийных постов и исключены из партии. Однако политическое направление «заговора» развития не получило***. Тем не менее подготовка к «латышской операции» велась, и на самом высоком уровне.

16 июля 1937 г., пятница.

В этот день Совнарком СССР без объяснения мотивов ликвидировал латышское Просветительное общество «Прометей». Общество как негосударственная коопера-

* Отец Лаймона — Фриц Цируль, начальник милиции Москвы, в 1925 г., когда Лаймону было 7 лет, при загадочных обстоятельствах погиб в Москве в автомобильной катастрофе. С тех пор Рудзук, у которого не было детей, считал Лаймона своим приемным сыном.

** Лаймон Цируль был арестован на даче вместе с Рудзутаком и приговорен к 10 годам ИТА.

*** Если бы этого не произошло, массовые репрессии против латышей могли начаться раньше террористических операций против немцев (начались 25 июля 1937 г.) и поляков (11 августа 1937 г.).

тивная организация было основано в 1924 г. сразу после ликвидации Наркомата по делам национальностей, чтобы перенять от латышского отдела наркомата заботу о сохранении и развитии национального образования и культуры в 150-тысячной латышской диаспоре в СССР. Успешная организаторская и экономическая деятельность (производство культтоваров на пяти заводах общества) позволяла оказывать помощь и поддерживать латышские учебные заведения, клубы, театры, писателей, художников, издательство, но одновременно плодила и недоброжелателей. Почетным председателем общества был Рудзутак. Эйдеман возглавлял латышскую секцию Союза писателей СССР, работавшую при «Прометее».

11 августа 1937 г., среда.

Ликвидация общества «Прометей» закончена. Все сотрудники уволены. Собственность и финансы общества изъяты государством, за исключением издательства, которое перешло в акционерное общество «Издательство иностранных рабочих в СССР». В дом «Прометей» на Смоленском бульваре (№ 3-5) вселяется Главлит.

В этот же день Ежов, недавно награжденный орденом Ленина, подписывает приказ НКВД № 00485 о начале репрессий против поляков, по которому впоследствии будет проведена и «латышская операция». Но аресты латышей

Вечер в Латышском клубе

Слева – Карл Бауман. Расстрелян 14.04.1938 г. и захоронен в Бутове (тюремная фотография). Справа – дом в г. Бронницы, где перед арестом проживал рабочий завода «Мотор» К. Бауман

уже начались. Их причисляли к «антисоветским элементам» (приказ НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г.). К концу октября 1937 г. были арестованы 22 латыша, впоследствии захороненные в бутовских рвах. Восемнадцать из них жили и работали в Московской области.

28 августа 1937 г., суббота.

На Бутовском полигоне НКВД расстрелян и захоронен первый латыш.

Карл Бауман⁴ приехал в Москву в 1915 г. вместе с эвакуированным из Риги заводом «Мотор» и продолжал работать на заводе электромонтажником. В 1920 г. он переехал в Бронницы, в 1923 г. приобрел там мельницу. В 1929 г. власти вынудили мельницу отдать. Бауман продолжал работать на той же мельнице, перешедшей теперь в собственность государства, заведующим. Охота чекистов на латышей-мельников на этом не закончилась. Вскоре расстреляли заведующего мельницей в с. Скрыбино Истринского района Карла Жигура, Андрея Томса, который заведовал мельницей в с. Чегодаево в Подольском районе, и его племянника Ивана Томса, мельника в с. Домодедово.

23 сентября 1937 г., четверг.

Начало гибели латышских семей. В Бутове расстреляны и захоронены лесник из-под Мытищ Иван Лагзда и его сыновья Альфред и Карл. Через полгода погибнут плотник из поселка Фирсановка Петр Стабин и трое его сыновей: Иван, Александр и Андрей. Весной 1938 г. расстреляли братьев: Криша, Эдуарда и Яна Гесте; Жана, Михаила и Фри-

ца Добелей; Александра, Роберта, Теодора Дышлеров; Александра, Бориса, Николая Звайгзне; Роберта, Эдгара, Яна Михельсонов и пятерых братьев Фасс: Иосифа, Фрица, Яна, Жана и Арнольда*.

30 октября 1937 г., суббота.

В газете «Правда» опубликованы лозунги ЦК ВКП(б) к XX годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Среди них — призыв к действию: «Искореним врагов народа — троцкистско-бухаринских шпионов и вредителей, наймитов иностранных фашистских разведок! Смерть изменникам Родины!». Накануне праздника, 4 ноября, арестовали заведующего культмассовой секцией общества «Прометей» Карла Спаринского, на следующий день — заведующего научно-исследовательской секцией по истории латышских стрелков, бывшего секретаря парткома общества Вильгельма Штрауса. Арестовали в Смоленске, куда Штраус приехал как представитель «Прометей» на торжественное собрание местного латышского клуба. Оба арестованных жили в доме «Прометей» на Смоленском бульваре, дом 3-5, и, конечно, многое знали.

23 ноября 1937 г., вторник.

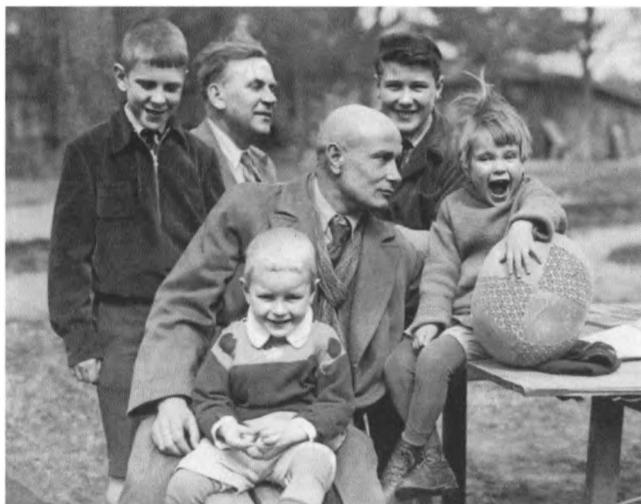
Ежов подписал шифротелеграмму: «Всем НКВД республик, нач. УНКВД краев и областей. Немедленно со-

* Вообще-то репрессировано было семеро братьев Фасс: Альфред умер в лагере, Роберт вернулся из лагеря, жил в Риге и там скончался.

Двое из пяти братьев Фасс. Слева — Пассит (Жан Фасс), расстрелян 04.06.1938 г. и захоронен в Бутове. Справа — Фриц Фасс, расстрелян 17.05.1938 г. и захоронен в Бутове

Один из основателей
и исполнительный
директор общества
«Прометей» Фриц
Берновский с детьми
(на заднем плане).
Расстрелян
на спецобъекте
«Коммунарка»
19.03.1938 г.
Инженер-электрик Жан
Озол (впереди) с детьми.
Расстрелян 28.02.1938 г.
и захоронен в Бутове

берите, проверьте и сообщите следующие сведения о латышских официальных учреждениях и организациях на территории республики, края: филиалы существовавшего до последнего времени культпросветобщества “Прометей”, латышские клубы, писательские общества, газеты, театры, правления ликвидированного акционерного общества “Продукт”, латышские колхозы, кустарные латышские артели и кооперативные предприятия в городах, компактные массы латышей в различных учреждениях, предприятиях, совхозах, других точках, различные латышские кружки осовиахимовского типа, общества латышских стрелков при Осовиахиме, различные латышские учебные заведения, землячества, группирование латышей на транспорте, оборонных и важнейших предприятиях и сооружениях. Мне донесите точную дислокацию этих пунктов концентрации латышей, указав количество точек по каждому виду отдельно, цифровые данные о количестве руководителей, членов правлений и актива в отдельности. Срок исполнения сорок восемь часов с момента получения телеграммы. Вместе с этим подготовьте аресты всех руководителей и активистов этих пунктов концентрации латышей, а также учтенных ранее латышских шпионов, перебежчиков и антисоветского актива, в том числе всех латвийских подданных (кроме служащих посольств и консульств). Операцию в отношении всех этих категорий актива предположено провести в один день одновременно во всех республиках и областях, в дальнейшем развивая ее по типу

польской операции. Срок операции и порядок ее проведения получите телеграммой после вашего донесения об учетных контингентах. Ежов»⁵.

28 ноября 1937 г., воскресенье.

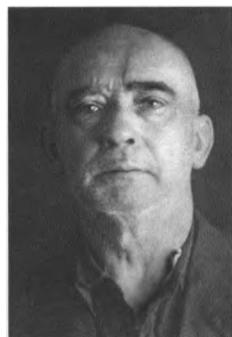
В Москве полным ходом шла отработка списков обреченных. Арестованы и тут же начали «давать показания» секретарь парткома общества «Прометей» Арвид Цельмс, заведующий культсектором Кришьян Саулит, заведующий школьной секцией Эдуард Стурит и директор издательства Эрнест Герман.

29 ноября 1937 г., понедельник.

Арестованы и допрашиваются один из основателей «Прометей» исполнительный директор общества Фриц Берновский, главный редактор издательства Конрад Иокум, главный редактор газеты «Коммунару Циня» Иоганн Ласис. В этот же день дал подробные письменные показания о деятельности «Прометей» бессменный председатель правления общества Карл Данишевский. Будучи одним из руководителей Наркомата лесной промышленности СССР, он был арестован как троцкист-вредитель. У следователей имелась возможность сверить сведения, полученные на допросах, с информацией, которую ОГПУ-НКВД начиная с 1932 г. получал от своего сексота по кличке «Свирский», литсотрудника «Прометей»*.

30 ноября 1937 г., вторник.

Заместитель Ежова Фриновский подписал вторую шифротелеграмму: «Всем наркомам вудел республик, начальникам УНКВД, начальникам ДТО ГУГБ. В Москве и ряде областей вскрыты крупные шпионско-диверсионные и националистические контрреволюционные организации латышей, созданные латвийской разведкой и связанные с разведками других стран. Эти к. р. формирования латышей в ряде случаев входили в состав правотроцкистских организаций и военно-троцкистского заговора в качестве националистических латышских филиалов и центров. В целях ликвидации работы латвийской разведки и разгрома националистической, антисоветской деятельности латышей на территории СССР приказываю: 3 декабря 1937 г. одновременно во всех республиках, краях и областях провести аресты всех латышей, подозреваемых в шпионаже, диверсии, антисоветской националистической работе». Далее детализировалось проведение операций⁶.

Иван (Ян) Мартенсон, рабочий сцены в латышском театре «Скатувэ», затем истопник в московском Латышском клубе. Расстрелян 03.02.1938 г. и захоронен в Бутове (тюремная фотография)

* «Заслуги» сексота впоследствии не были учтены: он заодно со всеми получил от ОСО НКВД 8 лет ИТЛ. Уцелел, поселился в Латвии, где стал известным писателем.

Карл Озолин,
сотрудник издательства
«Прометей».
Расстрелян 03.02.1938 г.
и захоронен в Бутове

Прошло два года. 11 декабря 1939 г. арестованный бывший начальник 3-го отдела УНКВД Московской области Постель на допросе заявил: «Я со всей ответственностью за свои слова глубоко убежден и фактически могу доказать, что на шумевший, так называемый вскрытый всесоюзный контрреволюционный латышский националистический центр, по которому были арестованы десятки тысяч латышей, крупных партийных, советских и военных работников, рабочих, колхозников, колхозниц и др., был явно сфабрикован и в природе не существовал»⁷.

Десятки тысяч латышей и других заговорщиков были не только арестованы. Волны государственного террора уносили жизни ни в чем не повинных людей, по-сталински не людей — «элементов».

21 декабря 1937 г., вторник.

«1937 г. декабря 21 дня составлен настоящий акт в следующем: обвиняемый Плауцин Жан Иванович был вызван на допрос в 19 часов 20 минут 21 декабря с. г. Дал до этого обстоятельные показания как о своей диверсионной, так и террористической к. р. деятельности. Однако при попытке 21 декабря передопросить Плауцина Ж. последний в присутствии следователей Соловейчика, Каверзнева, Медведева перед допросом с кулаками и контрреволюционными криками по адресу НКВД набросился на следователя Каверзнева, и только самообладание след. Каверзнева и вмешательство при этом следователя Соловейчика предотвратило попытку Плауцина Ж. избить следователя Каверзнева. О чем составлен настоящий акт. 21.12.37 г. Соловейчик, Медведев, Каверзнев»⁸.

Это произошло на следующий день после того, как мучители Ж. Плауцина отмечали свой юбилей — 20-летие организации ВЧК—ГПУ—ОГПУ—ГУГБ—НКВД. «Да здравствует НКВД, карающая рука советского народа!» — так приветствовали чекистов Совнарком СССР и ЦК ВКП(б)⁹. Следовательно, в СССР карали уже не суды, и Плауцин набросился на «всенародную руку».

Политзаключенного Плауцина из Петропавловской крепости, где он отсидел пять лет, освободила февральская революция. Потом он работал токарем на заводах Петрограда, Москвы, Харькова. В 1929—1933 гг. он — начальник цеха на Московском электрозаводе, с 1933 г. — главный механик детища пятилетки — завода «Фрезер»¹⁰. Расстре-

лян 17 февраля 1938 г. и захоронен на Бутовском полигоне*.

24 декабря 1937 г., пятница.

«Сов. секретно. Начальнику 3-го отдела УТБ УНКВД МО капитану госбезопасности тов. Сорокину.

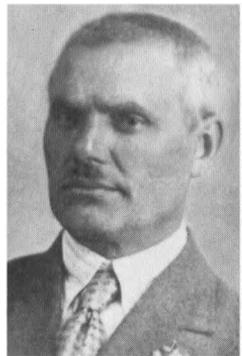
Рапорт. Доношу, что арестованный Шатурским ГО УНКВД латыш Бомит Петр Петрович как участник к. р. диверсионно-террористической организации, находясь в камере милиции 23 декабря 1937 г., побил все стекла и учинил исключительное хулиганство, в результате этого он был одет в усмирительную рубашку. 24 декабря 1937 г., будучи вызван на допрос в ГО, Бомит совершил побег, но так как побег ему не удался, то он на площади Ленина собрал своим криком большую толпу народа, кричал: «НКВД арестовывает невинных людей, смотрите, как они расправляются с нами». Нач. Шатурского ГО УНКВД МО л-т ГБ Доронкин»¹¹.

Петр Бомит в молодости был народным учителем в родной волости. С 1919 г. жил и работал в Советской России. С 1930 г. он — заведующий московским Латышским клубом, в 1931—1936 гг. учился в Промакадемии им. Кагановича. После окончания академии в январе 1937 г. его направили в Шатурский район заместителем директора Бакшеевских торфоразработок. Расстрелян 28.02.1938 г.

29 января 1938 г., суббота.

Весь январь следователи продолжали усиленно «комплектовать» латышские контрреволюционные организации и группы. «Нач-ку 3-го отдела УТБ УНКВД МО капитану ГБ тов. Сорокину. От оперуполномоченного 1-го отделения 3-го отдела УТБ УНКВД МО сержанта ГБ Скудагина.

Рапорт. Доношу, что 29 января 1938 г. в 2 часа я выехал в тюрьму № 1 допрашивать обвиняемого Калныня Яна Яновича. В 4 часа 10 мин. я вызвал обвиняемого для допроса. Заполнив анкетные данные протокола, мною обвиняемому был задан вопрос рассказать о своей преступной деятельности. Обвиняемый Калнынь Я. Я. рассказал о своем участии в к. р. фашистско-повстанческой националистической организации, существовавшей при просвет, об-ве «Прометей». Во время его показаний я писал протокол. Обвиняемый, видя, что я занят, быстрым движением поднялся со стула и этим же стулом пытался нанести мне удар. Во время взмаха обвиняемым на меня я стремительным ударом по поднятому стулу предотвратил нанесение по мне удара,

Петр Бомит, заведующий московским Латышским клубом. Расстрелян 28.02.1938 г. и захоронен в Бутове

* Сын Ж. Плауцина Геральд, родившийся в 1920 г. в Москве, гвардии лейтенант, командир взвода 125-го гвардейского стрелкового полка 43-й гвардейской Латышской стрелковой дивизии, погиб 28.12.1942 г. за свободу и независимость страны, убившей отца. Похоронен в с. Новая Деревня Парфинского р-на Новгородской области.

в результате чего стул ударился об пол и был разбит. После этого я выбил у него стул, обвиняемый в это время нанес мне несколько ударов. Предотвращая дальнейшие, я применил “САМБО” (другими приемами овладеть последним я физически был не в состоянии, т. к. впоследствии мы держали его четверо и он все-таки некоторым товарищам нанес удары) и свалил его на пол. В этот момент обвиняемый еще нанес ногой мне удар. Пытаясь вызвать помощь, я прибежал к помощи сигнала, но последний оказался неисправным. После этого мне удалось ударом (ногой) открыть дверь и вызвать себе помощь. Первым прибежал надзиратель Белячков И. В., а через некоторое время несколько уполномоченных (Бородулин, Столяр, Бельченко и др.). При помощи последних обвиняемый был приведен к порядку, некоторым из уполномоченных обвиняемый также нанес удары. 29.01.1938 г. Скудагин»¹².

Ян Калнынь расстрелян 14 марта 1938 г. и захоронен в Бутове.

31 января 1938 г., понедельник.

Тяжело давалась чекистам победа над «иностранцами». Пришлось обращаться в высшие инстанции за помощью. Помогли.

Из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б):

«Разрешить Наркомвнуделу продолжить до 15 апреля 1938 г. операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранных подданных, так и советских граждан, согласно существующим приказам НКВД СССР. Оставить до 15 апреля существующий внесудебный порядок рассмотрения дел арестованных по этим операциям людей, вне зависимости от их подданства. Предложить НКВД СССР провести до 15 апреля аналогичную операцию и погромить кадры болгар и македонцев, как иностранных граждан, так и граждан СССР».

3 февраля 1938 г., четверг.

С июня по ноябрь 1937 г. в Москве и Подмосковье были арестованы 56 позднее приговоренных к расстрелу латышей. В декабре, когда началась «латышская операция» — 349. По 31 декабря 1937 г. расстреляны «всего лишь» шестнадцать. Весь январь 1938 г. латышей на полигон не привозили.

Но 3 февраля стало подобием массового взрыва: в этот день расстреляли 229 латышей. Второй такой взрыв произойдет 16—17 мая 1938 г., когда за два дня количество расстрелянных латышей достигнет 225-ти.

Волна репрессий захлестнула общество «Прометей». 3 февраля и в дальнейшем были расстреляны работники культсектора, сотрудники издательства, журналисты. В обществе управленческая и финансово-экономическая документация велась на русском языке. С учетом этого в аппарате управления работали не только латыши. Директором по экономике был еврей Роман Семенович Кригсгабер. Ответственные должности занимали: русские Павел Павлович Баранов, Иван Иванович Гусляков, Николай Григорьевич Левин, украинец А. Подоляк, армяне Ашот Хубралов и Надежда Шилтова, поляк Виктор Стурлис. Все попали на Бутовский полигон. В Москве жили и работали четырнадцать латышских писателей — членов Союза писателей СССР. 3 февраля были расстреляны литературоведы Анна Запровская, профессор Института иностранных язы-

И. А. Апин, директор латышского клуба им. Стучка, среди молодежи. Расстрелян 20.03.1938 г. и захоронен в Бутове

Латышские писатели и журналисты. Москва, январь 1937 г.

Сидят (слева направо) –

Линард Лайцен, член ССП (Союза советских писателей), расстрелян 03.08.1937 г. в Москве; Павел Виксне, член ССП, расстрелян 15.02.1938 г. и захоронен на спецобъекте «Коммунарка»; Алвил Цеплис, член ССП, расстрелян 28.05.1938 г. и захоронен в Бутове; Эдуард Шиллер, член ССП, расстрелян 16.06.1938 г. («Коммунарка»); Пауль Дауге, находился под следствием в Бутырской тюрьме с 15.12.1937 г. по 27.04.1939 г., освобожден; Юлия Янель, член ССП, расстреляна 03.02.1938 г. (Бутово); Ян Эйдук, член ССП, расстрелян 25.01.1938 г. в Ленинграде; Янис Калнин, расстрелян 03.02.1938 г. (Бутово)

Стоят в первом ряду (слева направо) –

Карл Озол (Преднек), член ССП, расстрелян 05.02.1938 г. (Бутово); Мильда Лепинь, секретарь латышской секции ССП; Виллис Аболтынш, расстрелян 03.02.1938 г. (Бутово); Ян Страуян, член ССП, расстрелян 20.03.1938 г. (Бутово); Петр Блумфельд, член ССП, расстрелян 03.02.1938 г. (Бутово); Карл Озолин, расстрелян 03.02.1938 г. (Бутово); Вольдемар Восс, расстрелян 25.01.1938 г. в Ленинграде; Эрнест Герман, зав. издательством «Прометей», расстрелян 07.02.1938 г. («Коммунарка»); Анна Запровская, профессор, член ССП, расстреляна 03.02.1938 г. (Бутово); Петр Кикут, член ССП, расстрелян 25.01.1938 г. в Ленинграде; Альбина Межуль, расстреляна 03.02.1938 г. (Бутово); Иоганн Ласис, главный редактор газеты «Коммунару Циня», расстрелян 08.01.1938 г. («Коммунарка»); Кришьян Саулит, руководитель культмассового сектора общества «Прометей», расстрелян 10.02.1938 г. («Коммунарка»)

Стоят во втором ряду (слева направо) –

Эдуард Саленек, кандидат в члены ССП, 05.06.1939 г. приговорен к 8 годам ИТЛ, вернулся из заключения; Эдмунд Бурневиц, кандидат в члены ССП, расстрелян 15.02.1938 г. в Смоленске; Арнольд Карнит, Вера Дашкевич, Александра Звайгзне

ков, и Юлия Янель. В этот же день расстреляли Петра Блумфельда, затем Семена Берга (Симана Бергиса), Яна Страуяна и Алвила Цеплиса*.

Был также полностью разгромлен латышский театр «Скатувэ». 3 февраля 1938 г. расстреляны двадцать скатувцев, в их числе — три заслуженных артиста РСФСР: Роберт Банцан, директор театра, режиссер Адольф Ванадзин (Аперат) и ведущий актер Ян Балтаус. Еще 17 января 1937 г. их статью под названием «Мы не эмигранты» опубликовала газета «Советское искусство». Там читаем: «Латышский театр “Скатувэ” существует 17 лет. Вокруг театра объединились латышские артисты, художники, драматурги, композиторы. На русской земле вырос и окреп еще один национальный театр, рожденный революцией. И нет в наших рядах ни одного человека, который считал бы себя эмигрантом, отщепенцем в чужой стране». Статья не помогла. Вот что об уничтоженном театре говорил Седов, секретарь парткома Комитета по делам искусств при СНК РСФСР, выступая на партконференции Свердловского района: «Я хочу привести ряд фактов, которые говорят о том,

* На «Коммунарке» расстреляны Павел Виксне, Вильгельм Кнорин, Эдуард Шиллер. На Донском кладбище захоронен прах расстрелянных Линарда Лайцена и Роберта Эйдемана. Карл Упмал (Пелекайс) умер в лагере.

Дом, где помещался в 1920–1925 гг. театр «Скатувэ». Москва, Антиповский пер., д. 7

Роберт Банцан,
режиссер театра
«Скатувэ». Расстрелян
03.02.1938 г. и захоронен
в Бутове (тюремная
фотография)

что и в театры попали враги народа. Возьмем бывший Латышский театр, который был театром только по вывеске, а по сути там проводилась шпионская и террористическая работа. Сейчас он ликвидирован»¹³.

Это о театре, который коллегия Наркомпроса объявила лучшим национальным театром России и вручила в 1933 г. переходящее Красное знамя, которое до 1938 г. так ни к кому и не перешло.

Вместе с артистами и в дальнейшем расстреливали сотрудников и активистов Латышского клуба. «Особо опасными преступниками» оказались не только заведующий клубом Иван Апин, но и повар столовой Анна Зарина, истопник Иван Мартенсон, ночной сторож Яков Дзиндрис. К латышам добавили русских: руководителя хореографического кружка, артиста балета Госфилармонии Николая Зубова, его брата Петра, который всего лишь приходил в клуб заниматься в физкультурном кружке, и руководителя этого кружка, выпускника Института физкультуры и студента мединститута Павла Токарева. В Московском совете профсоюзов клуб числился рабочим клубом, поэтому ему оказывалась небольшая материальная помощь. Правление, сотрудники поддерживали связь с латышами, работающими на предприятиях Москвы, а НКВД включил их в контр-

Пятнадцатилетие
латышского театра
«Скатувэ», 1935 г.

революционную организацию при клубе. Большая группа латышей трудилась на кооперативном заводе «Красная звезда», который в 1922 г. основали демобилизованные латышские стрелки. 3 февраля 1938 г. расстреляны и захоронены в Бутове тринадцать заводчан: директор завода Роберт Сталшен, начальники цехов Лагздынь и Шульц, мастера Осит и Полис, чертежник-конструктор Калнынь и семеро рабочих. В середине сентября 1938 г. количество расстрелянных достигло двадцати шести: на заводе не осталось ни одного латыша.

Клуб знали не только московские латыши. 11 декабря 1937 г. Рогачевский райотдел НКВД Московской области арестовал председателя колхоза «Глухово» Ивана Аболтина и колхозников Карла Менца и Оскара Чакура. Когда этот колхоз создавался, его основой стала латышская коммуна «Асны» («Всходы»), организованная в 1923 г., к которой присоединили крестьянские хозяйства нескольких окрестных деревень. Чакур на допросе рассказал: «В 1929 г. я приехал в Москву и в Латышском клубе узнал, что в д. Глухово много латышей, сельхозкоммуна. Поехал и. вступил. Потом, посещая Москву, неоднократно бывал в Латышском клубе». Всех троих расстреляли 3 февраля. За что? Впечатляюще выразил их вину на допросе свидетель — колхозник Жирнов, назначенный в. и. о. председателя колхоза вместо арестованного Аболтина: «Аболтин, Чакур и Менц — все трое латыши. Все трое между собой тесно связаны и представляли не что иное, как контрреволюционное вредительское гнездо»¹⁴.

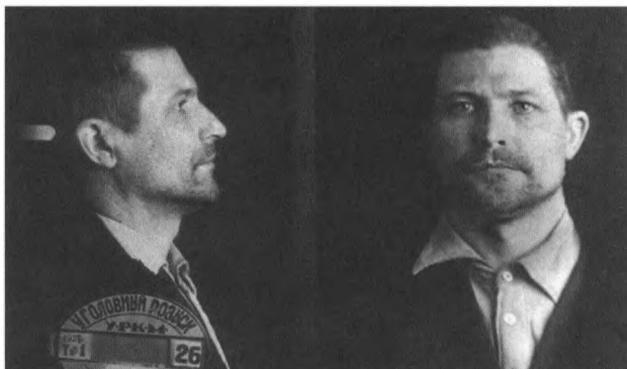
26 февраля 1938 г., суббота.

Расстреляны художники Карл Вейдеман, Александр Древин, Густав Клуцис и Эдуард Раценайс. Александр Древин с 1918 г. руководил секцией изобразительных искусств при латышском отделе Наркомнаца, а в 1924 г. избран профессором ВХУТЕМАСа. Этот вуз окончили в 1920-е гг. Вольдемар Андерсон, Карл Вейдеман, Павел Ирбит, Густав Клуцис и Паула Фрейберг. Художники иллюстрировали книги, выпускаемые издательством «Прометей», получали от общества финансовую поддержку для творческих командировок. Карл Вейдеман, Эрнест Гринвальд, Артур Рудзит, Альфред Тикум оформляли постановки в латышском театре «Скатувэ», а Карл Мейкул заведовал постановочной частью Большого театра. Густав Клуцис был изыс-

Николай Зубов, артист балета, руководитель хореографического кружка при Латышском клубе, фотография в роли белогвардейца из спектакля латышского театра «Скатувэ». Расстрелян 28.02.1938 г. и захоронен в Бутове

Густав Клуцис,
известный живописец,
график, дизайнер,
родоначальник
советского плаката.
Расстрелян 26.02.1938 г.
и захоронен в Бутове
(тюремная фотография)

Цецилия Густав,
художник-график.
Расстреляна 28.02.1938 г.
и захоронена в Бутове
(тюремная фотография)

канным живописцем, признанным мастером фотоплаката, в 1937 г. он создал интерьеры для советского павильона на Всемирной выставке в Париже. Эрнест Гринвальд работал художником-мультипликатором в «Союзкино». В Латышском клубе состоялись персональные выставки Вольдемара Андерсона, Карла Вейдемана, Артура Рудзита, Вильгельма Якуба, латышские художники принимали участие в московских и всесоюзных выставках.

Изостудии «Прометей» не стало. Двенадцать художников и скульптор Ян Калнынь расстреляны и захоронены в Бутове. Паула Фрейберг умерла по дороге в лагерь. Эрнест Калис до вынесения приговора умер в тюремной больнице. В декабре 1937 г. сотрудники НКВД конфисковали в мастерских художников, которые находились в доме «Прометей», пятьсот пять картин и рисунков, а также двенадцать скульптур. Все пропало. В музеях сохранилась часть работ Александра Древина. Третьяковская галерея недавно показала их на персональной выставке художника. Ряд работ А. Древина, Р. Семашкевича и Г. Клуциса ныне находятся в постоянной экспозиции Третьяковки.

28 февраля 1938 г., понедельник.

На Бутовском полигоне расстреляны и захоронены 90 латышей, 23 из них — бывшие латышские стрелки.

Латышские стрелки: кто они и откуда появились в России?..

Когда германские войска уже стояли в сорока километрах от Риги, 19 июля 1915 г. командующий Северо-Западным фронтом генерал Алексеев подписал приказ о формировании латышских национальных стрелковых батальонов. Начался второй призыв, на этот раз добровольцев: в первый призыв в начале войны было мобилизовано около 20 тысяч латышей. Когда зимой 1914—1915 гг. в Восточной Пруссии и на северо-востоке Польши две российские армии потерпели сокрушительное поражение, почти все или погибли, или попали в плен, откуда вернулись только в конце 1918 г. В первый формируемый батальон, Усть-Двинский*, был зачислен Август Микельсон. Его рота 12 октября 1915 г. вступила в первый бой на Рижском взморье около местечка Слока. Через год восемь батальонов за счет мобилизованных и переведенных из других частей были преобразованы в полки. Латышские полки, как и сибирские, назывались стрелковыми, в отличие от пехотных, не столько потому, что стрелки лучше стреляли, а потому, что были лучше оснащены стрелковым оружием. Хорошая военная выучка, дисциплинированность и стойкость в боях отличала стрелков как наиболее боеспособных**.

В начале 1917 г. в составе полков — 1-го Усть-Двинского, 2-го Рижского, 3-го Курземского, 4-го Видземского, 5-го Земгальского, 6-го Тукумского, 7-го Бауского и 8-го Вольмарского насчитывалось 30 тысяч, а в Запасном полку — 10 тысяч стрелков и командиров. Боевые заслуги латышских стрелков в российской армии были отмечены. Более двух тысяч стрелков награждены Георгиевскими крестами, 24 из них — всех четырех степеней. Полковник Карл Гоппер был награжден орденами Св. Георгия 3-й и 4-й степеней и Георгиевским оружием***. Пять офицеров удостоены ордена Св. Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия, девятнадцать — ордена Св. Георгия 4-й степени и двадцать пять — Георгиевского оружия¹⁵.

После октября 1917 г. почти весь офицерский состав из армии ушел. Часть стрелков покинула полки и вернулась в родные места. Другая осталась как вооруженная сила, на

Павел Ирбит, художник, бывш. латышский стрелок. Расстрелян 03.02.1938 г. и захоронен в Бутове (тюремная фотография)

* Батальон был назван Усть-Двинским по названию рижской крепости, где он формировался.

** Была у латышских стрелков особенность: они шли в наступление молча, без криков «Ура!».

*** Карл Гоппер расстрелян НКГБ в Риге 25.03.1941 г.

Я. Я. Кюзис, председатель Московской областной комиссии по делам бывших дружинников 1905 года, красногвардейцев и красных партизан. Расстрелян 26.02.1938 г. и захоронен в Бутове

которую тут же оперлась власть большевиков. В начале декабря 1917 г. 6-й полк и Сводная рота, скомплектованная из представителей других полков, прибыли в Петроград. Затем стрелковые формирования были направлены в Белоруссию и на Украину удерживать захваченную большевиками власть. 18 февраля 1918 г., когда началось наступление германских войск, оставшиеся стрелки отступили к Петрограду. Так, покинувшие родину латышские стрелки оказались втянутыми в гражданскую войну в России.

Нарком по военным делам Троцкий 13 апреля 1918 г. подписал приказ о формировании первой регулярной воинской части Красной Армии — Латышской стрелковой советской дивизии. Формировалась дивизия в Москве. Была сохранена нумерация полков (с 1-го по 8-й, но без названий), вместо Запасного и Сводной роты, охранявшей правительстве в Петрограде и Москве, сформирован 9-й полк, а также кавалерийский полк, артдивизионы и авиаотряды. В июле 1918 г. бывший полковник Вацетис, командир 5-ш Земгальского стрелкового полка, ставший командиром Латышской стрелковой дивизии, был назначен сначала командующим Восточным фронтом, а затем Главнокомандующим всеми вооруженными силами РСФСР. Начался трагический путь красных латышских стрелков по фронтам гражданской войны. Демьян Бедный о них писал:

Заслуги латышей отмечены.

О них, как правило, пиши:

Любые фланги обеспечены,

Когда на флангах латыши¹⁶.

Ян Деруп, руководитель оркестра московского Латышского клуба. Расстрелян 07.04.1938 г. и захоронен в Бутове

РСФСР и Латвия 11 августа 1920 г. заключили мирный договор, в котором, как это ни странно, не было указано, кто на кого напал. В договоре Советская Россия обязалась сразу же расформировать латышские национальные части. Ленин и Троцкий нарушили договор: латышская стрелковая дивизия не была расформирована. Уже после подписания договора под Каховкой в ожесточенных боях с наступающими частями армии генерала Врангеля погибли два латышских стрелковых полка. Приказ о расформировании латдивизии Л. Троцкий подписал только 28 ноября 1920 г., когда Крым был взят и бои на Южном фронте закончились. В гражданской войне погибли восемь из каждых десяти латышских стрелков.

Большинство демобилизованных стрелков вернулось на родину. А семнадцать лет спустя на Бутовском полигоне были захоронены 172 бывших латышских стрелка — каждый седьмой из расстрелянных мужчин-латышей. Пятнадцать из них служили только в «старых» полках, 91 — в «старых» и «новых», советских, и 66 — только в Латдивизии и 5-м Особом латышском стрелковом полку, который не входил в дивизию, а подчинялся главкому Красной Армии. Август Микельсон воевал в составе 1-го полка в первую мировую и гражданскую, был награжден орденом Красного Знамени*.

Куда только не заносила судьба латышских стрелков в годы гражданской войны!

Их командиры, не захотевшие служить большевикам, в 1918 г. сформировали в уральском городе Троицке и во Владивостоке латышские полки из демобилизованных стрелков — беженцев из Латвии и латышских поселенцев в Сибири и на Дальнем Востоке. Находясь под опекой французской военной миссии, полки не принимали участия в гражданской войне, а стремились морским путем добраться до родины и принять участие в освободительных боях. Но к боям они не успели по не зависящим от них причинам. На Бутовском полигоне расстреляны и захоронены бывшие латышские стрелки, служившие в этих полках и не уехавшие в Латвию. Это — заместитель главного механика завода «Каучук» Оскар Данфельд из Троицкого полка и трое из владивостокского полка «Иманта»: начальник 22-го отделения милиции г. Москвы Жан Вейнбаум, работник НКВД Рудольф Калей и литсотрудник издательства «Прометей» Арвид Лапкаш.

Август Андреевич Казайн, бригадир сборки авиаторов на заводе № 24 им. Фрунзе, расстрелянный 28 февраля 1938 г., в автобиографии написал: «После ликвидации Юденича я попал в 1-ю Донскую дивизию, которой командовал т. Матисон. В конце 1920 г. Матисон получил другое назначение, в персидскую Красную Армию и отобрал лучших бойцов за дело рабочего класса, в т. ч. меня. Мы поехали в Персию**, где я служил при штабе Персидской армии до мая 1921 г.»¹⁷.

Бывшие латышские стрелки были отмечены государственными наградами, и в 1930-е гг. Президиум ЦИК СССР наградил 29 июня 1935 г. мастера парашютного спорта,

* Август Микельсон был расстрелян 28 февраля 1938 г. и захоронен на Бутовском полигоне.

** Имела место попытка большевистских вождей экспортировать революцию в Персию. Правда, что касается Паула Матисона, бывшего штабс-капитана, командира роты 6-го Тукумского полка, где служил и Казайн, то в документах Красной Армии того периода он числится командиром Азербайджанской отдельной стрелковой бригады.

* Пять месяцев спустя, 28 июля 1938 г. на спецобъекте «Коммунарка» был расстрелян единственный из командиров латышских стрелков, не бросивший в октябре 1917 г. свой полк, первый Главком Красной Армии, профессор военной академии им. Фрунзе Иоаким (Юкум) Вацетис.

испытателя парашютов Георгия Шмидта, совершившего 80 экспериментальных прыжков, орденом Красной Звезды. А 7 апреля 1938 г. орденоснца расстреляли и захоронили в Бутове.

Август Гланцберг, командир взвода 8-го латышского стрелкового полка, в 19 лет был награжден орденом Красного Знамени. Стал кадровым военным, военинженером 2-го ранга. И альпинистом. Был начальником пяти армейских альпиниад. В начале 1937 г. журнал «На суше и на море» опубликовал его статью «Альпинизм в Красной Армии», которая заканчивалась словами: «Впереди еще много работы, впереди еще одна вершина — коммунизм, к которой ведет нас наш любимый Сталин»⁸.

Но последние в своей жизни шаги 28 февраля 1938 г. Гланцберг сделал не в горах, а на Бутовском полигоне*.

25 марта 1938 г., пятница.

В этот день была расстреляна и захоронена в Бутове преподавательница родного языка в Московской латышской школе и в Латышском клубе Мария Кейпенварлиц, а в другие дни — ее школьные коллеги: Альвина Ауре, Лилия Бринкман, Август Пликаус. Семь преподавателей пополнили армию «политзеков» в ГУЛАГе.

Латышская неполная средняя школа начала работать в сентябре 1920 г. на Новобасманной, 19. По соседству разместился латышский детский дом. В день открытия в школе было 110 учащихся, 15 учителей и 17 человек обслуживающего персонала. В дальнейшем количество школьников

Латышский детский дом в Москве на Новобасманной ул. Дети и их воспитатель Ян Фасс. Расстрелян 04.06.1938 г. и захоронен в Бутове

колебалось от 150 до 220, а ежегодный выпуск — от 12 до 22. К середине 1930-х гг. латышская школа в системе народного образования Москвы была одной из лучших среди национальных школ, в 1935 г. — стала победителем во всесоюзном конкурсе латышских школ, организованном обществом «Прометей». Педагоги Кейпенварлиц, Пликаус и Прейс были премированы. Лилия Бринкман в том же году была отмечена премией как руководитель школьного кружка народного танца, занявшего первое место на Всесоюзном смотре художественной самодеятельности.

Однако Оргбюро ЦК ВКП(б) 21 января 1938 г. констатировало, что «враги народа превратили национальные школы в очаги буржуазно-националистического, антисоветского влияния на детей», и постановило с этим покончить¹⁹. Советское влияние на школьников в дальнейшем оказывалось только на русском языке. Судьбу школы разделило латышское отделение Битцевского сельскохозяйственного техникума*. Занятия в отделении начались в сентябре 1936 г. Учиться в Подмосковье приехали ребята из латышских сельских поселений. Таких на территории будущего СССР в 1917 г. было 517, из них 206 — в Сибири и на Дальнем Востоке. После гражданской войны их количество сократилось на треть, а после коллективизации — до 160. В местах компактного проживания латышей были организованы 124 национальных колхоза²⁰.

Для них общество «Прометей» добилось от Наркомзема согласия на подготовку в техникуме будущих агрономов и зоотехников.

Заведующий латышским отделением агроном Ян Лепин и преподаватель животноводства Ян Эрглис расстреляны и захоронены в Бутове, преподаватели Августина Петерсон и Людвиг Эгле отправлены на 10 лет в лагеря. Вместе с педагогами репрессировали студентов: Василия Аболина, Карла Германа, Карла Крастина и Эрнеста Трейса приговорили к 10 годам, Марту Берзин — к восьми, Арвида Аболтина — к 3 годам заключения в ИТЛ (последнему было 17 лет).

30 марта 1938 г., среда.

Двадцать лет назад в родной Риге Эрнест Апшенек поступил работать слесарем на старейший и самый крупный в городе Русско-Балтийский вагонный завод. В 1914 г. там работало 40 тысяч человек. Наряду с вагонами различных

* Латышское отделение сельскохозяйственного техникума находилось недалеко от Москвы — в бывшем имении Знаменское-Садки.

* Итог «чистки родной земли» на ЗИСе был таким: в 1937—1938 гг. расстреляны 87 рабочих, мастеров, инженеров: 22 русских, 21 латыш, 19 евреев, 7 поляков, 4 немца...

Дальние ворота Бутовского полигона, куда привозили приговоренных к расстрелу

типов завод начал производить легковые автомобили и самолеты. В 1915 г. Апшенек был призван в армию, а завод эвакуирован: вагонное производство — в Тверь, самолетное — в Петроград. За автомобильным отделением приехали учредители АМО, миллионеры Рябушинские, купили и отправили в Москву. В 1920 г., отвоёвав две войны — мировую и гражданскую, Апшенек вернулся на производство, знакомое по Риге. Работал мастером, в 1935 г. был назначен начальником отделения (цеха). На заводе, который в 1931 г. переименовали в ЗИС, работали и другие латыши, но Апшенек был среди них единственным ветераном рижского производства. 15 марта 1938 г. многотиражка ЗИС опубликовала резолюцию, принятую на собраниях в цехах, под заголовком: «Очистим родную землю от врагов народа». Эрнест Апшенек 20 марта стал последним из заводских латышей, расстрелянных и захороненных в Бутове и на «Коммунарке»*.

Вместе с самолетным отделением «Руссо-Балта» в Петроград эвакуировался конструктор Вилис Дзенит. В 1918 г. рижское производство было переведено в пригород Моек-

вы, на строящийся завод в селе Фили-Покровское, который в 1923 г. был сдан в концессию германской фирме «Юнкере», а с 1926 г. стал советским авиационным заводом № 22. Ветеран-конструктор Дзенит также расстрелян и захоронен в Бутове.

7 апреля 1938 г., четверг.

В начале своего подъема, в 1935 г., волна репрессий смела два всесоюзных общества: старых большевиков и бывших каторжан и ссыльнопоселенцев. Руководители террора расценивали их как сборища своих политических противников, хотя далеко не все там такими были. Особую неприязнь вызывали бывшие каторжане и ссыльнопоселенцы, хотя сам Сталин (Джугашвили) был членом этого общества*. В отличие от старых большевиков, пользовавшихся многими государственными благами: Кремлевской поликлиникой и больницей, санаториями и ЗРП (закрытыми распределителями), общество каторжан и ссыльнопоселенцев действовало на полном самообеспечении, и в этом служило примером для общества «Прометей». По отношению к власти общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев вело себя независимо. Жертвами репрессий стали и те и другие.

В этот день, 7 апреля 1938 г., расстрелян и захоронен на Бутовском полигоне член общества старых большевиков Артур Вирбул, вступивший в партию в 1905 г. Пенсионер жил с семьей в доме общества в переулке Стопани, 12, и четыре-пять раз в году посещал Латышский клуб. В последнее время болел туберкулезом легких и почек в активной форме. В июле 1954 г. следователь Московского управления МГБ, изучая следственное дело Вирбула, вызвал на допрос в качестве свидетеля некоего Чуркина, который в 1937—1938 гг. работал оперуполномоченным Ленинградского райотдела УНКВД и вел дело расстрелянного. Чуркин вспомнил Вирбула и рассказал, что он допрашивал его в подвале Таганской тюрьмы не один, а вместе с коллегами Букуровым и Сахаровым. «После того как Букуров и Сахаров избili Вирбула поясными ремнями (я тоже ударил Вирбула несколько раз ремнем), он признался в том, что является участником контрреволюционной латышской организации»²¹.

В один день со старым большевиком была расстреляна истинно верующая лютеранка Альма Граубиц, москвичка

* Сталин имел билет члена общества № 2632.

* Лютеранский храм в честь свв. апостолов Петра и Павла находился в Москве в Старосадском переулке.

** Священника Миглу, председателя Высшего латышского лютеранского церковного совета в СССР, расстреляли в Ленинграде 08.12.1937 г. Лотту Мельцер приговорили к 10 годам заключения в ИТЛ. Солист концертной бригады общества «Прометей» Арвид Лацит 08.02.1938 г. был расстрелян и захоронен на спецобъекте «Коммунарка».

с 1905 г. Латышская лютеранская община существовала в Москве с 1917 по 1937 г. в соборе свв. Петра и Павла* совместно с немецкой общиной. Воинствующие безбожники не смогли отвадить московских латышей от церкви. Еще в 1925 г. руководители и активисты клуба с негодованием узнали, что хор Латышского клуба во главе с солистом Арвидом Лацитом поет на богослужениях. В клубе по этому поводу состоялось общественное судилище, на котором Лацита исключили из членов клуба, а хористок строго предупредили. Не подействовало. С 1934 г. один раз в месяц на богослужения приезжал из Ленинграда пастор Мигла. Он останавливался на квартире у прихожанки Мельцер, бывалиу Граубиц, которая надопросе «призналась», что «была завербована пастором лютеранской церкви Миглой Александром Карловичем** для собирания сведений среди населения Москвы»²².

11 апреля 1938 г., понедельник.

По делу «латышской контрреволюционной организации» в Осташово расстреляны и захоронены на Бутовском полигоне Павел Кокаревич, Карл Стулпин и Яков Тыкин. Осташово, расположенное в Волоколамском уезде, известно как имение князя Урусова. Затем в XVIII веке имение по наследству перешло к генералу Муравьеву. В конце XIX века Осташово приобрел великий князь Константин Константинович Романов***. В 1906 г. в Осташове возникло латышское поселение: великий князь пожелал пригласить из Курляндии десять семей латышских крестьян и дал каждой по 20—25 десятин из пустующих земель напротив имения, на правом берегу реки Рузы. Константин Константинович скончался в 1915 г., а латыши прижились на новом месте. Но начались годы смуты. Советы учредили в Осташове коневодческий совхоз (лошади остались от великого князя). Руководить совхозом прислали латышского стрелка-кавалериста Дзиркала, который стал звать своих сослуживцев. Внезапно поступило указание переправить всех лошадей в Рязанскую губернию. Дзиркал убыл вместе с лошадьми, и больше в Осташове его не видели****. Оставшимся латышам при поддержке соотечественников, начальствующих в Москве, удалось на месте развалившегося совхоза учредить в 1924 г. сельхозкоммуну «Земниекс» («Земледелец»), Через два года в коммуне насчитывались 92 члена, из них 62 латыша, 24 русских, два поляка и четы-

*** Великий князь Константин Константинович Романов — известный русский поэт, писавший под псевдонимом «К. Р.», академик и президент Российской академии наук.

**** в 1930-е гг. Дзиркал был директором Московского ипподрома.

ре человека других национальностей. «Романовские» латыши вступать в коммуну отказались и правильно сделали: в 1928 г. ее ликвидировали.

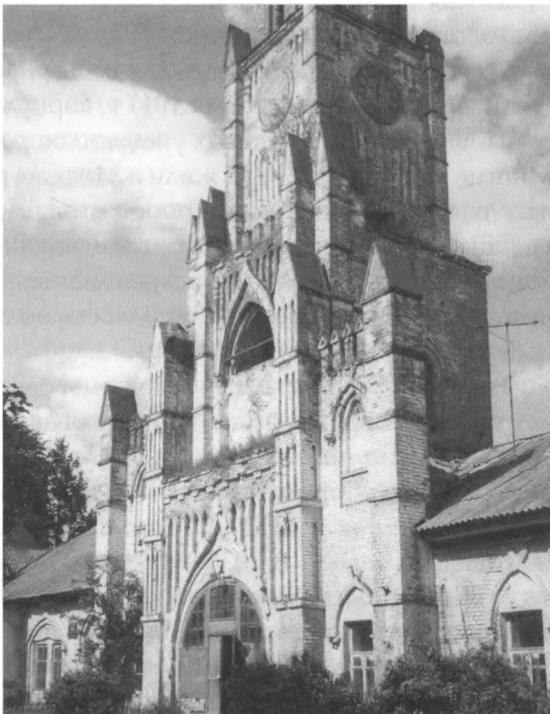
На землях коммуны организовался совхоз «Овцевод». Но с овцами, привезенными из Англии, тоже не получилось, и совхоз был превращен в свиноводческий — им. Сталина(!). Латыши на другом берегу, лишённые нажитого трудом, стали бедными советскими колхозниками. Большинство латышей покинуло совхоз.

По «осташовскому делу» расстреляны и захоронены в Бутове семь латышей. Двадцать отправлены в лагеря. Среди них была бригадир свиноводов, мать четырех детей Анна Карклина, в 1936 г. награжденная орденом Трудового Красного Знамени.

27 апреля 1938 г., четверг.

В этот день по делу «латышско-эстонской контрреволюционной организации» в Ново-Петровском районе был расстрелян кулак и староста церковного прихода латыш Роберт Лидум.

Латыши, переселившиеся в Осташово при великом князе, через некоторое время узнали, что недалеко от них

Въездные ворота
бывш. конного двора
имения Осташово
(современная
фотография)

А. Пупол, реэмигрант.
Расстрелян 16.05.1938 г.
и захоронен в Бутове
(тюремная фотография)

тоже селятся латыши, притом вместе с эстонцами. Действительно, к 1917 г. в соседнем Воскресенском уезде на землях, приобретенных у помещика Хаминова, уже обосновалось девятнадцать латышских и эстонских семей. После гражданской войны количество поселенцев выросло. В 1925 г. по нажиму сверху крестьяне на бумаге и словах объединились в коммуну, названную именем эстонского революционера Томпа, однако продолжали жить и работать в своих хозяйствах. Началась коллективизация. Большинство хозяев распродали или бросили нажитое и переселились в другие места. На землях коммуны был создан совхоз «Курсаково» и колхоз «Красный партизан», где председателем до 1937 г. работал бывший томповец Федор (Теодор) Розенбах (расстрелян и захоронен в Бутове).

Ново-Петровский райотдел УНКВД нанес по латышам вместе с эстонцами удар посильнее, чем коллеги в Волоколамске: благодаря стараниям чекистов, были расстреляны пятнадцать латышей и семь эстонцев. К заключению в ИТА приговорены пять латышей и четыре эстонца.

16 мая 1938 г., понедельник.

Расстреляно 108 латышей.

17 мая 1938 г., вторник.

Расстреляно 117 латышей.

Этот день стал последним для восьми реэмигрантов.

Февральская революция 1917 г. вернула в Россию эмигрантов-латышей, активных участников революции 1905 г. Многие из них в 1930-е гг. жили в Москве, работали в военной разведке, Наркомате иностранных дел, Наркомате внешней торговли, в других организациях на должностях, где требовалось знание иностранных языков. Сделать из них шпионов иностранных государств не составляло никакого труда.

Работали реэмигранты и на производстве. Густав Гарднер приехал с группой латышей, основавших в Нью-Йорке кооператив по производству инструментов. Рабочие привезли с собой оборудование и в Москве восстановили свой кооператив как РАИЗ (русско-американский инструментальный завод). В 1930-е гг. его поглотил завод «Фрезер». Петр Гайлит и Яков Крейц прибыли в группе специалистов строительных специальностей вместе с Гарднером. Они тоже приехали не с пустыми руками. Группа основала русско-американское строительное производство (РАСП),

где Гайлит стал руководителем, Крейц — мастером. Все впоследствии расстреляны*.

Всего в Бутове захоронено 34 латыша-реэмигранта**.

В этот же день расстреляны Роберт Краминь, главный механик завода «Проводник», и Иван (Ян) Зауэрман, слушатель Промакадемии, работавший мастером на заводе № 24 им. Фрунзе (бывшем «Моторе»), «Проводник» и «Мотор» были в 1915 г. эвакуированы из Риги. Крупный завод «Проводник» тогда разделили на три. Один разместили в Москве, другой — в селе Тушино, третий — в Переславле-Залесском, где Краминь, приехавший вместе с заводом, до 1926 г. работал директором. Завод «Мотор» в 1924 г. поменял название, стал ведущим по производству авиационных моторов. В Бутове расстреляны и захоронены одиннадцать заводчан-латышей. Среди них — заместитель директора Альфонс Гельман, начальники цехов Филипп Брандт, Роберт Плущис, мастер Ян Розенталь, работавший на заводе с 1905 г. Гельману в 1936 г. был вручен орден Трудового Красного Знамени, Брандту — орден Красной Звезды.

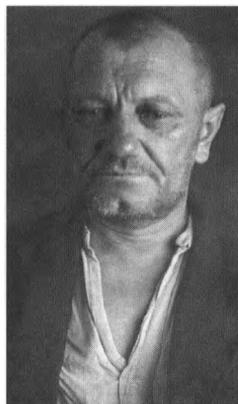
23 июня 1938 г., четверг.

В этот день латыши ежегодно празднуют свой национальный праздник — день Лига, переходящий в следующий — Янов день. До 1937 г. московские латыши, организованные активистами клуба, выезжали на природу и в сопровождении клубного оркестра с вечера до следующего утра отмечали этот праздник. Были среди празднующих и рабочие завода «Каучук».

Как раз в день Лига расстреляли ветерана «Каучука» Рейна Силина, работавшего на заводе непрерывно с 1901 г. в Риге, а с 1915 г. — в Москве. В другие дни были расстреляны и захоронены начальник лаборатории Павел Юрьевич, инженер Вольффрид Степран, начальник цеха Эдуард Мазул, мастера Федор (Теодор) Дитц и Генрих Клейнберг, руководитель плановой группы Ян Лазда, работавший на заводе с 1905 г. Бригадир Петр Бенцен, в 1932 г. награжденный орденом Трудового Красного Знамени, умер в лагере***.

2 октября 1938 г., воскресенье.

На Бутовском полигоне заканчивался последний путь латышских стрелков. 2 октября оборвана жизнь бывшего стрелка 3-го Курземского полка В. А. Ирбе — того, кто в годы гражданской войны был комендантом поезда председа-

Д. А. Гальзем, рабочий, из реэмигрантов. Расстрелян 03.02.1938 г. и захоронен в Бутове (тюремная фотография)

* Крейца расстреляли вместе с сыном Виктором, родившимся в США.

** На спецобъекте «Коммунарка» лежат останки одиннадцати латышей-реэмигрантов.

*** Бывший «красный директор» завода Андрей Лидак расстрелян на спецобъекте «Коммунарка».

*РВСР —
Революционный
военный совет
республики.

** Дом Правительства
на ул. Серафимовича, 2,
с легкой руки писателя
Юрия Трифонова,
проживавшего в нем,
называют теперь Дом
на Набережной.

Сотрудники
комендатуры Кремля.
За столом в центре —
начальник комендатуры
Рудольф Петерсон,
бывший до 1920 г. нач.
поезда Л. Троцкого.
Расстрелян в Москве
летом 1937 г.
(фотография 1920 г.)

теля РВСР* Троцкого. Шесть стрелков, служивших при поезде, к тому времени уже были расстреляны. Ян Викке был шофером Троцкого, Ян Бирзин — сотрудником для поручений. Андрей Драудынь, Ганс Опитц и Яков Павассар служили в охране поезда, а Владимир Залман был их начальником. Никто из них на следствии не обвинялся в троцкизме. Все, и Ирбе тоже, «оказались» латышскими контрреволюционерами. Обвинительное заключение на Бирзина — яркий пример буйной фантазии следователей 1938 г.: «Бирзин в 1933 г. вошел в контрреволюционную националистическую латышскую организацию, существующую в системе общества бывших латышских стрелков, и подготавливающих вооруженное свержение Соввласти, организацию террористических актов против руководителей ВКП(б) и Соввласти, с целью отторжения от СССР для создания «Великой Латвии»»²³.

Бирзин с поезда был взят в ВЧК, служил в личной охране Ленина, затем — фельдъегерем. В 1933 г. его наградили знаком «Почетный чекист», а еще через год он ушел на пенсию. Чекистами после гражданской войны стали также Павассар и Ирбе. Первый дослужился до младшего лейтенанта госбезопасности. Второй в 1930-е гг. возглавлял комендатуру Дома Правительства**, затем занимал должность помощника начальника 2-го отдела ГУГБ НКВД. В

1936 г. Ирбе в звании старшего лейтенанта госбезопасности уволен на пенсию. В 1918—1919 гг. по требованию Троцкого из Латышской дивизии были переведены в охрану поезда в общей сложности 67 стрелков. В книге воспоминаний «Моя жизнь», изданной в изгнании, Троцкий посвятил поезду целую главу. «Моя личная жизнь в течение самых напряженных годов революции была неразрывно связана с жизнью этого поезда... Поезд связывал фронт и тыл, разрешал на месте неотложные вопросы, просвещал, призывал, снабжал, карал и награждал»²⁴.

Сам поезд был награжден почетным Красным знаменем ВТ ТИК и даже орденом Красного Знамени; в то же время он являлся одной из главных реалий «красного террора», объявленного Советом Народных Комиссаров 5 сентября 1918 г. Мчась на поезде по полыхающим в пожарах гражданской войны просторам России, Троцкий, как председатель Реввоенсовета, обладавший огромной, почти неограниченной властью, жестоко и безнаказанно пользовался ею. В начале вышеупомянутой главы воспоминаний читаем: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале смертную казнь»²⁵.

28 октября 1918 г. ВЦИК утвердил Положения о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях, где ВЧК и всем местным ЧК предоставлялось право иметь свои особые вооруженные отряды. Однако оговаривалось, что «все отряды Всероссийской чрезвычайной комиссии и местных чрезвычайных комиссий находятся под контролем и на учете Революционного военного совета республики»²⁶.

Так «красный террор» официально перешел в руки Троцкого и при поезде появились карательные отряды ВЧК. Хотя первый такой отряд существовал и раньше — с августа 1918 г., когда поезд находился на берегах Волги.

Слева – В. П. Залман, начальник охраны поезда Троцкого. Расстрелян 17.05.1938 г.
Справа – В. А. Ирбе, комендант поезда Троцкого, впоследствии комендант Дома Правительства на ул. Серафимовича. Расстрелян 02.10.1938 г.
Захоронены в Бутове (тюремные фотографии)

* Из числа расстрелянных и захороненных на спецобъекте «Коммунарка» известна в настоящее время лишь часть казненных — «всего» 4,5 тыс. человек, имена остальных тысяч погибших пока не выявлены.

Командир отряда, член коллегии ВЧК Панюшкин вскоре за беспощадную борьбу с «врагами революции» был награжден орденом Красного Знамени за № 3. Вот что вспоминал Троцкий об отрядах карателей: «Вооруженные отряды сбрасывались с поезда по мере надобности для “десантных” операций. Каждый раз появление кожаной сотни в опасном месте производило неотразимое впечатление»²⁷.

Начальником поезда Троцкого был латышский стрелок Рудольф Петерсон, затем с декабря 1920 г. его сменил чекист Александр Иванович Каузов. Петерсон в 1921—1935 гг. был комендантом Московского Кремля, потом служил помощником командующего Харьковского военного округа, имел звание дивинтенданта. Расстрелян 21.08.1937 г. Каузов был начальником поезда до его ликвидации в июне 1924 г. Потом работал в центральном аппарате ОГПУ, окончил Академию земледелия и в 1932 г. был назначен директором небезызвестного совхоза НКВД «Коммунарка» в Московской области. В феврале 1936 г. он рассказывало достижениях своего совхоза в Кремле на совещании передовиков животноводства, был награжден орденом Трудового Красного Знамени. И что же?! Через три года, 14.04.1939 г., его расстреляли и захоронили на спецобъекте «Коммунарка» — на территории того самого совхоза, которым он руководил в течение семи лет.

«Латышская операция» в Москве превзошла польскую и немецкую. В 1933 г. в Москве проживало 20 900 поляков, 13 800 латышей, 10 200 немцев.

В ходе «операции» 1937—1938 гг. расстреляно и захоронено:

в Бутове: на спецобъекте «Коммунарка»:

латышей — 1328 чел. латышей — 325 чел.

поляков — 1176 чел. поляков — 171 чел.

немцев — 649 чел. немцев — 116 чел.*

Среди латышей, захороненных в бутовских рвах, — 93 женщины. 148 человек из общего числа казненных латышей имели высшее образование, были хорошими специалистами, знатоками своего дела.

Пусть вечной будет память о жертвах террора, о всех и о каждом в отдельности.

*Олег Цель, к. и. н.
Наталья Мусиенко*

МЕЖДУ ГИТЛЕРОМ И СТАЛИНЫМ

По числу жертв Бутовского полигона люди немецкой национальности занимают шестое место. Кто же они — эти Гебели, Гуты, Рейтеры? Одни из них имели предков, живших в России еще со времен Петра I и Екатерины II, другие приехали в советскую Россию в первой трети XX столетия с надеждами и верой в новое справедливое государство. Вот о них, немецких эмигрантах, и пойдет речь в данной статье. *

Значительная эмиграция в советскую Россию началась вскоре после победы Октябрьской революции 1917 г. Делая ставку на неминуемую в ближайшем будущем мировую революцию, главной базой подготовки и оплотом которой призвана была стать Россия, советское правительство с первых лет юридически провозгласило политику открытости в отношении всех желающих ехать строить новое социалистическое общество либо скрывающихся от политических преследований. Десятки тысяч человек, особенно в конце 1920-х — середине 1930-х гг., избирали советскую Россию своей второй родиной и направлялись туда, часто вместе с семьями.

Несмотря на то, что в литературе фигурируют разные количественные данные об эмиграции в СССР, все исследователи сходятся во мнении, что эмиграция из Германии в эти годы была самой многочисленной. Однако структура немецкой колонии постоянно менялась и не была однородной. В общем и целом, количество эмигрантов, приехавших в СССР в 1920-е гг. по экономическим причинам, в т. ч. из Германии, было невелико. Зато немцы преобладали среди другой группы — политических эмигрантов, приток которых в 1920-е гг. шел волнообразно, в зависимости от

* Самыми крупными ячейками, как и следовало ожидать, оказались парторганизации Коминтерна, КУНМЗа (Коммунистического университета национальных меньшинств Запада), отдельная ячейка не работавших нигде политэмигрантов. Общее же количество политэмигрантов и «политически неорганизованного» немецкого населения в Москве в середине 1920-х гг. (включая работавших в дипломатических, торговых учреждениях, концессионных предприятиях) составляло 5—6 тысяч человек.

ситуации в Германии — разгром Баварской республики, вооруженные схватки с фашистами в конце 1920-х гг. и т. д. Обнаруженные нами материалы дают, например, представление о составе немецкой колонии в Москве в 1924 г.*

Во второй половине 1920-х гг. структура немецкой эмиграции начинает претерпевать изменения. В связи с началом индустриализации и одновременно экономического кризиса на Западе увеличивается число экономических эмигрантов в СССР, большинство которых, безусловно, если не являлись членами КПГ или комсомола, то, по крайней мере, имели левые убеждения и симпатизировали СССР.

И, наконец, после 1933 г. — прихода Гитлера к власти — начинается основной период собственно политической эмиграции из Германии, которая затронула тех, кому грозили преследования за антинацистскую деятельность.

Несмотря на широко декларируемое право на получение статуса политэмигранта, их число уже в 1936 г. резко сокращается, что носило искусственный характер. Следствием убийства секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Кирова и начавшейся кампании по выявлению «агентов вражеских разведок», переросшей в настоящий психоз, было «введение ограничений на въезд немецких эмигрантов. После первого московского показательного процесса (август 1936 г.) немцы, просившие предоставить им политическое убежище в СССР, уже, как правило, получа-

Справка на советское гражданство
Лео Карловича
Вассермана

15 декабря 1937 г. № 82186

РСФСР
ИНОСТРАННЫЙ ОТДЕЛ
Московского Областного
Исполнительного Комитета
Советов Раб., Кр. и Кр. Деп.
Славяна-Суздальская, 5

Выдана Иностранным отделом Президиума Московского Облсполкома быв. Палестинск. гр.

фамилия **ВАССЕРМАН** имя **Лео**
отчество **Карловичу** год, м-ц и число рождения **1905г.**
профессия **архитектор** семейное положение **в том, что согласно постановлению Президиума ВЦИК,**
он принят гр-во СССР.

Выписка из постановления Президиума ВЦИК от **1937г.** протокол № **97.**
мет получения удостоверения личности в отделении милиции по делам иностранцев в городах СССР оснований.

Иностран. Отд. МОИКа
Зав. столом **А. Дубов**

Подпись руки
гр. Карловича
Удостоверяется.

Группа
квалифицированных
немецких и русских
строительных рабочих.
Крайний справа
в среднем ряду —
Отто Кетнер. Расстрелян
07.04.1938 г.
и захоронен в Бутове

ли отказ. МОПР*— основная организация, через которую шел легальный поток эмиграции, по сути, превратилась к этому времени в подразделение Коминтерна и предоставляла статус эмигранта преимущественно лицам, известным ИККИ** и въехавшим в СССР по его ходатайству или других партийных инстанций. Таким образом, право на убежище, гарантированное советской конституцией, для других категорий преследуемых фашистским режимом становилось чистой декларацией.

Очень показательна в этом смысле переписка ЦК МОПР с представительствами СССР за рубежом. 25 апреля 1935 г. Е. Стасовой на имя заместителя председателя ИК МОПР был сделан запрос полпредства СССР в Венгрии, где сообщалось, что в стране «имеется несколько случаев обращений политических эмигрантов из Германии, желающих поехать в СССР. Все эти люди не имеют средств для поездки, и, ставя вопрос о визах, они одновременно ставят вопрос о помощи им для проезда в СССР» К

На это письмо Стасова отвечает: «Уважаемый товарищ! Относительно политэмигрантов из Германии, которые хотят приехать в СССР, надо ответить, что во 1) не всякий желающий поехать получит это право, во 2) почему Полпредство стало этим делом заниматься? Если бы нашего Представительства там не было бы, то эти люди как-нибудь устроились бы? Я считаю, что принципиально этот вопрос надо решить отрицательно, а решать только конкретные вопросы от случая к случаю. Только по получении кон-

* МОПР —
Международная
организация помощи
борцам революции.

** ИККИ —
Исполнительный
комитет
коммунистического
Интернационала.

* Получить статус политэмигранта было совсем непросто. Известны случаи, когда прибывшие в СССР немцы в результате многих проверок все же не признавались политэмигрантами.

кретных данных мы сможем решить вопрос. Я очень сомневаюсь, чтобы в Венгрии были ценные люди. Очень опасаясь провокации»².

Вообще документы свидетельствуют, что Стасовой была свойственна особая «бдительность». Чтобы избежать мерещившихся повсюду провокаций и исключить возможность нелегально пробраться в Союз, за подписью Стасовой на контрольно-пропускные пункты была разослана следующая секретная инструкция: «Посылаем Вам образец блокнота, который Вам теперь будут предъявлять едущие из Чехословакии политэмигранты. Эти блоки будут заполнены различными заметками, а на шестой странице, наверху, с правой стороны, будет проколота булавочкой дырочка. Это наш знак, который едущим неизвестен и не должен быть известен. Всем, предъявляющим эти блоки с условным знаком, Вы покупайте билеты до Москвы и снабжайте необходимыми средствами на дорогу»³.

Но подозрительность даже по отношению к тем, кто легально прибыл в Россию и получил статус политэмигранта*, становилась частью официальной линии. Согласно директиве ЦК МОПР от 1935 г. при распределении политэмигрантов на работу вне Москвы запрещалось оставлять их в портовых и близких к границе городах⁴. Под особым наблюдением находились эмигранты и в Москве. В одной из докладных записок МОПР от 1936 г. предполагалось в Доме политэмигрантов и гостиницах создать специальную сеть сексотов, которые следили бы за их настроениями и поведением, препятствовать приезду в СССР семей политэмигрантов⁵.

Публично же такая политика находила следующее объяснение — вышедшая в 1936 г. книга «Что такое МОПР» писала: «Наши классовые враги за рубежом стремятся использовать этот путь в СССР в своих преступных целях. Они пытаются послать под видом политэмигрантов своих агентов. Вот почему здесь особенно необходима удесятая революционная бдительность».

Как показывают документы МОПР, если в 1928—1929 гг. имелись трудности в устройстве политэмигрантов на работу, то к 1931 г. запросов местных организаций МОПР на командирование к ним политэмигрантов для постоянной работы было больше, чем самих иностранцев. Правда, сложность заключалась в том, что большинство из них стреми-

Жилой дом
для политэмигрантов,
Москва, ул. Обуха, д. 3

лось остаться в Москве, и это вело к нарушению принятого положения, по которому политэмигранты в Москве должны были оставаться только в особо исключительных случаях.

Желание политэмигрантов во что бы то ни стало поселиться в Москве или в других столичных городах в значительной степени усложняло и решение жилищного вопроса. Недостаток квартир в столице привел к тому, что Центральный дом политэмигрантов по существу превратился в их постоянное место пребывания. Однако и это не могло спасти положение — дом был «перегружен буквально до отказа»⁶.

Бытовые проблемы не могли не отразиться на процессе интеграции политэмигрантов в советское общество. Однако в целом этот процесс для большинства из них проходил довольно быстро и с реальными успехами. Большую роль здесь играл сам политический настрой приехавших в СССР людей, многие из которых изначально рассматривали страну иммиграции как свою вторую родину и планировали остаться здесь на постоянное жительство. Наличие в Москве и других крупных городах различных международных организаций снимало для многих эмигрантов проблему занятости, облегчало их адаптацию к условиям жизни в СССР*.

И даже несмотря на возникавшие проблемы с устройством на работу, а также бытовые проблемы, вера большинства немецких коммунистов в партию, в правильность проводимой ею политики оставалась к середине 1930-х гг.

* Крупные ячейки КПГ сложились в Доме политэмигрантов, ИККИ, в Союзе писателей, гостиницах «Дюкс» и «Балчуг», издательстве иностранных рабочих, редакции «ДЦ», ЦК МОПР, Профинтерне, на инорадио, КИМе, Электрозаводе, Изогизе, ГПЗ.

* Покончила самоубийством 11 октября 1937 г. жена профессора-юриста Феликса Галле, являвшегося с 1922 г. адвокатом и юридическим консультантом КПП, сотрудником ЦК КПП. Ф. Галле арестовывался в Германии в 1933 г., затем находился в эмиграции во Франции, с 1937 г. — в СССР. Арестован 5 августа 1937 г., расстрелян 3 ноября 1937 г. (ГА РФ. 10035. Оп. 1. Д П-72961]

непоколебимой. Однако «особая линия» в отношении политэмигрантов, проводимая советским руководством и достигшая своего пика к 1937—1938 гг. (о ней пойдет речь ниже), привела к резкой смене в настроениях оказавшихся в СССР немцев.

Массовые аресты вызывали тревогу, сомнения и беспокойство. Первое время отношение эмигрантов к арестам было довольно спокойным, каждый арестованный НКВД рассматривался ими как шпион, о чем усиленно говорила советская пропаганда. Но уже с зимы 1938 г., когда были арестованы известные деятели КПП или кто-то из близких родственников, вера в правильность проводимой «чистки» у многих эмигрантов пошатнулась.

В докладе немецкого представителя при ИККИ Дитриха в ЦК КПП от 29 апреля 1938 г. говорилось: «Требуется действительно много усилий, чтобы убедить товарищей в справедливости мероприятий советских органов. Но в общем из разговоров видно, что доверие к партии, а также к органам советской власти падает»⁷. В этом же докладе приводятся страшные примеры отчаяния, в которое впали в тот период многие эмигранты. Семьи арестованных в буквальном смысле слова голодали и вынуждены были продавать свои вещи, наиболее подавленные безысходностью жены репрессированных пытались покончить с собой*. В связи с тем, что аресты сопровождалась массовыми увольнениями, эмигранты не только лишались работы, им отказывали в выдаче или продлении вида на жительство, а также в предоставлении советского гражданства. В результате люди оказывались в совершенно безвыходном положении, и тогда о них начинал «заботиться» НКВД**.

Сегодня широко известно, что репрессии против немцев в СССР начались задолго до известных приказов НКВД 1937—1938 гг.⁸ Архивные материалы ФСБ по Москве и Московской области показывают, что недавние эмигранты из Германии в СССР оказывались под «особым вниманием» органов НКВД. С точки зрения «кривого зеркала» карательной политики, отягчающих вину обстоятельств было хоть отбавляй — бывшие (либо настоящие) граждане вражеского фашистского государства, плюс имеют там родных, плюс знают немецкий язык, плюс жили за границей, плюс хотя бы в первое время посещали фашистское посольство или консульство Германии для оформления виз и

** Просмотр следственных дел по сфабрикованному делу о фашистской организации «Гитлерюгенд» показывает, что часть арестованных на момент ареста числились как лица «без определенных занятий».

т. д. и т. п. Если еще учесть тот факт, что многие немецкие политэмигранты в разное время примыкали к разного рода течениям, оппозициям внутри КПГ и Коминтерна, сочувственно относились к троцкизму и пр., то становятся ясными масштабы и характер репрессий по отношению к немецким эмигрантам.

В поиске «фашистских элементов» НКВД старался вовлечь в свое поле зрения целые организации, где трудились немцы. Так, в 1933 г. органами было установлено, что в немецкой школе им. К. Либкнехта существует группировка учеников-немцев, проводящих «национал-шовинистическую» политику, а также организован ряд нелегальных политических кружков, ставящих целью «пропаганду идей фашизма и разложение пионерской организации». Обращает на себя внимание тот факт, что среди упоминавшихся в деле учеников есть имена тех, кто в 1938 г. будет осужден за участие в сфабрикованном деле о существовавшей якобы в СССР фашистской организации «Гитлерюгенд»*.

* Те, кто однажды попали в поле зрения органов, уже заранее были обречены на лубянские казематы.

А. М. Горький
среди учеников школы
посольства СССР
в Берлине (крайний
справа сидит в первом
ряду — Карл Саванов)

Карл Саванов.
Расстрелян 25.11.1937 г.
и захоронен в Бутове
(тюремная фотография).
Самый молодой
из расстрелянных
немцев

Репрессии в отношении российских немцев и немецких эмигрантов*, развернувшиеся в начале 1930-х гг., уже не прекращались в последующие годы. По стране проводились периодические чистки, людей исключали из партии, снимали с работы и арестовывали.

Новая волна репрессий против немцев пришла на 1937 г., в течение которого вышла серия постановлений ЦК «об антисоветских элементах». По данным ИККИ, к концу 1937 г. был арестован 551 член КПГ, из них в Москве — 288. Кроме этого, были арестованы члены их семей — 127 жен и 116 детей⁹. Естественно, дети рядовых немецких эмигрантов не только не имели шансов на помилование, но и не могли рассчитывать на заступничество со стороны Коминтерна. Пример тому — трагическая судьба 18-летнего немца Карла Саванова¹⁰. Он родился в 1919 г. в Германии, в 1931 г. эмигрировал вместе с родителями в СССР. Согласно обвинительному заключению, его отец «в 1935 году, запутавшись с антисоветскими лицами в убийстве т. Кирова, покончил жизнь самоубийством. Мать Саванова Эльза после смерти мужа арестовывалась органами НКВД. Пыталась покончить жизнь самоубийством. В 1936 г. умерла».

В СССР Карл учился в школе им. К. Либкнехта, поэтому нелепыми в деле выглядят обвинения его в открытом восхвалении Гитлера и фашистской Германии. Возможно, оставшись без родителей, этот паренек действительно растерялся перед суровой жизнью большого города и пытался найти любую работу, в том числе и на военных заводах (что также ставится ему в вину), возможно даже, и вспоминал о лучших годах своего детства, проведенных в Германии. Но надо было иметь чувство полной безнаказан-

* Мы сознательно не разделяем российских немцев и немецких эмигрантов, т. к. репрессивная политика в равной степени затрагивала обе эти категории людей, на которых трагически отразился в целом антинемецкий характер принимаемых в те годы постановлений и директив.

ности, чтобы квалифицировать все это как преступление, предусмотренное статьей 58, и осудить его «за враждебное настроение к советской власти» — к расстрелу.

Арест Карла Саванова и десятков других эмигрантов инициировало решение Политбюро от 20 июля 1937 г. «об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах... и высылке части арестованных за границу». На основании этого постановления спустя пять дней нарком Ежов выпускает оперативный приказ № 00439, который и дал начало операции по выявлению и планомерному истреблению «шпионов» в среде немецких эмигрантов. На вопрос, заданный в 1939 г. бывшему начальнику 3-го отдела УТБ УНКВД по МО Сорокину, знал ли он, что необоснованные аресты граждан СССР являются преступлением, он ответил: «Что я мог сделать, если по директиве, подписанной Ежовым, политэмигранты, немцы, работавшие в сборочных цехах и на оборонных предприятиях, арестовывались только за то, что они немцы и работали на оборонных предприятиях, от них добивались признаний, часто нелепых»¹¹.

Все это опровергает широко распространенное мнение о том, что репрессивная политика в отношении иностранцев в СССР была в основном направлена против политэмигрантов. Нам приходится констатировать, что репрессии в огромной степени затронули и рабочих, решивших предпочесть возвращению в фашистскую Германию жизнь в СССР¹². Так, анализ сфабрикованного в 1938 г. органами НКВД дела о фашистской организации немецкой моло-

Первомайская демонстрация рабочих з-да им. Орджоникидзе в р-не Донских переулков. Многие из рабочих-немцев завода были расстреляны и захоронены в Бутове

Бруно Гут с однокурсниками Одесского медицинского института. Крайний слева (стоит) — Бруно Гут, крайний справа — Рихард Брандт, журналист немецкой газеты «ДЦЦ». Расстрелян 10.09.1938 г. и захоронен в Бутове

дежи «Гитлерюгенд» свидетельствует, что среди репрессированных по обвинению в участии в этой организации было 80% немецких рабочих.

В их число попали и трое берлинских рабочих, причем все трое родные братья — Иоханнес*, Пауль и Бернгард Гуты. Эти молодые немцы, признанные опасными для рейха, — их имена занесены в розыскную книгу гестапо — пойдут в братской могиле в подмосковном Бутове¹³. 30 января 1931 г. семью Гут вместе с другими тридцатью семьями берлинцев встречали в Москве. Семья состояла тогда из семи человек: отец — Альфонс, мать — Юлия Страмбовски и пятеро сыновей — Иоханнес, Бруно, Пауль, Бернгард и Карл. Альфонс, Бернгард и Иоханнес тут же были направлены на работу на Московский электростанция, где трудилось уже двести иностранных рабочих¹⁴. На знаменитой улице Матросская тишина** в 1930 г. был выстроен дом 16а, принадлежавший электростанция, куда и поселили семью Гут. На заводе они считались передовиками, о чем даже упоминается в опубликованной в 1933 г. книге «Берлинские пролетарии рассказывают», где Гуты представлены авторами в качестве примера образцовой рабочей семьи¹⁵. А на обложке выходившего в те годы журнала «Догоним и перегоним» редакция поместила фотографию Иоханнеса Гута, стоящего за станком. Со временем Иоханнес окончил учебные курсы при заводе и в дальнейшем работал уже конструктором. Братья же Пауль и Бруно поступили в Одесский медицинский институт, но поработать по специальности им так и не было суждено.

* В архивно-следственном деле это имя пишется «Иоханс».

** На этой улице находится старая московская тюрьма «Матросская тишина».

Альфонс Гут – отец братьев Гут, арестован в 1940 г., погиб в лагерях (тюремная фотография)

Братья Гут (сверху вниз): Иоханнес, Пауль, Бернгард. Расстреляны 28.02.1938 г. и захоронены в Бутове (тюремные фотографии, сделаны в день расстрела)

В 1937—1938 гг. к дому, где жили Гуты, по ночам иногда стала подъезжать машина, печально известный «воронок». Многие чувствовали приближение страшных времен и стремились вернуться в Германию. Карл Гут помнит, как кто-то из немцев — соседей по дому, уезжая из Москвы на родину, говорил его отцу: «Смотри, последних покусают собаки!» Но Гуты так и не уехали назад. Видимо, чувство опасности пока не посещало их. Отец, пострадавший в стычке с полицией на коммунистической демонстрации в Берлине, лично знавший К. Либкнехта и Р. Люксембург,

Отто Цинт, арестован как член вымышленной следователями организации «Гитлерюгенд». Расстрелян 28.02.1938 г. и захоронен в Бутове (тюремная фотография)

верил в правильность предпринятого шага, когда он покинул Германию. К началу 1938 г. его сыновья, казалось, были устроены, учились, работали. Они не знали, что их фамилии уже занесены в длинный список НКВД, сочинявшего дело о подпольной организации молодых немцев, в члены которой зачислили и Гутов. 29 января 1938 г. забрали Пауля, 2 февраля — Бернгарда, третьим увели Иоханнеса, последним — 9 октября — в Одессе арестовали Бруно. Карла спас только его возраст. Спустя несколько дней после ареста 28 февраля 1938 г. в один день трое братьев были расстреляны. 17 октября того же года в Одессе был расстрелян и Бруно*.

В упоминавшейся уже книге «Берлинские пролетарии рассказывают» речь идет еще об одной семье, приехавшей вместе с Гутами, — семье Цинта, работавшего в трансформаторном цехе электрозавода электросварщиком. Его сын Отто и дочь Лотта, которые были в Германии безработными, здесь на заводе нашли работу, активно участвовали в политической и общественной жизни. Рассказ о Цинтах авторы книги завершают так: «Жизнь этой семьи полностью обеспечена. О завтрашнем дне ей думать не приходится. Но быт ее отличается от быта средней рабочей семьи в Германии тем, что нет мещанских черт семейной жизни. Семья теснейшим образом связана с общественной жизнью. Так ли было бы, если бы Цинты жили в Германии? В стране капитализма, в стране безработицы судьба этой семьи была бы иной».

В январе 1938 г. за участие в организации «Гитлерюгенд» к делу был привлечен Отто Цинт¹⁶. 20 февраля того же года постановлением комиссии НКВД он был приговорен к высшей мере наказания и 28 февраля расстрелян и захоронен на Бутовском полигоне.

* Альфонс Гут погиб в заключении; его жена Юлия умерла от голода в ссылке в Сибири.

Итак, пиком репрессивной политики в отношении немцев стал 1938 г. Это — год ликвидации немецких национальных районов, закрытия немецких газет, национальных школ. Согласно архивным документам, «на 28.04.1938 г. у немецкого представителя ИККИ было зарегистрировано 842 арестованных НКВД немца...». Действительное количество арестованных, конечно, больше. С октября 1937 г. и до конца марта 1938 г. было всего 470 арестованных, только в одном марте месяце арестовано было 100 человек. 9 марта 1938 г. в Доме политэмигрантов в Москве было арестовано 13 человек политэмигрантов. 11 марта — 17 человек и 12 марта — 12 человек. 23 марта были арестованы последние 4 политэмигранта-мужчины... Можно сказать, что больше 70% членов КП Германии арестованы НКВД¹⁷.

Выше мы уже писали о том, что органы стремились представить любую организацию, где работали немцы, как центр германского шпионажа в СССР. Именно так рассматривалась чекистами и редакция «ДЦЦ»¹⁸, однажды уже ставшая жертвой первой волны «ликвидации фашистских группировок» в 1933—1934 гг., когда были арестованы ее некоторые сотрудники. Конец 1937-го — 1938 г. стали переломными в истории газеты. В результате фабрикация дела о якобы существовавшей в редакции контрреволюционной фашистской организации, в которую входили работавшие в газете политэмигранты, к февралю 1938 г. было арестовано около сорока сотрудников. Среди репрессированных сотрудников газеты оказалась и заведующая отделом рабочих писем Розалия Бреслер, член компартии Германии, арестованная на основе показаний своих бывших коллег, обвинивших ее в том, что она не была бдительна с

Розалия Бреслер.
Приехала в СССР ради
сына. Расстреляна
04.12.1937 г. и захоронена
в Бутове (тюремная
фотография)

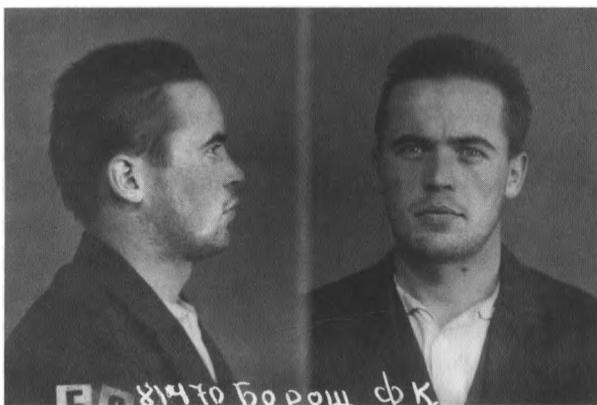
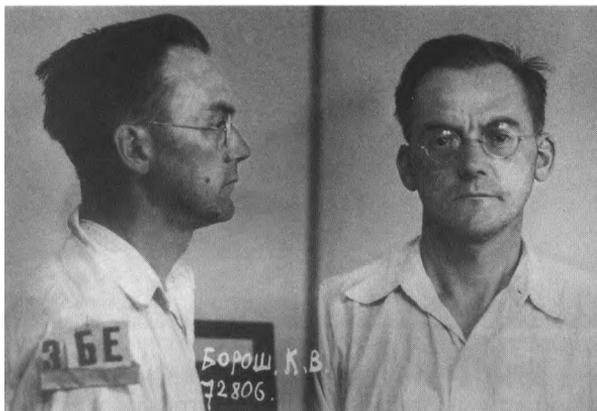
* Муж Р. Бреслер — Н. В. Натанский-Бреслер расстрелян 01.11.1937 г. Захоронен на Донском кладбище. Сын — Марион Бреслер, будучи младшим сержантом, арестован в начале войны за сокрытие факта ареста родителей. Его дальнейшая судьба неизвестна. (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. У-27994)

письмами осужденных немцев. Как видно из архивно-следственного дела, Бреслер просто не могла остаться равнодушной к просьбам этих людей и вступала с ними в переписку. В частности, она требовала от сосланных, чтобы они активно писали в различные инстанции жалобы на недостаточное питание и даже высылала им анкеты рабкоров с тем, чтобы они писали в газету. Бреслер также обвиняли в том, что она помогала одному эмигранту, оказавшемуся в очень тяжелом положении — без работы и пропитания; она пыталась через Ленинградский облпрофсовет оказать ему материальную помощь и помочь выехать за границу. Естественно, это было воспринято парторганизацией газеты как помощь «не нашим людям», а несообщение в компетентные органы фамилий тех, кто писал в газету «контрреволюционные письма», само по себе считалось преступлением. 4 декабря 1937 г. Бреслер расстреляли и захоронили на Бутовском полигоне, а спустя некоторое время та же участь постигла и тех, кто подписал ей негативную характеристику, представленную в НКВД партийной ячейкой «ДЦЦ»*.

В феврале 1938 г. была арестована сотрудница газеты Маргарита Менгель¹⁹. В 1931 г. она прибыла на работу в СССР из Дюссельдорфа. По воспоминаниям ее сына Йоханнеса, ныне живущего в Германии, в Москве они жили на Арбатской площади, сын учился в школе им. К. Либкнехта, а мать работала в «ДЦЦ» редактором. Вот отрывок из его письма: «14 февраля 1938 года, проснувшись, увидел у своего изголовья дворника дядю Васю. У дверей стоял красноармеец, а в книжной полке что-то смотрел мужчина в кожаной куртке. Мама стояла у подоконника; напоив меня чаем с бутербродом, сказала, чтобы я шел в школу, что мы вскоре увидимся. Но увидел я ее с тюремной фотографии в профиль и анфас в 1993 г., то есть через 55 лет. Итак, мне было одиннадцать лет, когда на второй день после ареста матери меня увезли в Таганскую тюрьму**, где спереди и сбоку сфотографировали, сняли отпечатки пальцев, и я оказался в коллекторе среди детей, себе подобных. Через два-три месяца нас, небольшую группу, увезли в Полтавский детдом НКВД»²⁰. Мать Йоханнеса, Маргарита Менгель, была расстреляна спустя 6 месяцев после ареста — 20 августа 1938 г.

** Сомнительно, чтобы ребенка после ареста родителей могли увезти в Таганскую тюрьму; скорее всего, Йоханнеса Менгеля доставили в Даниловский депприемник-распределитель, из которого его отправили вместе с другими детьми в детский дом на Украине. — (Peg.)

3 ноября 1937 г. были расстреляны отец и сын — Карл и Фридрих Вороши. Насильственно оборвалась жизнь и тех

Карл и Фридрих
Бороши, рабочие
Коломенского
машиностроительного
завода. Отец и сын
Бороши расстреляны
03.11.1937 г. (тюремные
фотографии).
Второй сын К. Бороша
Герман Борощ был
расстрелян 08.12.1937 г.
Все захоронены в Бутове

молодых немцев, кого постигла участь стать невольными участниками еще одной страшной фальсификации органов — дела о «фашистской шпионской организации “Гитлерюгенд”». Дело было заведено в рамках проводимой в 1938 г. особой линии НКВД, направленной против так называемых «националов» (к которым, кроме немцев, относились поляки, латыши ит.д.).

Следствие, если его так вообще можно назвать, вело УТБ УНКВД по Московской области, благодаря усилиям которого организация была «вскрыта и ликвидирована». Среди арестованных находились молодые люди из числа германских рабочих, специалистов, политэмигрантов, учившиеся или работавшие на московских заводах «Шарикоподшипник», Станкозаводим. Орджоникидзе, Электрозавод им. Куйбышева, Автозавод им. Сталина, НАТИ, где якобы были созданы ячейки организации, а также группа актеров агиттеатра «Колонна Линке».

Слева – Вилли Цунк.
Справа – Вилли Цошке.
Расстреляны 28.02.1938 г.
и захоронены в Бутове
(тюремные фотографии)

Центрами «Гитлерюгенда» являлись также КУНМЗ, рабфак им. Ленина, клуб иностранных рабочих, что должно было говорить о размахе организации*.

Дело начали раскручивать с Вилли Цошке. Роль руководителя была приписана Вилли Цунку (оба расстреляны и захоронены в Бутове). При изучении архивно-следственных дел этих людей (а на каждого заводилось свое, хотя все они и были объединены в общее дело под № 8842) бросается в глаза то обстоятельство, что следователи даже не пытались выстроить факты таким образом, чтобы они не противоречили друг другу, а обвинение выглядело логичным²¹. Как и в польской версии, в немецком деле присутствует набор все тех же стандартных обвинений, перечислений задач организации, полная путаница в вопросе, кто же все-таки руководил всей организацией. Причем причиной тому была даже не юридическая безграмотность следователей, а скорее ощущение полной безнаказанности и возможности творить произвол. Это же проявляется и в выборе мер наказания — случалось так, что за более тяжкие «преступления» осужденных направляли в лагеря, а за меньшие — расстреливали. Например, к расстрелу приговаривали даже тех, кто был завербован лишь за день до ареста дающего показания «вербовщика» и не мог, таким образом, стать полноценным членом организации. Так, накануне своего ареста рабочий Курт Риньковский якобы завербовал, как следует из протокола допроса, немца Лиссауэра²². В итоге при разной тяжести вины расстреляны были оба.

Именно на установление контактов арестованных делался акцент в ходе следствия, так как обвинительную базу с легкостью могли подвести под любого. Все друзья, родственники, знакомые (а может, и незнакомые люди) с подачи чекистов оказывались завербованными в «Гитлерюгенд».

* Филиалы организации «Гитлерюгенд» якобы существовали даже в Челябинске и Одессе.

Если в поле зрения попадал один из братьев, участь второго была предрешена. Примеров тому несколько — братья Герман и Генрих Гебели, Эрнст и Леонид Гехстеры, Хорст и Вальтер Рейтеры, Фридолин и Хорст Зайдевицы²³. Если главных из раскрытых шпионов «завербовала» в свое время еще в Германии тайная полиция (гестапо) или, в лучшем случае, сотрудники посольства уже в Москве, то остальные «вербовали» друг друга сами. Причем, как мы уже говорили, цепочки «вербовки» одним немцем другого то и дело рвутся. Нестыковки становятся очевидны, стоит лишь сравнить даты, места «вербовки» и, главное, ее последовательность.

Как правило, одного допроса оказывалось достаточно, чтобы «выбить» из арестованного все нужные чекистам признания. Буквально после повторенного два-три раза вопроса: «Признаете ли себя виновным в участии в организации “Титлерюгенд”?» — следовал утвердительный ответ.

28 февраля 1938 г. первая группа осужденных за участие в этой организации из 15 человек была расстреляна и захоронена на Бутовском полигоне. В общей сложности жертвами фабрикации стали 72 молодых человека, 42 из них встретили смерть все в том же Бутове*. Кого минула эта страшная участь, были осуждены на долгие годы заключения в лагерях, откуда многие так и не вернулись.

* Четверо арестованных были выпущены 15 мая 1938 г. «по оперативным соображениям», трое высланы в Германию, двоих отпустили после пересмотра их дел в 1940 г., из отбывавших наказание в ИТА выжили тринадцать человек.

Девятиклассники немецкой школы им. К. Яйбкнехта на зимних каникулах в доме отдыха. В первом ряду крайний слева — Ферко Диамант (отбывал наказание в лагерях). Второй справа (стоит) — Леонид Гехстер, арестован по делу «Гитлерюгенд», умер в лагерях. Второй слева (стоит) — Франц Кайперт, выслан как нежелательный иностранец

Молодая супружеская пара: Рихард Брандт, специалист-архитектор, журналист газеты «ДЦЦ», с женой Ханной в Германии. Лето, 1931 г. Р. Брандт расстрелян 10.09.1938 г. и захоронен в Бутове

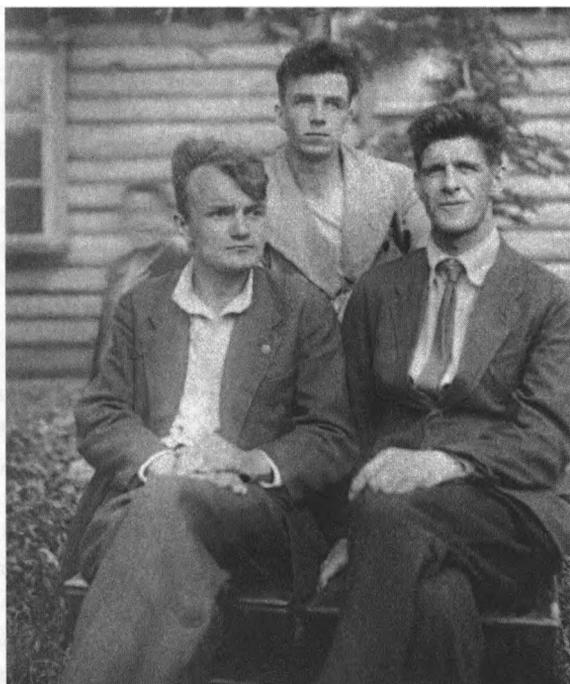
Быстрая ликвидация контрреволюционной организации немецкой молодежи следователями Московского управления не могла не получить высочайшего одобрения верхушки НКВД. По признанию С. А. Скворцова, бывшего сотрудника 7-го отделения, сделанному им в 1957 г., «за активное ведение следствия по арестованным немцам в 1938 г. большинство работников отделения были награждены ценными подарками»²⁴. Но, кроме наград и благодарностей, во второй половине марта 1938 г. следователи получили от руководства и еще одну директиву — продолжить следствие до полного истребления немецких шпионов. Правда, интерес к этому делу «наверху» вскоре угас, и директива оказалась невыполненной, т. к. операция по «националам» практически была завершена. Многие, чьи имена как завербованных фигурировали в протоколах допросов в марте, по счастливой случайности уже никогда не арестовывались.

Но к этому времени преступное постановление Политбюро и вышедший на его основе приказ НКВД № 00439 были уже выполнены. Однако страницу жуткой истории

этой фальсификации перевертывать оказалось рано. Последующие события круто изменили жизнь многих почивавших на лаврах следователей.

В конце 1938 г. с поста наркома внутренних дел снимают Ежова и вместо него назначают Берия. Смена руководства НКВД влечет за собой чистку аппарата, обрекая на репрессии сподручных бывшего наркома. В Московском управлении в результате вскрытия «к. р. троцкистской организации» в опалу попадают те, кто недавно вершил суд над своими согражданами. Тогда же выясняются первые подробности фабрикации дела «Гитлерюгенд».

Читая показания бывших следователей, нельзя не обратить внимания на то, что практически все они считают себя лишь послушными исполнителями установок своего непосредственного начальника. Так, рядовые следователи, проводившие допросы по делу «Гитлерюгенд», пытаются свалить всю вину на бывшего начальника 7-го отделения 4-го отдела В. А. Смирнова, он, в свою очередь, — на своего бывшего шефа — заместителя начальника управления НКВД Г. М. Якубовича. Тот же, если верить документам, лишь выполнял директиву наркома Ежова, отдавшего приказ на арест «националов».

Три друга, бывшие ученики немецкой школы им. К. Яибкнехта в Москве.

Слева – Курт Вальтер, расстрелян по делу «Гитлерюгенд» 28.05.1938
справа – Вилли Гофман, за ними – Людвиг Бауэр, арестован по делу «Гитлерюгенд», осужден на 10 лет ИТЛ, умер в лагерях Севвостлага

Курт Вальтер.
Расстрелян 28.05.1938 г.
и захоронен в Бутове.
Отец и сестра его также
были репрессированы

Непосредственное руководство всей операцией по ликвидации «Гитлерюгенда» осуществлял начальник 7-го, «молодежного», отделения Василий Смирнов. Его ретивость в работе по изъятию «контрреволюционных элементов» не раз служила поводом для начальства ставить его в пример сослуживцам. На допросе 11 мая 1939 г. он рассказал, как начиналась фабрикация этого дела. Во время одного допроса в Таганской тюрьме к Смирнову пришел Якубович и, обращаясь к обвиняемому, спросил: «Ты немец?» — «Да, немец». — «Чистокровный?» — «Да, чистокровный», — ответил обвиняемый. Тогда Якубович ударил его по лицу и спросил: «Что, организация у вас была?» Обвиняемый ответил утвердительно. Тогда Якубович обратился к Смирнову и сказал: «Здесь верная организация “Железные кресты” и ее надо развернуть не менее 50 человек» (так в оригинале)²⁵.

«Во время следствия было установлено, — продолжает говорить на допросе Смирнов, — что это была организация “Гитлерюгенд”, а не “Железные кресты”, как предлагал назвать ее Якубович. По этому делу было арестовано человек сорок*. Все лица арестовывались по показаниям, но следствие тогда велось упрощенно. Показания обвиняемых не проверялись, и не исключена возможность, что некоторые были оговорены и пострадали невинно»²⁶.

Смирнову не хватило смелости сказать, что невинно пострадали далеко не некоторые, а все арестованные, следствие же велось не только упрощенно, но не велось вовсе, точнее, сводилось большей частью к сочинению протоколов допросов. Тем не менее какая-то видимость законности все-таки соблюдалась, т. к. под всеми протоколами стояла собственноручная подпись арестованного. Как выбивались показания, признавались на допросе сами бывшие следователи. По мнению одного из них, Митрофанова, молодые люди, некоторым из которых было только 17—18 лет, сознательно наговаривали на себя, решив пойти по линии наименьшего сопротивления, так как считали, что условия в лагере будут значительно лучше тюремных. Бывший начальник отдела Постель объясняет быстрые признания арестованных теми физическими мерами воздействия, которые столь широко практиковались во время ежовщины. А во многих случаях признаний не было вообще: были просто выбитые из подследственных подписи под протокола-

* Смирнов ошибается. На самом деле, как говорилось выше, по операции «Гитлерюгенд» было арестовано 72 человека.

ми допросов, содержание которых им даже не было известно, т. к. многие немцы плохо владели русским языком, да им и не зачитывали протоколы²⁷.

Однако ни один из допрошенных в 1939—1940-е гг. следователей, причастных к фабрикации дела «Гитлерюгенд», так и не признал фактов своего личного участия в избиваниях арестованных и в принуждении их к самооговору. Тем не менее откровения бывших следователей спасли их далеко не во всех случаях. Часть их была приговорена к высшей мере наказания, часть — к длительным срокам заключения. Правда, и здесь были исключения — некоторые рядовые сотрудники 7-го отделения пошли на повышение*.

В период оттепели, когда после смерти Сталина начался процесс реабилитации, оставшиеся в живых палачи снова заговорили. В их «собственноручных показаниях» — все те же жалкие попытки самооправдаться, обелить свое имя, всю ответственность переложить на бывшее начальство. Раскаяние, пусть и запоздалое, к ним так и не пришло.

Пострадавшие же от них люди, те, которые выжили в лагерях (или их родственники), продолжали борьбу за свое доброе имя и за право жить в своих родных местах. Тогда

* Уже в апреле 1939 г. следователь Р. Трайбман подписывается под рапортом как зам. нач. 1-го отделения 3-го отдела УГБ УНКВД МО, а Федоров летом 1939 г. уже стал начальником 7-го отделения 2-го отдела УГБ УНКВД МО.

Ответ начальника 3-го отдела Главного архивного управления МВД СССР майора Кривошеина о том, что сведений о фашистской организации «Гитлерюгенд» не обнаружено (фотография из немецкой газеты «Neues Deutschland» от 28.08.1995 г.)

Т. Угаров **СОВ. СЕКРЕТНО. 36**

Мин-Вост экз. № 1

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ВНЕШНИХ ДЕЛ
Архивн. управл.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛА
УПРАВЛЕНИЯ КГБ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ПОЛКОВНИКУ —
ТОВ. ЧМЕЛЕВУ.

Г. МОСКВА.

Июля 1954 г.

№ 214/0010248 № № 8/749 от 16/VI-54 г.

г. МОСКВА

Сообщаем, что по учетам Главного архивного управления МВД СССР Климов Вильгельм Константинович не проходит.

Сведений о, якобы существовавшей в Москве нелегальной фашистской организации "Гитлер-Югенд" не обнаружено.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Ваш запрос.

за НАЧАЛЬНИК 3 ОТДЕЛА ГЛАВНОГО
АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МВД СССР
майор *Кривошеин* /КРИВОШЕИН/

НАЧАЛЬНИК 3 ОТДЕЛЕНИЯ 3 ОТДЕЛА
ГАУ МВД СССР капитан *Серова* /СЕРОВА/

36 311

* Режим спецпоселения для немцев был снят только после смерти Сталина — в декабре 1955 г.

же стало известно, что осталось за рамками сочиненных протоколов. Но имена преступников на государственной службе хранятся до сих пор в недоступных для общественности архивах ФСБ.

Советское государство, пригласившее в свое время нужных ему немецких специалистов, продолжало нарушать их права и в 1940-х и в 1950-х гг. В 1946 г. в соответствии с приказом МВД и МГБ СССР и Генерального прокурора СССР № 00585 (00251)/ 107сс материалы на только что освобожденных из лагерей немцев направляли на рассмотрение ОСО при МВД, в результате чего они становились ссыльными. Так, 11 февраля 1946 г. истек срок заключения в ИТА у Рихарда Альтермана, осужденного 10 октября 1938 г. за участие в организации «Гитлерюгенд» к 8 годам ИТА, а уже 25 октября 1946 г. ОСО осудило его «как социально опасного элемента» к 5 годам ссылки, которую он отбывал в г. Петропавловске Северо-Казахстанской области. Однако 14 марта 1951 г., когда срок ссылки Р. Альтермана должен был вскоре окончиться, МГБ Казахской ССР вновь рассматривает его дело. И несмотря на то, что в заключении следователь указывает на отсутствие новых данных об антисоветской деятельности Альтермана после освобождения из лагеря, его дело вновь направляется на ОСО при МГБ СССР. 12 апреля 1951 г. ОСО избирает для Альтермана меру наказания — ссылка на поселение²⁸, что означало для немцев в те годы ссылку на вечные времена*. Рихард Альтерман оказался среди тех, кому посчастливилось увидеть свою родину: в январе 1957 г. он был реабилитирован в СССР и вскоре выехал с семьей в ГДР. Другие же немцы из сфабрикованного дела «Гитлерюгенд», равно как и их родственники, десятилетиями ждали справедливости²⁹.

Инерция равнодушия к человеку передавалась по цепочке от одного поколения следователей к другому. Ни следователь Грушевский, проверявший в 1940 г. это дело по заявлениям пострадавших, ни следователь Ю. Богушис, в 1956—1957 гг. занимавшийся реабилитацией обвиненных в причастности к «Гитлерюгенду», так и не довели до конца эту работу. Лишь в 1989 г. последним реабилитировали Вилли Цошке, того, кого первым в январскую ночь 1938 г. следователь Р. Трайбман «разговорил» на признания в шпионаже, а В. Смирнов и Якубович «развернули» организацию «Гитлерюгенд» на 72 человека³⁰.

В 1950—1960-е гг., в период массовой реабилитации, ложь о судьбе погибших, причем как советских, так и иностранных граждан, в СССР была узаконена. К бесчисленным запросам из-за рубежа на Лубянке относились с особым цинизмом. Реакция на письмо Шарлотты Зильберманн о судьбе сына Курта Луиса, расстрелянного 7 апреля 1938 г. и захороненного в Бутове, была, например, следующей: «Начальнику учетно-архивного отдела КГБ при Совете Министров Союза ССР генерал-майору Прокопенко. Исходя из того, что разыскивающая Зильберманна мать проживает в капиталистической стране, об аресте сына не знает, Управление КГБ при СМ СССР по г. Москве и Московской области считает целесообразным сообщить в Бюро розыска Исполкома СОКК и КП СССР для ответа за границу, что сведений о месте нахождения разыскиваемого не имеется. 21.06.65 г.»*.

Бесполезными оказались и запросы бывших репрессированных о возмещении им утраченного имущества.

Описанные истории и судьбы людей были типичными для сотен немецких эмигрантов, зараженных в начале XX века большевистской чумой и покинувших свою ро-

* Письмо, направленное начальнику учетно-архивного отдела КГБ при СМ СССР, сохранилось в следственном деле К. Зильберманна. (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 29252)

СПРАВКА

В Управление КГБ при Совете Министров СССР по городу Москве в июле 1956 года поступило заявление КЛЮГА Вильгельма Константиновича (Кастановича) о возмещении стоимости имущества, оставшегося в квартире после его ареста в 1938 году.

КЛЮГ В.К. 16 марта 1938 года был арестован Управлением НКВД Московской области и в июне того же года Особым Совещанием при НКВД СССР осужден без конфискации имущества.

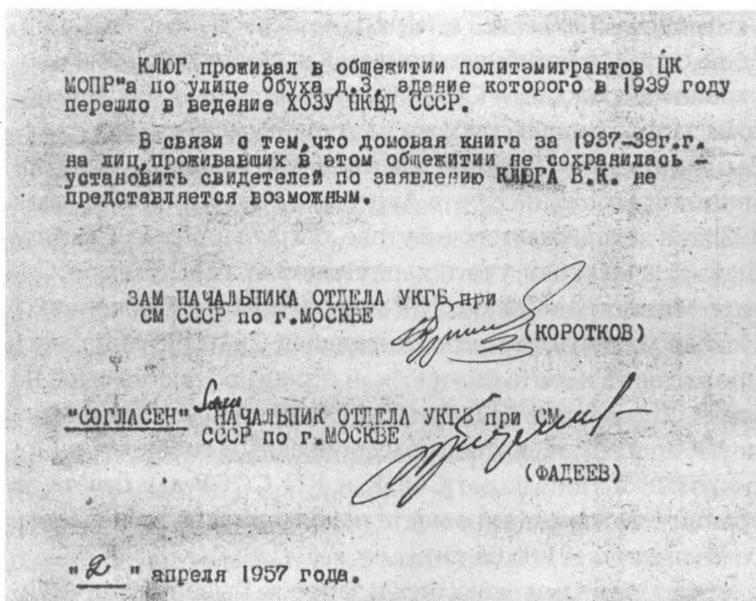
Определением Военного Трибунала МВО от 29 сентября 1955 года постановление Особого Совещания в отношении КЛЮГА отменено с прекращением дела. Справка о реабилитации вручена ему в июле 1956 года.

В связи с тем, что в материалах следственного дела сведений о конфискации имущества КЛЮГА не имелось, нами в феврале 1957 года было предложено ему представить опись вещей и указать свидетелей, которые могли бы подтвердить или их конфискацию, или же их наличие на день ареста заявителя.

После этого КЛЮГ В.К. представил на рассмотрение дополнительное заявление, в котором указал, что после ареста у него в комнате остались следующие вещи:

1. Пальто из драпа кастор на шелковой подкладке с пиджачным воротником, приобретенное в 1936 году, поношенное - 1.
2. Пальто демисезонное из темно-синего сукна, купленное в 1936 году, поношенное - 1.
3. Костюм бостонский тройка с запасными бровями, купленный в 1937 году, поношенный - 1.
4. Костюм шерстяной темно-коричневый, куплен-

Одна из справок с отказом о возмещении стоимости имущества — не конфискованного по приговору, но тем не менее утраченного при аресте

Окончание справки
с отказом о возмещении
незаконно изъятого
имущества (ГА РФ.
Ф. 10035. Оп. 1.
Д. П-20591. Л. 91-92)

дину. Одни из них решили своим трудом помочь строи-
тельству первого социалистического государства, которое
казалось тогда образцом для будущего. Они ехали в Рос-
сию, соглашаясь терпеть нужду, временные лишения во
имя идеи. Другие бежали от германского фашизма, пыта-
ясь спасти себя и своих детей, а попали в страну фашизма
«красного». Но ни верность идее, ни лояльность по
отношению к властям, ни антифашистские убеждения не
смогли гарантировать им безопасности. Их наивная вера в
торжество справедливости в нашей стране была жестоко
обманута, обманута политиками, палачами в военной
форме, самой историей... Следы тех, кто приехал когда-то
в Россию в надежде на лучшее будущее для себя и своих
детей, обрываются сегодня в крематориях, братских мо-
гилах, мрачных подземельях бывших зданий НКВД.

Л. Муравник

ДАНИЛОВСКИЕ КОЛОКОЛА

Центральный московский
детприемник

После ареста и расстрела родителей дети-сироты направлялись в Даниловский детприемник, а затем распределялись по различным детским домам, детским колониям и трудовым коммунам. Среди этих детей немало тех, чьи родители были расстреляны и захоронены на спецобъектах НКВД «Бутовский полигон» и «Коммунарка».

Прозрачные, будто восковые, появились монахи у храма Святой Троицы. Их при монастыре оставалось всего несколько человек. Говорили, что некоторые из них спали в гробах под храмом и лишь изредка выходили на свет Бо-

Древнейший
Московский
Свято-Данияев
монастырь (фотография
конца XIX века)

* Древнейший Московский Свято-Данилов монастырь был основан не позднее 1282 г. св. Даниилом, князем Московским. После 1917 г. обитель стала прибежищем лишенных кафедр архиереев. В 1923 г. община монастыря состояла из 1100 чел. Монастырь был закрыт последним из всех московских монастырей — в 1930 г. Но богослужение еще продолжалось в приходском храме Воскресения Словоущего 1931 г., располагавшемся за оградой монастыря. Твердые в вере, не идущие ни на какие компромиссы с безбожной властью, даниловские монахи пронесли свой крест до конца, большинство из них во главе с настоятелем Феодором (Поздеевским) были расстреляны в 1937 г. *(Даниловский благовестник. 1998. Вып. 9. С. 48—62)*

** Шестнадцать колоколов Свято-Данилова монастыря, составленные во второй половине 1920-х гг. лучшим звонарем Москвы знаменитым К. Сараджевым, были то ли подарены, то ли проданы в США и оказались на звоннице Гарвардского университета. Ныне, в 2004 г. идет речь о возвращении колоколов Данилову монастырю.

жий. Рассказывали, что они ничего не знали ни об октябрьском перевороте, ни о существовании советской власти. Они никуда не могли уйти из-за своей глубокой старости. Да и некуда им было идти. Остальные монахи во главе с последним настоятелем архиепископом Феодором (Поздеевским) к 1928 г. все уже были арестованы и посланы по тюрьмам да лагерям *...

...На монастырской площади гомон и суета. Мелькают в шинелях распахнутых служилые люди. При ружьях и маузерах ременных. Появился вроде бы командир ихний. В кубанке набекрень, кожанке. Улыбчивый, лихой с виду.

— Вы, божьи люди, откуда объявились?

— Здешние мы, — робко отвечают монахи, — к монастырю издавна приписанные. Пришли вот помолиться пред святыми иконами, а тут, прости Господи, ни икон, ни крестов не стало на храмах.

— Теперича, старцы, наша икона — красный флаг, — отвечает начальник.

— ...и колокольная пустая, — продолжают монахи, оглядываясь на Святые врата, — звон исчез**.

— Вот вам и звон, и колокола, — говорит человек в кубанке, указывая рукой на многоголосую колонну оборвышей, проходящих по двору, — обитателей детприемника.

То был известный в определенных кругах человек Алексей Червонцев¹, назначенный самим Дзержинским² управлять беспризорными всех возрастов и мастей.

Монастырская площадь, залитая августовским солнцем, вся в движении. Колонны охраняемых конвоем вчерашних «уркаганов», «глотов», «щипачей» «огольцов», «майданщиков», «хапужников» и просто побирушек движутся, одни — к бывшим монастырским кельям, другие — к иным, пока еще не приспособленным помещениям, которые предстоит обустроить «по-пролетарски». Но многоголосая «босота», заключенная в монастырские стены и не привыкшая к дисциплине, не очень-то подчиняется зычным командам конвойных и самого Червонцева.

А дел невпроворот. Старинный храм Святых Отцов Семи Вселенских Соборов спешно обносится колючей проволокой. Покрывается плоской крышей (взамен снесенного купола с позолоченным крестом) Троицкий храм. Разгружаются подводы с кроватями, завозится сено для матрацев и подушек. Дымятся походные кухни, разнося

смачный запах гречневой каши с мясом по всей округе. Пристроившись где попало, в том числе на могилах и надгробных плитах монастырского кладбища, торопливо поглощают пищу оголодавшие исправдомовцы. Ни мисок, ни ложек в достаточном количестве не имеется, едят руками, обжигая пальцы.

Надо всем этим многолюдным и пестрым сборищем возвышается фигура скуластого Червонцева. Он выполняет приказы вождей и свято верит, что если всех беспризорных по всей России спрятать за неприступными (понимай — тюремными) стенами, смыть с детворы грязь, приучить к дисциплине, обучить начальной грамоте, то страна получит, по выражению Дзержинского, новое сословие — «наследных принцев Революции». И Червонцев служит этой идее преданно и фанатично.

Республика, ценой невосполнимых потерь вырвавшая свои страшные победы (победы ли?), оказалась перед проблемой все нарастающей беспризорности. В январе 1918 г. Декретом Совнаркома учреждается Комиссия по делам несовершеннолетних. Декретом устанавливается новый революционный принцип борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. Ставится задача — не только защита общества от малолеток-преступников, но, главное, воспитание из них полезных и полноправных граждан Страны Советов. Комиссиям на местах вменяется в обязанность вести борьбу с эксплуатацией детского труда. Полномочиями комиссий упраздняются суды и тюремная кара в отношении малолеток. Ликвидируется в отношении детей даже сам термин «тюрьма»*. Вводится новый — «убежище».

Свято-Данилов
монастырь со стороны
Москвы-реки.
Слева — приходской
храм Воскресения
Словущего (начало
XX века)

* Отсутствие в СССР термина «тюрьма» в отношении детей вовсе не означало ее фактического отсутствия.

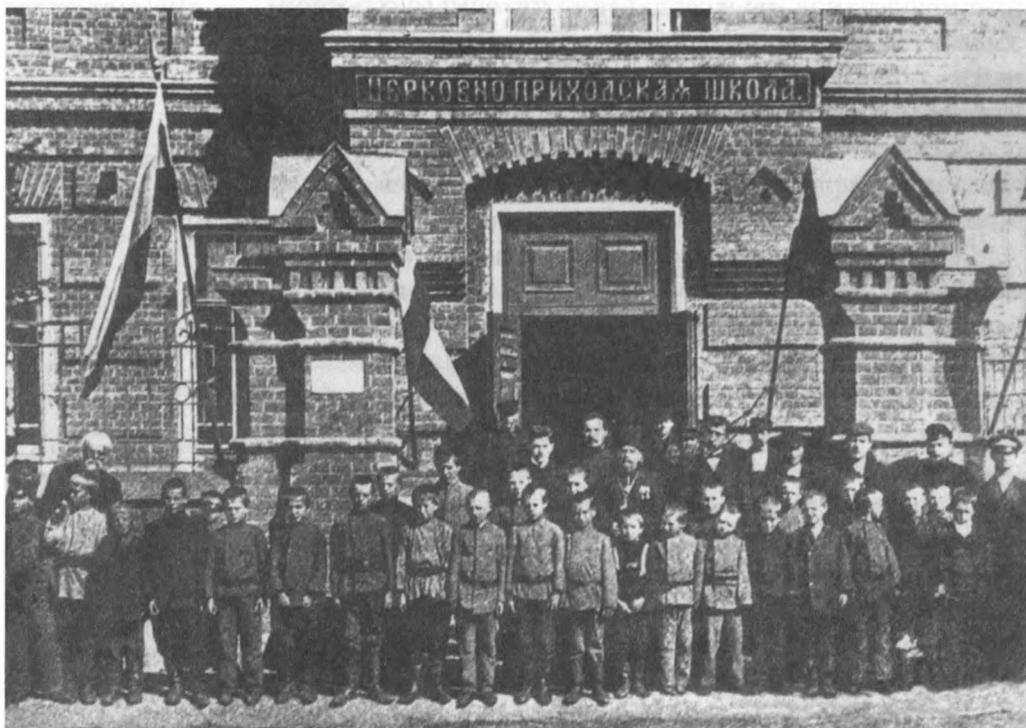
* До революции при Даниловом монастыре существовали различные детские учреждения: приют для малолетних преступников, церковно-приходская школа и др.

Одно время еще употреблялось ленинское выражение «отстойник». Но оно, к счастью, не прижилось. Скопление же отловленных малышей называлось более благопристойно — «очаг».

Голод 1920-х гг. охватил местность с населением в 25 млн. человек, 30% которого составляли дети. Железные дороги наводнились маленькими голодающими бродяжками. В 1923 г. в России насчитывалось около 4 млн. беспризорных детей. Чекисты на транспорте ставили заградотряды, отлавливали истощенных голодом детей, чтобы не допустить их въезд в столицу. Борясь за существование, озлобленная голытьба становилась опасной и жестокой силой. Грабежи, воровство, мошенничество, детская проституция стали основными профессиями новоявленных изгоев. Надо было предпринимать что-то действенное — в отличие от мертворожденных приказов и постановлений Советской власти*.

В конце 1920 г. Феликс Эдмундович выдвигает идею новой структуры по борьбе с этим злом. «Я хочу бросить некоторую часть моих личных сил, а главное — сил ВЧК, на борьбу с детской беспризорностью, — делится мыслями

Церковно-приходская школа в Даниловом монастыре. Группа учащихся и воспитатель школы архимандрит Серафим. (1910-е гг.)

Ф. Э. Дзержинский с А. В. Луначарским³, — ...нужно создать при ВЦИК, конечно, при ближайшем участии Наркомпроса широкую комиссию, куда бы вошли все ведомства и все организации, могущие быть полезными в этом деле. Я хочу реально включить в работу аппарат ВЧК. Я думаю, что наш аппарат один из наиболее четко работающих. Его разветвления есть повсюду. С ним считаются. Его побаиваются»⁴. В. И. Ленин поддерживает своего «железного наркома». М. И. Калинин подписывает постановление ВЦИК о новой, достаточно гуманной и многообещающей Комиссии по улучшению жизни детей. Председателем этой комиссии утверждается ее инициатор — Дзержинский. Своим замом Дзержинский назначает командующего войсками ВЧК В. С. Корнева⁵. После своего ухода в связи с назначением на пост наркома путей сообщения Дзержинский вводит в комиссию «Улучжиздет» председателя Уралсовета А. Г. Белобородова. Это он еще в 1918 г., не дрогнув, дал добро на расстрел царской семьи (в том числе и ребенка — царевича Алексея), чем, очевидно, заслужил право возглавлять деткомиссию ВЦИК⁶.

Для простоты управления и в духе того времени все детские комиссии ВЦИК получают соответствующие аббревиатуры: «Совзадет» — Совет по защите детей, «Комонес» — комиссия по делам несовершеннолетних, наконец, вышеназванная Комиссия по улучшению жизни детей — коллективное детище Ленина—Луначарского—Дзержинского — «Улучжиздет». Еще в начале 1920 г. Ленин предписывает Луначарскому взять ряд монастырей для помещения в них «дефективных и беспризорных». Дело в том, что в 1920 г. в Москве проходил представительный съезд Наркомата просвещения и здравоохранения по вопросу о дефективности беспризорных и безнадзорных детей. После съезда по России стал «гулять» этот термин — «дефективный», который был использован Лениным в его предписании.

Рекомендации съезда не пропали даром. В октябре 1921 г., в тревожные дни наплыва голодающих (по тогдашней терминологии — «дефективных») детей, в Москве открывается первый приемник-распределитель в Малом Харитоньевском переулке. Затем открыла свои помещения богадельня на Бакунинской (бывшей Покровской) улице*, следом — бывший Вдовый дом на Садово-Кудринской, ко-

Ф. Э. Дзержинский
(фотография начала
1920-х гг.)

* «Богадельня для престарелых и неспособных к труду» на ул. Покровке (позже ул. Бакунинская) принадлежала московской Покровской общине сестер милосердия и насчитывала до 1100 человек призываемых. Здесь же с 1898 г. имелся и приют для детей.

А. В. Луначарский,
нарком просвещения
в 1917-1929 гг.

торый также разместил в своих стенах «дефективных» детей «особой социальной запущенности», еще — Ростокинский детский дом для беспризорных девочек-проституток, Маленковский — для осиротевших младенцев.

В 1924 г. на одной из конференций Наркомпроса, посвященной проблемам детской беспризорности, нарком Луначарский говорил, что беспризорный ребенок, который не знает, где будет сегодня ночевать, проявляет большую находчивость; это дитя большого города, у которого обостренность чувств крайняя, который по способностям, по смышленности, по общему уровню развития нервной системы стоит значительно выше обычного среднего ребенка в стране. Вывод, сделанный Луначарским, был таков: если этих беспризорных пригреть и накормить, то из них выйдут «государственные дети», которыми все будут гордиться.

Рождению Центрального Даниловского приемника-распределителя НКВД предшествовало несколько обстоятельств. В 1927 г. на государственном уровне был разработан и принят первый трехлетний план по ликвидации беспризорности. Намечалась централизация и укрупнение приемно-распределительных детских учреждений.

30 августа 1927 г. популярная «Комсомолка» под общим заголовком «Борьба с конкретными носителями зла» публикует разоблачительный материал об издевательствах

Беспризорники
на улицах Москвы.
Они отлавливались
работниками милиции
и приводились
в Даниловский
детприемник-
распределитель,
из которого сбежать
было невозможно

над детьми в Покровском приемнике-распределителе, носящем имя его директора Аси Давыдовны Калининой. Отсутствие специального образования у революционно настроенных воспитателей и руководителей детских учреждений в ту пору не имело ни малейшего значения. Зато неутомимую деятельницу на ниве просвещения удостоили чести стать председателем детской ВЧК Москвы. Этой дамочке в кожанке, с маузером на бедре положено было следить за неукоснительным соблюдением декретов, защищающих права несовершеннолетних. И вдруг вместо этого — как гром среди ясного неба — обнаруживается, что в «Покровке» есть пыточная комната, где детей подвергают побоям, морят голодом ит. д....⁷

Все разрозненные московские детприемники изначально подчинялись УТРО, штаты формировались с учетом их принадлежности к органам внутренних дел. Новоявленные «педагоги» без какого-либо образования, но с нашивками НКВД были наделены широкими полномочиями в отношении детей, и без того изуродованных предыдущей жизнью. Бравые чекисты относились к маленьким узникам, как к неисправимым преступникам, которых следует принудить, заставить безропотно подчиняться, внушить страх. В этом и заключалась тогдашняя «карательная» педагогика.

В Москве на 1927 г. имелось четыре детприемника, два детских городка (один из них разместился в бывшем Зачатьевском монастыре) и десять детских домов. На очередной Чрезвычайной конференции ДТК при ВЦИК под председательством Белобородова приняли резолюцию реорганизовать Покровский приемник в Даниловский приемник-распределитель, образовав при этом еще районные приемники-распределители. Весь 1927 г. шла реорганизация сиротских учреждений.

Решением Управления Рабоче-крестьянской милиции Москвы от 28 августа 1928 г. в стенах бывшего Данилова монастыря открылся детский приемник-распределитель*.

Детские приемники-распределители обязаны были не только принять всю пойманную на дорогах, привезенную и приведенную к ним «дефективную массу», отмыть, одеть, накормить, ввести в картотеку, определить социальное прошлое, адаптировать к новым условиям коллективного существования. Перед воспитателями и начальством

* Сведения о первых годах работы Даниловского детприемника-распределителя получены научным сотрудником Музея МВД РФ Л. А. Безруковой со слов воспитателей Центрального детприемника в 1920—1930-х гг. Софьи Сергеевны Лебедевой и Серафимы Михайловны Семенко. (Лашин Ю. ЦВИНП — Центр временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей при ГУВД города Москвы // Даниловский благовестник. 2000. Вып. II. С. 25—26).

Храм Святых Отцов
Семи Вселенских
Соборов (фотография
1927-1929 гг.).
Здесь располагалась
детская тюрьма под
названием «серпуховка»

стояла куда более сложная педагогическая задача: постигнуть затравленную голодом, бездомностью и болезнями надломленную детскую душу; постигнуть, чтобы знать, куда направить ребенка после распределителя. В каждом российском детприемнике-распределителе был налажен учет личности всех питомцев. «Карточка воспитанника» состояла из пятнадцати пунктов; к ней прилагалась характеристика, состоящая уже из тридцати пунктов.

В вопроснике «педагогов» от НКВД не было только самого важного и горького для ребят вопроса — вопроса о матери и отце, которых не стало в их жизни, но которые жили в сердце каждого.

На территории бывшего Данилова монастыря шло максимальное уплотнение площадей. Были надстроены монашеские кельи, там расположились мальчики, в бывшем доме настоятеля поместили девочек и дошкольников. В Троицком соборе сначала устроили столовую, клуб, спортзал, библиотеку. Но места для жилья катастрофически не хватало. Тогда в обоих приделах собора оборудовали двухэтажные нары. Алексей Червонцев исправно нес свое немислимое бремя, думая пока об одном: где, как разместить эту массу детей, не озлобляя их, а, напротив, вызывая дове-

рие к начальству. Позарез были нужны педагоги. А где их взять, если полновластные органы просвещения и образования фактически отстранены от ведения дел?

Червонцев внедряет в разношерстной, перегруженной, неподатливой «Даниловке» некоторое самоуправление. Он приобщает вчерашнюю голытьбу к участию в руководстве коллективом, организует музыкальные занятия и, главное, с немалыми трудностями открывает в «Даниловке» мастерские для мальчиков*. Обоюдное доверие давало первые ростки. Силами ребят был организован духовой оркестр. По большим праздникам даниловцы выходили со своим оркестром на Красную площадь и на время забывали, что живут за высокими стенами под усиленной охраной конвоя. Конечно, воспитание беспризорников и сирот шло в духе того времени. Завхоз детприемника А. В. Захаров рассказывал, как «в антирелигиозных целях» пытались уничтожить старинные фрески собора Семи Вселенских Соборов. Их закрашивали несколько раз, но безуспешно: лики святых продолжали проступать. Тогда принялись выжигать их паяльной лампой.

*

Декрет об упразднении судов и тюрем для несовершеннолетних мало согласовывался с действительным положением вещей. Бывшая воспитательница Даниловского детприемника В. Н. Щукина вспоминает, что «на территории приемника в храме Святых Отцов Семи Вселенских Соборов была устроена тюрьма, где преступники-малолетки ждали своей участи за дерзкие преступления». В «серпу-

* На первом этаже храма в помещении бывш. Покровской церкви была устроена детская тюрьма. Там же имелись карцеры для нарушителей тюремного режима. Рабочие мастерские для преступников-малолеток располагались на втором этаже храма.

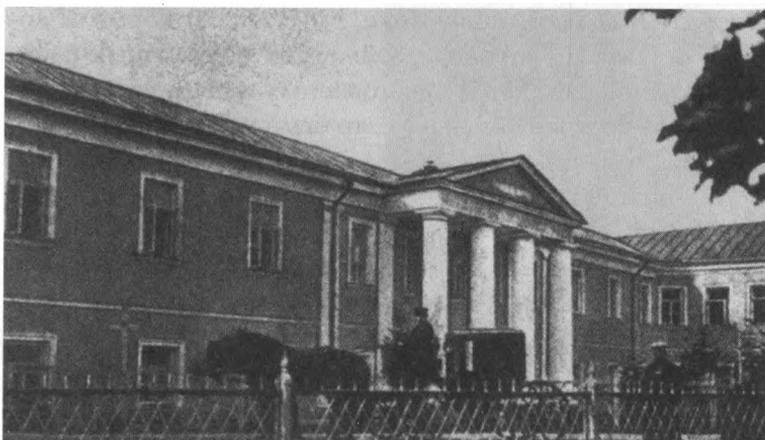
Колонна малолетних беспризорников перед отправкой в различные сиротские учреждения. Конец 1920-х — начало 1930-х гг.

ховском арестантском доме» — так называли теперь этот старинный храм за колочей проволокой — частенько возникала «буза», и охрана не могла утихомирить разбушевавшихся малолетних узников. Тогда Червонцев оставлял оружие и направлялся туда один. Никто не знал, о чем он говорил с бузотерами, но вскоре там наступала тишина и порядок. Иногда он приходил в «серпуховку» вечером, просто так, вел долгие беседы с ребятами о жизни, о будущем. Должно быть, эти встречи имели для подростков большее значение, чем все предыдущее их «воспитание» на улице.

Места в Даниловском детприемнике не хватало. Решено было снести старинный некрополь, что находился на территории бывшего монастыря. Но еще раньше, в 1929 г., неоднократно поднимался вопрос о хищениях и варварском разрушении надгробий на территории монастырского кладбища. А 31 мая 1931 г. дети стали свидетелями, как вынимались из захоронений останки известных всей России людей — Н. В. Гоголя, А. С. Хомякова, С. М. Третьякова, Н. М. Языкова, Н. Г. Рубинштейна и др. Но эти останки были перезахоронены на Новодевичьем и других кладбищах. Все же остальные могилы просто сравняли с землей. Для подростков, видевших разорение старинного кладбища, это был наглядный урок неприкрытого вандализма.

Могила Н. В. Гоголя, находившаяся в некрополе Свято-Данилова монастыря до разорения кладбища в 1931 г.

Помещение для детей
Даниловского
приемника-
распределителя —
бывшая монастырская
больница
(дореволюционная
фотография)

В 1931—1932 гг. Даниловский приемник становится предметом исследований со стороны социально-правового отдела Наркомпроса. За один этот год через приемник прошло более 5 тыс. человек. Из них более 1400 человек — беглецы из детских домов, где жизнь оказалась для детей невыносимой. Побег — явление распространенное для всех периодов детдомовской жизни.

Социальный учет в начале 1930-х гг. был отлажен и заформализован. Анкеты на детей направлялись в вышестоящие инстанции и там прилежно подшивались, пополняя собой груды всесоюзной отчетности. Эта отчетность представляет достаточный интерес для исследователя. Из нее, например, можно сделать вывод, что дети рабочих и крестьян составляли 79,8% российского сиротства. Вся остальная масса детей обозначалась как дети «лишенцев» и «прочих чуждых элементов». При анкетировании поступавших в детприемник причиной сиротства записывалась прежде всего «грубость родителей», затем «отрицательные бытовые условия» жизни детей. Гибель родителей в годы кровавых столкновений, как и гибель по причине репрессий, в анкете не фиксировались.

Вслед за первым потоком последовал второй поток голодных детей. В 1930 г. к стенам Даниловского приемника 14-летние дети-подростки приходили издалека и приводили по несколько малышей из своей семьи; грязные, опухшие от голода, они падали на колени и просили их принять. Когда их кормили, они целовали хлеб. Больно было смотреть на это скопище изможденных детей. Но «Даниловка» принимала только сирот, поэтому пребывание в москов-

ском Центральном приемнике, где хотя бы кормили до-сыта, оставалось «привилегией» детей из голодных районов Украины или детей арестованных и сосланных родителей; для всех же остальных это была или разовая акция, или просто мечта.

В конце 1931 г. поток поступающих в детприемник стал уменьшаться.

Самым уязвимым местом в этом беспрецедентном комбинате бездомности и сиротства оставалась проблема дальнейшего распределения по детским домам и колониям. Созданная по схеме пересыльных тюрем, учетно-распределительная часть (УРЧ) детприемника не отвечала ни требованиям педагогики, ни медицины. Распределение различных категорий детей по социальным и психо-физиологическим факторам являлось прерогативой НКВД. Социально-правовые отделы Наркомпроса не приглашались или попросту не допускались в закрытое милицееское учреждение. Об этом несовершенстве знали в высоких инстанциях наркоматов. Знали, но не вмешивались. Из Наркомата просвещения выбыл в 1929 г. за границу А. В. Луначарский. Оставил Наркомат здравоохранения Н. А. Семашко⁸, который был переведен в систему ВЦИК в комиссию «Улучжиздет» вместо отправленного в Сибирь Белобородова. Еще ранее в 1926 г. покинул этот бранный мир «железный Феликс», до последнего дыхания сражаясь с оппозицией. И теперь уже не было в стране человека, который безбоязненно мог бы оказать сопротивление руководству НКВД по отношению к детям. Борьба за научно обоснованную систему распределения по детским домам стало некому.

Алексей Червонцев возглавлял Даниловский детприемник с 1928 по 1934 г. Затем он был назначен начальником детской сельскохозяйственной трудовой колонии № 1 в Авдотьине (по Московско-Рязанской ж. д.). Вместо него Даниловский детприемник возглавил начальник детского отдела НКВД Михаил Михайлович Старинов (по другим сведениям — Стариков), которого «даниловцы» по своему обыкновению стали величать «дядя Миша». Этот, судя по всему, неплохой человек был в то же время послушным исполнителем всех распоряжений в отношении сирот второго, «кировского», потока и потока 1937-го — начала 1938 г.

Однако у детей были свои отношения с «дядей Мишей». И все они вспоминали его потом добрым словом.

Леня Муравник
перед отправкой
в Даниловский
детприемник
(снят в том самом
костюме, в котором
его забрали
с улицы в мае 1937 г.)

Моего отца, Якова Матвеевича Муравника, арестовали в мае 1937 г. Затем арестовали маму. Родственники, у которых были свои дети, перекидывали меня от одного к другому, боясь оставлять у себя подолгу. Мне было десять лет, но я уже понимал, что опасен для всех. Я услышал о Даниловском детприемнике для беспризорников от нашего дворника. «Попасть бы туда», — думалось мне. Вечером на улице Горького я нарочно схватил с лотка горсть конфет. Меня поймали и отвели в отделение милиции. Там составили какую-то бумагу, в которой, я заметил, было написано: «Типичный беспризорник». А потом ночью мы долго шли с милиционером пешком от улицы Горького до Серпуховки. Милиционер шел быстро, а я, десятилетний ребенок, едва успевал за ним. Он покрикивал: «Иди впереди». Когда пришли к воротам Даниловского приемника, он сдал меня с рук на руки охране и ушел. В какой-то комнате меня осматривали, обмеривали, записывали мои ответы. «Ты съи барона? — почему-то спросили меня. — Как зовут?» Моя мама, полька, одевала меня по своему вкусу. На мне был черный бархатный костюмчик с белым воротничком, штанишки-бриджи, белые длинные носки, сандалии. Каштановые волосы

* Леонид Яковлевич Муравник из Даниловского приемника-распределителя был направлен в Днепропетровский детский дом № 1 для детей комсостава. Но оттуда его и еще тринадцать москвичей переправили в Генический трудовой дом-колонию, где они вдоволь натерпелись издевательств со стороны беспризорников. Л. Я. Муравник — художник Метростроя, чл. Союза журналистов, координатор Объединения репрессированных р-на Северное Бутово. (Peg-)

завивались кудрями. При проверке все встало на свои места, и из «типичного беспризорника» я быстро превратился в «политического».

Меня отвели в помещение храма, в бывший правый придел. Там за перегородкой я увидел двухэтажные нары, на которых в это ночное время спало множество детей. Мне было сказано: «Лезь наверх, спи. Есть завтра будешь». Я сунул в рот завалившуюся в кармане конфету, разделся и лег.

Наутро вся моя одежда была украдена воронами-малолетками, которые хоть и жили отдельно, но ухитрялись проникать повсюду.

Началась моя школа сиротства, школа выживания. За перегородкой помещалась столовая. Кормили сытно, в основном кашей с мясом. В алтаре вместо иконы висел большой портрет Ежова. Там же показывали кинофильмы. Потянулись дни за днями. Еще не раз меня вызывали в какую-то комнату, задавали разные вопросы. Я видел у вахты испуганных малышей, привезенных в «Даниловку», слышал истошные детские крики. Прошло дней семь.

*И вот нас посадили в закрытый фургон и повезли куда-то. В машине было темно, свет через маленькое зарешеченное окошко едва проникал. И какая-то девочка вдруг спросила: «Нас что, везут убивать?!»**

Еще в 1929 г. в головах наших «новаторов» от Наркомпроса родилась чудовищная идея о коллективном воспитании детей. Луначарский в свойственной ему экзальтированной манере утверждал, что воспитанники детских домов — «государственные дети», для которых отцом является государство, матерью — вся рабоче-крестьянская общественность. «Если бы мы избавились от нашей бедности, я бы сказал, что детский дом — лучшая форма воспитания, вырывающая ребят из семейной обстановки с ее мещанским укладом» — вот подлинные слова Луначарского⁹. Слава Богу, что наша непроходящая бедность помешала осуществиться этому безумию.

В середине 1930-х гг. площади в Даниловском приемнике, словно в предвидении новых жертв государственной политики, расширяются до 1000 коек. Разрабатывается но-

вый единый распорядок дня, который предусматривает, чтобы каждый изъятый с улицы ребенок был бы целый день занят то ли изготовлением какой-то простейшей мебели в мастерской, то ли изучением грамоты. Было решено не допускать соединения детей со «слабыми степенями защиты» (понимай — детей репрессированных родителей) с настоящими правонарушителями. Тем более что сроки нахождения детей в детприемнике из-за нехватки мест в детдомах все увеличивались. Из секретного доклада Г. Ягоды тов. Сталину*: «Даниловский приемник, рассчитанный на 1000 человек, превращается в стационарное учреждение, не будучи для этого приспособленным, беспризорные в нем остаются по 6—7 месяцев»¹⁰.

31 мая 1935 г. во всех газетах печатается постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) за подписями Молотова и Сталина «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности». Наличие беспризорных в столицах и других городах страны «в условиях непрерывного улучшения материально-культурного положения трудящихся города и деревни» объяснялось плохой работой местных советских органов и... «отсутствием организованного участия в этом деле советской общественности» ч. Даниловский детприемник спешно обновляет свой педагогический состав на новые, наспех обученные комсомольские кадры. Завершается централизация приемников-распределителей по всей стране; в НКВД образуется детский отдел, куда поступает вся информация о приемниках, спецдетдомах и детских колониях. Даниловский детприемник к тому времени становится детским комбинатом НКВД со своей тюрьмой, следственной и распределительной частью.

* Бывало, детей по разным причинам держали в Даниловском детприемнике до года и более. Жить в тюремном режиме — без выхода за монастырские стены — без учебы и детских игр было для детей мучительно.

Отец Нины Пукальчук служил в японском консульстве, мама не работала. Потом у Нины появился отчим. В 1937 г. арестовали отца, обвинив его в шпионаже в пользу Японии. Через два месяца забрали маму как бывшую жену шпиона. Добралась и до отчима. В свои тринадцать лет Нина стала взрослой, разбитой, усталой. Она бегала по московским тюрьмам, разыскивала отца, мать, отчима. В Бутырку носила передачи. А отец ее уже был расстрелян. Несколько месяцев Нина скиталась по родственникам,

* Может быть, эти люди сами устали от детских арестов, а может быть, они просто старательно исполняли свой «служебный долг», как это делали тысячи рядовых сотрудников НКВД которым не положено было размышлять на эту тему.

но однажды, оказавшись дома, поняла, что ее разыскивают. Что-то оборвалось в душе, когда она увидела их. По дороге она спросила: «Куда вы меня везете?» Услышала равнодушно: «Потом узнаешь». Нина приготовилась к худшему, но ее привезли в «Даниловку» — страну сиротства, где все равны перед судьбой. Там Нина узнала о существовании «дяди Миши», главного человека в этих стенах. Он носил военную форму, но его почему-то не боялись. «Дядя Миша» не был похож на тех, кто приезжал, чтобы забрать родителей. Он находил доброе слово для каждого. Должно быть, он и сам не знал, как помогал детям своим участием. Нина была направлена в детдом на Украину. Вместе с ребятами, прибывшими из Даниловского детприемника, пробыла там три или четыре месяца. Больше не было сил терпеть издевательства воспитателей и малолеток по отношению к ним, «политическим». Дети написали письмо «дяде Мише», просили о помощи. И «дядя Миша» помог. Ребят перераспределили по другим детским домам. Там было лучше. «Я видела много детского страдания, детского горя, — вспоминает Нина Владимировна Пукальчук, — но не думала, что Сталин был причастен к этому. И вместе с тем я верила отцу и никогда не верила в его виновность. Казалось, виноват был кто-то другой. Понять, осознать все, что творилось вокруг — было выше нашего детского понимания. Каждый носил свою рану в себе, оберегая ее от чужих прикосновений...»***

В марте 1936 г. созывается слет бывших воспитанников приемников и детдомов. Неожиданно для всех бывший нарком здравоохранения Н. А. Семашко предлагает организовать более тесную связь детских домов с семьями ученых, деятелей культуры, передовых рабочих. Экипаж В. Чакова направляет письмо в «Комсомолку» с обращением ко всем знатным людям страны: на время празднования XIX годовщины Октября взять в свои семьи сирот из детских домов. В обращении говорится: «Пусть самым дорогим гостем в каждой семье будет воспитанник детского дома».

** Нина Владимировна Пукальчук как дочь репрессированных родителей испытала в жизни много унижений и притеснений. И все-таки она сумела получить высшее образование и стала школьной учительницей.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Вх. № 38/4с Лист. 8/У1-1937
 4/III 1307-1937

При ответах сослаться на №, число и Отдел.

29

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ДЕТКОМИССИИ В Ц И К

тов. С Е М А Ш К О, Н. А.

3 июля 1937 г.
 № 980325

МОСКВА, площадь Дзержинского, 2
 Телефон: коммутатор НКВД

Здесь, Куйбышева, № 4.

128

Краткое содержание:

В связи с усилившимся, за последнее время, притоком безнадзорных детей в города из сельских местностей, обусловленным преимущественно слабой работой местных органов власти и общественных организаций по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, и недостаточностью оказываемой на местах материальной помощи детям-сиротам и детям родителей, впадших во временную нужду, некоторые области (Северная, Челябинская, Кировская) обратились к нам с ходатайством, поддержанным местными исполкомами, о расширении емкости существующих и об открытии новых приемников-распределителей. Эти ходатайства нами удовлетворены.

Вопрос об организации в г. Москве изолированного приемника-распределителя для девочек также находится в стадии разрешения. Приемник предложено создать на территории Даниловского приемника-распределителя, совершенно изолированный от основного корпуса Даниловского приемника для мальчиков. Для этого намечается постройка нового здания, рассчитанного на одновременное содержание 100 девочек. Эта мера даст возможность увеличить фактическую емкость Даниловского приемника для мальчиков на 100 мест.

Приемник-распределитель для девочек может быть создан еще в текущем году, если Московский Горсовет выделит необходимые денежные средства, как на постройку специального здания (на что потребуется, примерно, 250.000 рублей), так и на содержание контингента девочек до конца года. Материальная помощь со стороны Деткомиссии ВЦИК несомненно облегчит и ускорит проведение в жизнь этого мероприятия. Нами поручено Детскому Отделу Московского Управления РК Милиции войти с соответствующим ходатайством в Московский Городской Совет.

Еще в апреле месяце специальным письмом на имя Начальников Отделов Трудовых Колоний УНКВД на местах нами было предложено всемерно усилить работу приемников-распределителей по возврату детей родителям, равным образом, мы поставили вопрос в соответствующих органах - о неудовлетворительной работе ряда мест по предупреждению детской беспризорности и безнадзорности, и в частности о плохом состоянии работы по патронированию детей.

Документ 1937 г. о детских приемниках-распределителях и о дополнительных местах в Даниловском детприемнике для девочек

Бывший Троицкий собор Данилова монастыря, где в 1920–1930-е гг. размещалась столовая, кинотеатр и жилые помещения для маленьких узников (фотография конца 1920-х – начала 1930-х гг.)

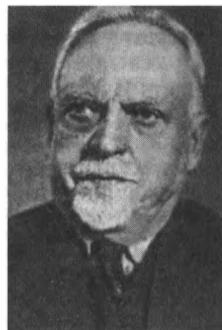
После праздничных дней множество бездомных ребят остались в семьях откликнувшихся людей, среди которых было немало знаменитостей. Однако этот красивый жест, конечно, не мог даже в малой степени решить проблемы беспризорности в стране. Никто не решался честно признать, что беспризорность середины 1930-х гг. пополнялась и за счет беглецов из полунищих детских домов, где жить было невыносимо. Но Даниловский детприемник не знал нужды в снабжении продовольствием. Как милицейское учреждение он снабжался на базах НКВД, которые к тому времени имели разветвленную снабженческую сеть.

В июне 1937 г. на имя Н. А. Семашко, который занимал тогда пост председателя деткомиссии ВЦИК, поступают от работников АХУ НКВД письма секретного содержания. Они сообщают, что усилившиеся в 1937 г. потоки беспризорных детей родителей, впавших во временную нужду, есть следствие слабой работы местных органов власти. НКВД выделяет средства, создаются новые приемники-распределители. Даже в битком набитой «Даниловке» умудряются найти дополнительную площадь на сто мест для девочек. Но ни у кого — ни у Семашко, прекрасно знавшего положение вещей, ни у какого-либо другого представителя ВЦИКа — не хватило мужества сказать, что потоки

детей «впавших во временную нужду родителей» — не результат слабой работы на местах, а следствие массовых беспримерных репрессий, оставляющих ни в чем не повинных детей сиротами¹¹.

Уже с весны 1937 г. начались новые ночные изъятия детей из квартир. Никому не было дела до шокового состояния жившего до той поры в семье «домашнего» ребенка. Резиновая «Даниловка» ухитряется пристраивать все новые и новые партии «изъятых». В комнате, где составлялись анкеты на детей, стоял истощенный рев; сапоги делопроизводителей, требующих тишины, то и дело стучали об пол. От страха дети порой начинали заикаться, забывали свои имена. Некоторым произвольно заменяли имена и возраст. Это была, конечно, намеренная акция, ведь ничего не стоило взять метрики детей во время обыска в квартире их родителей. В анкете, которую заполняли в Даниловском приемнике, не было даже пунктов «отец», «мать». Детям присваивался статус «государственных детей». А «государственным детям» надлежало забыть о прошлой жизни, будто ее не было вовсе. Только это было неподвластно руководству, неподвластно и человеческой природе.

Полина Язовская до трех лет жила с родителями в Берлине. Вернувшись в СССР, ее отец, Борис Анатольевич, стал работать на ЗИСе, занимал ответственную должность, дружил с И. А. Лихачевым. Семья жила в Ананьевском переулке, в домах для иностранных специалистов. Отец семейства с большим трудом добился и получил, наконец, советское гражданство для своей семьи. Был даже устроен банкет по этому поводу. Через день отца арестовали. Его судили и приговорили к расстрелу. После этого два года Полина еще жила с матерью. Дом с каждым днем пустел, мужчин почти не осталось. Мать Полины заметила, что за ней следят, и попросила домработницу увезти ребенка на дачу. Полине было тогда семь лет. Как-то собираясь в Москву проведать маму, Полина собрала в поле букет васильков. Они с няней приехали и увидели дверь квартиры опечатанной. Мамы уже не было. Квартиру вскрыли, и Полина с няней одну

Н. А. Семашко,
нарком
здравоохранения
в 1920-х гг.

* Полина Борисовна Язовская после «Даниловки» испытала издевательства в Краснодарском детском доме со стороны воспитателей и беспризорников, немецкую оккупацию, когда дети были брошены на произвол судьбы, жили на улице и, чтобы не умереть с голоду, побирались по немецким помойкам. Затем вместе с другими детьми ее угнали в Германию, где она батрачила на какую-то немецкую семью. Вернувшись в СССР, Полина Язовская прошла через новые муки и испытания уже у себя на родине. Не имея образования (она в силу обстоятельств могла проучиться в школе лишь год), Полина Борисовна вынуждена была работать на самой тяжелой и низкооплачиваемой работе: на лесоповале, строительстве дорог и т. п. Прошло немало лет, прежде чем ее жизнь как-то наладилась. Ныне Полина Борисовна Язовская — член Общества жертв двух тоталитарных режимов.

** Сына В. К. Блюхера Васю забрали в кинотеатре «Коллизей». Его мама в это время не была еще арестована. Можно представить себе, что она пережила, разыскивая сына.

ночь переночевали дома. Девочке было страшно, и она попросила няню лечь вместе с нею. Наутро Поля ушла и привела каких-то двух мужчин. Собрали вещи — целый чемодан. В Даниловский ехали все вместе на трамвае. Полина все время плакала. Чтобы она замолчала, ей на остановках покупали мороженое, которое она очень любила. Она съедала его и опять начинала плакать. Тогда ей снова покупали мороженое. Встретил ее в детприемнике «дядя Миша». Он сумел успокоить ребенка. Ему, очевидно, понравилась яркая, живая девочка. Он брал ее с собой при обходах территории и даже разрешал гулять в неположенное время, когда у всех был «мертвый» час. Посередине бывшего монастыря находилась цветочная клумба, казавшаяся тогда Полине огромной. Вооружившись спичечным коробком, малышка, забыв обо всем, собирала с цветов «божьих коровок». Сколько этой девочке пришлось потом пережить — трудно передать.*

«Даниловка» не знала отдыха ни днем ни ночью, с напряжением^ пропуская через себя все новые и новые потоки детей. В 1937 г. здесь принимали до двухсот и более детей в сутки. На ходу отработывалась методика на «изъятие» детей «врагов народа». Оперативный приказ НКВД СССР № 00486, подписанный наркомом Ежовым, был датирован 15 августа 1937 г. Но массовое поступление детей в приемник, как уже говорилось, началось еще в мае. По-видимому, даниловские чиновники давно получили устные установки, и все было готово для приема «политических» детей: двухъярусные нары, еда. Но до еды ли было перепуганным детям?! У многих из них на нервной почве развился ночной энурез, с которым никто из местных врачей и не думал бороться. Маленького описавшегося от переживания узника выгоняли в любую погоду во двор вместе с его подмоченным матрацем и простышкой: «Сушись, поганец!» А на улице — холодно и страшно. И еще — стыдно перед сверстниками. Засмеют.

Наряду с детьми рядовых советских граждан в «Даниловке» содержались дети известных государственных деятелей и военачальников. Сын В. К. Блюхера** соседствовал

с сыном главного редактора «Известий», бывшего «любимца партии» Н. И. Бухарина; через «Даниловку» прошли сын «самого» наркома НКВД Г. Г. Ягоды, сын начальника Главсевморпути М. Э. Крастина, падчерица наркома юстиции РСФСР В. А. Антонова-Овсеенко, сын Л. Б. Каменева, дочери А. И. Рыкова, Г. Я. Сокольниковы и многие, многие другие. Пока родители проходили все круги ада на Лубянке, в Лефортове и прочих московских тюрьмах, их дети ожидали своей участи в детприемнике.

Младенцев и детей до трех лет помещали в так называемый Дом малютки, который народ тут же окрестил Домом Малюты (Скуратова). Здесь была очень высокая смертность. Дети тут редко выживали*. Для детей «врагов народа» от трех до двенадцати лет был введен термин «социально опасные». Этот ярлык превращал осиротевших маленьких граждан своей страны в бесправные существа. Все бывшие «даниловцы» запомнили, как по прибытии в детприемник с них, детей «политических», первым делом срывали пионерский галстук. Нам сейчас трудно понять, что должны были испытывать дети, воспитанные в почитании социалистических символов, от подобного унижения.

* Этот принцип не всегда соблюдался. Очевидцы рассказывают, что в «Даниловке» встречались дети и младше трех лет, если забирали одновременно нескольких детей разного возраста из одной семьи.

*Георгий, сын ректора института Красной профессуры Рональда Дмитриева, попал в Даниловский детприемник после ареста отца и матери (отец его был расстрелян в 1936 г., мама — в 1937-м). Вместе с ним через Даниловский детприемник прошли три его сестры: Диалектина, Энергия и Мирослава. Маленький двор, где гуляли «политические», отделялся от общего двора невысоким заборчиком. Малолетние «блатняки», увидев их, словно по чьей-то команде, начинали кричать: «Троцкисты!», «Предатели!» и даже кидали в них камнями. Никто не останавливал хулиганов. Георгий спустя много лет рассказывал: «Я помню испуганного Юру Тухачевского, Раду Пятакову... Нам ежедневно показывали документальные фильмы, и это были в основном фильмы про троцкистов и процессы над ними. Рада смотрела и плакала: «Мой папа не такой». Она была очень красивая девочка»**.*

** Георгий Дмитриев получил образование, стал художником-живописцем.

Детей репрессированных чекистов ждала после «Даниловки» страшная участь, о которой мельком пишет известный публицист, бывший резидент ГРУ В. Суворов в книге «Контроль». Существовали особые закрытые «исправительно-трудовые лагеря для детей репрессированных руководителей НКВД». Кто из них выжил, кто заявил о себе, кто предъявил иск режиму?!

Сестры Рыковы незадолго до отправки в Даниловский детприемник. Вверху — Галя, внизу — Нина, 1937 г.

Комдива М. Е. Рыкова, отца Гали и Нины, арестовали в августе 1937 г., маму — в октябре того же года. В кабинете отца вскоре после его ареста поселилась женщина — полковник НКВД из аппарата Берии. А после ареста мамы в одну из двух оставшихся комнат въехал майор НКВД. Семья Рыковых жила тогда на Чистых прудах в доме военного кооператива. Девочки остались с бабушкой. Их дядюшка оформил опеку над племянницами, оказавшимися без отца и матери. Всеобщим любимцем в семье был пес с латышским именем Федус. Бабушка, горько шутя, все спрашивала его: «Скажи, Федус, неужели из-за тебя Мишу арестовали?» Дело в том, что щенок ирландского сеттера Федус принадлежал Л. Д. Троцкому, который перед отъездом из страны подарил его комкорулатышу Э. Ф. Апоге, а тот, не будучи охотником, переподарил его М. Е. Рыкову. Прошло три месяца после ареста мамы сестер Рыковых. 5 февраля 1938 г. в дом пришла женщина в летной форме и сказала, что начальник детотдела НКВД хочет поговорить с девочками. Бабушка возражала, говорила, что дети должны идти в школу, но женщина велела взять с собой учебники и обещала на обратном пути завезти девочек в школу. Только она обманула их. 14-летнюю Галию и 16-летнюю Нину отвезли прямо в Даниловский приемник. Здесь они встретили знакомых детей, соседок по дому — дочерей контр-адмирала флота Э. С. Панцержавского, Камиля Фраучи — сына А. Х. Артузова (Фраучи), братьев Красиных — сыновей сподвижника О. Ю. Шмидта, дочерей известного в те годы поэта Владимира Кириллова. После исчезновения девочек их бабушка металась по Москве, объезжая все больницы

Галя и Нина Рыковы
с любимой собакой
Федусом (август 1933 г.)

Днепропетровский
детский дом № 1.
Старшая
группа воспитанников
с директором
В. П. Леонтьевым (сидит
во втором ряду в центре)
и воспитателями.
В первом ряду – сестры
Рыковы с подопечными
младшими
воспитанниками (первая
слева – Галя, вторая
справа – Нина)

* Бабушку девочек после их отъезда немедленно выселили из дома. Знакомый уже майор занял и вторую комнату — со всеми вещами и обстановкой. Галина Михайловна Рыкова семнадцатилетней девушкой ушла на фронт, прошла с войсками зенитной артиллерии от Сталинграда до Франкфурта-на-Одере. Потом работала экономистом. Галина Михайловна — член «Мемориала» с 1989 г., член Группы М. Б. Миндлина, готовившей материалы для Книг Памяти «Бутовский полигон» и «Коммунарка». Нина Михайловна стала школьной учительницей, а в последние годы — куратором районного отделения «Мемориала».

Днепропетровский детский дом № 1. Репетиция майского парада (фотография 1940 г.)

и морги. Детей нигде не было. Через несколько дней директор школы, где учились сестры Рыковы, по секрету сообщил бабушке, что детей повезут из Даниловского приемника на Курский вокзал, а дальше — в Днепропетровский детский дом. (Это при живой-то бабушке и опекуне!) В день отъезда детей 9 февраля бабушка вызвала опекуна. Она собрала кое-какие вещи для девочек, заперла собаку, и они отправились пешком на вокзал. Федус, почуввав что-то неладное, буквально обезумел. Он перепрыгнул на соседний балкон и стал рваться к соседям. Те впустили его, он бросился к выходу и очень скоро догнал своих хозяев. На вокзале бабушке позволили передать девочкам собранные вещи. Федус страшно волновался. Когда поезд тронулся, пес взвыл и на брюхе, как будто у него отнялись ноги, пополз вслед поезду. В пути детей сопровождали две женщины и двое мужчин — сотрудники НКВД. В дороге детей хорошо кормили, вволю угощали конфетами, апельсинами. В Днепропетровском детском доме уже было человек сто таких же, как они, детей «врагов народа». А Федус, придя домой после отъезда девочек, перестал есть, пить и через три дня умер от горя. Его любящее сердце не смогло пережить столько потерь. Это под силу только человеку.*

Учетно-распределительная часть «Даниловки» имела полномочия направлять своих узников в любые детские дома и колонии страны. При распределении не учитывался резерв мест в детдомах. Переполненность детских домов была настолько велика, что для прибывающих не имелось ни коек, ни постельного белья. Да и сам Центральный Даниловский трещал по швам. Беспризорные стекались в Москву со всех концов Союза. Из-за нехватки обыкновенной столовой посуды завтрак тут длился до обеда, обед до ужина. Это продолжалось и в последующие годы, когда поток детей репрессированных родителей заметно уменьшился. С опозданием, но нашли выход из положения. Теперь ребенок, которого уводили из дома, должен был брать с собой необходимое: «две чашки, кружку, ложку, одеяло и школьный портфель с учебниками».

За 1936-й и полгода 1937 г. через Даниловский детприемник прошла масса детей. А ведь не началась еще главная акция по репрессированию, следовавшая после выхода приказа НКВД № 00447. Впереди еще были аресты по «националам», опустошавшие целые дома в Москве. Во сколько же раз должны были возрасти поступления детей в «Даниловку» во второй половине 1937-го — первой половине 1938 г.?! Но вся отчетность НКВД в 1937—1938 гг. представляла собой намеренную фальсификацию; действительные цифры «детских репрессий» сильно преуменьшались...

*Через «Даниловку» прошли племянник и племянница поэта Сергея Есенина. Их мать, Екатерина Александровна, урожденная Есенина, была родной сестрой поэта. Отец детей, оставшихся сиротами, был также поэт — Василий Наседкин. Он был арестован в 1937-м, расстрелян в 1938 г. Сестру Есенина, мать пятилетней Наташи и ее старшего брата Андрея, арестовали в 1938 г. и увезли в Бутырскую тюрьму, детей отправили в Даниловский детприемник. Распределили брата и сестру, конечно, в разные детские дома. Наташу отправили в Пензенский детский дом, брата — в другой. Екатерина Александровна была сослана в лагерь, освободилась только в 1956 г.**

* Племянница Есенина, Наталья Васильевна Есенина после всех мытарств получила высшее образование, стала химиком, кандидатом химических наук. Рассказывая о судьбе своей семьи, она сообщила, что в 1930-х гг. все родственники С. Есенина были арестованы, многие расстреляны. Как тут не признать версию, что Есенин все-таки не покончил с собой, а был убит спецслужбами?!.

* Воспитательница Александра Лукьяновна Яворская работала в Даниловском детприемнике с первых дней его основания. Она умерла в 1934 г., заразившись тифом от детей.

Чтобы выгадать площадь на территории «Даниловки», временно упразднили небольшую детскую приемную, действующую при Президиуме Верховного Совета СССР. Дети этого спецприемника жили в особых условиях. За детьми ухаживали няни, воспитатели водили их в городскую школу на Дубининской улице. Здесь оказывали материальную помощь, помогали в устройстве на работу. Но что это был за приемник внутри «Даниловки», какие именно дети в нем жили, выяснить не удалось. (Некоторые считают, что это были просто дети работавших при Даниловском детприемнике сотрудников НКВД.) Располагался спецприемник там, где теперь находятся музей по истории Свято-Данилова монастыря и комнаты для приезжих на втором этаже. Руководила этим спецотделением Александра Лукьяновна Яворская, которая, в отличие от многих других, была опытным педагогом и просто сердечным человеком. Когда спецдетприемник упразднили, она продолжала работать с детьми и на свой страх и риск всячески пресекала хулиганские выходы беспризорников по отношению к детям репрессированных*.

Встречи с малолетними правонарушителями происходили обычно в столовой бывшего Троицкого храма или во время показа кинофильмов. Не ведали малолетки — эти «квалифицированные» воры-рецидивисты, мелкие «щипачи» и побирušки, что и сами они являются точно такими же жертвами политики советской власти, как и дети «политических».

У автора этих строк в 1991 г. был любопытный разговор с бывшим председателем Совета детских домов СССР генералом И. П. Мудрагеем.

— Ты когда попал в детдом? — спрашивает генерал.

— В 1937-м.

— А, ты из этих... Какой же ты детдомовец? Я — с двух лет. На помойке меня подобрали.

— А как ты попал на помойку? — спрашиваю.

— Я что ли один? Вся Москва кишела такими, как я. Голод был. А нам власть не дала помереть, спасибо ей.

— А голод-то отчего? Смекни как следует.

— Неурожай, понятное дело, — отвечает Мудрагей.

— Голод и неурожай — вещи разные. А в «Даниловке» в те годы находились и дети «лишенцев», и дети священнослужителей, и дети офицеров царской армии.

— Куда ты гнешь, детдомовец?

— А туда я гну, товарищ генерал, что ты и сам не знаешь, как попал на помойку, и за все эти годы не поинтересовался, где твои родители и кто они.

Холодно мы расстались, но на чашку чая он все же меня пригласил — без зла, по-детдомовски. И по всему видно было, что Иван Мудрагей долго обдумывал ту нашу первую встречу. Но разыскивать отца так и не решился...

Зависело ли направление в тот или иной детдом от социальной «опасности» маленького узника?

Многолетние опросы бывших детдомовцев подтверждают, что направления писались «с потолка», без участия социально-правовых комиссий. Так что все декреты советской власти «о защите детей от насилия» были фактически дезавуированы в интересах режима.

Святые врата бывшего Данилова монастыря с надвратным храмом преподобного Симеона Столпника. Слева от врат — окна «спецприемника», назначение которого неизвестно до настоящего времени

Валерий Бронштейн незадолго до ареста родителей и помещения его в Даниловский детприемник. Справа — мать и отец Валерия (фотографии разных лет)

Папа двенадцатилетнего Валерия Бронштейна был полномочным представителем Севморпути. Он находился по делам службы на Чукотке, а летом 1937 г. приехал в Москву. 17 июня Валерия собирались отправить в деревню к бабушке Матрене. Но накануне ночью его отца, Б. А. Бронштейна, арестовали. Валерий слышал, как взрослые говорили о том, что произошло, и, лежа в постели и укрывшись с головой одеялом, пытался не плакать. После ареста отца их квартиру в доме № 5 на Каляевской улице (дом сотрудников МИДа) немедленно уплотнили. В ночь с 31 октября на 1 ноября арестовали и увезли маму. Мама просила сотрудников НКВД отвезти сына к его бабушке. Чекисты обещали. С Валерием осталась женщина, которая при аресте обыскивала его маму. Вернувшиеся чекисты со словами «теперь поехали к бабушке» забрали мальчика. Машина затормозила у высокой стены. Ребенок почувствовал что-то неладное и спросил своих сопровождающих: «Куда вы меня привезли?» «В Кремль», — «пошутили» взрослые дяди. Вся беда мальчика заключалась в том, что он был внучатым племянником Л. Д. Троцкого, все члены семьи которого планомерно уничтожались.*

* Отца Валерия вскоре после ареста расстреляли. Мать, проведя восемь лет в Карагандинских лагерях, вернулась и жила в г. Александрове, где в 1948 г. снова была арестована; отбывала срок в Мордовских лагерях до 1953 г.

Валерий, оказавшись среди спящих детей «Даниловки», решил, что его доставили в детский дом. Начитавшись в книжках, что новеньких в детдомах всегда бьют, он со страхом ждал, что будет утром, и готовился к худшему. Но утром он увидел вокруг себя таких же испуганных детей, как и он сам. Больше всего Валерия беспокоило, что его бабушка не знает, где он и что с ним. Прошло несколько дней, и как-то ночью мальчику удалось проникнуть в комнату дежурного, где был телефон. Он дождался, когда дежурный ушел со своего поста, позвонил дядюшке и успел сообщить, где он находится. Вошедший дежурный схватил ребенка за шиворот и выкинул его из комнаты; в наказание Валерий в одной легкой рубашонке всю ночь просидел на холодной лестнице. Но дело было сделано. Бабушка узнала, где ее внук, и принялась хлопотать об его освобождении и усыювлении. Валерию повезло: через месяц его забрали из Даниловского детприемника, после чего он поселился с бабушкой на ул. Кирова. В 1941 г. Валерию удалось поступить в Нефтяной институт на геолого-разведочный факультет. Осенью 1942 г. В. Б. Бронштейна забрали на фронт. Он прошел войну от Курска до Берлина, после чего вернулся в Москву и продолжил обучение. Но в 1948 г. его арестовали. Затем — Лубянка, этапы, тюрьмы, страшная пересылка порта Ванино, Колыма, Индигирка, командировки и прииски Дальстроя. Освободился он только после смерти Сталина, но еще какое-то время работал в тех краях, на полюсе холода, возглавлял экспедиции Якутского геологического управления...*

В «Даниловке», как и во всех других детприемниках-распределителях, существовала строжайшая установка на разъединение братьев и сестер; их полагалось направлять в разные детские дома и колонии. В это трудно поверить, но в оперативном приказе наркома Ежова № 00486 от 15 августа 1937 г. написано черным по белому: «Наркомы внутренних дел республик и начальники управлений НКВД

* В. Б. Бронштейн со временем стал ведущим геофизиком Производственно-геологического управления Центральных районов, курировал геологические работы Центра, читал лекции в Московском университете по геофизике. Он и его жена, на которой он женился, будучи заключенным на Колыме, стали членами «Мемориала». С начала 1990-х гг. В. Б. Бронштейн был зам. руководителя группы по увековечению памяти жертв политических репрессий. После кончины руководителя группы М. Б. Миндлина в 1998 г. В. Б. Бронштейн возглавил работу группы.

краев и областей сообщают по телеграфу лично зам. нач. АХУ НКВД СССР Мнеерсону списки детей, матери которых подвергаются аресту... В списках дети перечисляются по группам, комплектуемым с таким расчетом, чтобы в один и тот же детдом не попали дети, связанные между собой родством или знакомством»¹³. Это было самым трагическим моментом пребывания детей в детприемнике.

*У руководящего инженера-строителя А. С. Белизова было трое детей. После ареста родителей детей направили в Даниловский детприемник. Анатолию в то время было четыре года, Жоре — пять с половиной лет, Инессе — около одиннадцати. Согласно приказу НКВД, их должны были направить в разные детские учреждения. В учетно-распределительной части «Даниловки» решено было Жору отправить в один детский дом, Анатолия — в другой, а Инессу — в ДТК, т. е. детскую трудовую колонию. Дети держались друг за друга и ни за что не хотели расставаться. Особенно неистовствовала старшая, Инесса. Ее грубо отталкивали, брат кинулся защищать сестру, попало и ему. До Ельни, где была детская пересылка, дети доехали вместе. Затем их разлучили. Инессу направили в Гуляйполе, где процветали грубость, разврат, непосильный детский труд и где вновь прибывшие девочки нередко сразу же подвергались насилию со стороны подростков-правонарушителей...**

Душераздирающие сцены разъединения братьев и сестер, разрывание этой последней родственной связи, оставшейся после потери отца и матери, не поддаются описанию. По своей бесчеловечности и жестокости эти сцены превосходили все, что можно себе представить страшного в российской истории. Некоторые особенно впечатлительные дети, не дожидаясь новых страданий, добровольно уходили из жизни. Так, повесился в Даниловском детприемнике сын арестованного и расстрелянного директора ТАСС В. Б. Изасона, покончил с собой сын директора Челябинского тракторного завода. Были и другие случаи. Дети уходили из жизни, поняв, что положение их безысходно...

* Дальнейший жизненный путь А. С. Белизова, к сожалению, нам неизвестен.

«Воронок» на тюремном дворе. Путь на расстрел арестованных родителей лежал через московские тюрьмы, путь их детей – через Даниловский приемник – в детские дома и колонии

Теперь, на склоне лет, осмыслив происшедшее, мы, бывшие детдомовцы, понимаем, что понятия «плохой» или «хороший» детский дом — это понятия относительные. Все зависело от руководства детдома, иногда — от какого-нибудь одного воспитателя, а не оттого, был детдом привилегированным или обычным. Да, имелись разные спецдетдома, например, были детдома для детей комсостава РККА, для детей репрессированных лидеров братских партий. Но это мало что меняло в жизни детей. Простое человеческое участие, понимание и доверие со стороны воспитателя подчас были для маленьких изгоев важнее хлеба насущного.

Исключением являлся Днепропетровский спецдетдом № 1, принявший из «Даниловки» детей руководящих работников и военачальников. Но именно в некоторых привилегированных детдомах были начаты расследования о «контрреволюционных, пораженческих и террористических высказываниях» воспитанников, якобы решивших «мстить за отцов». Было предложено арестовать ряд подростков Нижне-Исетского детдома Свердловской области, назывались имена детей Тухачевского, Гамарника, Уборевича и др. В приказе НКВД от 20.05.1938 г. говорилось, что «делу правильного воспитания детей репрессированных и создания здоровой обстановки»... в ряде детских домов «не уделяют почти никакого внимания, в результате чего имеет место враждебное отношение к детям репрессированных, переходящее в случаи прямого издевательства над ними». Вот еще несколько строк из того же приказа: «В Федоровском детдоме Кустанайской области Казахской ССР имеют место массовые побеги детей репрессированных родителей. Дети не занимаются, т. к. их избивают школь-

Бывший монастырь
в конце ул. Чичерина,
на окраине
Днепропетровска,
где расположился
детский дом № 1
для привилегированных
детей

ники-хулиганы. Наблюдаются массовые дебоши. Дети репрессированных К. и С. были изнасилованы взрослыми воспитанниками. В столовой детдома на 212 детей имеются всего 12 ложек и 20 тарелок. В спальне — один матрац на троих. Дети спят в одежде и обуви»...¹⁴.

Ушел в прошлое 1937 г. Наступил 1938-й. Количество детей, поступающих в Даниловский детприемник, все не сокращалось.

После ареста родителей в конце 1937-го — начале 1938 г. одиннадцатилетняя литовка, дочь секретаря Истринского райкома ВКП(б) Альдона Волинская осталась одна. Подруга матери, к которой она прибежала за помощью, конечно, не могла ей ничем помочь. Через три дня, которые Альдона провела дома в полном одиночестве, за ней приехали на «эмке». Сопровождали девочку двое мужчин и женщина. Альдоне разрешили взять с собой детские вещи и портфель с учебниками. Она очень любила читать и попросила, чтобы ей позволили взять еще две книжки — томик Чехова и томик Пушкина. По дороге она двумя руками прижимала к груди эти книжки, как будто это было самое дорогое для нее теперь. Подъехали к Даниловскому. Сначала въехали в одни ворота, затем в другие. После заполнения анкеты в каком-то помещении девочку отвели в подвал, где ее сфотографировали в фас и профиль, прикрепив перед этим к одежде буквы ЧСИР (т. е. «член семьи изменника Родины»), затем сняли отпечатки пальчиков. Все это было непонятно и почему-то немного стыдно, хотя Альдона тогда и не знала, что отпечатки пальцев снимают у преступников. Книжки свои она больше не видела; они сразу же пропали. Альдона провела в «Даниловке» примерно неделю. Один раз детям показывали какой-то фильм. Он не запомнился, зато запомнились дети-«блатняжки». Они сидели отдельной группой, одетые одинаково — в белых майках и синих трусиках. И одна девочка вдруг продемонстрировала этим ничего не понимающим маменькиным сышкам и дочкам татуировку

* Альдону Вольтинскую вместе с другими детьми угнали в Германию. Она бежала с двумя подругами. Их поймали почти у границы России и полтора года переводили из тюрьмы в тюрьму на территории Германии. В одной из тюрем койки на весь день поднимались к стене и запирались. Сидеть на полу разрешалось только во время еды. Посреди пустой камеры был встроен унитаз. Он же служил умывальником и тазиком для стирки. Затем девочек препроводили в концлагерь Мессе, а из него — в отделение гестапо г. Кельна, где они провели около двух недель. Там до утра раздавались душераздирающие крики: где-то рядом пытали людей. Многие дети, не выдержав голода и мучений, умирали. Известно, что из каждых десяти угнанных в Германию детей возвратился один. Ныне Альдона Владимировна Вольтинская — председатель созданного ею в 1994 г. Общества жертв двух тоталитарных режимов.

** Айну Саулит в 1942 г. вместе с другими детьми угнали в Германию, где она в течение нескольких лет работала на фабрике. Пленных советских детей и подростков, несмотря на их крайнюю истощенность, регулярно использовали как доноров. Ныне Айна Кришьяновна Саулит — член Общества жертв двух тоталитарных режимов.

на груди — сердце, пронзенное стрелой.

*«Политические» были, конечно, шокированы. Детей распределили в Одесскую область, в спецдетдом для репрессированных под названием «Березки». Восемь детей вывозили из «Даниловки» на «воронке» в сопровождении трех мужчин и женщины. В поезде детям приказано было говорить, что они едут в «Артек», сопровождающие их охранники демонстративно угощали детей шоколадными конфетами...**

Примерно в те же дни в Даниловский детприемник привезли латышскую девочку, одиннадцатилетнюю Айну Саулит.

*После ареста отца Айны — Кришьяна Кришьяновича Саулита, сотрудника Просветительского общества «Прометей» и заведующего отделом массового заочного обучения при ЦК ВКП(б), в опечатанную отцовскую комнату въехал чекист. Предвидя судьбу матери и дочери, он предлагал отправить их к своим родителям в другой город. Должно быть, он немало рисковал при этом. Мама Айны, не чувствуя себя виновной, не соглашалась. Вскоре за ней пришли. Во время ареста и обыска мама сумела незаметно сунуть дочке какую-то денежную купюру и две маленькие фотографии: свою и мужа. Маму отправили в Бутырку, девочку — в Даниловский приемник. Как и Альдона Вольтинская, она прошла фотографирование, у нее взяли отпечатки пальчиков. Деньги, а заодно и фотографии папы и мамы сразу же пропали. Потерю денег Айна и не заметила, но потерю фотографий невозможно было перенести. Айна рыдала, и никто не мог ее утешить. Даже теперь она не может вспоминать об этом без слез. Айна пробыла в детприемнике около недели. Затем их, человек двадцать, отправили в закрытом фургоне на вокзал, а дальше — в тот же детский дом «Березки», куда недавно была направлена и Альдона**.*

В марте—апреле 1938 г. на стол начальника отдела трудовых колоний (ОТК) НКВД продолжали поступать сводки о значительном росте беспризорности. И доморощенным аналитикам приходилось ломать головы, сочиняя нелепые объяснения по этому поводу. Строго засекреченные (до этого времени!) отчеты находили причину роста беспризорности в «благодущии» по отношению к детям, «потери бдительности». Бегство из детских домов по-настоящему всколыхнуло только Наркомпрос, на который разрешалось все валить: дескать, Наркомпрос не справился со своей задачей, повторно нагружая приемники и детдома «беглецами»¹⁵. Львиная доля их пришлась на Даниловский детприемник. Выход был найден, характерный для того времени. С 3 августа 1938 г. вступил в силу секретный совместный приказ наркома внутренних дел СССР и наркома просвещения РСФСР № 0144. Пункт пятый приказа гласил: «Детей репрессированных родителей, представляющих социальную опасность, систематически нарушающих порядок и дисциплину, хулиганствующих и не поддающихся исправлению в условиях детского дома обычного типа, — привлекать к ответственности и направлять в трудовые колонии и лагеря НКВД в общеустановленном порядке».

Состав детей в 1937—1938 гг. претерпел значительные изменения. Если в конце 1920-х — начале 1930-х гг. обитателями детприемника были в основном дети крестьян-

Даниловский
детприемник.
Охранники у ворот
в ожидании новых
жертв — детей
репрессированных
родителей
(фотография 1937 г.)

переселенцев и административно высланных, то в 1937—1938 гг. это были дети московских служащих, военачальников, чекистов, руководящих работников.

Плотность репрессий в Москве была наивысшей. Это значит, что большинство детей, прошедших через Даниловский приемник в эти и последующие годы, были детьми родителей, расстрелянных в тюрьмах Москвы и на подмосковных спецобъектах: в «Коммунарке» и на Бутовском полигоне...

Одиннадцатилетний Виктор Иоэльс попал в Даниловский детприемник в октябре 1939 г. и находился там целый год — до осени 1940 г.

Виктору, сыну заместителя наркома химической промышленности М. Е. Иоэльса, запомнились решетки на окнах и двухъярусные нары в Троицком соборе. Раз в неделю приходил взрослый «зек»-гармонист. Детей под гармонь заставляли петь песни, все больше народные. Регулярно показывали кинофильмы в этом же храме. Школьных занятий не проводилось. Режим, как это можно теперь понять, в эти годы был тюремный. Ни во двор, ни тем более на улицу выходить не разрешалось, сообщения между этажами не было. Гуляли под присмотром воспитательниц. Их было человек пятьдесят, по большей части жены чекистов. Перед выходом делали перекличку, тщательно считали детей. Гуляли в каком-то выгороженном закрывом пространстве, на котором не росло ни кустика, ни травинки. Посреди двора находилась песочница для малышек. По периметру стояла охрана с собаками, машины и мотоциклы. Маленькие узники быстро постигали науку неволи. Они экономили и прятали в укромных местах сухари и сахар, и когда кого-то из них вызывали «с вещами» на выход, они снабжали своего товарища этими припасами и свали ему записочки для передачи своим родным. По перед выходом на вахте производился, как у взрослых заключенных, настоящий «шмон», и все это у детей отбиралось.*

* Виктор Михайлович Иоэльс был найден матерью в Даниловском детприемнике только через год. Его мать во время ареста мужа и «изъятия» ребенка была в командировке. В. М. Иоэльс впоследствии стал квалифицированным мастером печати и шелкографии.

Опыт по изъятию, изоляции, распределению и учету детей репрессированных был закреплен в ряде нормативных документов НКВД, которые до сих пор еще не изучены. Но собственный архив Даниловского детприемника за 1928—1940 гг. утерян в годы войны во время эвакуации в г. Горький. Утраченными во время бомбежки оказались и личные карточки с личными счетами сотрудников НКВД. Версию о бомбежке подтвердили многие бывшие сотрудники, которых уже нет в живых. Неизвестно, кто из детей возвратился в 1942 г. на свои прежние места, кто — нет.

В 1934—1941 гг. Даниловский детприемник возглавлял М. М. Стариков (Старинов), с 1941 г. — В. К. Климов, который находился вместе с воспитанниками в эвакуации в Горьком, а затем вернулся с ними в Москву в 1942 г. Только за этот 1942 г. через детприемник прошло 43 тыс. детей, потерявших родителей на войне. В военные годы не могли найти воспитателей для «Даниловки». А после войны Московский горком партии отобрал молодых учителей-комсомольцев для работы в детприемнике. Тогда пришли на работу А. Т. Семенова, К. Д. Шувалова, Л. А. Кухарева, Е. Д. Кулагина, В. А. Макарецва, Н. М. Полубинская.

В первые послевоенные годы детей-сирот стало еще больше. Детприемник функционировал в прежнем своем качестве до 1986 г., после чего древнейший московский монастырь был передан Церкви. Реставрационные работы заняли три года. В 1989 г. монастырь был открыт. Центральный детприемник-распределитель переехал на Алтуфьевское шоссе. В 1993 г. Указом Президента детприемник был реорганизован в Центр временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей*.

Большинство детей, воспитанников детдомов 1920-х, 1930—1950-х гг., прошедших через намеренно ложное анкетирование, так и не смогли впоследствии найти своих родителей, братьев и сестер. То же относится и к матерям, которые после освобождения из сталинских концлагерей десятилетиями безуспешно разыскивали своих детей**. А бывало и так: матери, благодаря невероятным усилиям, все-таки находили своих детей. Но те, воспитанные в детских домах и приемниках-распределителях в ненависти к своим родителям — «врагам народа», случалось, не могли найти с родителями общего языка.

* Ныне в нем содержится одновременно 300—350 детей от трех до восемнадцати лет, за год проходит более 6 тыс. детей. С первых дней образования Центра Данилов монастырь опекал его. В октябре 1996 г. по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в приемнике на Алтуфьевском шоссе открыт домовый храм в честь преподобномученицы вел. кн. Елисаветы Феодоровны. (Лапшин Ю. ЦВИНП — Центр временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей при ГУВД города Москвы // Даниловский благовестник. 2000. Вып. 11. С. 25—26)

** Вдова В. К. Блюхера, Глафира, так и не нашла своего младшего сына Василия.

Так искоренялись вековые устои, рушились родовые семейные традиции. И ради чего?! Ради кого? ?!

Отнято, украдено детство. Более шестидесяти лет прошло с тех пор, как приезжали за нашими отцами, матерями, а в памяти будто вчера это было. И слезы наворачиваются на глаза. Не можем мы забыть то страшное время...

14 июня 1991 г. состоялась встреча председателя КГБ СССР В. А. Крючкова с членами московского общества «Мемориал». Участник встречи, бывший лагерник В. А. Булгаков, обращаясь к Крючкову, сказал: «...Вы находитесь только еще на полпути к осознанию того, что происходило и происходит в стране... Сегодня нам приходится сталкиваться с вопросами, которые тянутся из прошлого уже в четвертое поколение. Есть, например, люди — их довольно много, которые, получив психическую травму во время ареста 1937—1938 гг., передают ее по наследству».

Именно этим поколениям мы посвящаем свои исследования, свои воспоминания...

Поминальная часовня,
сооруженная
в возрожденном
Свято-Даниловом
монастыре.
Здесь молятся о сиротах,
прошедших
через «Даниловку»,
и об умерших
безвестных
детях, захороненных
на территории
монастыря

О. И. Павлова

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК МИТРОПОЛИТ СЕРАФИМ (ЧИЧАГОВ)

В двадцатом веке Россия дала миру сонм мучеников, который и по подвигу, и по численности сопоставим с подвигом первых христиан. Именно их молитвами мы можем объяснить, что Церковь Христова устояла и врата ада не одолели ее. Среди мучеников, к которым мы обращаемся молитвенно, особое место занимает митрополит Серафим (Чичагов). Зная жизнь преосвященного митрополита Серафима, можно с уверенностью сказать, что он был избранником Божиим, все перипетии его жизни свидетельствуют об этом.

Священномученик митрополит Серафим (в миру Леонид Михайлович Чичагов) родился 9 января 1856 г. в Санкт-Петербурге, в семье полковника артиллерии Михаила Ни-

Левая фотография – братья Чичаговы в детстве

Слева – Николай, справа – Леонид, нач. 1890-х гг.

Правая фотография – артиллерийский офицер Леонид Михайлович Чичагов участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

кифоровича и Марии Николаевны Чичаговых. Представители знаменитого дворянского рода Чичаговых вписали много славных страниц в историю Отечества. Среди выдающихся предков Л. М. Чичагова — знаменитый В. Я. Чичагов (1726—1809), один из первых исследователей Арктики, приближенный Екатерины II, и адмирал П. В. Чичагов (1767—1849) — морской министр России, видный участник Отечественной войны 1812 г.

Леонид Михайлович Чичагов был человеком высокой культуры, разносторонних талантов. Он был проповедник и богослов, духовный писатель, историк, художник и музыкант, врач, создавший собственную систему лечения. Он обладал энциклопедическими знаниями и оставил после себя много трудов по богословию, истории, медицине, а также написанные им иконы и музыкальные произведения. Его трудами прославлен великий русский молитвенник и чудотворец преподобный Серафим Саровский.

Подобно многим своим предкам, в начале жизненного пути Леонид Чичагов выбрал профессию военного. Получив образование в Первой Санкт-Петербургской классической гимназии, он поступил в 1870 г. в Пажеский, его императорского величества, корпус с причислением к пажам высочайшего двора. Это дало ему возможность получить фундаментальное военное и общее образование. По окончании Пажеского корпуса по 1-му разряду он был причислен к артиллерийской бригаде Преображенского полка, и с этого времени начинается его военная карьера; от прапорщика он дослужился до полковника.

В 1877—1878 гг. Л. М. Чичагов был активным участником и историографом событий русско-турецкой войны. Молодой офицер сражался с турками в отряде генерала И. В. Гурко, участвовал во взятии Телиша, в переходе через Балканы, сражении под Горным Дубняком и под Филиппополем. Предельно точно поставленные орудия батареи Чичагова наносили разящие удары по расположению турецких войск, и после нескольких выстрелов противник оставлял свои позиции. Леонид Михайлович зарекомендовал себя чрезвычайно храбрым и распорядительным офицером, его особо отмечал генерал М. Д. Скобелев*.

За боевые заслуги в русско-турецкой войне и другие военные и гражданские заслуги Л. М. Чичагов был удостоен четырнадцати российских и иностранных орденов и зна-

* М. Д. Скобелев (1843—1882), русский генерал от инфантерии. Участвовал в завоевании Средней Азии. В годы русско-турецкой войны (1877—1878) успешно командовал отрядом под Плевной, затем был командующим дивизией в сражении при Шипке.

Святой праведный
Иоанн Кронштадтский,
один из самых
почитаемых святых
Русской Православной
Церкви, оказавший
огромное влияние
на судьбу многих
известных и безвестных
верующих людей

ков отличия*. Наблюдения и размышления молодого офицера Л. М. Чичагова запечатлены в ряде замечательных военно-исторических трудов, наиболее крупным из которых является «Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 г.».

В этот период Л. М. Чичагов сделал глубокий вывод из своих размышлений о жизни и смерти, о нравственной стороне страданий. Вывод этот: «Сила не в силе, а сила — в любви». Желание помогать страждущим привело его к глубокому изучению истории медицины, целебных свойств растений и впоследствии — к разработке собственной методики лечения, которую он подробно описал в фундаментальном труде «Медицинские беседы»**.

Фармакология, предложенная Л. М. Чичаговым, основана на растительных средствах. Он признавал могущество природы выше человеческих изобретений. Им было пролечено с хорошими результатами около 20 тысяч больных. В эти же годы Л. М. Чичагов начал систематически заниматься изучением богословских наук.

Промысл Божий, хранивший поручика Л. М. Чичагова от смерти и ранений, привел его вскоре после возвращения в Санкт-Петербург в 1878 г. к встрече с великим пастырем Русской Православной Церкви святым праведным

* В числе наград Л. М. Чичагова были ордена: Святой Анны 1-й, 2-й, 3-й и 4-й степени, Святого Станислава 2-й и 3-й степени.

** В 1999 г. переиздан двухтомник Л. М. Чичагова «Медицинские беседы» (общим объемом в 1500 стр.). Этот труд пользуется большим спросом у врачей-профессионалов.

Леонид Михайлович
Чичагов с супругой
Наташей Николаевной
(урожд. Дохтуровой).
Около 1880 г.

Иоанном Кронштадтским. Отец Иоанн стал для молодого офицера непрекаемым духовным авторитетом. С того времени жизненно важные решения Леонид Михайлович принимал только по благословию святого праведного Иоанна Кронштадтского, с которым он в течение 30 лет находился в тесном духовном общении. Об их взаимоотношениях владыка Серафим рассказывал впоследствии в одном из своих писем: «Всю жизнь я не делал шага без его благословения... При такой давней связи моей с ним мы уже понимали друг друга взглядами и намеками»¹.

Главные повороты судьбы Л. М. Чичагова — женитьба, смена военной карьеры на священническое служение, а затем монашество — произошли по его глубокому послушанию своему духовнику.

8 апреля 1879 г. Леонид Михайлович вступил в брак с дочерью камергера двора его императорского величества Наталией Николаевной Дохтуровой, которая была внучатой племянницей героя Отечественной войны 1812 г. Дмитрия Сергеевича Дохтурова.

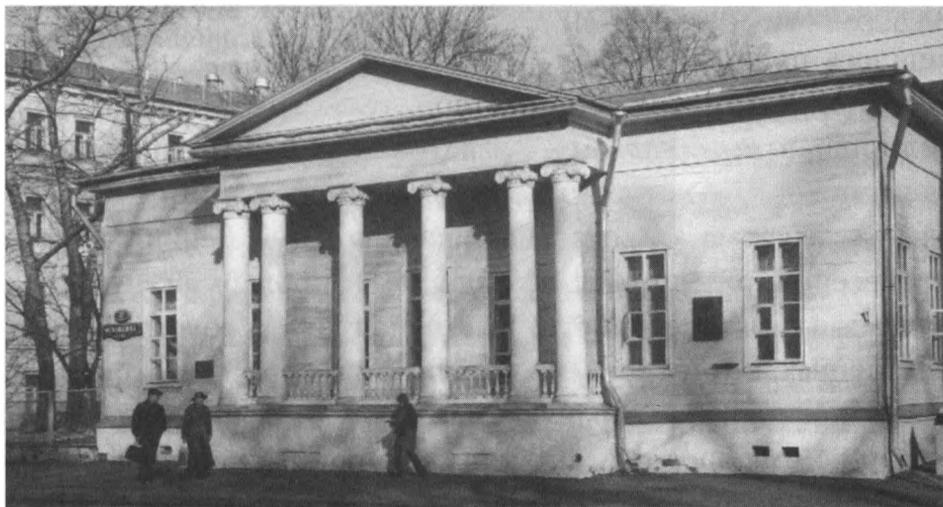
В 1881 г. Леонида Михайловича как признанного специалиста в артиллерийском деле направили в Париж на маневры французских войск. Вернувшись в Россию, он опубликовал актуальную для того времени книгу «Французская артиллерия в 1882 г.». Получив во Франции архив семьи Чичаговых от своей кузины Екатерины Павловны де Бузе, Л. М. Чичагов систематизирует материал, снабжает его комментариями и публикует отдельные брошюры и главы «Чичаговы» в журнале «Русская старина».

Но военная карьера не удовлетворяла Л. М. Чичагова, и в 1890 г. он по благословению своего духовника принимает решение стать священником, выходит в отставку в звании гвардии штабс-капитана и менее чем через год, с учетом высоких наград за прошлую безупречную службу, производится в чин полковника.

Решение Л. М. Чичагова оставить военную службу после шестнадцати лет блестящей военной карьеры и стать священником вызвало удивление и осуждение друзей и родных. Наталия Николаевна тяжело переживала решение мужа, однако отец Иоанн Кронштадтский в личной беседе сумел убедить ее не противиться воле Божией и дать согласие на принятие сана. Выйдя в отставку, Леонид Михайлович с семьей переехал в Москву и стал готовиться к рукоположению.

Об этом тяжелом для семьи времени владыка позже писал в одном из писем: «...что только я не перенес в свое время, поставив бедную жену в положение субъекта,

Дом № 37
по ул. Остоженке
в Москве, в котором
в 1890-х гг. жила
семья Леонида
Михайловича
после переезда
из С.-Петербурга

После принятия сана.
Священник Леонид
Чичагов.
Середина 1890-х гг.

которого только ленивый не атаковал за мое увлечение о. Иоанном, за порчу карьеры, потерю пенсии, прав для детей и т. п.»².

26 февраля 1893 г. Л. М. Чичагов был посвящен в сан дьякона, а через два дня — в иерея и приписан к кремлевской синодальной церкви Двенадцати апостолов. В этом храме перед тем многие годы размещалась Синодальная ризница и не было богослужения. Отец Леонид сделал основательный ремонт в приделе апостола Филиппа (деньги пришлось отрывать от семьи, и без того с трудом мирившейся со всем происходящим). В ноябре 1893 г. в храме возобновились службы, и батюшка был награжден бархатной скуфьей и набедренником. Через два года ему поручили духовное окормление военнослужащих артиллерийского ведомства Московского военного округа. Со свойственной ему энергией он взялся за реставрацию храма во имя свт. Николая на Старом Ваганькове, в котором ему предстояло служить. Эта церковь принадлежала Румянцевскому музею и в те-

чение тридцати лет стояла закрытой. О. Леонид не только восстановил храм (частью на собственные средства), но благоукрасил и расписал его сам, о чем свидетельствуют многие из сохранившихся росписей*.

В 1895 г. отца Леонида постигло личное горе: от дифтерита умерла его супруга. Батюшка похоронил ее в Дивееве на монастырском кладбище, а рядом приготовил место для себя.

14 августа 1898 г. отец Леонид принимает монашество; его постригают в мантию в Троице-Сергиевой Лавре с именем Серафим — в честь преподобного Серафима Саровского.

* Росписи сщмч. Серафима (Чичагова) чудом сохранились. Ныне после многолетнего перерыва храм свт. Николая открылся для богослужений.

Храм свт. Николая в Старом Ваганькове в Москве. Здесь о. Леонид служил в 1896–1897 гг., реставрировал и расписывал своды храма

* Годы служения владыки Серафима (Чичагова) охватывают период с 1893 по 1933 г.

Много испытаний и скорбей было в жизни Л. М. Чичагова, особенно после принятия священнического сана, безвременной кончины жены и его ухода из мира. Один пред Богом и людьми, не понятый военными и дворянскими аристократическими кругами и не принятый церковной иерархией, он тем не менее самоотверженно исполняет долг священнического и архиерейского служения.

За сорок лет своего служения* владыка Серафим трудился во многих местах России: в Москве, Троице-Сергиевой Лавре, Суздале, Новом Иерусалиме, Сухуми, Орле, Кишиневе, Твери, Ленинграде. И на каждом месте своего служения, во всех вверенных ему епархиях владыка Серафим занимался восстановлением разрушенных храмов и монастырей, возрождением духовной жизни народа; он бесстрашно выступал на борьбу с революционной смутой, сектантством и расколами всякого рода — за чистоту Православия, деятельно занимался устройством церковно-приходской жизни.

В августе 1899 г. отца Серафима назначили, с возведением в сан архимандрита, настоятелем Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря. «Настоящая моя обитель, — писал он впоследствии, — древняя Лавра... без всяких средств, забытая и заброшенная, но первоклассная, представляла из себя громадное разрушенное пространство с оградой в 1,5 версты и с 13-ю падающими башнями. Знаменитая и страшная крепость, называемая ныне духовною тюрьмою, оказалось, не была капитально отремонтирована около 100 лет и вмещала в себя несчастных, расстроенных психически священнослужителей... Не прошло 2,5 лет моего настоятельства, и обитель совершенно возродилась, я собрал до 100 тысяч на ремонт, упробил В. К. Саблера** дать 6 тысяч на реставрацию тюрьмы, и теперь Евфимиевский монастырь возрожден, тюрьма обратилась в скит и невинные выпущены на волю. Благодарение Господу, — я свое назначение исполнил. Но что будет дальше?.. Теперь буду ждать, как отнесется Синод к моим трудам в Суздале. Неужели так же, как и к моим работам в Московском Кремле, когда я возобновлял также на свои средства все Патриаршие Храмы*** и келии?.. Как же тогда я страдал, потому что я дворянин, не имеющий протекций в духовной Иерархии, так и теперь испытываю отсутствие покровительства Митрополитов и Прокуроров»³.

** В годы возрождения владыкой Спасо-Евфимиевского монастыря В. К. Саблер (1847—1929) был товарищем обер-прокурора Святейшего Синода; в 1911—1915 гг. являлся обер-прокурором. В 1925 г. был арестован и сослан в Тверь, умер в ссылке в одиночестве и нищете, могила его неизвестна.

*** Сохранена орфография подлинника.

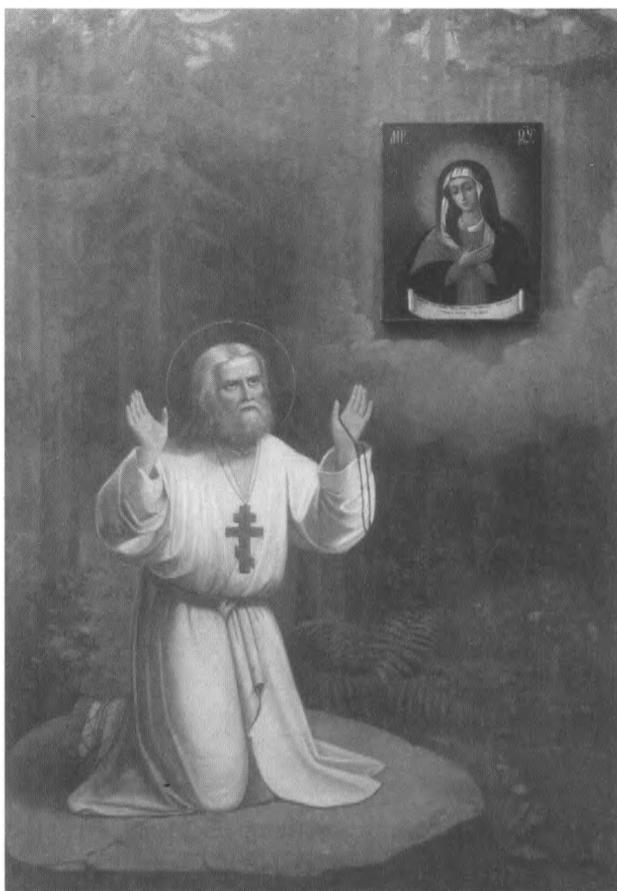

Владыка Серафим
(Чичагов) в сане
архимандрита
(фотография после
1899 г.)

Помимо настоятельских трудов, архимандрит Серафим был назначен благочинным монастырей Владимирской епархии. В этот же период он занимается организацией прославления преподобного Серафима Саровского*. Повеление от старца Серафима о необходимости его прославления было передано Л. М. Чичагову через дивеевскую блаженную, которая имела непосредственное общение с преподобным при его жизни. «Я тебя давно поджидаю, — сказала блаженная Л. М. Чичагову, — преподобный Серафим велел тебе передать, чтобы ты доложил государю, что наступило время открытия его мощей и прославления».

Владыка Серафим выполнил это послушание от преподобного со всем присущим ему усердием и талантом. Прежде всего он изучил архивы Саровской пустыни и Дивеевского монастыря — все, относящееся к жизни, подвигам и трудам дивного старца, и составил «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря». «Летопись» имела особое значение для прославления, так как она открыла всей России величие благодатных даров преподобного.

* Преподобный Серафим Саровский глубоко почитался всей семьей Чичаговых. Имена в честь святого получили при пострижении в монашество сам владыка, две его дочери, Наталия и Леонида, и его внучка (Варвара Васильевна Черная).

Преподобный Серафим Саровский, молящийся на камне. Икона написана владыкой Серафимом (Чичаговым). Оригинал находится в московском храме пророка Илии, что в Обыденском пер.

По завершении «Летописи» владыка Серафим сподобился благодарственного посещения преподобного, который сказал ему: «Проси у меня все, что хочешь за нее». «Только всегда быть около Вас», — ответил архимандрит Серафим.

Владыка Серафим участвовал в двукратном освидетельствовании честных останков преподобного. Усердием и трудами владыки в 1902 г. была доставлена в дар от государя и возжена неугасимая лампада перед иконой «Умиление» в Троицком соборе Дивеевского монастыря, проведены большие подготовительные работы, связанные с торжествами прославления и приемом 300 тысяч паломников и богомольцев. По высочайшему поручению Святейшего Синода владыка Серафим разработал подробный церемониал торжественного открытия святых мощей преподобного, составил его «Житие», а также «Слово в день прославления».

Торжества прославления преподобного Серафима Саровского в Сарове. В центре – царственная чета: государь Николай II и государыня Александра Федоровна. Слева от них – архимандрит Серафим, 1903 г.

Крестный ход с иконой Божией Матери «Умиление». Справа от иконы – архимандрит Серафим, 1903 г.

ния Серафима Саровского», которое произносилось в храмах и на службах, принял участие в составлении акафиста преподобному. В награду за эти труды владыка Серафим получил митру от государя императора и был избран почетным членом нескольких обществ хоругвеносцев.

В 1904 г. архимандрит Серафим был вынужден оставить восстановленную им суздальскую обитель, не успев завершить подготовку к празднованию 500-летнего юбилея ее основателя, святого Евфимия Суздальского. Архимандрит Серафим был назначен настоятелем Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, находившегося в совершенно запущенном состоянии. Он предпринял все возможные меры для проведения срочного ремонта мона-

Дочери владыки Серафима. Слева направо – инокиня Вера, Леонида, Екатерина, Наталия. Начало 1900-х гг.

Воскресенский
Ново-Иерусалимский
монастырь, в котором
в 1904-1905 гг.
настоятельством
владыка Серафим

стыря, в том числе зданий, в которых более 200 лет не было капитального ремонта. Были отремонтированы каменная монастырская ограда с колоннами, Воскресенский собор, имеющий 29 приделов с тремя каменными лестницами, Рождественский храм, переустроена главная монастырская ризница и другие помещения. По монастырю проложена бетонная насыпная дорога, тротуары, проведен новый водопровод. Отец Серафим переустроил монастырский музей и дополнил его коллекцию пожертвованными им самим портретами. В короткий срок — с апреля по ноябрь 1904 г. — в монастыре были произведены грандиозные по объему ремонтно-реставрационные работы, которые владыка Серафим оценивал как возобновление всей обители*.

28 апреля 1905 г. архимандрит Серафим был хиротонисан во епископа Сухумского. В своем слове при наречении владыка определил свой жизненный путь. Он сказал: «Скорби — это лучшие провозвестники воли Божией, и от начала века они служили людям знаменем избрания Божия... Поэтому жизнь людей, взятых неожиданно из мира и поставленных на духовный путь, особенно многотрудна и многоскорбна... Иные опоясывали меня и вели туда, куда я не ожидал и не мечтал идти, а эти люди были, конечно, высокой духовной жизни. Когда по их святым молитвам во мне открылось сознание, что Сам Господь требует от меня

* Один только перечень ремонтных и реставрационных работ, произведенных в течение лета 1904 г., занимает несколько страниц акта о приеме выполненных работ.

Преподобный
епископ Серафим
(фотография после
1905 г.)

такой перемены в пути, ради его Божественных целей, что это необходимо для всей моей будущей жизни, для предназначенных мне испытаний и скорбей, для моего сораспятия Христу, что, несмотря ни на какие препятствия, поставленные мне миром, я исполнил святое послушание и сначала принял священство, а по вдовстве — монашество... Сам Господь оправдал мое монашество в ближайшем моем участии в прославлении великого чудотворца преподобного Серафима»⁴.

В Грузии епископ Серафим столкнулся с проявлениями местного национализма, который всколыхнула революция 1905 г. На Сухумской кафедре он пробыл недолго — в начале 1906 г. его перевели в Орел. С этого момента начались его испытания, связанные с революционной смутой, начавшейся в России. Особенно напряженно борьба за духовное возрождение народа велась в Орловской епархии, где фабричные и сельские выступления, а также бесчинства молодежи в 1906—1908 гг. достигли крайней степени.

Владыка Серафим бесстрашно выступил на борьбу со смутой, несмотря на получаемые им угрозы. Он берет на себя труд личного объезда всех городов и сел двенадцати

уездов епархии, устраивает пастырские собрания духовенства и мирян, ведет беседы с клиром и миром в залах Думы. Организованная епископом открытая полемика сторон принесла, по мнению владыки Серафима, «громадную пользу: после таких совещаний невольно начало возрождаться единение между прихожанами и пастырями». «Трудно поднимать духовенство, но мир поможет, если епископы будут жертвовать собой»⁵, — говорил владыка Серафим и осуществлял это на деле.

Владыка Серафим еще в прежние годы поднимал вопрос о необходимости оживления приходов; поэтому при назначении его на Орловскую кафедру он сразу начал осуществлять принятое 18 ноября 1905 г. предложение Святейшего Синода о возрождении приходской жизни. Из старших и лучших членов приходов он организовывал приходские советы храмов, которые должны были не только готовить все необходимое для богослужения, но и решать духовно-просветительские и социально-благотворительные задачи, стоящие перед приходами, в частности, создавать больницы, библиотеки, школы и т. п. Современники называли преосвященного Серафима «великим объединителем прихода», период его управления — «самой блестящей страницей в летописях Орловской епархии за двести лет ее исторического существования». За труды по оживлению и организации прихода государь Николай II наградил 23 мая 1908 г. епископа Серафима (Чичагова) орденом Святой Анны 1-й степени.

Духовная связь владыки Серафима с отцом Иоанном Кронштадтским не прерывалась. В 1907 г. епископ Орловский и Севский Серафим вместе с епископом Гермогеном (Долгановым) * выступили в защиту своего дорогого батюшки Иоанна от клеветников. В Петербурге шла злобная пьеса некоего Протопопова «Черные вороны», в которой высмеивался о. Иоанн и его последователи. Митрополит Московский Владимир (Богоявленский) и оба епископа приехали в Кронштадт, навестили батюшку, отслужили литургию в Андреевском соборе Кронштадта, произносили пламенные проповеди, раздавали листовки в защиту протоиерея Иоанна. Те же действия они предприняли в Петербурге, вернувшись из Кронштадта. Кошунственная пьеса была запрещена⁶. Святой праведный Иоанн Кронштадтский незадолго до своей смерти, благословляя влады-

* Священномученик Гермоген (Долганов), епископ Тобольский и Сибирский, погиб в 1918 г. — безбожники утопили его. Память его совершается 16/29 июня.

ку Серафима иконой в последний раз, сказал удивительные слова: «Я могу умереть покойно теперь, ты и Гермоген будете продолжать мое дело, бороться за Православие!»⁷.

16 сентября 1908 г. епископа Серафима перевели на Кишиневскую кафедру. Активно и неутомимо трудился преосвященный Серафим по управлению Кишиневской епархией. Согласно «Обозрению епархии, совершенному преосвященным Серафимом, епископом Кишиневским и Хотинским, с 27 апреля по 5 мая сего 1910 г.», владыка Серафим посетил восемнадцать сел и два города, проехав за девять дней 355 верст по сухому пути, 100 — по воде и 340 — по железной дороге. В каждом населенном пункте он посещал церкви, учебные заведения, церковно-приходские школы, тюрьмы, больницы. Он совершал богослужения, произносил речи, беседовал с больными, заключенными.

Владыка напоминал городскому и сельскому духовенству, что «для возрождения других нужно сначала возродить нас самих». Владыка Серафим призывал к созданию кружков ревнителей Православия для искоренения порока пьянства.

Высокопреосвященный Серафим не только боролся с сектантством*, расколами и волнениями среди духовенства, но и добивался публичного покаяния виновников этих волнений. Так, в издании «Голос выборщика» № 8 от 11 сентября 1912 г. была опубликована исповедь священника о. Иеремии Чекана, раскрывшего главных виновников волнения, произведенного среди бессарабского населения⁸.

Владыка Серафим вел борьбу с еретиком Иннокентием, возмнившим себя «последним посланником небес» и великим пастырем, «воплощенным Св. Духом» и т. гь, увлекшим за собой огромные массы молдаван. Придя в раскаяние, иеромонах Иннокентий подписал отречение от своего учения. В «Приходских ведомостях Кишиневской епархии» № 39 от 29 сентября 1913 г. опубликовано «Чистосердечное покаяние и клятвенное обещание иеромонаха Балтско-Муромского монастыря Иннокентия» с обращением к его бывшим духовным чадам «твердо держаться уставов и заповедей Церкви, неизменно содержать веру истинную и православную».

Подавление Балтского движения, религиозное просвещение населения Бессарабии, устройство Кишиневского

* По вопросу о сектантстве владыка Серафим говорил, что «сектанты идут из Одессы, снабженные всеми средствами для борьбы, в том числе и материальными, а православный пастырь не готов к борьбе».

Икона святой благоверной княгини Анны Кашинской, которую особо почитал владыка Серафим

епархиального дома и связанных с ним просветительских и благотворительных учреждений привели к преобразованию епархии.

16 мая 1912 г. последовал высочайший указ государя Николая II о возведении епископа Серафима в сан архиепископа в знаменательный день столетия со дня присоединения Бессарабии к Российской империи.

Кишиневский период архиерейского служения владыки Серафима (самый продолжительный — 6 лет) отмечен публикацией его музыкального наследия (1911—1916 гг.)*. Романсы-молитвы, проповеди-размышления религиозного содержания, листки из музыкального дневника оставляют впечатление, которое внучка святителя игуменья Серафима сформулировала его же словами: «Благодать Божия непрестанно борется за людей и возбуждает к покаянию и примирению с Создателем».

Во время пребывания на Кишиневской кафедре святителю Серафиму пришлось принять участие в драматических событиях, происходивших в Оптиной пустыни. Ему было поручено Святейшим Синодом провести расследо-

* Музыкальные произведения священномученика Серафима (романсы, фортепианный цикл «Музыкальный дневник») в конце 1990-х — нач. 2000-х гг. неоднократно звучали в концертных залах Москвы. Фортепианные произведения исполнял пианист А. А. Егоров, родственник расстрелянного и захороненного в Бутове известнейшего знатока древнерусского искусства Ю. А. Олсуфьева.

Кишинев.
Серафимовский
епархиальный дом —
место пребывания
архиепископа Серафима
в 1911-1916 гг.

вание поступивших в Синод сообщений о якобы имевших место нестроениях в духовной и хозяйственной жизни Иоанно-Предтеченского скита.

Прибыв в Оптину пустынь 30 декабря 1911г., святитель провел целый день в общении со скитона начальником старцем Варсонофием. Они отслужили молебен преподобному Серафиму Саровскому и вели уединенную беседу в келии старца. Один из наиболее близких старцу Варсонофию духовных чад отец Василий Шустин оставил описание этих событий: «Нашлись люди, которым мудрость батюшки (о. Варсонофия. — *Рег.*) не давала жить, и враг не дремал. Поселился в скиту некто Митя Косноязычный из города Козельска. Был он пьяница и развращал монахов. Батюшка не мог этого терпеть и выселил его из скита. Сейчас же... против батюшки открыто ополчился целый легион... Приезжавший в Оптину епископ Серафим (Чичагов) обелил батюшку, но дело его отзыва из Оптиной уже где-то было решено. Отец Варсонофий должен был покинуть скит...»⁹.

В 1914 г. владыку Серафима назначили архиепископом Тверским и Кашинским. Духовная связь с Тверской епархией установилась у него тремя годами ранее, когда он принял деятельное участие в подготовке синодального указа о восстановлении церковного почитания святой Анны Кашинской и в последующих торжествах. Владыка получил тогда в дар от тверичей икону благоверной княгини с частицей ее мощей. Она была привезена в Молдавию и прославилась многими чудесами.

В Твери, основываясь на своем орловском и кишиневском опыте, архиепископ Серафим составил «Обращение к духовенству по вопросу о возрождении приходской жизни», в котором, в частности, писал: «Духовное возрождение России возможно только тем путем, каким совершалось ее духовное рождение. А именно: необходимо вернуться к церковно-общественной жизни древнерусского прихода, чтобы приходская община единодушно занималась не только просвещением, благотворительностью, миссионерством, но и нравственностью своих сочленов, восстановлением прав старших над младшими, родителей над детьми, воспитанием и руководством молодого поколения, утверждением христианских и православных установле-

Архиепископ Серафим
(Чичагов)
и Ю. В. Сергиевский
(муж дочери владыки
Екатерины)
в епархиальном
доме в Кишиневе.
Музицирование
(владыка слева —
за фисгармонией),
1913 г.

* Возрождение приходской жизни, считал владыка, должно привести к возрождению духа, любви к людям, взаимопомощи, патриотизма, поднятию нравственности, восстановлению семьи... В эпоху всеобщего шатания умов, когда колышутся устои самой религии и отечества, он старался направлять «деятельность братств, помимо борьбы с расколом и сектантством, и на борьбу с атеизмом, социализмом, анархизмом и т. п. язвами». Во всех случаях владыка действовал исключительно силою убеждения.

** Годы служения владыки на Тверской епархии— 1914—1917.

ний». В «Обращении» пункт за пунктом рассматривались все стороны приходской жизни и пути ее оживления *. В частности, владыка касался вопроса подготовки священников и необходимости для них самообразования и опытного прохождения духовной жизни.

Архиепископское служение владыки Серафима в Тверской епархии ** исполнено огромного напряжения, борьбы и скорбей. Особым драматизмом отмечены последние два года архиерейского служения владыки Серафима в Твери. 1917—1918 гг. — начало разрушения Православной Церкви и травли ее наиболее авторитетных иерархов. Одним из первых оказался архиепископ Серафим.

В целях изгнания церковных иерархов, мешавших быстрому захвату власти большевиками, последние с помощью раскольников из церковной среды стали применять следующие приемы: нарушение уставов в проведении епархиальных съездов — с опорой на низы общества, с использованием агитации и митингов, привлечение на свою сторону путем запугивания викарных епископов, псаломщиков и радикально настроенного мелкого духовенства, игнорирование мнения приходских и благотворительных собраний, мнения монастырей, выраженного в письмах, телеграммах^ протоколах собраний; захват епархиального дома, имущества, припасов. Все эти приемы были пущены в ход и в отношении владыки Серафима. Об этом свидетельствуют материалы «Дела по поводу постановления Тверского епархиального съезда об удалении архиепископа Серафима»¹⁰.

События развивались следующим образом. Начавшийся 20 апреля 1917 г. чрезвычайный Тверской епархиальный съезд проводился с грубыми нарушениями программы и процедуры съезда, разработанных архиепископом Серафимом. Съезд был незаконным по своему составу, так как принял в число членов 100 депутатов-крестьян и избрал своим председателем бывшего вятского священника Тихвинского, лишённого сана по суду. Расстрига Тихвинский занимался агитацией в губернии. Съезд фактически превратился в произвольно составленное собрание с обновленческой программой, в которой был поставлен вопрос о переизбрании епископов и всего духовенства. Псаломщики и миряне составили большинство участников, велась активная агитация против архиепископа Серафима. Край-

не враждебно настроенный к нему съезд принял постановление предложить архиепископу Серафиму покинуть Тверскую кафедру, так как «не доверяет его церковно-общественной деятельности».

Архиепископ Серафим боролся против неканонического решения съезда, неоднократно обращался в Святейший Правительствующий Синод. Однако враги святителя, представлявшие собой небольшую группу клириков и причетников, попытались придать своей борьбе с правящим архиереем вид борьбы с политическим реакционером за обновление общественной и церковной жизни в епархии. В результате этих интриг съезд незначительным большинством голосов (142 против 136) вынес неканоническое решение об увольнении преосвященного Серафима. Большая часть епархиального духовенства и основная масса православных мирян требовала отмены постановления епархиального съезда. Особенно отрадна для святителя Серафима была единодушная поддержка, высказанная ему тверским монашеством, когда насельники и насельницы всех 36 тверских монастырей, представители которых не были приглашены на съезд, потребовали от епархиального съезда присоединить их голоса к тем 136 голосам участников съезда, которые были поданы за оставление на Тверской кафедре «горячо любимого архиепископа Серафима»¹¹.

Святейший Синод вынес определение предоставить ему «вступить в управление Тверской епархией». Но архиепископ Серафим практически не мог вернуться в Тверь, так как епархиальный дом был уже занят большевиками, а все имущество и запасы реквизированы. Святейший Синод в это трудное для владыки Серафима время продолжал рассматривать его как правящего архиерея Тверской епархии и включил его в число членов Поместного Собора как архиепископа Тверского и Кашинского. Владыка Серафим возглавил соборный отдел «Монастыри и монашество». Тогда члены неканонически избранного в апреле 1917 г. епархиального совета решили прибегнуть для изгнания святителя к помощи большевистских властей. 28 декабря 1917 г. вероисповедный отдел Тверского губисполкома Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов выдал предписание о высылке архиепископа Серафима из Тверской губернии на основании того же незаконного апрельского съезда 1917 г. Наконец, 18 апреля 1918 г. копия

На заседании Священного Собора Русской Православной Церкви 1917-1918 гг. В центре во втором ряду – архиепископ Серафим (Чичагов) (фрагмент фотографии)

* Священный (или Поместный) Собор Русской Православной Церкви 1917—1918 гг. имеет особое значение в истории нашей Церкви. Он собрался впервые после 1721 г., т. е. после 200-летнего перерыва. Открылся Собор 15.08.1917 г. в Успенском соборе Московского Кремля. На Священном Соборе 1917—1918 гг. было учреждено патриаршество, отмененное императором Петром I, и избран Патриарх, святитель Тихон (Белавин). В течение года прошли три сессии Собора, состоялось 170 заседаний, на которых было определено состояние Русской Православной Церкви в новой исторической ситуации и обсуждены вопросы ее дальнейшего существования. Священный Собор был распущен 20.09.1918 г.

предписания Тверского губисполкома о высылке архиепископа из Тверской губернии была направлена Святейшему Патриарху Тихону.

Архивные документы, личная переписка владыки Серафима, свидетельства духовных лиц показывают драматизм эпохи с ее вероотступничеством. Сейчас трудно представить себе, как можно было жить и трудиться десятки лет в условиях постоянной травли, когда, казалось, рушилось самое здание Церкви, раздираемой расколом и униженной большевистской властью. Владыка Серафим со смирением и мужеством нес скорби как крест, данный от Спасителя.

Оценку этим событиям сам архиепископ Серафим дал в донесении Святейшему Синоду от 8 мая 1917 г.: «Подобные действия повторились уже в нескольких епархиях и будут постепенно нарушать мир и порядок по лицу всей России. Из этого достаточно ясно, к чему мы приближаемся, к какой развязке, к какому потрясению основ Православия»¹². Желая уберечь святителя от расправы со стороны большевиков, Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон за несколько дней до разгона Поместного Собора 17 сентября 1918 г.* успел принять решение о назначении владыки Серафима на Варшавскую и При-
вислинскую кафедру, находившуюся на территории Польши. Но Советское правительство отказало святителю Серафиму в просьбе о выезде на территорию Польши из-за разворачивавшихся военных действий.

Секретный сотрудник ЧК донес, что владыка проводит агитацию против изъятия церковных ценностей. В июне 1921 г. судебная тройка постановила «заключить гражданина Чичагова в Архангельский концлагерь сроком на два года». Тем не менее владыка продолжал жить на свободе и служить в Москве. Арестовали его только в сентябре и поместили в Таганскую тюрьму.

Сразу же после его ареста дочь Наталия стала хлопотать о смягчении участи отца. Она просила, учитывая возраст и болезни арестованного, освободить его или хотя бы оставить в заключении в Москве. Калинин написал, что его можно оставить в московской тюрьме «приблизительно на полгода». Было составлено заключение по «делу» митрополита Серафима: «...постановление о высылке на 2 года применить условно, освободив гр. Чичагова Л. М. из-под стражи». В январе 1922 г. президиум ВЧК постановил осво-

Патриарх Московский
и всея России
Тихон (Белавин).
Прославлен Русской
Православной
Церковью в лике святых

бодить владыку. Всю зиму он тяжело болел. Весной было дано новое заключение: «Чичагова Леонида Михайловича... задержать и отправить этапным порядком в распоряжение Архангельского губотдела для вселения на местожительство как административного ссыльного сроком по 24 июня 1923 г.».

В Архангельске митрополит Серафим пробыл до марта 1923 г., и ему разрешили вернуться в Москву. Святейший Патриарх Тихон находился под арестом, высшее церковное управление было захвачено обновленцами, и владыка временно отошел от активной церковной деятельности.

Постановлением Коллегии ГПУ от 20 марта 1923 г. владыка был выслан в Марийскую область*. Через год, 16 апреля 1924 г., его вновь арестовали и заключили в Бутырскую тюрьму. На этот раз его обвинили в организации прославления преподобного Серафима в 1903 г. Следствие интересовалось, нет ли в «Летописи» обвиняемого Чичагова намеков на революционные события, на современную смуту в государстве. Святейший Патриарх Тихон 8 мая 1924 г. подал в ОГПУ ходатайство об освобождении находившегося в Бутырской тюрьме престарелого и больного владыки Серафима, за лояльное отношение которого к существующей гражданской власти он, Патриарх Тихон, ручается. Только 17 июля 1924 г. митрополит Серафим был освобожден из-под стражи.

* Срок пребывания владыки Серафима в ссылке точно не установлен.

*Игуменья Арсения скончалась в 1939 г. в Ивановской тюремной больнице. В 2000 г. преподобномученица Арсения прославлена в лике новомучеников и исповедников Российских. Память ее отмечается 10/23 января.

В то время власти приказали всем архиереям покинуть Москву. Митрополит Серафим хотел поселиться в Дивеевском монастыре, но игуменья Александра (Траковская) ему отказала по причине их давних разногласий по поводу места постройки теплого собора в Дивееве.

Приютила митрополита Серафима преподобномученица Арсения (Добронравова), игуменья Воскресенского Феодоровского монастыря города Шуи Владимирской (ныне Ивановской) области*. Владыка поселился там вместе с дочерью Наталией (в монашестве Серафимой), которая была особенно близка к нему и много помогала в заключении и ссылке. В монастыре он часто служил. Будучи прекрасным знатоком церковного пения, владыка большое внимание уделял монастырскому хору, проводил спевки и разучивал с певчими новые песнопения. Он читал сестрам вторую часть «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», которая была изъята во время обыска 1937 г. и пропала.

В 1928 г. митрополит Серафим был назначен управляющим Ленинградской епархией **. В то время многие архиереи сомневались, канонична ли власть митрополита Сергия (Страгородского), но владыка Серафим признал ее сразу. Человек порядка, привыкший мыслить в категориях строгой иерархии, он считал восстановление централизованной власти наиболее важным делом.

Ленинградская епархия в значительной степени была вовлечена в так называемый «иосифлянский» раскол, который получил свое название по имени митрополита Иосифа (Петровых), выступившего против митрополита Сергия. В расколе приняли участие несколько викарных епископов и значительная часть клира епархии. В 1928 г. шестьдесят один из ста действовавших в Ленинграде православных приходов были «иосифлянскими».

Митрополит Серафим часто говорил в проповедях об опасности раскола в гонимой Церкви, о необходимости сохранять единство. Он призывал народ к строго православной жизни, стремился духовно укрепить свою паству, побуждая прихожан усилить молитву, почаще причащаться Святых Христовых тайн. Во всех храмах города было совершено особое молебствование «Об умиротворении Церкви». В целях борьбы с раскольниками, которые требовали пересмотра церковной политики, владыка призывал всех пасомых вступать в «двадцатки» иосифлянских хра-

** Точная дата возведения владыки Серафима в сан митрополита не установлена, хиротония была совершена в период между 1921 и 1924 гг.

Митрополит Серафим
во время богослужения.
Ленинград,
конец 1920-х –
нач. 1930-х гг.

мов и, добиваясь там численного большинства, заменять иосифлянский причт священнослужителями, находящимися в каноническом общении с митрополитом Сергием (Страгородским).

29 апреля 1928 г. святитель Серафим и прибывший по его приглашению епископ Серпуховской Мануил (Лемешевский) совершили Божественную литургию в Троицком Измайловском соборе, на которой оба владыки призвали не допускать нового разделения среди православных христиан.

За пять лет активной борьбы с иосифлянским движением митрополит Серафим добился возвращения почти

* На протяжении всех лет своего церковного служения владыка еженедельно совершал службу с акафистом преподобному Серафиму Саровскому.

всех захваченных иосифлянами храмов в Ленинградской епархии. К 1933 г., последнему году пребывания митрополита Серафима на Ленинградской кафедре, из шестидесяти одного прихода, присоединившегося было к иосифлянам, в епархии оставалось лишь два храма иосифлянской ориентации.

Авторитет святителя постоянно возрастал. В сентябре 1930 г. при Троицком Измайловском соборе было создано «Общество митрополита Серафима»*.

В период управления Ленинградской епархией, в конце 1929 г., митрополиту Серафиму довелось принять участие в погребении скончавшегося в Ленинградской тюремной

Митрополит Серафим в Воскресенском Новодевичьем монастыре в Ленинграде, 1928-1933 гг. На стене образ «Спаситель в белом хитоне» (оригинал находится в храме пророка Илии, что в Обыденском пер. в Москве)

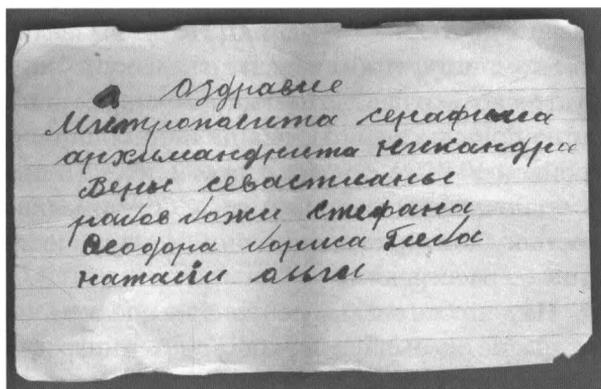

больнице выдающегося церковного иерарха — архиепископа Верейского Илариона (Троицкого). Облачив святителя Илариона в свои собственные белые архиерейские ризу и митру, владыка Серафим в сослужении шести архиереев и множества духовенства совершил отпевание исповедника и погребение его на кладбище Новодевичьего монастыря. Отдавая свое облачение* архиепископу Илариону, святитель Серафим как будто чувствовал, что ему самому не придется принять архиерейское погребение.

Тесная дружба связала в эти годы митрополита Серафима с иеросхимонахом Серафимом (Вырицким), которого митрополит Серафим избрал своим духовником. В течение двух лет иеросхимонах Серафим и владыка Серафим взаимно исповедовались и окормляли друг друга. В начале 1930 г. митрополит Серафим как врач и как правящий архиерей настоял на переезде старца Серафима в Вырицу, где был хороший климат, что продлило годы его жизни и молитвенных подвигов и спасло от гонений¹³.

24 октября 1933 г. митрополит Серафим совершил свою последнюю Божественную литургию в Спасо-Преображенском соборе Ленинграда. Он был отправлен на покой, переехал в Москву и вскоре поселился в Подмосковье, близ станции Удельная Казанской железной дороги. С ним были две его верные келейницы — монахини Вера и Севастиана, его духовные чада, дочери Наталия и Екатерина. Последние два года (1936—1937 гг.) в Удельной с владыкой Серафимом жила его внучка Варя, будущая настоятельница Московского Новодевичьего монастыря. Владыка сильно страдал от гипертонии, одышки, последнее время от водянки, так что с трудом передвигался и из дома почти

* Часть этой уникальной святыни, принадлежавшей двум священномученикам и сохранившейся нетленно после семидесяти лет, — архиерейская палица — помещена в киоте иконы двух священномучеников, находящейся в Успенском соборе Московского Новодевичьего монастыря.

Записка о здравии митрополита Серафима и архимандрита Никандра, принадлежащая одной из келейниц владыки — Севастиане. Находится в качестве «вещдока» в следственном деле монахинь Веры (Втюриной) и Севастианы (Агеевой-Зуевой)

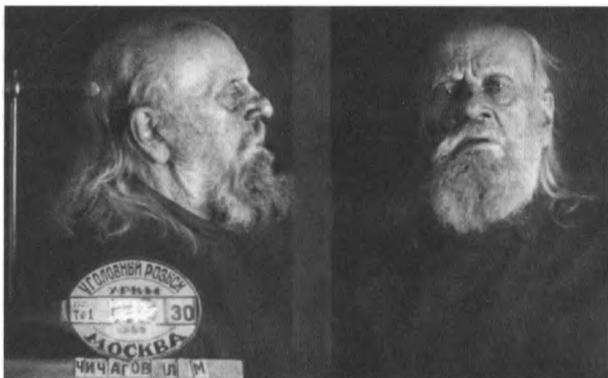
Владыка Серафим с родными и близкими на даче в Удельной. Во втором ряду слева направо — Екатерина Леонидовна Сергиевская (урожд. Чичагова), неизвестное лицо, Леонида Леонидовна Резон (урожд. Чичагова), келейница владыки Вера (Втюрин), внучка владыки Леонида Васильевна Малышева (урожд. Резон) и ее муж Анатолий Иванович Малышев. Рядом с владыкой слева — Таня Семенова (внучка Е. П. Сергиевской), справа — Мариамна Малышева (внучка Л. Л. Резон)

не выходил. Однако, несмотря на преклонный возраст и болезни, святитель сохранял поразительную ясность ума.

В ноябре 1937 г. митрополита Серафима арестовали. Все его имущество было конфисковано, не осталось ни переписки, ни книг, ни музыкальных произведений. Ему шел восемьдесят второй год, и последние дни он был прикован к постели. Сотрудники НКВД вызвали карету «скорой помощи», чтобы отвезти владыку в Таганскую тюрьму. Несколько недель немощного старца допрашивали, но он не признал возводимых на него обвинений. 7 декабря тройкой УНКВД по Московской области было вынесено постановление: митрополита Серафима за принадлежность к «контрреволюционной монархической организации» — расстрелять.

На допросе владыку спрашивали о его любимом духовном сыне — бывшем секретаре Ленинградской епархии. Сбежав из тюрьмы г. Ворошилова (Сиблаг), тот проехал

Митрополит Серафим
(Чичагов), 1937 г.
Расстрелян 11.12.1937 г.
и захоронен в Бутове
(тюремная фотография)

через всю страну и нашел кров и защиту в Удельной. Он прожил у владыки месяц, а затем, не ставя никого из близких в известность, явился с повинной в комендатуру НКВД. На первом же допросе беглец показал, что после возвращения в Москву скрывался в доме митрополита Серафима (Чичагова), и предлагал свои услуги в качестве осведомителя. Но сам владыка на вопросы следователей о бывшем секретаре — не выдал его, отвечал, что видел его в последний раз лишь в 1933 г. И защищавший свое нецутевое чадо владыка, и предавший его духовный сын — оба расстреляны и захоронены на Бутовском полигоне.

В течение трех декабрьских дней 1937 г. были казнены сотни людей: 9 декабря — 159 человек, на следующий день 243 человека, на третий, 11 декабря, расстреляли еще 127 человек. Среди них был митрополит Серафим (Чичагов)...

В заключение — несколько слов о тех, кто остались верны владыке до последнего вздоха, и тех, кто, как и владыка, исполнили одну из главных заповедей Господних: «Волыни сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за друга своя»¹⁴.

Накануне расстрела митрополита Серафима в дом на Песочной улице в Удельной явились чекисты. Они предъявили ордер на арест монахини Веры (Втюриной). Вместе с ней в тюрьму добровольно отправилась и монахиня Севастиана (Агеева-Зуева), сказав: «Мы никогда не расставались, не расстанемся и теперь». На допросах следователь требовал, чтоб матушки сказали, с кем общался владыка в последнее время, но они не назвали ни одного имени*.

Дочь священномученика Серафима, Наталия Чичагова (монахиня Серафима), отбыв срок ссылки, вскоре после

* Отбыв восемь лет заключения, монахиня Вера освободилась и жила у дальних родственников в г. Кирове. Монахиня Севастиана, которая была на семь лет старше матушки Веры, умерла в лагере.

Дочь владыки Серафима
Наталья Леонидовна
Чичагова (тюремная
фотография)

ареста владыки снова была арестована и выслана в Вологду. Она не сомневалась, что отца уже не было в живых. По окончании срока ссылки она собиралась уже уехать из Вологды, но в день Благовещения Пресвятой Богородицы скоропостижно скончалась от приступа астмы. В 1937 г. пропала и внучатая племянница владыки Ольга Чермоева (урожд. княжна Ухтомская)*.

Незадолго до ареста святитель сказал пророческие слова: «Православная Церковь сейчас переживает время испытаний. Кто останется верен святой апостольской Церкви — спасен будет. Многие сейчас из-за преследований отходят от Церкви, другие даже предают ее. Но из истории хорошо известно, что и раньше были гонения, но все они окончились торжеством христианства. Так будет и с этим гонением. Оно окончится, и Православие снова восторжествует. Сейчас многие страдают за веру, но это — золото очищается в духовном горниле испытаний. После этого будет столько священномучеников, пострадавших за веру Христову, сколько не помнит вся история христианства»¹⁵.

Внучка священномученика митрополита Серафима, настоятельница Новодевичьего монастыря игумения Серафима (в миру — Варвара Васильевна Черная) приложила немало усилий, чтобы добиться реабилитации своего любимого деда. Собирая в архивах и библиотеках сведения о митрополите Серафиме, она подготовила необходимые материалы, которые требовались для его канонизации. Матушка участвовала в освящении Поклонного креста на месте расстрелов, в создании общины храма Свв. Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове.

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 23 февраля 1997 г. причислил митрополита Серафима к Собору новомучеников и исповедников Российских.

Память его совершается 11 декабря (по новому стилю).

Владыка Серафим — самый старший по сану архипастырь из всех иерархов, захороненных в Бутове. Он — первый бутовский священномученик, причисленный к лику святых. Клир и прихожане храма Свв. Новомучеников и Исповедников Российских чувствуют его предстательство и помощь в своих делах. Икона священномученика, подаренная храму игуменией Серафимой, мироточит, есть свидетельства об исцелениях, совершившихся от нее. В двух

* По поручению и благословению владыки Серафима его дочь Наталья (монахиня Серафима) и внучатая племянница владыки Ольга Чермоева помогали ссыльным священнослужителям, навещали узников в тюрьмах, даже способствовали побегу некоторых из ссылок. Наталья, кроме того, служила связной между владыкой и скрывающимися от арестов священнослужителями.

храмах Санкт-Петербурга имеются престолы, посвященные священномученику Серафиму, в честь него в Тверской епархии выстроен храм (в с. Березовка Болотовского района).

Священномучениче митрополите Серафиме, моли Бога о нас!..

* * *

Время гонений и репрессий открывало в людях такие стороны их духовного устройства, о которых сами они, может быть, и не догадывались. В других условиях, не вынуждавших идти до конца во всем, что касалось веры, совести, любви к ближнему, многие проявили бы себя как благочестивые христиане, добропорядочные граждане. Но жизнь

Игуменья Серафима
(в миру – Варвара
Васильевна Черная),
внучка сщмч. Серафима,
настоятельница
Московского
Новодевичьего
монастыря

Слева – матушка
Серафима в Бутове
у Поклонного креста

Чтимая икона
священномученика
митрополита Серафима
из храма
Свв. Новомучеников
и Исповедников
Российских в Бутове

ставила всех перед такими испытаниями, когда срединного пути не было. Приходилось выбирать или путь мученичества, на который способны лишь немногие, или путь предательства. Требовалось все величие человеческого духа, чтобы не пасть во тьму, не отречься от Бога, не выдать ближнего. Зная, как достигались признания, как вымогались подписи под признательными протоколами в те годы, мы не имеем права осуждать тех, кто не выдержал мучений. Но тем ярче сияет подвиг тех, для кого смерть не являлась гибелью и последним несчастьем в этом мире.

Торжество безбожных гонителей, как и было предсказано мучениками, прошло. «Еще немного, — читаем в одном из псалмов, — и не станет нечестивого; посмотришь на его место, и нет его»¹⁶. Иная участь ожидала гонимых за веру, «претерпевших до конца», прославленных и еще не прославленных страдальцев, в Бутове и иных местах умученных и убиенных. Все новые и новые имена их появляются из небытия, чтобы уже никогда не быть забытыми людьми...

Часть I В родном краю

¹ Из материалов историка и краеведа Г. В. Еремина.

² **Г. Ф. Гарин.** Рукопись (архив Свято-Екатерининской пустыни).

³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18859. Ч. 7. Л. 67 (Экономические примечания генерального межевания).

⁴ Последний грузинский царь Георгий XIII умер в 1809 г.; его сын Баграт Георгиевич был женат на Екатерине Дурмишхановне (урожд. княжне Чалокаевой). Кроме Дрожжина владел еще соседней Щербинкой. Скончался Баграт Георгиевич в 1841 г.

⁵ Арсеньевы находились в родстве с Шаховскими. Матерью упомянутого М. А. Шаховского была Татьяна Дмитриевна (урожд. Арсеньева). (Из материалов Г. В. Еремина.)

⁶ Список частных конных заводов в России. СПб., 1904; Сведения по материалам музея коневодства при Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева.

⁷ ЦИАМ. Ф. 277. Оп. 2. Д. 2490. «Дело московского земельного банка о выдаче ссуды г. Соловьевым» 08.07.1903—16.11.1916г.

⁸ **Левик С. Ю.** Записки оперного певца. М., 1962. С. 59—60; Энциклопедия. Москва-850. С. 272; Музыкальная энциклопедия. Т. 2. Ст. 320—321; Театральная энциклопедия. Т. 2. Ст. 570.

⁹ Из воспоминаний дочери И. Л. Зимина Л. И. ДруТшкиной.

¹⁰ Из дневника С. И. Зимина. Запись от 24 июня 1922 г. (готовится к печати В. М. Зиминной).

¹¹ Из дневника С. И. Зимина...

¹² **А. И. Друзякина.** На заднем дворе искусства. (Страницы моей жизни). Автобиографическая повесть. М. — Лось. 1971. С. 63—65. (Рукопись. Домашний архив С. А. Михальченко.)

¹³ Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883—1936), политический деятель. В 1934 г. арестован, в 1936 г. по делу «Троцкистско-зиновьевского центра» приговорен к смертной казни и расстрелян. Погибли также его жена, оба сына и брат с женой.

¹⁴ Сведения, предоставленные Московским музеем коневодства.

¹⁵ ЦГАМО. Ф. 7250. Д. 100. Л. 39.

¹⁶ Постановление СНК от 15 сентября 1918 г. «О красном терроре»; декрет ВЦИК от 12 апреля 1919 г. «О революционных трибуналах» // Сборник нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 11, 59.

¹⁷ Лацис М. И. (Судрабе), расстрелян на Бутовском полигоне 20.03.1938 г. (См. «Следственное дело М. И. Лациса» // Книга Памяти жертв политических репрессий «Бутовский полигон» 1937—1938 (далее — «Бутовский полигон»), Вып. 6. С. 284—303.

¹⁸ **Нежданов Ф.** Тюрьма Всероссийской чрезвычайной комиссии // ЧЕ-КА. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922. С. 152—163.)

¹⁹ **Петров Н.** Сталинская «нормализация» или окончание «большого террора». (По документам ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 6. Д. 4. Л. 207.)

²⁰ Приказы НКВД СССР № 00439, № 00447, № 00485, № 00596 июля-сентября 1937 г. // «Бутовский полигон». Вып. 1. С. 348—356.

²⁴ Заковский Леонид Михайлович (Штубис Генрих Эрнестович), комиссар 1-го ранга. В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД — с дек. 1917 г. С 20.01.1938 по 28.03.1938 г. нач. УНКВД по Москве и МО и зам. наркома внутренних дел СССР. Переведен из Ленинграда, где был нач.

УНКВД по Ленинграду и ЛВО. Приговорен ВКВС СССР к ВМН. Расстрелян 29.08.1938 г. Не реабилитирован.

22 Реденс Станислав Францевич, комиссар 1-го ранга; с 1934 по янв. 1938 г. — нач. УНКВД по Москве и МО, затем нарком ВД КазССР. Был женат на сестре жены Сталина — **А**, Аллилуевой. 12.02.1940 г. приговорен ВКВС СССР к ВМН. В тот же день расстрелян. Реабилитирован.

²³ Якубович Григорий Михайлович, с 20.01.1938 г. (после Реденса) — нач. УНКВД по МО, председатель тройки УНКВД по Москве и МО. Приговорен ВКВС СССР к ВМН. Расстрелян 26.02.1939 г. Нереабилитирован.

²⁴ Семенов Михаил Ильич (1898—1939), майор ГБ, пом. начальника УНКВД МО по милиции и нач. УРКМ, председатель милицейской тройки. Милицейская тройка не имела полномочий выносить решения о ВМН, но, судя по признанию арестованного впоследствии Семенова, это условие далеко не всегда соблюдалось.

²⁵ Ежов Николай Иванович, генеральный комиссар ГБ, нарком внутренних дел СССР с 26.09.1936 г. по 25.11.1938 г. Арестован 10.04.1939 г. Почти год провел в заключении в устроенной им Сухановской тюрьме (бывш. Свято-Екатерининская пустынь). Приговорен ВКВС СССР к ВМН 04.02.1940 г. В тот же день расстрелян в Москве. Не реабилитирован.

26 Вышинский Андрей (Андрей) Януарьевич (1883—1954). Поляк, по некоторым сведениям, дальний родственник польского кардинала Стефана Вышинского. Доктор юридических наук, академик АН СССР (с 1939 г.). В 1917 г. в Москве, будучи комиссаром милиции Якиманского р-на, по распоряжению Временного правительства принимал меры к аресту Ленина. Начиная с 1928 г. без участия Вышинского не проходил ни один громкий политический процесс. Он был теоретиком и обоснователем «большого террора» в СССР. Основной его постулат в судебном делопроизводстве ««царица доказательств» — признание вины обвиняемым». С 1931 г. — прокурор РСФСР, в 1935—1939 гг. — Прокурор СССР, затем зам. министра и в 1949—1953 гг. министр иностранных дел. После смерти Сталина понижен вновь до зама. Лауреат Сталинской премии, обладатель многих орденов и медалей. В 1954 г. — постоянный представитель СССР в ООН. Умер от сердечного приступа, находясь в Нью-Йорке.

²⁷ Архив НИПЦ «Мемориал». Личное дело на заключенного Таганской тюрьмы ГУГБ Семенова Михаила Ильича № 10197, 1939 г. (ксерокопии).

28 Постель Аркадий (Арон) Осипович, нач. 3-го отдела УНКВД СССР по МО. Арестован в начале 1939 г. и приговорен к 15 годам ИТЛ. Нереабилитирован.

29 Справка по арх.-след. делу 1939 г. на А.О. Постеля // «Бутовский полигон». Вып. 3. С. 345—346. Эта справка хранится во многих следственных делах как документ, подтверждающий фальсификацию и нарушение ведения следственных дел.

³⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-41207.

31 Берг Исаяй Давыдович (1905—1939), лейтенант ГБ, нач. АХО УНКВД по МО. Арестован 04.08.1938 г. Приговорен ВКВС СССР к ВМН. В суде от показаний отказался. Расстрелян 07.03.1939 г. Реабилитирован.

32 ГА РФ. Оп. 1. Д. П-67528. Л. 132.

³³ Архив НИПЦ «Мемориал». Следственное дело Семенова № 10197. Л. 116.

³⁴ Архив НИПЦ «Мемориал». Выписки из следственных дел.

35 «Бутовский полигон». Вып. 6. С. 303.

36 **Брюханов Б. Б., Шошков Е. Н.** Оправданию не подлежит. Ежов и ежовщина. 1936—1938. СПб., 1998. С. 134—135, 145, 154—155.

³⁷ Архив НИПЦ «Мемориал». Выписки из следственных дел.

38 фриновский Михаил Петрович, с апр. 1937 г. по сент. 1938 г. — зам. наркома НКВД.

Руководитель массовых восхождений армейских альпинистов, председатель секции шахмат. Приговорен ВКВС СССР к ВМН. Расстрелян 08.02.1940 г. Нереабилитирован.

³⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-67528. Л. 106.

⁴⁰ Блохин Василий Михайлович (1895—1955). С 1921 г. в отряде особого назначения ВЧК. Начиная с 1924-го и по 1953 г. — комиссар для особых поручений при ОГПУ-НКВД СССР, на комендантской работе в ОПТУ, затем при ПП НКВД по Москве и МО, АХУ НКВД и НКГБ СССР; в апреле 1953 г. — зам. начальника АХУ и комендант МГБ СССР. За свои заслуги перед отечеством Блохин был награжден семью орденами и тремя медалями. Через месяц после смерти Сталина уволен «по болезни» в звании генерал-майора. Лишен звания 23.11.1954 г. «как дискредитировавший себя за время работы в органах...» // **Петров Н. В., Скоркин К. В.** Кто руководил НКВД. 1934—1941: Справочник. М., 1999. С. 112.

⁴¹ Игумен Серафим (Кузнецов) (1873—1959). В течение двух лет вез останки прмц. вел. кн. Елисаветы Феодоровны и ее келейницы прмц. Варвары через Харбин, в объезд материков — на Святую Землю. До самой смерти был хранителем святых мощей в церкви Марии Магдалины в Иерусалиме. (Игумен Серафим. Православный Царь-Мученик. М., 1996).

⁴² П. И. Овчинников с июня 1938 г. принял от Семенова обязанности по приведению приговоров в исполнение на Бутовском полигоне.

⁴³ Харитонов Николай Петрович, 1916 г. р., урожд. Ленинграда, жил в Москве наул. Станкевича. Когда он вел дело Берга, сержанту госбезопасности Харитонову было всего 22 года.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-67528. Л. 181—185.

^{45*} Журавлев Виктор Павлович, майор ГБ, нач. УНКВД по МО в период с 05.12.1938 г. по 13.01.1939 г. Есть сведения, что в 1940 г. покончил жизнь самоубийством, но документально это не доказано.

⁴⁶ Викторов Сергей Степанович, 1906 г. р., из крестьян, уроженец дер. Чаново Ново-Петровского р-на МО, образование 6 классов, работал во внутренней тюрьме с 1938 г. по октябрь 1943 г. Был награжден за работу в органах двумя орденами, двумя значками почетного чекиста и медалями. В Москве жил на ул. Мал. Трифонова. Благополучно пережил 1950-е гг.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-67528. Л. 243—246.

⁴⁸ Чесноков Федор Яковлевич, 1901 г. р., урожд. дер. Минаево Михневского р-на МО. Пережил годы репрессий.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-67528. Л. 254, 261.

⁵⁰ Шинин Сергей Александрович, 1904 г. р., урожд. дер. Назаровская Ярославской обл., образование 6 классов, член партии. В 1930—1943 гг. работал в УНКВД МО. Проживал в Москве на 2-й Филевской ул. В 1950-х гг. находился на пенсии.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-67528. С. 282—284.

⁵² Радзивиловский Александр (Израиль) Павлович (Моисеевич), зам. начальника УНКВД МО, обвинялся как участник контрреволюционного заговора в Управлении НКВД МО.

⁵³ Сведения о М. И. Семенове здесь и далее цитируются по арх.-след. делу. Архив НИИЦ «Мемориал». Д. № 49146 (ксерокопия).

⁵⁴ Архив НИИЦ «Мемориал». Из дела М. И. Семенова. Л. 157.

⁵⁵ Сорокин Иван Григорьевич, нач. 3-го отдела УТБ УНКВД с 07.12.1937 г. по 13.06.1938 г. Военным трибуналом войск НКВД Московского округа приговорен к ВМН. Расстрелян 13.08.1939 г.

Берия Лаврентий Павлович, генеральный комиссар ГБ, Маршал Советского Союза, нарком внутренних дел, зам. пред. Совета министров, министр внутренних дел СССР. Арестован 26.06.1953 г. Приговорен Специальным судебным присутствием ВС СССР 23.12.1953 г. к ВМН. В тот же день расстрелян. Не реабилитирован.

- ³⁷ Заключение Генерального прокурора по делу Родоса Б. В. (ГА РФ. Выставка: «1953»),
- ³⁸ **Сопельняк Б.** Палачи // «Совершенно секретно». 1996. № 10. С. 14—15.
- ³⁹ Ильин Илья Яковлевич, 1902 г. р., урож. г. Тулы. «За труды» в 1937 г. отмечен наградами. На Бутовском полигоне работал до июля 1938 г. С 1939 г. — в звании полковника; занимал руководящие должности в Главном тюремном управлении НКВД. С 1940 г. отвечал за боевую подготовку сотрудников ГТУ. В 1942 г. командирован на 60 дней по спецзаданию (выселение чеченцев и ингушей), затем руководил оперативным отделом ТУ МВД СССР. Уволен по возрасту на пенсию в 1954 г.
- ⁶⁰ **А. Мильчаков.** Дворик в Варсонофьевском переулке, или Кто стрелял в затылок? // «Вечерняя Москва». 1990 г. 28 окт.; **ДоодБ.** «На выход, орелики» // «Вечерняя Москва». 1997 г. 16 янв.
- ⁶¹ GARF. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 351. Л. 13; Ф. 7523. Оп. 4. Д. 38. Л. 140.
- ⁶² ЧЕ-КА. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922. С. 154—156.
- ⁶² **Левицкий В. Н.** Материалы по Бутову и сотрудникам НКВД. Рукопись; **Сопельняк Б.** Палачи // «Совершенно секретно». 1996. № 10. С. 14—15.
- ⁶⁴ **Борцаговский А.** Швелится земля // «Вечерняя Москва». 1990 г. 9 июня.
- ⁶⁵ **Достоевский Ф. М.** Бесы // Полное собр. соч. В 30 т. Т. 10. Л., 1974. С. 325.
- ⁶⁶ **Левицкий В. Н.** Материалы по Бутову и сотрудникам НКВД. Рукопись; **Сопельняк Б.** Палачи // «Совершенно секретно». 1996. № 10. С. 14—15.
- ⁶⁷ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 56. Л. 12, 16 об.
- ⁶⁸ Статистические сведения о расстрелянных и захороненных на спецобъекте «Бутовский полигон» см.: «Бутовский полигон». Вып. 7. С. 302—311.
- ⁶⁹ **Ватлин А.** Крестьяне и крестьянские семьи в Бутове // «Бутовский полигон». Вып. 2. С. 5—15.
- ⁷⁰ «Известия». 1990. № 4. С. 191—194.
- ⁷¹ Тучков Евгений Александрович (1892—1957), сотрудник ОГПУ-НКВД. С 1922 г. — начальник 6-го отделения СО ГПУ-ОГПУ, специализировавшегося на борьбе с Русской Православной Церковью. Допрашивал Патриарха Тихона, способствовал аресту и гибели многих выдающихся архиереев. С 1922 г. Тучков — секретарь Антирелигиозной комиссии (Комиссии по проведению отделения церкви от государства). В 1939 г. уволился из ГУГБ НКВД. (Следственное дело Патриарха Тихона: Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М. Изд. ПСТБИ, 2000.) В конце жизни Тучков признавался, что лучшие люди, которых он встречал в жизни, — это священнослужители. По некоторым сведениям, перед смертью он исповедался и причастился.
- ⁷² Ярославский Емельян Михайлович (Губельман Миней Израилевич) (1878—1943), советский партийный и государственный деятель. В 1922—1937 гг. — член ЦИК СССР, антирелигиозный пропагандист, бессменный председатель Антирелигиозной комиссии и Союза воинствующих безбожников, член редколлегии газеты «Правда», журналов «Большевик», «Историк-марксист», «Безбожник». С 1939 г. — академик АН СССР.
- ⁷³ GARF. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-25682.
- ⁷⁴ GARF. Ф. 10035. Оп. 1. Д. У-19180.
- ⁷⁵ GARF. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-59458.
- ⁷⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-63970.
- ⁷⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. У-19836.
- ⁷⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-63970.
- ⁷⁹ **Священник Кирилл Каледа, Головкова Л. А.** Священнослужители и миряне, за веру и

Церковь в Бутове пострадавшие // «Бутовский полигон». Вып. 2. С. 16—31; **Священник Кирилл Каледа**. Бутово — Русская Голгофа // «Бутовский полигон». Вып. 7. С. 126—134.

⁸⁰ Проект постановления ЦИК и СНК СССР о награждении и льготах для строителей канала Москва-Волга // «Бутовский полигон». Вып. 2. С. 358.

⁸¹ **Головкова А. А.** Барон фон Гревениц // «Бутовский полигон». Вып. 4. С. 22—35.

⁸⁷ **Рыжкова Н. А.** Музыкальная библиотека «Перековки» // «Бутовский полигон». Т. 4. С. 335—343.

⁸³ **Джунковский Владимир Федорович**. Воспоминания. В 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 334—335.

⁸⁴ «Зачислить за ВЧК впредь до особого распоряжения» // «Отечественные архивы». М., 2002 г. № 5. С. 80.

⁸⁵ ЦГАМО. Ф. 4613 Оп.1. Д. 692. Л. 11, 22, 61 и др.

⁸⁶ ЦГАМО. Ф. 4613 Оп.1. Д. 692. Л. 184.

⁸⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-74952.

⁸⁸ **Любимова К. Ф., Головкова Л. А.** Казненные генералы // «Бутовский полигон». Вып. 7. С. 97—125.

⁸⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-29662.

⁹⁰ **Головкова А. А.** Шпионаж на вершинах // «Бутовский полигон». Вып. 6. С. 42—54.

⁹¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 14475.

⁹⁷ **Данилевский К. Н.** Русский Икар // «Бутовский полигон». Вып. 7. С. 78—82.

⁹³ Архив «Ленинградского мартиролога». Документ предоставлен гл. редактором Мартиролога А. Я. Разумовым.

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1003. Л. 85—86.

⁹³ Архив УФСБ по Ярославской обл. Д. С-9031. Л. 192—194, 207—209.

⁹⁶ **Петров Н.** Сталинская «нормализация», или Окончание «большого террора». (По документам ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 6. Д. 4. Л. 207.)

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ **Гнедин Е. А.** Выход из лабиринта. New-York, 1982. С. 13—27.

⁹⁹ **Быстролетов Д. А. (Толстой)**. Пир бессмертных. Оригинал-макет. РНБ. Отдел рукописей. (Ф. 1334. Д. 65. Второй сборник. Гл. 3. С. 445.)

¹⁰⁰ «АиФ». 1989. № 33; **Сергеев И. Н.** Дрожжино // «Ленинец». 1989 г. 5 окт.

¹⁰¹ «Бутовский полигон». Вып. 1. С. 357.

¹⁰² Отчет о раскопках 1997 г. Сост.: археолог **И. Н. Еришов** — сотр. ТОО «Кром», археолог **А. Я. Разумов** — сотр. РНБ (СПб), археолог-тафолог **Ю. А. Смирнов** — ст. научн. сотр. И-та археологии РАН, антрополог **Г. П. Романова** — научн. сотр. И-та археологии РАН, специалист по промышленным тканям и обуви **Т. С. Алешина** — научн. сотр. ГИМ, судебно-медицинский эксперт **В. И. Гужеедов** — доцент кафедры судебной медицины РМА, специалист по огнестрельному оружию **В. О. Прокопов** — ст. научн. сотр. Музея Вооруженных Сил, и др. специалисты.

¹⁰³ **Свящ. Кирилл Каледа, Алексеев С. Н., Разумов А. Я., Головкова А. А.** Исследования последних лет на Бутовском полигоне // «Бутовский полигон». Вып. 3. С. 5—16.

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 3. Л. 134, 198.

¹⁰⁵ К памятнику истории прилегают охранная зона (4,8 га), территории деревни Дрожжино, дачных комплексов ДСК «Бутово», с/т «Урожай» и сельхозугодий — около 1 кв. км, зоны охраняемого ландшафта, включающие пойму р. Гвоздянки и ее притоков, а также часть территории Бутовского лесопарка — около 1 кв. км. Памятник истории «Бутовский полигон» расположен в Ленинском районе Московской области у восточной границы р-на Южное Бутово Юго-Западного административного округа г. Москвы.

¹⁰⁶ В 2003—2004 гг. совместными усилиями соответствующих организаций Москвы и МО была осуществлена электрификация и уличное освещение Памятника истории. Областными дорожными службами обустроены дороги на территории Памятника истории. Администрация Булатниковского сельского округа организовала снос сараев на территории захоронений и взяла на себя оплату уличного освещения. Земельные работы проводила Управа района Южное Бутово. Землю, цветочную рассаду для цветников, а также овощи для трапез в дни праздников безвозмездно выделял совхоз им. XXI съезда КПСС. Телефон был проведен Севастопольским (ЮЗАО г. Москвы) и Видновским телефонными узлами. (Сведения о благоустройстве Бутовского полигона дал С. И. Хижняк. Материалы по современной жизни прихода и Памятника истории «Бутовский полигон» подготовлены В. Б. Артамоновым.)

¹⁰⁷ Кроме Книги Памяти «Бутовский полигон» (1—8 вып.), сотрудниками Мемориального научно-просветительского центра «Бутово» подготовлен полный Месяцеслов-Синодик на 935 пострадавших за веру и Церковь Христову в Бутове. На очереди — создание в Интернете собственного сайта «Русская Голгофа — Бутовский полигон».

Часть II

Следственные дела 1937—1938 гг.

¹ Академическое дело. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГЛУ. Вып. 1, 2. СПб., 1993, 1998.

² Дело №... Политические жертвы тоталитаризма в России. (Два следственных дела Евгении Гинзбург). Казань, 1994; «Верните мне свободу!» Деятели литературы и искусства России и Германии — жертвы сталинского террора. Мемориальный сборник документов из архивов бывшего КГБ. М., 1997.

³ «Бутовский полигон». 1937—1938 гг. Вып. 1—7.

⁴ Цит. по: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий: В 2 ч. / Сост.: **В. С. Кулагина, В. А. Щепанков**; Под общ. ред. и с предисл. **Г. Ф. Весновской**. Курск, 1999. Ч. 1. С. 310—318.

⁵ Письма во власть. 1917—1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 5.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-23240.

⁷ **Кудрявцев В., Трусов А.** Политическая юстиция в СССР. М., 1998. С. 255.

⁸ **См. Ватлин А. Ю.** «Союз польских патриотов». Польские студенты в Бутове // «Бутовский полигон». Вып. 3. С. 25—32.

⁹ Кузнецов А. В., род. в 1898 г. Начальник Кунцевского райотдела НКВД в период массовых операций. Арестован 26.10.1938 г. Приговорен к расстрелу 26.02.1939 г. Расстрелян в Москве.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-20399.

¹¹ Цит. по: **Кудрявцев В., Трусов А.** С. 257.

¹² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-4961.

¹³ Из протокола допроса оперуполномоченного А. В. Соловьева от 17 декабря 1955 г. ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-23556.

¹⁴ **Борцаговский А.** Обвиняется кровь. Документальная повесть. М., 1994.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-47776.

16 Там же.

47 **Литвин А. Л.** Следственные дела советских политических процессов как исторический источник // Проблемы публикации документов по истории России XX века. М., 2001. С. 334.

18 ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-46575.

19 ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-34643.

20 ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-74993.

21 **Головкова Л. А.** Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации новомучеников и исповедников российских // «Альфа и омега»: Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России, 2000. № 4. С. 206, 208.

22 ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-4767.

22 Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. Т. 1. Орел, 1994. С. 55—59. См. также показания свидетеля С. Ф. Жирнова в книге «Бутовский полигон...» Вып. 5. М., С. 350.

24 **Кудрявцев В., Трусов А.** Указ. соч. С. 245.

22 Верой и правдой. Страницы истории. Ярославль, 2001. С. 247.

26 См. дело Вильгельма Штейница: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28645.

27 Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 28. Очевидно, здесь имеются в виду сотрудники областных управлений, а не райотделов НКВД.

28 ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 14475.

29 «Высказывал резкую злобу...» // «Независимая газета». 1991. 4 декабря.

30 ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-52533.

31 ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-47776.

32 ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27651.

33 **Дмитриев Ю.** Место расстрела Сандармох. Петрозаводск, 1999. С. 295.

34 ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-20399.

35 См. «Бутовский полигон». Вып. 5. С. 334.

Страна «Дмитлаг»

1 **Шаламов В.** Вишера. М., Книга. 1989. С. 37.

2 **Авербах И. Л.** От преступления к труду. М., 1936. С. 29.

3 ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-29093.

4 ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-61630.

5 Биографические данные о Л. Б. Эйхенвальде взяты из его следственного дела. (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 29262).

6 П. А. Кропоткин (1842—1921), князь, русский революционер, теоретик анархизма, географ и геолог. В 1876—1917 гг. жил в эмиграции. Был участником анархических организаций, членом научных обществ. Написал воспоминания «Записки революционера». Последние годы жизни провел в г. Дмитрове.

7 ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-73056.

3 О музыкальном и песенном творчестве Дмитлага см.: **Рыжкова Н.** Музыкальная библиотека «Перековки» // «Бутовский полигон». Вып. 4. С. 334—344.

9 ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 50064 // «Бутовский полигон». Вып. 3. С. 103.

10 ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-78649 // «Бутовский полигон». Вып. 3. С. 80.

11 Песни из «Библиотеки “Перековки”»: песня «Тридцатипятники» (автор неизвестен).

Латышский дневник

- ¹ Правда. 11.02.1937 г.
- ² Расстрельные списки. Вып. 1. Донское кладбище. 1934—1940. М., 1993. С. 87—89.
- ² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-25976. Л.64; Д. П-26323. Л. 87 // Расстрельные списки. Москва, 1937—1941. «Коммунарка», Бутово. М., 2000. С. 358 (указанная дата ареста Рудзутака — ошибочна).
- ⁴ Имена расстрелянных на Бутовском полигоне имеются в общем алфавитном списке казенных// «Бутовский полигон». Вып. 7. С. 145—299.
- ⁵ «30 октября». 2000. № 4. С. 5.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Справка на следователя УНКВД СССР Постеля хранится во многих архивно-следственных делах.
- ⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-23433. Л. 42.
- ⁹ «Правда». 1937 г. 20 дек.
- ¹⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-23433.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43654. Л. 7.
- ¹² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43452. Л. 12.
- ¹³ ЦАОДМ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 122. Л. 68.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28856. Л. 27.
- ¹⁵ РГВИА. Картотека Георгиевских кавалеров.
- ¹⁶ **Демьян Бедный**. Латышские красные бойцы // Собрание сочинений. Т. 2. М., 1954. С. 391.
- ¹⁷ ЦМAM. Ф. 2165. Оп. 1. Д. 556. Л. 14.
- ¹⁸ «На суше и на море». 1937. № 2. С. 8.
- ¹⁹ «Бутовский полигон». Вып. 7. Вклейка между с. 200 и 201.
- ²⁰ Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 221—222.
- ²¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-52702. Л. 76.
- ²² ГА РФ. Ф. 100 35. Оп. 1. Д. П-78652. Л. 12.
- ²³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 26533. Л. 23.
- ²⁴ Лев **Троцкий**. Моя жизнь. М., 2001. С. 401.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Декреты советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 458.
- ²⁷ **Лев Троцкий**. Указ. соч. С. 409.

Между Гитлером и Сталиным

- ¹ РГАСПИ. Ф.539. Оп. 2. Д. 759. Л. 110.
- ² Там же. Л. 108.
- ³ Там же. Д. 665. Л. 193.
- ⁴ ГА РФ. Ф. 8265. Оп. 3. Д. 35. Л. 161.
- ³ Там же. Д. 38. Л. 38—43. Имеется в виду дом 3 по улице Обуха.
- ⁶ РГАСПИ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 426. Л. 32.
- ⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 292. Д. 101. Л. 11.
- ⁸ См. подробнее: Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999.
- ⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 292. Д. 94. Л. 1.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 19417.

¹¹ «Воля». № 2—3. 1994. С. 75—77.

¹² См. также **Ватлин А., Мусиенко Н.** Они искали спасения, а нашли смерть // «Московская правда». 1997 г. 12 и 19 августа.

¹³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-44928 (Иоханнес Гут); П-47569 (Пауль); П-44849 (Бернгард).

¹⁴ См. подробнее об иностранной колонии Электростанции: **Журавлев С. В.** «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электростанции в советском обществе 1920—1930-х гг. М., 2000.

¹⁵ **Виттенберг Э., Матте Э., Поле** Ф. Берлинские пролетарии рассказывают. М., 1933.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-52548. Глава семьи Бернгард Цинт арестован в марте 1938 г., погиб в лагерях.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 292. Д. 101. Л. 7—8.

¹⁸ «ДЦЦ» — «Дойче централь цайтунг» выходила в СССР с 1926 по 1939 г.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-59362. Дело М. Менгель.

²⁰ Письмо И. Менгеля к Н. Мусиенко от 03.04.1998 г. Архив Н. Мусиенко. В детском доме Иоханнес получил русское имя-отчество: Иван Иванович. В июле 1994 г. И. Менгель вернулся в ФРГ.

²¹ Следователи-фальсификаторы дела «Гитлерюгенд»: Р. М. Трайбман, Н. В. Митрофанов, В. Е. Богачев, Федоров, С. А. Скворцов, Н. В. Смирнов, К. А. Глаголева, начальник 7-го отделения 4-го отдела В. А. Смирнов, его заместитель Н. И. Шелягович, начальник 4-го отдела УГБ УНКВД МО М. И. Персиц.

²² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-72766 (К. Риньковский), Там же. Д. 24476 (Р. Лиссауэр).

²³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-44918 (Герман Гебель, расстрелян в Бутове); П-44848 (Генрих Гебель, расстрелян в Бутове); П-32121 (Эрнст Гехстер, 8 лет ИТЛ, умер 28.08.41 г.); 26404 (Леонид Гехстер, 10 лет ИТЛ, умер 16.12.38); П-41508 (Хорст Рейтер, расстрелян в Бутове); П-57753 (Вальтер Рейтер, расстрелян в Бутове); П-65921 (Фридолин Зейдевиц, 8 лет ИТЛ, выжил); П-65886 (Хорст Зейдевиц, 10 лет ИТЛ, выжил).

²⁴ Признание С. А. Скворцова хранится в деле П-44849 Б. Гута.

²⁵ Имеется в виду один из братьев Гут. Признание В. Смирнова в деле П-33339. Л. 76.

²⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-33339. Дело Альтермана.

²⁷ «Бутовский полигон». Т. 3. С. 345. Справка на А. О. Постеля. О фактах подписывания протоколов без их прочтения сообщили Р. Альтерман, Р. Гайслер, Х. Зейдевиц.

²⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-33339.

²⁹ В ноябре 1954 г. реабилитированы первые четыре человека по делу «Гитлерюгенд», в 1955 г. — четверо, в 1956 г. — один, в 1957 — 19 человек, в 1958 — 15 человек, в 1959 — 3 человека, в 1960 — 2 человека, в 1961 — 3 человека, в 1968 — 1 человек, в 1985 — 1 человек, в 1989 — 11 человек.

³⁰ Собственноручные показания Р. Трайбмана от 03.01.1957 г. хранятся в архивно-следственном деле П-41225.

Даниловские колокола

¹ Автору и другим бывшим маленьким «сидельцам» Даниловского детприемника-распределителя (сокращенно ДПР) фамилия «дяди Леши» запомнилась как «Червонцев»; в статье же **Ю. Лапина** («ЦВИНП — Центр временной изоляции несовершеннолетних правонару-

шителей при ГУВД города Москвы) фамилия «дяди Леши» пишется «Черновцев» // «Даниловский благовестник». 2000. Вып. 11. С. 25—26.

² Дзержинский Феликс Эдмундович (1877—1926). Известнейший государственный деятель. С дек. 1917 г. — Председатель ВЧК при СНК РФ. Оставался во главе органов безопасности до самой смерти. Контролировал Иностраный отдел, который стал одним из лучших в мире отделов внешней разведки. Много сил положил на борьбу с детской беспризорностью. С 1921 г. — председатель Комиссии по улучшению жизни детей. В 1921—1924 гг. одновременно с прежними должностями еще нарком путей сообщения, в 1924 г., не оставляя поста председателя ОГПУ, возглавил ВСНХ СССР. Дзержинский умер 26.07.1926 г. после заседания пленума ЦК и ЦКК ВКП(б).

³ Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933). Советский государственный и партийный деятель, писатель, критик, академик Академии наук СССР (с 1930 г.). В 1908—1910 гг. даже увлекался богоисканием, участник Октябрьской революции. С 1917 г. нарком просвещения, один из организаторов советской системы образования, имел многочисленные труды по вопросам культуры; с 1929 г. — председатель Ученого комитета при ЦИК СССР. В 1933 г. — полпред в Испании.

⁴ **Гладыш С.** Дети большой беды. М., 2004. С. 9—10.

³ Корнев Василий Степанович (1889—1939). Военный, государственный и партийный деятель. С 1920 г. член Коллегии ВЧК, зам. председателя Комитета обороны Москвы. В 1921 г. командующий войсками ВЧК, нач. милиции и одновременно зам. председателя Комиссии по улучшению жизни детей. С 1922 г. на ответственной хозяйственной работе. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

⁶ Белобородов Александр Георгиевич (1891—1938). Партийный и военный деятель. С 1917 г. — член, затем председатель Уральского областного комитета РСДРП(б). С 1923 г. — нарком внутренних дел РСФСР. В 1927 г. назначен председателем Комиссии по улучшению жизни детей. Но спустя два или три месяца сослан в Сибирь. Через три года восстановлен в правах, с того же года — на руководящей работе в Ростове-на-Дону. В 1938 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 10.02.1938 г.

⁷ **Стасий В.** Тень Рукавишника // «Комсомольская правда». № 196. 1927 г. 30 авг.

^x Семашко Николай Александрович (1874—1949). Советский государственный и партийный деятель, врач. С 1918 г. нарком здравоохранения. Академик Академии медицинских и педагогических наук РСФСР. Один из организаторов советского здравоохранения. С 1930 г. — на преподавательской и научной работе. Член Президиума ВЦИК.

⁹ «Детский дом» (журнал Главсоцвоса НКП). 1929. № 1—2. С. 11—12.

¹⁰ **Гладыш С.** Указ. соч. С. 284.

¹¹ Там же. С. 287.

¹² ГА РФ. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 1159. Л. 29 и об.

⁴³ ЦА ФСБ РФ. Приказ НКВД № 00486 от 15.08.1937 г. В этом же документе под пунктом № 33 значится: «Наблюдение за политическими настроениями детей осужденных, за их учебной и воспитательной жизнью возлагаю на наркомов внутренних дел республик, начальников управлений краев и областей»...

¹⁴ Приказ № 00309 НКВД Союза ССР «Об устранении ненормальностей в содержании детей репрессированных». (ГА РФ. Ф. 9401с. Оп. 1а. Д. 20.)

¹⁵ ГА РФ. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 325. Л. 17.

Священномученик митрополит Серафим (Чичагов)

- ¹ ГА РФ. Ф. 730. Ед. хр. 4850. Л. 14—15.
- ² ГА РФ. Ф. 730. Ед. хр. 4750. Л. 59—60 об.
- ³ РГИА. Ф. 796. Ед. хр. 746. Л. 2.
- ⁴ «Да будет воля Твоя». Житие и труды священномученика Серафима (Чичагова). М., 2003. С. 353—354.
- ⁵ Из письма В. Т. Георгиевскому от 29 марта 1906 г. См.: «Да будет воля Твоя». С. 763.
- ⁶ Подробнее об этом см. Источник живой воды / Сост. **Н. И. Большаков**. СПб., 1995. С. 773, 779, 789, 792, 794—796, 804—805.
- ⁷ ГА РФ. Ф. 730. Ед. хр. 4850. Л. 14—15.
- ⁸ Кишиневские епархиальные ведомости. 1910. 28 ноября. С. 1734—1736.
- ⁹ «Да будет воля Твоя». С. 21—22.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 796. Ед. хр. 154. Л. 1—152.
- ¹¹ Там же. Л. 67.
- ¹² РГИА. Ф. 796. Ед. хр. 154. Л. 20.
- ¹³ **Филимонов В. П.** Старец иеросхимонах Серафим Вырицкий и Русская Голгофа. СПб., 1999. С. 91.
- ¹⁴ Евангелие от Иоанна. Гл. 15, ст. 13.
- ¹⁵ **Иеромонах Дамаскин (Орловский)**. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 2. Тверь, 1996. С. 448—450.
- ¹⁶ Псалтирь. Псалом 36.

В книге использованы фотоматериалы из архивов: ГА РФ, УФСБ РФ г. Москвы и МО, УФСБ и УВД по Калужской, Тульской, Рязанской, Воронежской, Липецкой и др. областей, ОСФ ИЦ ГУВД МО, Музей милиции МВД РФ, РГАСПИ, РГАКФД архив НИПЦ «Мемориал», БД ПСТБИ, архив храма Свв. Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове, архив храма Свв. Новомучеников и Исповедников Российских на территории бывшего спецобъекта НКВД «Коммунарка».

Представлены фотографии из личных архивов: А. Кокурина, В. Левицкого, К. Любимовой, М. Миндина.

Свои фотоматериалы предоставили авторы статей: А. Ватлин, Л. Головова, О. Дель, Н. Мусиенко, О. Павлова, Т. Сергеева, Н. Федоров, В. Штраус, а также родственники пострадавших: В. Вологодцев (США), М. Горбатов, М. Гурьева, К. и Е. Данилевские, П. Захаров, А. Зилов, семья Комаровских-Бобринских, семья Краеновых, Н. Мартынова, С. Михальченко, А. Николаев, К. Рюшти (Франция), семья Савченко.

Специальная фотосъемка: В. Артамонов, С. Губачев, И. Клятов, А. Лохов, А. Назариков, Л. Новак, П. Озол и др.

1937

**ДАнные
О ЧИСЛЕ
РАССТРЕЛЯННЫХ
И ЗАХОРОНЕННЫХ
НА БУТОВСКОМ
ПОЛИГОНЕ
ПО ДНЯМ
В ПЕРИОД
С 8 АВГУСТА
1937 ГОДА
ПО 19 ОКТЯБРЯ
1938 ГОДА**

	авг.	сент.	окт.	нояб.	дек.
1	-	-	-	-	-
2	-	111	-	-	210
3	-	146	233	230	133
4	-	205	-	-	311
5	-	281	166	123	-
6	-	-	-	-	-
7	-	-	-	-	-
8	91	126	173	-	474
9	115	342	144	-	159
10	-	80	-	-	243
11	4	-	61	-	127
12	-	-	-	-	-
13	-	-	147	186	-
14	-	164	111	-	-
15	194	-	-	-	137
16	-	219	-	355	-
17	136	119	128	-	-
18	-	-	-	-	-
19	-	-	-	190	154
20	134	-	-	-	-
21	89	429	347	275	-
22	-	8	-	-	62
23	205	369	-	-	-
24	-	-	-	-	-
25	-	-	251	225	119
26	-	294	-	-	-
27	-	272	-	159	-
28	168	-	-	-	-
29	-	-	-	-	247
30	160	-	-	-	-
31	-	-	284	-	-

авг.	сент.	окт.	нояб.	дек.
1296	3165	2045	1743	2376

**Составлено
членами общественной
группы по увековечению
памяти жертв
политических репрессий
П. Ж. Озол
и К. Ф. Любимовой
по данным архива
УАО УКГБ
Москвы и МО
при МБ СССР**

255. Смирнова Василия
256. Врейтман Бориса
257. Петруши...
258. Епифанов...
259. Огородников Федора
260. Кульгавого Ивана
261. Пашкова Василия
262. Ненасева Петра
263. Андреева Михаила
264. Барулина Алексея
265. Белова Павла Алекс
266. Горошко Романа
267. Фомина...
268. Александрович...
269. Дзенгелевского Ива
270. Стыгина Федора
271. Шалаева Иона Илл
272. Ретко...
273. Пяйд Карла Яко
274. Смирнова Николая
275. Пшенцова Василия

обл., Торопецкого
ния.
хова, Моск. обл.
Кашинской
Ярослав
вицино, Бешенков
Высоковского р-на
Дегтянского р-на,
шевской обл., Че
обл., Веневско
обл., -В.-Коро
Жашковского р-на,
Старожитовско
местечко Узда
кой обл., Теофило
обл., Никифоровско
обл., Рязанско
обл., Граневско
обл., Струго-Красно
сел. Боянско
отрог, Чапаевского

1938 год

январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь
-	-	-	-	-	-	162	-	-	-
132	-	-	-	-	-	1	-	-	74
-	258	-	-	-	115	-	120	-	-
-	-	-	-	-	136	160	-	-	-
-	247	-	275	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	313	253	-	113	-	-	-	-
34	-	365	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	122	-	-
-	-	198	-	-	124	119	114	119	-
-	-	-	210	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	117	-	-
-	-	354	66	-	118	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	320	-	154	105	-	123	-	-
-	502	-	-	172	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
66	-	-	-	-	-	-	-	-	52
-	-	233	-	-	160	-	116	-	-
-	370	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	325	-	-	130	-	-	-	-
-	-	-	-	-	25	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	227	-	-	-	-	-	-	-
-	387	-	-	216	2	68	-	-	-
-	-	-	78	162	141	-	68	-	-
-	562	-	-	230	-	-	-	-	-
-	-	-	-	262	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
314	-	-	-	150	-	-	-	-	-

январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь
546	2326	2335	882	1346	1169	510	780	119	126

Акты о приведении приговоров в исполнение подписали:

август-сентябрь 1937 г. —

Лебедев С. И., Семенов М. И.,
Корявин А. Т.;

октябрь-ноябрь 1937 г. —

Семенов М. И.,
Ложкин С. В.,
Ильин И. Я.;

декабрь 1937 г. - май 1938 г. —

Семенов М. И.,
Берг И. Д.,
Ильин И. Я.;

июнь 1938 г. —

Семенов М. И.,
Овчинников П. И.,
Берг И. Д.,
Ильин И. Я.;

июль 1938 г. —

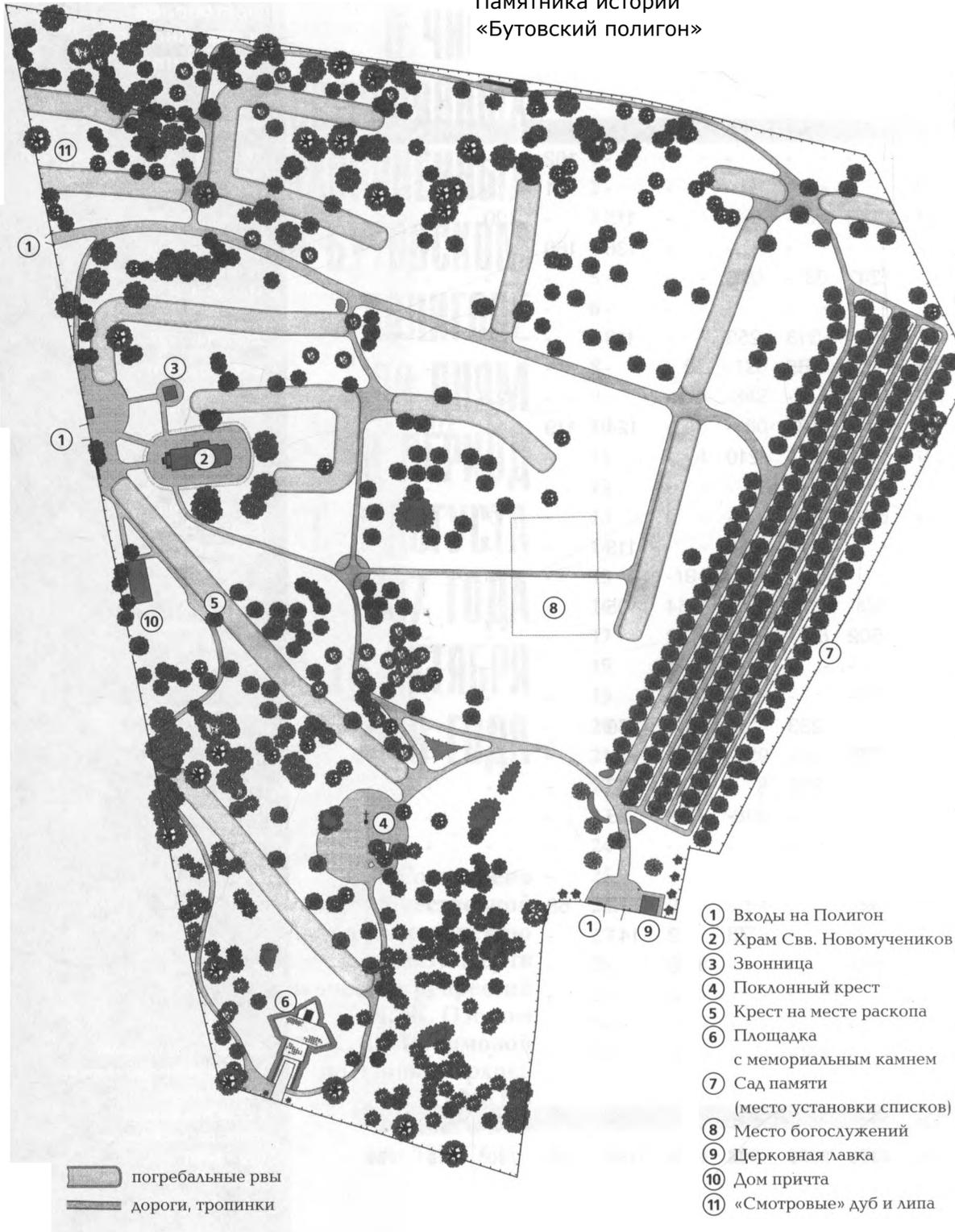
Овчинников П. И.,
Берг И. Д.,
Ильин И. Я.;

август-октябрь 1938 г. —

Овчинников П. И.,
Шигалев И. И.

Слева — предписание
о приведении приговоров
в исполнение
из так называемой
«расстрельной книги»
(фрагмент)

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН
 благоустройства и озеленения
 территории массовых захоронений
 Памятника истории
 «Бутовский полигон»

- ① Входы на Полигон
- ② Храм Св. Новомучеников
- ③ Звонница
- ④ Поклонный крест
- ⑤ Крест на месте раскопа
- ⑥ Площадка с мемориальным камнем
- ⑦ Сад памяти (место установки списков)
- ⑧ Место богослужений
- ⑨ Церковная лавка
- ⑩ Дом причта
- ⑪ «Смотровые» дуб и липа

погребальные рвы
 дороги, тропинки

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
-------------------	---

Часть I **В родном краю** (Сост. Л. Головкова)

Первые владельцы имени	9
Соловьевы	13
Зимины. Жизнь в имении. «ДО» и «ПОСЛЕ»	18
Бутовский полигон. 1934—1936	55
Первые расправы и массовые операции	59
Полигон смерти	70
Берг и Семенов	72
Расстрелы и «расстрельщики»	85
Кто лежит в погребальных рвах	96
Окончание массовых репрессий 1937—1938	гг. 141
Военные и послевоенные годы	144
Поиски и исследования	157
Новые владельцы	163
Археологические раскопки	166
Новая жизнь Бутова	170

Часть II **Документы, свидетельства, судьбы...**

А. Ватлин. Следственные дела 1937—1938	гг.	183
Н. Федоров. Страна «Дмитлаг»		219
В. Штраус. Латышский дневник		261
Н. Мусиенко, О. Дель. Между Гитлером и Сталиным		291
А. Муравник. Даниловские колокола		315
О. Павлова. Священномученик митрополит Серафим (Чичагов)	353	

Примечания и приложения	385
--------------------------------	-----

Книга Памяти «Бутовский полигон»
Выпуск 8

Ответственный редактор Л. Головкова
Редактор К. Любимова
Компьютерная верстка М. Дзидзигури
Корректор О. Крендясова
Набор текста Л. Ильина

ЛР № 066677 от 16.06.1999 г.
Подписано в печать 10.11.2004 г.
Формат 70x100 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 26
Тираж 3000. Заказ № 1503

ОАО Типография «Новости»
105005, Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46

